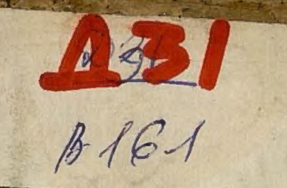

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ИДЕИ КРИЖАНИЧА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. ВАЛЬДЕНБЕРГА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.

Государственныя идеи Крижанича.

[illegible]

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ИДЕИ КРИЖАНИЧА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. ВАЛЬДЕНБЕРГА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.

Типографія А. Бенке, Новый переулокъ № 2.

Оглавленіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Руководящія идеи литературной дѣятельности.

Юрій Крижаничъ въѣхалъ въ предѣлы Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ началѣ 1659 года, а въ сентябрѣ этого года былъ уже въ Москвѣ. Тамъ онъ пробылъ около 16 мѣсяцевъ и въ январѣ 1661 года былъ отправленъ въ ссылку въ Тобольскъ, откуда возвратился уже послѣ смерти Алексѣя Михайловича, въ 1676 году. Затѣмъ, пробывъ въ Москвѣ нѣсколько болѣе $1^1/_2$ года, онъ выѣхалъ въ обратное путешествіе въ октябрѣ 1677 года, а въ январѣ 1678 года покинулъ Россію, чтобы никогда уже болѣе въ нее не возвращаться. За 19 лѣтъ своего пребыванія въ Россіи Крижаничъ написалъ девять отдѣльныхъ сочиненій [1]), не считая трудовъ компилятивнаго характера, каковы его работы по русской и всеобщей исторіи. Въ этихъ сочиненіяхъ онъ затрагиваетъ самые разнообразные вопросы, касающіеся всѣхъ почти областей знанія: богословія, философіи, исторіи, политики, языкознанія. Особенно интересными и важными для науки представляются его идеи политическія. Ихъ мы находимъ, преимущественно, въ слѣдующихъ его сочиненіяхъ: Описаніе пути отъ Львова до Москвы, Бесѣда къ Черкасамъ, Разговоры объ владательству, О промыслѣ Божіемъ, Толкованіе историческихъ пророчествъ. Нѣкоторый

[1]) Путно описаніе, Бесѣда ко Черкасамъ, Объясненіе изводно о письмѣ словенскомъ, Разговоры объ владательству, Граматично изказаніе объ русскомъ языку, De Providentia Dei, О святомъ крещеніи, Толкованіе историческихъ пророчествъ, Обличеніе соловецкой челобитной.

матеріалъ даютъ, въ этомъ отношеніи, и другія его работы, писанныя въ Россіи, а также его письма и посланія; коечто находимъ также въ сочиненіяхъ, написанныхъ до пріѣзда въ Россію, и въ его изслѣдованіи о Сибири, написанномъ уже по выѣздѣ изъ Россіи. Разсѣянныя въ этихъ сочиненіяхъ государственныя идеи имѣютъ, отчасти, общій характеръ и относятся къ вопросамъ о задачахъ государства, о формахъ правленія и т. п., отчасти же—имѣютъ ближайшее отношеніе къ Россіи, касаются ея государственнаго устройства, ея политическихъ задачъ. Его государственныя идеи интересны, прежде всего, сами по себѣ, съ чисто-теоретической точки зрѣнія, а затѣмъ,—какъ выраженіе мнѣнія о Россіи и о ея государственномъ бытѣ — мнѣнія, принадлежащаго образованному человѣку, имѣвшему громадный матеріалъ для сравненія и выводовъ и находившемуся въ особомъ положеніи иностранца, родственнаго Россіи по племени и языку. Нѣтъ сомнѣнія, что внимательное изученіе его государственныхъ идей должно обогатить и науку исторіи государственныхъ ученій, и, особенно, исторію русскихъ государственныхъ идей. Однако, при этомъ возникаетъ вопросъ: возможно ли изученіе государственныхъ идей Крижанича, имѣетъ ли это изученіе научный смыслъ? Вопросъ этотъ возникаетъ вотъ почему. Изученіе политическихъ сочиненій какого нибудь писателя имѣетъ смыслъ и научное значеніе, очевидно, только въ томъ случаѣ и только при томъ предположеніи, что сочиненія эти являются вѣрнымъ отраженіемъ его дѣйствительныхъ убѣжденій, что онъ высказалъ въ нихъ именно то, что думалъ. Поэтому, если бы о сочиненіяхъ какого нибудь политическаго писателя было извѣстно съ достовѣрностью, что они вовсе не отражаютъ его настоящихъ, подлинныхъ убѣжденій, что они написаны съ цѣлью скрыть эти убѣжденія или съ цѣлью ввести кого нибудь въ обманъ и этимъ достичь осуществленія какихъ нибудь практическихъ плановъ, то изученіе этихъ сочиненій, очевидно, не представляло бы никакого интереса для государственной науки. Оно могло бы быть интересно, пожалуй,

только для психолога. Такого рода подозрѣнія могутъ быть выставлены какъ разъ въ отношеніи дошедшихъ до насъ трудовъ Крижанича. Подозрѣнія же эти возможны потому, что не всѣ обстоятельства его жизни намъ извѣстны, много документовъ, повидимому, очень важныхъ еще не открыто или, можетъ быть, потеряно; вслѣдствіе этого представляется весьма затруднительнымъ сказать что нибудь опредѣленное, для всѣхъ одинаково убѣдительное о цѣли его пріѣзда въ Россію, а слѣдовательно, и о цѣли, съ какою написаны его сочиненія. Въ этомъ отношеніи возможны пока однѣ только догадки, только гипотезы, имѣющія за себя лишь нѣкоторую степень вѣроятности и убѣдительности. И смотря по тому, какую изъ возможныхъ гипотезъ принять, и сочиненія Крижанича получаютъ различную степень достовѣрности, какъ источникъ для изученія его государственныхъ идей. Если смотрѣть на Крижанича, какъ на поборника славянскаго единенія, пришедшаго въ Россію съ цѣлью содѣйствовать этому единенію, относившагося къ Россіи, не взирая на различіе въ исповѣданіи, вполнѣ доброжелательно и не питавшаго по отношенію къ ней никакихъ плановъ, враждебныхъ ей или несогласныхъ съ ея исторіей,—словомъ, если смотрѣть на Крижанича, какъ на человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающаго полнаго довѣрія, то съ полнымъ же довѣріемъ слѣдуетъ отнестись и къ его сочиненіямъ. Въ частности, относительно его политическихъ сочиненій можно будетъ признать, что онъ написалъ ихъ съ цѣлью показать, что̀ въ русскомъ государственномъ бытѣ есть цѣннаго, и что̀ требуетъ исправленій и преобразованій; какое мѣсто занимаетъ русское государство въ ряду другихъ европейскихъ государствъ, каковъ общій смыслъ русской исторіи, и какія изъ этой исторіи вытекаютъ для Россіи задачи въ будущемъ—особенно, въ отношеніи всего славянскаго народа. Но о цѣли пріѣзда Крижанича въ Россію можно держаться и другого мнѣнія. Можно предположить, что эта цѣль опредѣляется не столько его принадлежностью къ славянскому племени, сколько его глубокой приверженностью къ като-

личеству. Можно предположить, что Крижаничъ пришелъ въ Россію съ тайнымъ порученіемъ отъ папы или отъ конгрегаціи de propaganda fide—обратить русскихъ схизматиковъ въ католичество или въ унію. Съ точки зрѣнія этого предположенія вся дѣятельность его въ Россіи получаетъ совершенно иное освѣщеніе, и къ сочиненіямъ его приходится уже отнестись совершенно иначе. Если Крижаничъ, какъ вѣрный сынъ своей церкви, ни на минуту не оставлялъ поставленной себѣ цѣли—содѣйствовать обращенію русскихъ, если на Россію онъ смотрѣлъ исключительно враждебно, если онъ видѣлъ въ ней только матеріалъ, которымъ желалъ воспользоваться ad maiorem gloriam папскаго престола, то очевидно, что и сочиненія его слѣдуетъ разсматривать, какъ одно изъ средствъ для достиженія намѣченной цѣли, какъ одно изъ звеньевъ той громадной цѣпи, которою онъ хотѣлъ опутать и сковать Россію. И тогда эти сочиненія, въ глазахъ государственной науки, не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія, не имѣютъ ровно никакой цѣнности. Если Крижаничъ въ томъ или другомъ своемъ сочиненіи высказываетъ опредѣленныя мысли о русскомъ государственномъ строѣ, если кое-что въ этомъ строѣ онъ хвалитъ, а кое-что другое порицаетъ, то это вовсе не потому, что таковы его дѣйствительныя убѣжденія, что то или это ему, дѣйствительно, нравится или не нравится, а потому, что онъ считалъ нужнымъ высказать такія именно мысли, чтобы привлечь къ себѣ русскихъ людей и, особенно, московское правительство, чтобы завоевать его симпатіи, чтобы усыпить его бдительность, а затѣмъ, пользуясь этими симпатіями и довѣріемъ, въ удобный моментъ приступить къ своему дѣлу. Если итти по пути этого предположенія, то ничто не мѣшаетъ допустить въ Крижаничѣ такое лицемѣріе, такой обманъ, что его сочиненія придется понимать въ смыслѣ какъ разъ обратномъ тому, что мы въ нихъ находимъ. Онъ хвалитъ какое нибудь учрежденіе въ русскомъ государственномъ строѣ; но отсюда нельзя заключить, что это учрежденіе онъ, дѣйствительно, считалъ полезнымъ для

Россіи, а только то, что онъ хотѣлъ имъ воспользоваться въ своихъ цѣляхъ и своими похвалами стремился поддержать его въ глазахъ русскихъ, видѣвшихъ уже, можетъ быть, его недостатки. Наоборотъ, порицанія его слѣдуетъ понимать, какъ скрытую похвалу. Словомъ, если смотрѣть на Крижанича, какъ на врага Россіи, имѣвшаго противъ нея тайные замыслы, то придется признать, что въ его сочиненіяхъ нельзя найти твердой опоры для выводовъ, которые могли бы что нибудь дать государственной наукѣ. Итакъ, прежде, чѣмъ рѣшиться на изученіе государственныхъ идей Крижанича, необходимо разъяснить себѣ вопросъ о цѣли пріѣзда его въ Россію и объ его отношеніи къ ней. А для этого нужно познакомиться съ положеніемъ этого вопроса въ литературѣ, посвященной Крижаничу.

Первымъ, кто попытался освѣтить этотъ вопросъ въ его цѣломъ, былъ Безсоновъ. Въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Православномъ Обозрѣніи за 1870 годъ, онъ даетъ подробную біографію Крижанича въ связи съ его литературною дѣятельностью [1]). Здѣсь находимъ характеристику личности Крижанича и его отношеній къ Россіи, къ славянству и къ православію. Заглавіе статей уже вполнѣ опредѣляетъ взглядъ Безсонова на основной вопросъ. На Крижанича онъ смотритъ, какъ на ревнителя славянскаго единенія, какъ на друга Россіи, который въ свое пребываніе въ Москвѣ все болѣе и болѣе сживался съ нею, при чемъ и различіе въ вѣроисповѣданіи все больше теряло свое значеніе, и въ концѣ концовъ Крижаничъ сталъ не только другомъ Россіи, но и приверженцемъ православія. Уже въ „Обличеніи Соловецкой челобитной“ Крижаничъ, по мнѣнію Безсонова, показалъ себя ревнивымъ и искреннимъ защитникомъ единой, соборной церкви и православія [2]). „Всего важнѣе, говоритъ далѣе Безсоновъ, и мы могли это усмотрѣть изъ самыхъ краткихъ выписокъ, какъ тѣсно сбли-

[1]) Юрій Крижаничъ, ревнитель возсоединенія церквей и всего Славянства въ XVII вѣкѣ. Прав. Обозр. 1870, Январь—Декабрь.

[2]) Правосл. Обозр. 1870, Февраль стр. 369 и слѣд.

зился Юрій съ Церковью Православной, Единой и Всеобщей: онъ уже стоялъ въ вратахъ ея, съ раскрытой, искренней, пріемлющей душею. Послѣдняя внѣшняя преграда, по вопросу о крещеніи, устранилась громогласнымъ рѣшеніемъ Собора Московскаго; тихимъ, долго сдержаннымъ въ душѣ Тобольскаго изгнанника, но теперь дождавшимся общаго признанія—убѣжденіемъ правоты и истины. Какъ бы незамѣтно и даже нежданно приготовился ему входъ отверстый: и если онъ не вошелъ *видимо*, онъ духомъ былъ уже со всѣми нами, съ тою Вѣрою и съ тѣмъ Словомъ Кирилла, которыя нѣкогда были общими или готовились дать общеніе всему Славянскому міру.“ „Подозрѣніе въ томъ,—всенародное исповѣданіе не скрывало ли за собой потаеннаго узкаго и упорнаго взгляда,—недостойно ни насъ, ни всѣмъ оправданнаго, прямого до послѣдней крайности, искренняго и открытаго сердца Юріева: не такъ лукавятъ, не тѣмъ языкомъ говорятъ притворные ласкатели или люди, которые въ его обстоятельствахъ хотѣли бы только выиграть въ глазахъ Москвы“ [1]). Безсоновъ вѣритъ въ искренность Крижанича въ отношеніи къ Россіи и свою вѣру основываетъ на анализѣ его характера и, главнымъ образомъ, на анализѣ его сочиненій: Крижаничъ нигдѣ не льститъ русскимъ, но вездѣ прямо и рѣзко указываетъ ихъ недостатки—въ образѣ жизни, обычаяхъ, государственномъ строѣ. Еслибъ онъ хотѣлъ только прикинуться другомъ, онъ бы вѣрнѣе достигъ цѣли, скрывъ свое мнѣніе и указывая русскимъ однѣ только свѣтлыя стороны ихъ быта. И если онъ не соединился съ Православной церковью, то по причинамъ чисто внѣшнимъ. Пріѣздъ Крижанича въ Россію, по мнѣнію Безсонова, былъ слѣдствіемъ его размышленій о судьбѣ славянства и наблюденій надъ жизнью западныхъ славянъ. Крижаничъ видѣлъ раздѣленіе единаго хорватскаго (сербскаго) народа на православныхъ и католиковъ, и у него (какъ и у многихъ) рано возникла мысль о необходимости

[1]) Тамъ же стр. 375—376.

уніи и книжной выработки единаго славянскаго языка. Онъ сочувствовалъ восточной церкви, хотя въ грекахъ онъ видѣлъ глубокихъ враговъ славянской народности, способныхъ предать славянъ туркамъ изъ денежныхъ выгодъ. Унію же Крижаничъ понималъ не по-римски, не какъ подчиненіе православія католичеству, а какъ полное единство церквей, какъ согласіе христіанскихъ основъ [1]). „Церковь въ его сознаніи, говоритъ Безсоновъ, пребывала „единою" и единственною въ двухъ великихъ половинахъ ея исторической жизни: пусть—раздѣленныхъ историческимъ раздоромъ, но этотъ раздоръ вызывалъ собою возстановленіе существеннаго и глубочайшаго по началу, и верховнаго единства по цѣли своей. Сему-то единству, въ его основахъ и цѣляхъ, служилъ вѣрою, мыслію, словомъ и жизнью Крижаничъ" [2]). По его убѣжденію, раздѣленіе церквей объясняется не дѣйствительными отношеніями между восточнымъ и западнымъ христіанствомъ, а причинами чисто-внѣшними и есть слѣдствіе политическихъ интригъ и властолюбія тѣхъ, кто стоялъ во главѣ церкви. Поэтому Крижаничъ полагалъ, что славяне не должны участвовать въ спорѣ между двумя церквами, но должны явиться ихъ примирителями. Въ этомъ историческое назначеніе славянства [3]). Такимъ образомъ, Безсоновъ видѣлъ цѣль пріѣзда Крижанича въ Россію не въ одномъ славянскомъ единеніи и не въ одной работѣ на пользу уніи, а въ томъ и другомъ вмѣстѣ; обѣ эти цѣли не только не противорѣчатъ одна другой, но составляютъ другъ для друга логическое дополненіе. При этомъ Безсоновъ не отрицаетъ возможности того, что Крижаничъ работалъ на пользу уніи не за собственный только страхъ, но и по порученію куріи; однако онъ думаетъ, что искать покровительства у разныхъ кардиналовъ, въ Пропагандѣ и т. п. его заставляло не сочувствіе имъ, а одна только бѣдность. Но

---

[1]) Тамъ же, Апрѣль стр. 691, 706, 719.

[2]) Тамъ же стр. 685.

[3]) Тамъ же, Май стр. 859.

бѣдность не могла заставить его измѣнить своей главной идеѣ [1]).

Съ такимъ же довѣріемъ отнесся къ Крижаничу Соловьевъ. Уже въ XI томѣ своей „Исторіи“, описывая междуусобицы, наступившія въ Малороссіи послѣ смерти Богдана Хмѣльницкаго, онъ дѣлаетъ выписки изъ сочиненія Крижанича „Описаніе пути отъ Львова до Москвы.“ Не зная еще, кто былъ авторъ этого „Описанія“, Соловьевъ по одному характеру сочиненія и по взглядамъ, въ немъ выраженнымъ, не усумнился приписать его русскому человѣку, жителю Малороссіи [2]). Въ XIII же томѣ „Исторіи“ Соловьевъ въ общемъ обзорѣ хода русской словесности упоминаетъ и о Крижаничѣ, и здѣсь дѣлаетъ общую оцѣнку его идей и дѣятельности и высказываетъ о немъ мнѣніе, близко подходящее къ мнѣнію Безсонова. Крижаничъ, по мнѣнію Соловьева,—„горячій славянскій патріотъ, который съ молоду удрученъ скорбію о печальной участи славянскихъ народовъ и въ русскомъ царѣ видитъ единственнаго славянскаго государя, могущаго подать руку помощи всѣмъ остальнымъ соплеменнымъ народамъ.“ Въ объясненіи цѣли пріѣзда Крижанича въ Россію Соловьевъ вполнѣ слѣдуетъ самому Крижаничу. Онъ пришелъ, чтобы исполнить три работы: 1) поднять славянскій языкъ, написавъ для него грамматику и лексиконъ, 2) написать исторію славянъ, въ которой опровергнуть нѣмецкія клеветы, и 3) обнаружить хитрости и

[1]) Тамъ же стр. 862.—Къ Безсонову примыкаетъ и В. Водовозовъ: Патріархъ Никонъ и Крижаничъ. (Нар. Школа 1878, № 12, прилож.).

[2]) Ист. Россіи т. XI стр. 77—78: „Теперь взглянемъ, какъ смотрѣли на описанныя событія нѣкоторые грамотные люди въ Малороссіи. Въ Москву какъ то дошло любопытное сочиненіе, подъ заглавіемъ: Описаніе пути отъ Львова до Москвы“... и т. д. (XI томъ Исторіи Россіи былъ изданъ раньше, чѣмъ статьи Безсонова, но ихъ можно поставить на первое мѣсто, такъ какъ изложенные въ нихъ взгляды на Крижанича были высказаны Безсоновымъ гораздо раньше—уже при изданіи „Русскаго Государства въ половинѣ XVII вѣка“ и въ этихъ статьяхъ только развиты и приведены въ систему.)

обольщенія, которыми чужіе народы обманываютъ славянъ. Разсматривая главное сочиненіе Крижанича, его „Разговоры“, и упомянувъ о темныхъ сторонахъ русскаго быта, въ его изображеніи, Соловьевъ замѣчаетъ: „Такую-то печальную картину народнаго банкротства въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи начертываетъ намъ славянскій патріотъ, котораго нельзя заподозрить въ равнодушіи или злорадствѣ относительно язвъ древней Россіи, какъ можно заподозрить какого нибудь нѣмецкаго путешественника: читая описаніе этихъ язвъ у нашего серба, чувствуешь, какъ сердце автора обливалось кровью при исполненіи печальнаго долга обличенія. Онъ писалъ не для того только, чтобъ обличать: при обличеніи онъ предлагаетъ средство къ исправленію зла.“ Причиной ссылки Крижанича Соловьевъ считаетъ его католичество: „ученый Славянинъ предлагаетъ свои учительскія услуги, но не можетъ удовлетворить главному условію, при которомъ могъ быть допущенъ учитель,— быть православной, Греческой вѣры; Крижаничъ не могъ скрыть, что онъ латинецъ, и даже латинскій попъ. Ученый сербъ пришелъ не во-время: незваннаго учителя сослали въ Сибирь.“ Католичество Крижанича Соловьевъ считаетъ, поэтому, существеннымъ недостаткомъ его, который темнымъ пятномъ ложится на всю его дѣятельность и подрываетъ значеніе его трудовъ. „Крижаничъ въ своей католической ревности, говоритъ Соловьевъ, задѣлъ не однихъ грековъ, задѣлъ и русскихъ, вооружаясь противъ тѣхъ священныхъ для народа сочиненій, въ которыхъ были неблагосклонные отзывы о католицизмѣ, напримѣръ, противъ житія св. Сергія; или выставляя, что русскіе грѣшнѣе поляковъ, и потому терпятъ отъ нихъ пораженія. Наконецъ, Крижаничъ позволяетъ себѣ прямо вооружаться противъ православія, „разрушающаго въ церкви монархію, установленную Христомъ, какъ лучшее правленіе, и вводящаго въ церковь многихъ вселенскихъ первосвященниковъ.“ „Ученый сербъ пріѣхалъ въ Россію проповѣдникомъ просвѣщенія, которое должно было открыть умныя очи всѣмъ Славя-

намъ; но Россія, стремившаяся къ просвѣщенію, прежде всего хотѣла остаться православною. Ученый сербъ, хотѣвшій посредствомъ просвѣщенія открыть умныя очи своимъ соплеменникамъ, не могъ этого сдѣлать относительно самого себя, не могъ уразумѣть противорѣчія, какое носилъ въ собственномъ нравственномъ существѣ, будучи славянскимъ патріотомъ и католикомъ"[1]). Отсюда видимъ, что Соловьевъ сходился съ Безсоновымъ въ характеристикѣ Крижанича, какъ дѣятеля на пользу славянскаго единенія. Несомнѣнныя симпатіи Крижанича къ славянству и къ Россіи даютъ, по мнѣнію Соловьева, возможность относиться съ полнымъ довѣріемъ къ его сужденіямъ о Россіи, а слѣдовательно—и къ его государственнымъ идеямъ. Но въ противоположность Безсонову, Соловьевъ относится недовѣрчиво къ его католичеству и не только не видитъ, чтобъ онъ во время пребыванія въ Россіи сблизился съ православіемъ, но думаетъ, что приверженность къ католичеству заставила его высказать такія мысли, которыя противорѣчатъ всей его дѣятельности, какъ славянскаго патріота. При всей строгости этого приговора, онъ, пожалуй, еще больше, чѣмъ мнѣніе Безсонова, поднимаетъ значеніе литературныхъ трудовъ Крижанича, какъ источника для изученія его государственныхъ идей; ибо приговоръ этотъ заключаетъ въ себѣ признаніе, что Крижаничъ въ своихъ сочиненіяхъ проявилъ полную искренность—до такой степени, что не скрылъ и нисколько не смягчилъ своихъ симпатій къ католичеству, хотя, конечно, не могъ не понимать, насколько это вредило практическимъ результатамъ его проповѣди.

Въ 1876 году появилось первое систематическое изслѣдованіе о Крижаничѣ, обнимающее всѣ стороны его дѣятельности. Это работа А. Маркевича „Юрій Крижаничъ и его литературная дѣятельность". Въ I главѣ своего труда авторъ излагаетъ главнѣйшіе факты, относящіеся къ біо-

[1]) Исторія Россіи т. XIII стр. 194, 199, 203 и 205.

графіи Крижанича, и показываетъ, какъ подъ вліяніемъ научныхъ занятій и жизненнаго опыта измѣнялись и становились сложнѣе его взгляды и настроенія. Уѣзжая изъ родного Загреба для изученія богословія въ Вѣну и, затѣмъ, въ Болонью, молодой Крижаничъ оставлялъ родину „съ непримиримой ненавистью къ протестантству и, вообще, ко всему нѣмецкому, съ недовѣріемъ къ грекамъ и идеею церковной уніи въ Хорватіи". Два года спустя, Крижаничъ отправляется въ Римъ, гдѣ поступаетъ въ коллегію св. Анастасія, основанную спеціально для уніатовъ. Изъ этого факта, а также изъ писемъ его въ ту пору Маркевичъ заключаетъ, что церковная унія „была главною мыслью, которая его тогда занимала", что „Крижаничъ, отправляясь въ Римъ, имѣлъ одну цѣль—быть впослѣдствіи полезнымъ дѣятелемъ въ интересахъ загребской церкви, именно относительно православныхъ поселенцевъ въ Хорватіи, ихъ уніи съ римскою церковью". Но вмѣстѣ съ этимъ Крижаничъ интересовался и роднымъ языкомъ, испорченность котораго онъ замѣтилъ еще на родинѣ. „Теперь (подъ вліяніемъ изученія нѣмецкаго и итальянскаго языка) онъ вполнѣ убѣдился въ сильной его порчѣ, въ гибельномъ вліяніи на него сосѣднихъ языковъ, которые онъ хорошо изучилъ. Родной языкъ сталъ теперь казаться ему бѣднымъ, грубымъ, испорченнымъ, и въ немъ зародилась мысль о необходимости его исправленія, украшенія, обогащенія. Крижаничъ сталъ думать о грамматикѣ хорватскаго языка". Занятія его въ этомъ направленіи были сначала довольно случайными, но тѣмъ не менѣе идея народности очень скоро увлекла Крижанича, „и мало-по-малу онъ преобразился изъ католическаго священника и хорватскаго писателя - патріота въ ревнителя литературнаго, религіознаго и политическаго объединенія всѣхъ славянскихъ племенъ". Къ этому же времени относится первое знакомство Крижанича съ Россіей чрезъ посредство нѣкоторыхъ русскихъ, жившихъ тогда въ Римѣ. Знакомство это было причиной того, что „занятія роднымъ языкомъ онъ оставилъ въ сторонѣ, занявшись языкомъ

церковно-славянскимъ или русскимъ". „Крижаничъ утвердился въ мысли, что церковно-славянскій, или вѣрнѣе русскій книжный языкъ того времени, имѣетъ огромное первенство передъ хорватскимъ нарѣчіемъ, а впослѣдствіи онъ пришелъ къ тому заключенію, что этотъ языкъ, кое въ чемъ исправленный и дополненный, можетъ лечь въ основу общаго языка славянъ и объединить ихъ въ литературномъ отношеніи". Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, а также подъ впечатлѣніемъ наблюдаемаго имъ паденія народности у западныхъ славянъ взоръ Крижанича устремился на далекую Русь. „Здѣсь, говоритъ Маркевичъ, надѣялся Крижаничъ осуществить уже не идею церковной уніи, которая отошла у него теперь на второй планъ, а гораздо болѣе широкую идею славянскаго государства, съ единымъ славянскимъ языкомъ и общею политическою жизнью, при чемъ онъ желалъ если не полнаго единства, то хотя дружескихъ отношеній между западною и восточною церковью, вражда которыхъ по духу своему совершенно чужда народу славянскому". Такимъ образомъ, обѣ идеи—церковная и политическая сочетались въ душѣ Крижанича въ одно гармоническое цѣлое. Съ проповѣдью этихъ идей Крижаничъ и отправился въ Россію—„съ цѣлью пробудить въ русскихъ народное самосознаніе, сознаніе своей славянской народности, познакомить Россію съ единоплеменниками и указать ей ея великую задачу". Заканчивая свое изслѣдованіе, Маркевичъ замѣчаетъ, что въ своихъ главныхъ сочиненіяхъ Крижаничъ является „вполнѣ русскимъ человѣкомъ, равно русскимъ, какъ и общеславянскимъ патріотомъ—въ самомъ высокомъ, благородномъ смыслѣ этого слова". „Крижаничъ писалъ не только въ Россіи, но и для Россіи. Этотъ то характеръ и смыслъ литературной дѣятельности Юрія Крижанича и причисляетъ его къ важнымъ представителямъ русской литературы: сочиненія его принадлежатъ ей; происхожденіе, воспитаніе, вѣроисповѣданіе и языкъ Крижанича не могутъ служить здѣсь препятствіемъ. Конечно, имѣя въ виду его происхожденіе и первоначальную

дѣятельность, его можно назвать и хорвато-русскимъ писателемъ; по своимъ идеямъ—онъ общеславянскій патріотъ; но какъ писатель и какъ человѣкъ, такъ смѣло и честно служившій въ своихъ сочиненіяхъ дѣлу Россіи и русскаго народа, онъ принадлежитъ литературѣ русской и долженъ занять въ ней одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ"[1]). Изъ этого слѣдуетъ, что Маркевичъ въ своемъ взглядѣ на Крижанича примкнулъ къ воззрѣніямъ Безсонова и, отчасти, Соловьева—въ томъ смыслѣ, что онъ отнесся къ литературной дѣятельности Крижанича съ полнымъ довѣріемъ, а также въ томъ,—что видѣлъ въ его жизни и дѣятельности проявленіе двухъ идей: установленіе церковной уніи и славянское единеніе подъ главенствомъ Россіи. Но въ это пониманіе духовнаго облика Крижанича Маркевичъ внесъ и нѣкоторую новую точку зрѣнія. Онъ стремится показать, что эти двѣ идеи не одновременно заняли вниманіе Крижанича, но что вторая явилась въ его сознаніи значительно позже первой, какъ слѣдствіе, главнымъ образомъ, его научныхъ занятій. Возникнувъ позже, идея славянскаго единства проявлялась у него съ особой энергіей, и потому служеніе уніи должно было отступить передъ работой на пользу Россіи, къ которой привела его эта идея.

Изложенный взглядъ на Крижанича, установленный Безсоновымъ и Соловьевымъ и развитый Маркевичемъ, надолго упрочился въ ученой литературѣ, посвященной Крижаничу. Большинство лицъ, писавшихъ спеціально о Крижаничѣ или упоминавшихъ о немъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, написанныхъ по другому поводу, высказывается о немъ, какъ о человѣкѣ, преданномъ всецѣло славянской идеѣ и, косвенно, Россіи; его католичество, вообще, не возбуждаетъ никакихъ серьезныхъ подозрѣній. Въ такомъ духѣ отзывается о немъ Кояловичъ, который говоритъ, что „Крижаничъ былъ великимъ славянскимъ патріотомъ, искалъ

---

[1]) Маркевичъ, Юрій Крижаничъ и его литературная дѣятельность, стр. 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 13, 20, 224.

въ Россіи осуществленія своихъ славянскихъ идеаловъ и написалъ большой трактатъ, какимъ должно быть славянское, самобытное государство" [1]). Костомаровъ говоритъ, что „при всѣхъ своихъ ученыхъ работахъ Крижаничъ постоянно оставался славяниномъ, любилъ горячо свой народъ и самымъ вопросомъ объ уніи, занимавшимъ его спеціально, интересовался, главнымъ образомъ, по отношенію къ своему отечеству. Изучая долгое время исторію церкви и много думая надъ нею, онъ пришелъ, наконецъ, ко взглядамъ, которые по своей высотѣ расходились съ узкими воззрѣніями, какъ сторонниковъ римской пропаганды, такъ и ихъ противниковъ. Его любовь къ славянству не могла помириться съ тѣмъ печальнымъ положеніемъ славянскаго племени, какое оно занимало въ исторіи европейской образованности. Церковныя распри раздѣляли славянъ; откуда бы ни исходили причины разъединенія церквей, онѣ одинаково были гибельны для славянства, онѣ были чужды ему. Крижаничъ уразумѣлъ, что вѣковой споръ между восточной и западной церковью истекаетъ не изъ самой религіи, а изъ мірскихъ политическихъ причинъ, изъ соперничества двухъ древнихъ народовъ—грековъ и римлянъ за земную власть, за титулы". Эти взгляды, по мнѣнію Костомарова, привели Крижанича къ убѣжденію, „что весь славянскій міръ долженъ сдѣлаться единымъ обществомъ, единымъ народомъ. При такомъ взглядѣ онъ, естественно, сосредоточилъ вниманіе на Россіи, какъ на самой обширной странѣ, населенной славянскимъ племенемъ" [2]). Почти такое же мнѣніе находимъ и у Цвѣтаева: „Первоначально Крижаничъ не избѣгъ обычной судьбы католическихъ дѣятелей. Онъ занятъ былъ идеей католической пропаганды, для осуществленія которой въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича побывалъ въ Смоленскѣ и Москвѣ. Дѣйствительность и образованіе отре-

---

[1]) М. Кояловичъ, Исторія русскаго самосознанія, изд. 3-е, СПБ. 1901 г., стр. 63.

[2]) Н. Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, т. II, изд. 4-е, стр. 430—431.

звили его, и лѣтъ черезъ 10 онъ снова является въ Россіи уже совсѣмъ съ новыми намѣреніями. Ознакомившись ближе съ современнымъ и прошлымъ положеніемъ славянства, которое показалось ему крайне печальнымъ, онъ убѣдился въ необходимости разстаться съ миссіей среди славянъ въ пользу Рима и выдвинуть у нихъ вопросы національный, политическій и образовательный. Онъ понялъ, что славяне южные и западные, безсильные освободиться отъ иноземнаго ига собственными средствами, могутъ возстать при одномъ содѣйствіи Россіи, которая должна быть для нихъ освободительницею и, вмѣстѣ, просвѣтительницею, и славяне должны принять одинъ литературный языкъ—русскій. Для этого надобно, чтобы сама Россія, прежде всего, сдѣлалась просвѣщенною державой. Служить поднятію въ ней умственнаго уровня и славянскаго самосознанія Крижаничъ и явился сюда“ [1]).

Но въ литературѣ встрѣчается и противоположный взглядъ на дѣятельность Крижанича въ Россіи. Наиболѣе яркими представителями такого взгляда можно считать М. Бережкова и С. Бѣлокурова.

Бережковъ написалъ статью: „Планъ завоеванія Крыма, составленный въ царствованіе государя Алексѣя Михайловича ученымъ славяниномъ Юріемъ Крижаничемъ“ [2]). Здѣсь онъ говоритъ, что „когда истинное званіе Юрія Сербина открылось, его тотчасъ заподозрили въ намѣреніи проповѣдовать унію русской церкви съ римскою, въ чемъ, конечно, не ошиблись въ Москвѣ“. Высказавъ свое мнѣніе о цѣли пріѣзда Крижанича въ Россію въ столь категорической формѣ, авторъ, затѣмъ, нѣсколько смягчаетъ его—тѣмъ, что допускаетъ существованіе у Крижанича и другихъ цѣлей: „Славянскій патріотъ, ревнитель достоинства и чести славянскаго народа, страстно горячо ратовавшій за освобожденіе его отъ всякаго ига чужеродниковъ, при помощи царя

[1]) Д. Цвѣтаевъ, Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. М. 1890, стр. 767.

[2]) Ж. М. Нар. Просв. 1891 г. № 10, и отдѣльно.

московскаго, на котораго онъ возлагалъ всѣ надежды славянъ, о власти котораго говорилъ съ энтузіазмомъ и даже философскимъ глубокомысліемъ, какъ о лучшей по существу власти,—этотъ славянскій патріотъ былъ католикъ, въ школѣ подготовлявшійся и въ жизни работавшій для выполненія завѣтной римской мысли, то-есть, соединенія православной греко-русской церкви съ западною, подъ главенствомъ римскаго первосвященника“. Авторъ допускаетъ, что Крижаничъ работалъ на пользу уніи по убѣжденію въ правотѣ этого дѣла, и, вообще, считаетъ его человѣкомъ искреннимъ. Но ему представляется „на теперешній взглядъ непонятнымъ, какимъ образомъ онъ сочеталъ въ своихъ внутреннихъ помыслахъ и чувствахъ эти двѣ идеи, т. е. освобожденіе славянскихъ племенъ отъ чуждаго ига съ помощью царя московскаго, и въ то же время присоединеніе этого царя и его народа къ западной церкви, подъ послушаніе римскому первосвященнику“. Г. Бережковъ недоумѣваетъ, какъ могъ Крижаничъ не замѣтить глубокую преданность русскаго народа православію, его любовь къ славянскому богослуженію, ко всему церковному и житейскому обряду, сложившемуся подъ вліяніемъ православной церкви. Г. Бережковъ полагаетъ, что уже гораздо позже, въ ссылкѣ Крижаничъ понялъ, что русскій народъ никогда не откажется отъ православія и не пойдетъ на унію; и если онъ и въ сибирскихъ сочиненіяхъ своихъ высказывается въ духѣ уніи, то, по мнѣнію г. Бережкова, это объясняется тѣмъ, что „можетъ быть, онъ представлялъ тогда возможность церковнаго соединенія въ иномъ видѣ, на болѣе справедливыхъ началахъ, чѣмъ въ видѣ простого подчиненія православнаго Востока подъ главенство Рима“. Такимъ образомъ видимъ, что авторъ высказываетъ предположеніе въ духѣ Безсонова и тѣмъ нѣсколько смягчаетъ свое первоначальное мнѣніе о Крижаничѣ, какъ о дѣятелѣ на пользу уніи, но все-таки мнѣніе это сохраняетъ значительную долю своей категоричности. Мнѣніе же г. Бережкова интересно, въ особенности, по тому, какъ авторъ его доказываетъ. А

именно, авторъ дѣлаетъ попытку доказать, что приверженность Крижанича къ католической церкви отразилась на его взглядахъ, выраженныхъ въ сочиненіяхъ, которыя онъ писалъ уже въ Россіи. Изложивъ, въ общихъ чертахъ, планъ сочиненія Крижанича „Разговоры объ владательству", г. Бережковъ характеризуетъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „это замѣчательный трудъ, задуманный широко и далеко, при томъ и ученый трудъ. Само собою разумѣется, что весь онъ проникнутъ католическою мыслью: тенденція Политики Крижанича, идеалъ его государства есть теократія, на подобіе церковнаго папскаго государства; вся исторія всемірная и вся будущность міровая разсматриваются съ церковной католической точки зрѣнія". Характеристика эта чрезвычайно интересна; жаль только, что авторъ ни однимъ словомъ не указалъ, какія именно мѣста изъ сочиненій Крижанича дали ему основаніе для такого обобщенія. Это жаль, во-первыхъ, потому, что г. Бережковъ первый въ литературѣ высказалъ такое мнѣніе о Крижаничѣ, а во-вторыхъ еще и потому, что читатель, изучавшій труды Крижанича съ меньшей внимательностью, чѣмъ г. Бережковъ, не найдетъ въ нихъ ничего, что дало бы ему основаніе для такого рода заключенія. Трудно догадаться, какія именно слова Крижанича г. Бережковъ понимаетъ, какъ проповѣдь теократическаго устройства или хотя бы теократическаго пониманія государства. Не можетъ быть, чтобы авторъ разумѣлъ при этомъ ученіе о богоустановленности царской власти или мысль о томъ, что царь есть намѣстникъ Божій на землѣ. Эту мысль высказывалъ еще Иванъ Грозный; въ ней нѣтъ ничего спеціально-католическаго. Авторъ, правда, оговаривается, что онъ знаетъ „Разговоры" Крижанича только „по печатному не полному изданію", но оговорка эта мало помогаетъ: и въ неизданной части рукописи трудно прослѣдить католическую тенденцію [1]).

[1]) М. Н. Бережковъ. Планъ завоеванія Крыма, составленный въ царствованіе государя Алексѣя Михайловича ученымъ славяниномъ Юріемъ Крижаничемъ. СПБ. 1891, стр. 55, 56, 57, 59, 64, 65.

С. Бѣлокуровъ издалъ въ 1901 году свой замѣчательный трудъ „Юрій Крижаничъ въ Россіи“, представляющій подробную біографію Крижанича. Авторъ пользуется при этомъ документами, которые ему удалось найти, а также тѣми свѣдѣніями, которыя можно почерпнуть изъ сочиненій самого Крижанича и документовъ, открытыхъ другими учеными. Изслѣдованіе г. Бѣлокурова отличается, помимо подробности, еще и документальностью: авторъ не строитъ предположеній подобно многимъ изъ своихъ предшественниковъ, но старается всякое свое мнѣніе основать на матеріалахъ, не возбуждающихъ никакого сомнѣнія. Въ приложеніяхъ къ своему труду г. Бѣлокуровъ печатаетъ, а въ текстѣ подробно излагаетъ записку, которую Крижаничъ въ 1641 году подалъ въ конгрегацію пропаганды, и въ которой онъ начертываетъ планъ своей поѣздки въ Москву. „Проникнуть въ Москву онъ могъ бы чрезъ Константинополь съ посломъ вел. князя или купцами; но онъ желаетъ, чтобы онъ былъ призванъ вел. княземъ, а вызовъ этотъ онъ думалъ бы устроить, пославъ князю свой историческій литературный трудъ, обѣщавъ доставить ему и другія свои работы, если онъ дозволитъ ему одному явиться и лично выразить ему свое глубокое почтеніе составленіемъ въ честь его предисловія къ книгамъ. Въ предисловіи онъ думалъ бы написать, что во всѣхъ славянскихъ народностяхъ онъ „не могъ въ настоящее время найти никого, равнаго ему по величію..., что онъ рѣшился не служить никому иному, кромѣ достойнѣйшаго изъ нашихъ народныхъ князей и охотно отдалъ бы себя на служеніе ему, если бы только былъ способенъ къ чему либо, дарованіемъ ли или трудами“, именно или по части знанія языковъ—въ качествѣ переводчика или посланника, наставника его сыновей или наставника въ какомъ нибудь свободномъ искусствѣ“. „Современемъ въ Москвѣ онъ разсчитывалъ нѣкоторыя изъ своихъ работъ выпустить въ свѣтъ съ дозволенія князя и по просмотрѣ его епископами, ничуть не касаясь споровъ о вѣрѣ, а занимаясь только другими полезными и пріятными матеріями“; политическихъ разсужденій онъ не думалъ опубли-

ковывать, а только предполагалъ ими пользоваться самъ для совѣтовъ князю, „дабы такимъ образомъ поддерживать и сохранять его милость ко мнѣ". „Чтобы еще болѣе укрѣпить свое положеніе, Крижаничъ разсчитывалъ писать особыя похвалы современному и древнимъ царямъ московскимъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, а если можно будетъ, то „представить и на сценѣ нѣкоторые подвиги ихъ святыхъ и князей"; кромѣ того съ тою же цѣлью—думалъ давать совѣты по увеличенію доходовъ государственныхъ". „Послѣ того, какъ Крижаничъ заручится нѣкоторымъ вниманіемъ со стороны князя, можно будетъ испросить разрѣшенія дѣлать собранія и въ опредѣленное время читать розаріи и произносить нѣкоторыя увѣщанія къ добродѣтели; а для подготовки народа слѣдуетъ издать необходимыя книги". „При переводѣ и печатаніи книгъ слѣдуетъ тотчасъ по изданіи одного сочиненія о свѣтскихъ матеріяхъ издавать другое о духовныхъ и такъ продолжать все время попеременно". Если бы это понравилось князю, „надо убѣдить его послать меня въ Венецію для составленія и перевода другихъ книгъ. А пользуясь этимъ случаемъ, Святѣйшій Престолъ могъ бы послать письма и увѣщанія къ соединенію". Но все это только приготовленія для намѣченной цѣли. „Объ этой цѣли всей предшествующей дѣятельности Крижаничъ такъ пишетъ: „наконецъ, послѣ столькихъ обходовъ и намековъ, которые могутъ растянуться на четыре или пять или даже болѣе лѣтъ, какъ будетъ угодно Господу, надо будетъ своевременно, съ Божіей помощью, раскрыть князю настоящее, истинное намѣреніе. Начавши съ благодарности за оказанную благосклонность и съ прославленія его доблестей и воодушевивши его жаждою славы и еще большихъ подвиговъ, надо будетъ затѣмъ увѣщавать его начать войну противъ общихъ враговъ христіанъ, турокъ... И если онъ воспламенится мечтами о такой славѣ, слѣдуетъ затѣмъ намекнуть, что для этого будетъ недостаточно его подданныхъ безъ помощи западныхъ государей, такъ какъ москвитяне не знаютъ военнаго дѣла въ томъ совершенствѣ, въ

какомъ оно въ ходу у католиковъ. И потому, если онъ пожелаетъ, то пусть пошлетъ меня къ этимъ католическимъ государямъ, ибо отъ нихъ онъ навѣрное получитъ и мастеровъ дѣла, и помощь, и совѣты. Но для этого предварительно потребуется религіозная унія съ ними, и потому надо просить его разрѣшить пренія и разслѣдованіе истины для заключенія уніи, необходимой даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ и одолѣлъ турокъ, ибо ему никогда не достигнуть мира съ католическими государями, если онъ будетъ разной съ ними религіи". Изложивъ этотъ планъ, г. Бѣлокуровъ говоритъ: „Такія мечты носились въ 1641 году въ головѣ 24-лѣтняго Крижанича. Записка эта представляетъ большую важность для біографіи его, объясняя его всѣ послѣдующіе шаги и дѣятельность, предначертанные этой запиской и клонившіеся, слѣдовательно, къ опредѣленной цѣли—соединенію Восточной и Западной церквей. Не объ объединеніи славянъ онъ заботится, не интересы славянства у него въ душѣ, а мысль о соединеніи церквей: предъ нами одинъ изъ дѣятелей въ пользу римской церкви..." Далѣе, авторъ описываетъ первое путешествіе Крижанича въ Москву въ 1647 году и приводитъ представленное имъ въ томъ же году въ конгрегацію черезъ архіепископа смоленскаго описаніе этого путешествія, подъ названіемъ „Narratio de hodierno statu schismatis in Moskovia". Изъ этого описанія видимъ, что кратковременное пребываніе въ Москвѣ не измѣнило первоначальныхъ намѣреній Крижанича, и въ свой планъ онъ вноситъ только новыя подробности: „нужно изучить всѣхъ греческихъ отцовъ и извлечь изъ ихъ твореній всѣ изреченія, которыя можно цитировать „или противъ схизмы или въ ея пользу", и обсудить ихъ. Ибо пока все такимъ образомъ не будетъ исчерпано, никогда схизматики спокойно не согласятся съ истиной". Крижаничъ остается вѣренъ своимъ планамъ и въ письмѣ 1650 г. къ секретарю конгрегаціи. „У меня нѣтъ большаго предмета желанія, пишетъ онъ въ концѣ, какъ постоянно служить св. конгрегаціи на пользу народовъ моего племени, почти повсюду зараженнаго

греческой схизмой". По пріѣздѣ въ Москву въ 1659 году Крижаничъ подалъ на имя царя особое письмо. Изъ этого письма, „каково подалъ в Посолскомъ приказе выходецъ сербенин Юрьи Бишъ", узнаемъ, что онъ предлагалъ себя Московскому правительству въ качествѣ переводчика и политическаго писателя: онъ предлагаетъ перевести сочиненія Марникса, Ботеруса, Хокера и др., написать исторію Московскаго государства и разсужденія о царскомъ титулѣ и московскомъ государственномъ строѣ. Это даетъ г. Бѣлокурову основаніе заключить, что „Крижаничъ выбираетъ себѣ такія работы, которыя выдвинули бы его, помогли ему завоевать положеніе у царя Алексѣя Михайловича, войти въ его довѣріе. И въ запискѣ 1641 г. онъ писалъ, что по пріѣздѣ въ Москву—первой заботой должно быть—заручиться царскимъ довѣріемъ и только послѣ этого можно было приступить къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ..." По невполнѣ яснымъ для насъ причинамъ сосланный въ Сибирь Крижаничъ пробылъ тамъ около пятнадцати лѣтъ. „15-лѣтнее пребываніе въ Сибири, говоритъ г. Бѣлокуровъ, отрезвило Крижанича: онъ пересталъ мечтать о конечной цѣли своей поѣздки—о пропагандѣ въ пользу соединенія церквей: пришелъ ли онъ къ убѣжденію въ несбыточности сего или сознавалъ себя устарѣвшимъ для дѣятельности въ этомъ духѣ—неизвѣстно; но онъ теперь только объ одномъ думаетъ и одного проситъ — отпустить его за границу Московскаго государства". По выѣздѣ изъ Россіи, Крижаничъ послалъ въ конгрегацію пропаганды особое донесеніе о томъ, что онъ „дѣлалъ и наблюдалъ среди Московскаго народа". Крижаничъ доноситъ, что въ настоящее время „открывается удобнѣйшій случай вести съ наибольшимъ успѣхомъ переговоры съ указаннымъ народомъ и удачно распространять въ немъ католическую вѣру. Основанія тому, что я сказалъ, и способы дѣйствія не могутъ быть раскрыты вкратцѣ. Достаточно бы теперь сказать: что я узналъ многихъ лицъ разнаго положенія—тайныхъ католиковъ; нѣкоторые изъ нихъ съ большой настоятельностью просили меня, чтобы я издалъ въ свѣтъ какой

нибудь трудъ на ихъ языкѣ, которымъ они могли бы успокоить свою совѣсть и (если Богу угодно) открыто исповѣдать свою вѣру". Свое жизнеописаніе Крижанича г. Бѣлокуровъ заключаетъ слѣдующими словами: „Такъ закончилъ свою „суетную и плачевную" жизнь Юрій Крижаничъ. Воспитанникъ конгрегаціи пропаганды вѣры, онъ все время мечталъ только объ одномъ—объ обращеніи „схизматиковъ", распространеніи католичества и уніи Восточной и Западной церквей. Съ 22-лѣтняго возраста онъ начинаетъ толковать объ этомъ; годы не останавливаютъ его: и въ зрѣлый періодъ жизни его любимыя занятія—по обличенію схизмы; онъ всѣмъ жертвуетъ для своей мечты: кидаетъ родину, мать, общественное положеніе и идетъ въ далекую Московію съ единственною цѣлью привлечь въ католичество русскихъ или по крайней мѣрѣ подготовить почву къ этому. Пребываніе въ Сибири не заставило его перемѣнить свои убѣжденія. И выѣхавъ изъ Россіи, онъ продолжаетъ все твердить старое... Предъ нами убѣжденный дѣятель въ пользу католичества, остававшійся вѣрнымъ ему до своей смерти. Не политика наполняетъ его сердце, не славянствомъ полна его душа... Всѣ его политико-экономическія, историческія и др. сочиненія имѣли одну цѣль—пріобрѣсти большее довѣріе, чтобы затѣмъ въ опредѣленное время начать дѣйствовать ad majorem Dei gloriam..." [1]).

Таковъ послѣдній выводъ, къ которому пришла наука въ лицѣ г. Бѣлокурова. Съ точки зрѣнія этого вывода главною чертою Крижанича въ отношеніяхъ его къ Россіи должно быть признано лицемѣріе, а о политическихъ сочиненіяхъ его нужно сказать, что они написаны не съ цѣлью высказать тѣ или иныя научныя положенія, а только съ цѣлью пріобрѣсти довѣріе царя. Наука и политика, съ этой точки зрѣнія, являлись для Крижанича только средствомъ

[1]) С. А. Бѣлокуровъ. Юрій Крижаничъ въ Россіи. М. 1901, стр. 58, 59, 60, 68/16, 68/17, 92—94, 160, 203, 204, 207, 208. Такое же мнѣніе о Крижаничѣ высказываетъ и М. Соколовъ. См. Собраніе сочиненій Юрія Крижанича, вып. II. М. 1891 г., предисловіе стр. XIII.

для цѣлей пропаганды, а потому и сочиненія его никакой цѣнности для исторіи науки имѣть не могутъ. Но спрашивается: въ какой мѣрѣ указанный выводъ можно считать окончательнымъ?

Прежде всего, слѣдуетъ имѣть въ виду, что не можетъ быть высказано окончательнаго сужденія о писателѣ, біографія котораго извѣстна намъ съ большими пробѣлами, и сочиненія котораго дошли до насъ не въ полномъ составѣ. Сужденія о такомъ писателѣ всегда будутъ лишь приблизительно вѣрными, при чемъ и степень ихъ приближенія къ истинѣ не можетъ быть опредѣлена съ достаточной точностью. О Крижаничѣ же мы знаемъ съ достовѣрностью, что сочиненія его, которыя до насъ дошли, не суть всѣ его сочиненія; знаемъ также, что имѣются документы, пока еще неизвѣстные намъ, въ которыхъ есть упоминаніе о различныхъ обстоятельствахъ его жизни. Сочиненія, писанныя Крижаничемъ въ Россіи, дошли до насъ въ большомъ количествѣ; но и изъ нихъ одно утеряно: это его сочиненіе о китайскомъ торгѣ. Изъ сочиненій, писанныхъ внѣ Россіи, намъ неизвѣстны его полемическіе труды. Что касается документовъ, то намъ неизвѣстны, а можетъ быть—и навсегда сокрыты для насъ хранящіеся въ архивѣ конгрегаціи пропаганды донесенія Крижанича и очень цѣнные документы Доминиканскаго ордена [1]). Не владѣя этими матеріалами, мы ничего не можемъ сказать опредѣленнаго о ихъ содержаніи, не можемъ учесть того вліянія, какое они оказали бы на наши соображенія о цѣли дѣятельности Крижанича. И даже такой фактъ, какъ отказъ архива Доминиканскаго ордена сообщить документы, относящіеся къ Крижаничу, можетъ быть истолкованъ и въ ту, и въ другую сторону: можетъ быть, этотъ отказъ объясняется тѣмъ, что въ какомъ нибудь документѣ проглядываетъ измѣна Крижанича дѣлу миссіи... А пока неизвѣстны всѣ матеріалы, и неустранены всѣ подобнаго рода сомнѣнія, и вопросъ о цѣли литератур-

---

[1]) Бѣлокуровъ, назв. соч. стр. 131, 195—196, 197, 201.

ной дѣятельности Крижанича не можетъ быть рѣшенъ окончательно. До тѣхъ же поръ всегда будетъ возбуждать сомнѣніе тотъ неопровержимый фактъ, что въ своихъ сочиненіяхъ, писанныхъ въ Россіи, Крижаничъ является передъ нами столь же горячимъ славянскимъ патріотомъ, сколь ревностнымъ католикомъ и сторонникомъ католической проповѣди въ православной Московіи онъ является въ трудахъ и письмахъ, составленныхъ за предѣлами Россіи. Конечно, опровергать искренность его отношеній къ папскому престолу и къ конгрегаціи пропаганды тѣмъ, что въ сочиненіяхъ, писанныхъ въ Россіи, онъ является передъ нами въ значительной мѣрѣ другимъ человѣкомъ и высказываетъ мысли, несовсѣмъ подходящія для миссіонера,—было бы грубой логической ошибкой. Ибо вопросъ поставленъ именно объ искренности этихъ сочиненій, а пока искренность эта не доказана, на сочиненія этого періода нельзя опираться. Но и на-оборотъ: искренность этихъ сочиненій нельзя отрицать только потому, что въ другихъ сочиненіяхъ Крижаничъ показываетъ себя ревностнымъ миссіонеромъ, ибо искренность и этихъ сочиненій также еще не доказана. Нельзя заподозривать искренность его отношеній къ Россіи и преданность славянской идеѣ только на томъ основаніи, что въ запискѣ 1641 г. онъ высказываетъ мысли и намѣренія, повидимому, несогласныя съ этой идеей. Въ самомъ дѣлѣ, почему не вѣрить сочиненіямъ Крижанича, написаннымъ въ Россіи, и безусловно довѣрять сочиненіямъ, написаннымъ внѣ ея? Если принять, что обѣ эти группы сочиненій одна другой противорѣчатъ, что одно и тоже лицо не могло съ одинаковой искренностью писать тѣ и другія сочиненія, то почему нужно непремѣнно довѣрять его запискѣ 1641 г., его дѣловому письму къ Инголи и проч. и не довѣрять Разговорамъ объ владательству, Бесѣдѣ къ Черкасамъ, Описанію пути отъ Львова до Москвы и другимъ? Вѣдь съ такимъ же логическимъ основаніемъ можно вѣрить вторымъ и отрицать искренность первыхъ. Если можно допустить, что Крижаничъ лицемѣрилъ въ Россіи и обманывалъ Московское

правительство, то почему не допустить, что онъ лицемѣрилъ въ Римѣ и обманывалъ папскую курію? На то и на другое мы имѣемъ одинаковое логическое основаніе, которое къ тому же опирается на данныя біографіи Крижанича. Предположеніе Безсонова, что искать покровительства у куріи его заставляла бѣдность, что изъ-за бѣдности онъ сталъ и миссіонеромъ, не можетъ быть опровергнуто—по крайней мѣрѣ, при тѣхъ данныхъ, которыми пока располагаетъ наука.

Но нужно обратить вниманіе на то, что въ содержаніи сочиненій той и другой группы (писанныхъ въ Россіи и внѣ ея) нѣтъ вовсе крупныхъ различій и непримиримыхъ противорѣчій, а потому нѣтъ и логической необходимости непремѣнно отрицать за одною изъ нихъ искренность. Тамъ и здѣсь Крижаничъ высказываетъ мысли по существу одинаковыя. Нельзя думать, что въ сочиненіяхъ, писанныхъ внѣ Россіи и предназначенныхъ для папскаго престола, Крижаничъ говоритъ только о соединеніи церквей, а въ сочиненіяхъ, писанныхъ въ Россіи, говоритъ только о славянствѣ; напротивъ, въ сочиненіяхъ первой группы, въ его запискѣ и въ письмахъ виденъ его славянскій патріотизмъ, видно желаніе работать и на пользу славянства, а въ трудахъ второй группы—въ Разговорахъ, въ Толкованіи ист. пророчествъ, въ сочиненіи о Промыслѣ онъ совершенно открыто убѣждаетъ въ необходимости уничтожить раздѣленіе церквей. Далѣе, еще большее сходство заключается въ томъ, что въ тѣхъ и въ другихъ сочиненіяхъ одинаково Крижаничъ тѣсно связываетъ работу на пользу уніи съ работой на пользу славянства. Въ письмѣ отъ 3 апрѣля 1641 года къ епископу Винковичу Крижаничъ говоритъ о печальномъ положеніи родного языка у западныхъ славянъ, о томъ, что многіе стыдятся говорить на немъ и даже хвалятся, что забыли его; при этомъ онъ высказываетъ желаніе поработать для возстановленія чистоты славянскихъ нарѣчій [1]). Въ запискѣ отъ 18 февраля 1652 года

[1]) Arkiv za povjestnicu jugosl. Kn. X, 1869, стр. 193: Videt enim Vra Revma. Dtio. sermonem nostrum ita jacere planeque depressum

Крижаничъ возстаетъ противъ допущенія въ конгрегацію Св. Іеронима не-славянъ, при чемъ настаиваетъ на удаленіи изъ нея не только албанцевъ, но и тѣхъ славянъ, которые забыли свою народность и онѣмечились [1]). Въ письмѣ отъ 8 марта 1650 года къ секретарю конгрегаціи Массари Крижаничъ пишетъ: „Что касается меня, то у меня нѣтъ большаго предмета желанія, какъ постоянно служить св. конгрегаціи на пользу народовъ моего племени, почти повсюду зараженнаго греческой схизмой“ [2]). Въ другихъ письмахъ, равно какъ и въ его запискѣ вездѣ говорится о

esse, ut nullus hactenus sablimior conceptus aut scriptus in eo extet aut proferri ab ullo valeat. Quin immo passim pudet homines hoc idiomate sermocinari: plurimosque est audire, qui mendaciter glorientur, dudum iam se linguae Slovinae esse oblitos. Cuius indignae rei causam maximaque damna, quae ex ea consequuntur, saepius mihi consideranti occurebat herculeis opus esse laboribus ad tanta ignorantiae monstra debellanda; continuoque intelligebam non esse mearum virium hanc rerum molem aggredi. — Nihilo tamen secius assumsi animum neque credidi interdictum mihi esse tentare pro toto meo modulo quousque progredi liceret; et quidem divis faventibus ita mediocriter mihi successit negotium, ut quidnam de tota re grammatica atque arithmetica (ut pote duobus scientiarum principiis) sit censendum, illyrico communi sermone omnia sim prosecutus, ne syllaba quidem interposita latina alteriusve alicuius linguae.

[1]) Starine, кн. XVIII, 1886, стр. 111: Quia natio illyrica numerosissima a Turcis oppressa est, neque proprium principem habet, per quem tale ipsi collegium sacerdotale erigi potuisset, id circo placuit S. Sedi Apostolicae pro ipsa erigere praememoratum Capitulum... Nunc si ad hoc beneficium alienigenae admittantur, quomodo praedicta devotio crescet?.. Hac lege primo irrefragibiliter excluduntur Albanenses et quicunque alii, qui nec gente, nec lingua, nec origine sunt Illyrici. Excluduntur 2-o illi, qui olim quidem erant Illyrici, sed casu temporum linguam illyricam amiserant et in aliam nationem ac privilegia translati sunt. Hiciusmodi sunt Carniolani... Lingua ibi germanica... sola usurpatur, adeo, ut neque epistolam slavonice scriptam ibi videre liceat.

[2]) Quod porro ad me attinet, ego nihil ita in votis habeo, quam Sacrae Congregationi perpetuo inservire ad utilitatem populorum gentis meae, Graeco schismate universim fere infectae. См. Бѣлокуровъ, назв. соч. Прилож. стр. 256. Ср. письмо отъ 7 Мая 1650 г. къ префекту Пропаганды (Starine, кн. XVIII, стр. 224).

проповѣди въ Московіи или о возможности быть полезнымъ своему племени, но нигдѣ не выражаетъ Крижаничъ желанія отправиться въ миссію къ какому нибудь другому народу. При этомъ онъ очень тѣсно связываетъ свой интересъ къ проповѣди съ интересомъ къ славянству вообще и со своими занятіями славяновѣдѣніемъ. Напримѣръ, въ письмѣ къ Леваковичу онъ говоритъ: „Вамъ извѣстно, высокодостопочтенный отецъ, какое я всегда имѣлъ желаніе трудиться по обработкѣ нашего языка. Но когда я прочелъ записки о Московскихъ дѣлахъ Ант. Поссевина, я узналъ оттуда, что громадное множество нашихъ племенъ отравлено схизмой, и обратилъ намѣреніе къ работѣ не только надъ языкомъ, но къ еще болѣе плодотворной—надъ разрушеніемъ схизмы“ [1]). Въ „Разговорахъ объ владательству“ Крижаничъ высказываетъ мысль, что раздѣленіе церквей имѣло своей главной причиной политическое соперничество римлянъ и грековъ, а такъ какъ славяне стоятъ внѣ этого спора, то и раздѣленіе не должно ихъ касаться [2]). А въ „Толкованіи истор. пророчествъ“ онъ говоритъ, что и Малороссія, и Польша, и Литва давно бы уже соединились съ Россіей подъ скипет-

[1]) Notum est V. A. R. Paternitati quale semper ego habuerim desiderium ad laborandum in excolenda nostra lingua. Cum autem legissem Ant. Possevini commentarios de rebus Moscoviticis, simul inde cognovi ingentem nostrarum gentium multitudinem schismate esse invenenatam: simul intentionem converti ad laborandum non solum circa linguam, sed simul etiam fructiosius in destructionem schismatis (письмо къ Леваковичу, 1646 г.). ... quae conor, illa in utilitatem schismaticorum patriae meae, qui Valachi dicuntur, conor. Ad illos enim primo accepi missionem, quam ostende habeo et illi insisto, neque aliis me immisceo (тамъ же). См. Бѣлокуровъ, назв. соч. Прилож. стр. 144, 161, 175, 184.

[2]) Разговоры объ владательству, I стр. 219: Раздоръ есть учиненъ изъ ревнованія двѣхъ народовъ: для ради верховныя области мірскія и церковныя: для Римского Царства и для Папинства. Най ся борятъ оны, коимъ суть тыя области отъ Бога даны: Римляны мовлю и Греки. А намъ Словенцемъ они несуть отъ Бога даны, нить зможны, нить надобны. Ср. дальше стр. 220, а также стр. 181, 200 и друг. (Здѣсь и въ дальнѣйшемъ по изд. Безсонова: Русское Государство въ половинѣ XVII вѣка.)

ромъ Московскаго царя, если бы этому не препятствовало церковное раздѣленіе; поэтому онъ горячо убѣждаетъ духовныя и мірскія власти содѣйствовать прекращенію церковнаго спора между этими народами славянскаго племени [1]). Наконецъ, сходство между сочиненіями той и другой группы выражается еще въ томъ, что Крижаничъ вездѣ показываетъ себя умѣреннымъ католикомъ, а порою (преимущественно, въ сочиненіяхъ, писанныхъ въ Россіи) высказываетъ мысли даже вредныя для цѣлей пропаганды. Эта умѣренность и это безпристрастіе проявляются, напримѣръ, въ слѣдующемъ:

1) Крижаничъ относится къ православію въ высшей степени доброжелательно — по крайней мѣрѣ, насколько это позволяетъ ему разность вѣры. Такъ, въ запискѣ 1641 года онъ объявляетъ, что не считаетъ москвитянъ ни за еретиковъ, ни за схизматиковъ, а просто за христіанъ, которые введены въ заблужденіе, и что, поэтому, итти для собесѣдованій съ ними не значитъ вовсе итти для проповѣди, а значитъ лишь увѣщавать ихъ къ добродѣтели и къ занятію науками, по введеніи которыхъ нетрудно будетъ указать имъ ихъ заблужденіе и обманъ [2]). Въ другомъ мѣстѣ той же за-

---

[1]) Толк. ист. прор. стр. 194 — 196: Шеста потребного призора причина јест: Обзоръ на мирские политичние причины и на народно добростоянје. Сеј бо раздор и нине јест Дорошенковим метежем и Турским најездом, и сему рати влеченю и продолженю личина: и первлье бываше многим злобам причина. Из древных бо времен јест притча у Поляковъ: Aut Moschovia Polonizat, aut Polonia Moschovizat тојест, Или Москве быти за Польскою, или Польскоj за Московскою державою. И написано јест об том въ инојезичних историях; и Государови советники добро вѣдут: како во время царя Ѳедора Ивановичя, и потомъ на зјездех и посолствех многы бесиды јесут об том бывалы: дабы от Москвы просити владателя на Польску и на Литовску державу. И преизвистно была бы юже Литва и Польска за великими Государми Рускими, аще не бы церковны раздор пачил (Собр. соч. вып. II, стр. 54).

[2]) Et io tengo li Moschi non per eretici o per scismatici (poichè il loro scisma non procede dalla superbia, vera radice dello scisma, ma dalla ignoranza), ma li tengo per christiani semplicemente ingannati. E cosi

писки онъ даже вступаетъ въ споръ съ Поссевиномъ, который считалъ баснями разсказы о мощахъ русскихъ святыхъ Бориса и Глѣба, Петра, Алексія и Сергія Радонежскаго. „Я бы сказалъ, говоритъ по этому поводу Крижаничъ, что онъ ошибся, сказавъ, что это басни, такъ какъ факты не могутъ лгать. Да и русскіе уніаты совершаютъ службы этимъ святымъ и посвятили имъ не малое число церквей. Поэтому не слѣдуетъ въ этомъ вопросѣ быть щепетильнымъ подобно отцу Поссевину“ [1]. Въ „Разговорахъ“ Крижаничъ много разъ хвалитъ русскихъ за то, что они сохранили чистоту вѣры, и считаетъ православіе одною изъ прочныхъ опоръ русскаго государственнаго порядка [2].

2) Крижаничъ относится критически и даже отрицательно къ іезуитамъ, хотя не можетъ не знать, что они много содѣйствовали распространенію католичества и даже работали въ Россіи. Было уже указано, что въ его запискѣ встрѣчается полемика съ іезуитомъ Поссевиномъ, а въ „Разговорахъ“ онъ высказывается весьма враждебно о дѣятельности іезуитовъ вообще. А именно, разсуждая о постановкѣ школьнаго дѣла въ Россіи, онъ затрагиваетъ вопросъ, можно ли допускать іезуитовъ къ обученію юношества. По его мнѣнію, іезуиты ведутъ обученіе невполнѣ добросовѣстно:

---

penso che l'andare a conversare con loro non sia andare a predicare la fede (il qual negozio io non avrai mai pensato di presumere), ma solamente di esortarli alle virtù, alle scienze et arti liberali; le quali introdotte, sarebbe poi più facil cosa il mostrar loro la falsità e l'inganno... (Бѣлокуровъ, назв. соч. Прил. стр. 97).

[1] Ma io direi, che egli s'ingannò nel dire queste sieno favole, essendo che le opere non possono mentire. Et ancora li Uniti Ruteni fanno uffici a questi santi, e gli hanno dedicato non poche chiese. Laonde non occorre scrupolizzare in questo col Padre Possevino (тамъ же, стр. 99).

[2] Напр. I, стр. 233, 246, 332; II, 156 и друг. — Въ разсужденіи о св. крещеніи и въ Толкованіи ист. пророчествъ Крижаничъ доказываетъ, что западная и восточная церкви отличаются одна отъ другой меньше, чѣмъ расколъ отъ православія; но, можетъ быть, онъ дѣлаетъ это съ тою цѣлью, чтобы показать легкость соединенія. См. собр. соч. II, стр. 120 и III, стр. 37.

растягиваютъ срокъ ученія, учатъ пустякамъ и даже внушаютъ учащимся вредныя идеи и привычки. Поэтому, въ Россію ихъ допускать не слѣдуетъ, если только они не дадутъ обѣщанія учить въ духѣ благочестія и не примутъ нашихъ обрядовъ. Но, прибавляетъ Крижаничъ, они на это никогда не согласятся [1]).

3) Крижаничъ отрицаетъ власть папы надъ государями. Напримѣръ: „Пишутъ и народны годописцы, яко бы былъ царь Феодоръ посылалъ къ папѣ и къ Нѣмецкому царю просить именованія. То аще есть было въ истинѣ, преголѣмо нечестіе есть тогда учинено нашему вѣнцу и всему народу. Мы такъ велимъ, еже никто нѣмаетъ области наряжать кралестовъ или поставлять кралевъ неже единый Богъ. Не царь Римскій, не папа. И кто коли себѣ такову область

---

[3]) Si querat aliquis de Jesuitis, an sint admittendi: ratio respondere videt, quod possent admitti, si vellent... in sola pietate populum erudire et si vellent ad ritum nostrum transire. Verum illi neutrum horum duorum facerent. Sciendum ergo, quod Jesuitae pro suo primo et ultimo fine habent homines docere et movere ad pietatem, et ut... iuventutem divertant... vitiis, pro medio assumpserunt docere scientias. Promittunt igitur docere scientias, sed non agunt sincere. Quod possent parvo tempore docere, ipsi in longum tempus protrahunt et multis ambagibusque inutilium verborum suos discipulis detinent. Praeterea promittunt omnia ista et in... edocent, nisi grammaticam, retoricam et inanem poeticam. Apparet ergo, quod Jesuitae ibi possunt esse utiles, ubi iam antea omnia plena sunt licentia et dissolutione et inani garrulitate. Jesuitae enim in illis clamoribus et garritionibus conantur iuvenibus inspergere aliqua semina pietatis. Apud nos vero, ubi res integrae et quietae sunt, et mentes hominum non sunt infascinatae istis vanitatibus, nullo modo debent admitti Jesuitarum doctrinae. Quippe et in Italia post Jesuitas surrexerant quidam religiosi, quae appellantur scholae piae; isti docebant omnes mendicorum filios legere, bene scribere et arithmeticam. Papa autem Urbanus iudicavit superfluam et inanem imo nocinam esse ipsorum curam... Eodem modo Jesuitarum modus apud nos non est utilis (Ркп. М. Синод. Тип. Библіотеки № 4307, стр. 484.) (Въ дальнѣйшемъ при ссылкахъ на „Разговоры" безъ указанія тома будетъ разумѣться рукопись, а при ссылкахъ съ указаніемъ тома — изданіе Безсонова).

привлащаетъ, онъ лжетъ и мамитъ и лестится Богомъ себе сотворить“ [1]).

4) Осуждая греческое духовенство за различнаго рода злоупотребленія въ Россіи, Крижаничъ съ полнымъ безпри-

[1]) I, стр. 353, 361. Въ неизданной части „Разговоровъ“ мысль эта излагается такъ: Anno 1593 etiam papa Clemens VIII multum solicitatus fuit per legatos pro Theodoro Ivanovitio, ut eum regio titulo decoraret. Sed papa constanter negavit... factum: nisi Dux ille unionem cum ecclesia Romana faceret. Sic loquit et memoriae prodit Prasseius. Hoc si factum fuit, est pessime factum: quia papa nullum habet ius seculare supra regna mundi, ut posset dare cuiquam aut tollere titulum regium (стр. 491). Въ то же время Крижаничъ открыто высказывался за первенство римскаго первосвященника. Напр. De providentia Dei, рукоп. М. Синод. Тип. Библ. № 4041, стр. 154—155: Rex (ut sciat quomodo se in suo regimine erga ecclesiam gerere debeat) in primis scire debet, quale regimen sit a Christo primitus institutum in ecclesia. Scilicet, an Monarchicum, an Aristocraticum, an Democraticum, an alind qualequnque. Et quomodo ab initio usque hactenus ecclesia sit gubernata. Est autem regimen hoc monarchicum, et rex potest et debet publica confessione gloriam dare Christo, ut rofiteatur, se credere, hoc regimen esse monarchicum... Caveat rex, ne fiat schismaticus. Hoc est, ne conetur destruere monarchicum regimen ecclesiae (quod Christus instituit) et substituere aristocraticum regimen, aut anarchiam, quemadmodum fecit Henricus ille Anglorum rex schismaticus, qui arripuit sibi potestatem ecclesiasticam sive spiritualem in suo regno et cepit praedicare: Rex inquit, Angliae est papa in Anglia, et quilibet rex est papa in suo regno. Et sic conatus est regnum Christi in multa frusta discerpere et per anarchiam destruere... Bene sciebat Henricus iniquitatem sui facinoris, sed victus ab ira sciens et volens male agebat. Nimirum sciebat, quod in tota Christi ecclesia omnes patriarchae et episcopi agnoscant et profiteantur, in sancta ecclesia esse monarchicum spirituale regimen ideoque esse in aliquo ex trium primarum sedium pontificibus et non in ullo rege saeculari. Nam Romani quidem pontifices semper hanc monarchicam spiritualem potestatem in semetipsis esse professi sunt eamque exercerent et ea usi sunt in reliquos patriarchas et in concilia, quamquam in suis titulis humiliter sese inscribere solcant sic: Gregorius episcopus, servus servorum Dei... Quamquam ergo isti tres primi ecclesiae principes isto modo inter se non consentiant, sed unusquisque eorum universalem in ecclesia potestatem sibimet ipsi vendicet; in hoc tamen consentiunt et ipsi et ceteri omnes Christianorum episcopi, quod in ecclesia vere sit ista universalis potestas sive monarchicum regimen.

страстіемъ признаетъ, что римскіе духовные чины, особенно—высшіе виновны въ тѣхъ же злоупотребленіяхъ [1]).

Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ, повидимому, основаніе заключить, что вопросъ о цѣли пріѣзда Крижанича въ Москву и о цѣли его литературной дѣятельности не можетъ быть безповоротно рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что онъ думалъ и хлопоталъ объ одной только уніи, а его политическія разсужденія, въ частности—его рѣчи о необходимости славянскаго самосознанія и единенія имѣли для него значеніе только средства для той же цѣли. Едва ли не правильнѣе будетъ признать, что душевная жизнь Крижанича была гораздо сложнѣе, и что главное направленіе ей давали двѣ идеи—унія и славянское единство,—которыя тѣсно, органически одна съ другой переплетались, хотя въ различные моменты его жизни то одна, то другая могла получать перевѣсъ. Нетрудно понять возможность тѣснаго сплетенія этихъ двухъ идей, которыя на взглядъ посторонняго человѣка, чуждаго интересамъ славянства, и могутъ казаться враждебными другъ другу. Крижаничъ стремился къ славянскому единству и понималъ его широко, какъ единство языка, единство экономическое, культурное и политическое. Но онъ долженъ былъ видѣть, что на пути къ этому единству стоитъ вѣроисповѣдная рознь между восточнымъ и западнымъ славянствомъ. Значитъ, онъ долженъ былъ стремиться къ уничтоженію этой розни, а какъ ревностный католикъ, онъ не могъ признать, что истина въ православіи, и потому хотѣлъ привлечь православную Россію на сторону католи-

---

[1]) I, 207: Ино тако тѣми дѣлаютъ на Руси Возточны пастыри. А Западны или Римски пастыри у Ляховъ: за пѣнязи стискаютъ и разширяютъ область нашимъ епископомъ и за пѣнязи ихъ потвержаютъ. А древѣ за пѣнязи разсылаху по землямъ юбилее, илити милостивые годы: али не безъ исповѣди; но кто хотяше добыть прощенія, изповѣдаше свои грѣхи, и даваше нѣкую милостину, кая ся отсылаше въ Римъ. Для ради того ся воздвигну Люторская и Калвинская ересь, и за то нынѣ не проповѣдаютъ таковыхъ милостынь.

чества [1]). Изъ того же самаго стремленія къ единству церковному, безъ котораго онъ не понималъ культурнаго единства, онъ всталъ и на защиту чужой ему Православной Церкви противъ раскола—въ своемъ „Обличеніи Соловецкой челобитной“. Онъ боялся, что расколъ положитъ новую рознь среди славянства и еще болѣе отдалитъ славянское единеніе. Несомнѣнно, что національное движеніе очень тѣсно связано съ религіознымъ вопросомъ и очень часто совершается подъ его знаменемъ. Такъ было и во время Крижанича. Московское правительство, выставляя кандидатуру царя Алексѣя Михайловича на польскій престолъ, и Поляки, говоря о кандидатурѣ его сына, не скрывали отъ себя религіозной стороны вопроса: въ переговорахъ по этому поводу онъ занимаетъ видное мѣсто. И самъ Крижаничъ, убѣждая Малороссовъ подчиниться Московскому царю, выставлялъ не одно только племенное родство ихъ съ Москвою, но и общность вѣроисповѣданія [2]). При всемъ томъ, слѣдуетъ согласиться съ Соловьевымъ, что Крижаничъ носилъ въ себѣ противорѣчіе: нельзя быть славянскимъ патріотомъ и католикомъ. Но отрѣшиться отъ этого противорѣчія Крижаничъ не могъ. Онъ много разъ повторялъ, что охотно приметъ св. причастіе изъ рукъ православнаго священника, но соединиться съ православною церковью онъ не имѣлъ силы: условіе второго крещенія, котораго Крижаничъ не допускалъ, стояло тутъ непреодолимымъ препятствіемъ [3]). И мы ничего не

---

[1]) Знаменательно, что въ „Толк. ист. прор.“ діалогъ о соединеніи церквей ведутъ русскій (Богданъ) и славянинъ (Милошъ). Собр. соч. II, стр. 50 и слѣд.

[2]) Woina wicznaia budet meži narodom naszim Ruskim. Bo odno to (iako se teper reklo) szto budemo mi sami Kozaki musiti woiewati na naszu bratiu na Kozake; a to dlia togo, szto bi panowe Turki da Liachi w' pokoiu sidili, da pirowali. A drugo to, szto nam treba budet wo wiki na Moskwu, na Carstwo nasze Ruskoe prawoslawnoe, s' nami odnorodnoe i odnowirnoe, woiewati, da krow newinnuiu rozliwati (Besida ko Czirkasom, Собр. соч. I, стр. 12—13).

[3]) Обличеніе Солов. челобитной, л. 33: Я нисем тако тверд Латинникъ, да небых рад и готов был причаститисе от светие Мо-

можемъ сказать о томъ, какъ прошла бы его жизнь, еслибъ ему было извѣстно постановленіе Московскаго собора 1666 г., уничтожившаго перекрещиваніе латинянъ. Можетъ быть, онъ принялъ бы тогда православіе и отказался бы отъ своихъ плановъ объ уніи. Но нельзя требовать отъ него больше того, на что можетъ пойти католикъ, убѣжденный въ правотѣ своей вѣры. Достаточно, если онъ понималъ унію шире, чѣмъ оффиціальная римская церковь. А понималъ онъ ее „не какъ подчиненіе православія католичеству, а какъ полное единство церквей“ (Безсоновъ), основанное на взаимной провѣркѣ и установленное на соборѣ, при чемъ онъ, по крайней мѣрѣ, принципіально допускалъ возможность догматическихъ заблужденій и на сторонѣ католичества. Однимъ словомъ, можно предполагать, что Крижаничъ стремился къ честной уніи [1]). И если мы припомнимъ, что во время переговоровъ о польскомъ престолѣ само Московское правительство

сковские церкви јереjев, токмо да бы ме они хотѣли прияти, без крещеня... я приjемлю и целую всакие Руские церковние и Светих отец кньигы, которие се читают въ церквах. И все јеже јест въ ньих веровати повельено, то и я верую. И всакие јереси, которие въ тих кньигах обритаютсе осудьены и проклеты, и я осудяю и проклинаю. А именно проклинаю же и Римские или латинские сущие јереси. (Собр. соч. вып. III, стр. 104). Ср. О святомъ крещеніи, л. 10 (Собр. соч. вып. III, стр. 9).

[1]) Вотъ, напр., какъ высказывается объ этомъ Крижаничъ въ „Разговорахъ“: Si autem episcopi inter se incipiant dissidere, tunc rex debet... ut componantur lites episcoparum sive patriarcharum. Et praesertim, ut componatur perniciosissima lis ecclesiarum, orientalis et occidentalis. Ad hoc faciendum optimum sit nunc occasionem... propter modernas dissensiones populi Russiaci cum patriarcha. Optimum enim esset, ut rex pius coram se insitueret privatas seu secretas scriptiones et disputationes aliquorum doctorum hominum utriusque partis, usque eo donec clare habent res explicatas. Postea debet instituere concilium nationale et ad ipsum invitare legatos patriarcharum orientalium et legatum papae. Potest dicere imperator: ego nolo per me patriarcham deponere, neque volo iudicare lites episcoporum, sicut eas noluit iudicare Constantinus. Volo ergo invitare patriarchas. Et

допускало (насколько искренно — другой вопросъ) возможность собора о соединеніи церквей [1]), то мы должны будемъ признать, что такое пониманіе уніи со стороны Крижанича — католика, Крижанича — католическаго патера составляетъ его громадную заслугу, показывая его искренность и прямоту. Вслѣдствіе этого дѣятельность Крижанича, какъ славянскаго патріота должна стоять внѣ серьезныхъ сомнѣній [2]). Крижаничъ былъ глубоко преданъ славянскому дѣлу. Онъ мечталъ не объ одномъ только политическомъ единствѣ славянскихъ народовъ и не объ единствѣ языка только, но о полномъ, совершенномъ ихъ единствѣ, значитъ — и о единствѣ вѣры. Его мечты объ уніи нельзя, поэтому, разсматривать, какъ нѣчто противоположное или враждебное его планамъ относительно славянства: напротивъ, эти мечты составляютъ необходимую, неотдѣлимую часть его плановъ, для осуществленія которыхъ онъ, между прочимъ, написалъ и свои политическія сочиненія. Усумниться въ искренности этихъ сочиненій, усумниться въ искренности его славянскихъ

---

quia simul hic agitur causa Romanae ecclesiae, volo invitare et episcopum legatum, ut audiamus omnes rationes illius antiquae ecclesiae (рукоп. стр. 513). — Здѣсь проектируется разсмотрѣніе вопроса о разности вѣръ на соборѣ (земскомъ или церковномъ?) безъ всякаго давленія со стороны правительства.

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи т. XI, стр. 47.

[2]) Интересно было бы еще разсмотрѣть, насколько Крижаничъ остался вѣренъ плану дѣйствій, намѣченному въ запискѣ 1641 года. Отъ нѣкоторыхъ пунктовъ онъ, несомнѣнно, отступилъ. Напр. въ запискѣ онъ предполагаетъ рекомендовать царю иноземный военный строй (Бѣлокуровъ, назв. соч. Прил. стр. 106), — въ „Разговорахъ" онъ хвалитъ русское войско и нападаетъ на европейскую военную науку (цитаты см. ниже); въ запискѣ находитъ нужнымъ воздерживаться отъ политическихъ разсужденій (тамъ же, стр. 103), однако пишетъ „Разговоры", обращается въ нихъ прямо къ царю, а по возвращеніи изъ Сибири въ 1676 году даже предлагаетъ себя Ѳедору Алексѣевичу, какъ политическаго писателя и переводчика (тамъ же, стр. 172). Гдѣ причина этихъ отступленій?

идей — значило бы отвергнуть искренность и его стремлений къ уніи. Ибо внѣ связи съ этими сочиненіями и этими идеями унія не имѣетъ для Крижанича никакого смысла. Но тогда имя Крижанича пришлось бы совсѣмъ вычеркнуть изъ исторіи литературы [1]).

---

[1]) Нужно еще всегда имѣть въ виду, что во взглядахъ Крижанича на Россію и въ его отношеніи къ ней могла произойти сильная перемѣна. Объ этомъ онъ самъ говоритъ, напр., въ „Разговорахъ" II, стр. 187: Аще язъ (нарожанинъ и ревнитель народныя славы будучь) нѣмецкими книгами есемъ былъ тако обмамленъ, да семъ мерзко блудилъ и далеко инако судилъ объ семъ владательству, неже есть въ истинѣ; ино за правду инородники много несподобнѣе судятъ объ семъ же царству и обо всемъ народу. — Но несмотря на эту перемѣну Крижаничъ пишетъ въ Россіи два сочиненія по грамматикѣ, которыя никакого отношенія къ уніи не имѣютъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Философія.

Политическое ученіе Крижанича до такой степени связано съ его философскими взглядами—и въ существѣ, и въ изложеніи—, что пониманіе различныхъ сторонъ этого ученія невозможно безъ знакомства съ его міросозерцаніемъ и, въ частности, съ его взглядами на философію. А знакомство съ этими взглядами значительно облегчается тѣмъ, что Крижаничъ не только разсуждаетъ на различныя философскія темы, но и опредѣляетъ свое отношеніе къ философіи и ея задачамъ.

Въ оставленной имъ классификаціи наукъ Крижаничъ раздѣляетъ знаніе вообще на книжное и ручное или, иначе говоря, на теоретическое и практическое. Теоретическое знаніе, въ свою очередь, онъ раздѣляетъ на духовное и свѣтское. Духовное знаніе или, иначе, богословіе есть размышленіе „о Божіихъ, небесныхъ и духовныхъ предметахъ“, а мірское книжное знаніе раздѣляется на философію и математику, къ которой онъ относитъ ариѳметику, музыку, геометрію и астрономію. Философія же (которую Крижаничъ переводитъ: охота къ мудрости) имѣетъ предметомъ своихъ размышленій рѣчь, тѣла и нравы человѣческіе и, соотвѣтственно этому, раздѣляется на логику, физику, и этику. Логика (иначе: „рѣчное размышляніе“) содержитъ въ себѣ три части: діалектику, реторику и грамматику. Діалектика (разговорная умѣтель) учитъ „право объ рѣчехъ разговорять, и судить, и причи доводить для узнанія исти-

ны". Реторика (бесѣдная умѣтель) учитъ „обильные бесѣды творить ильти на широко и пригодно къ увѣренію говорить.". Грамматика учитъ говорить, читать и писать. Физика размышляетъ о происхожденіи, силѣ и составѣ тѣлъ и тѣлесныхъ вещей. Наконецъ, этика (наравное размышляніе) заключаетъ въ себѣ три отдѣла: 1) идіоэтика (осебуйная этика) учитъ, „како чловѣкъ имаетъ править самъ свое наравъ и владать самъ собою и своими похотьми"; 2) икономія (домашніе господарство) учитъ, „како чловѣкъ имаетъ строить свой храмъ и владать своею челядью"; 3) политика (владательная умѣтель) учитъ владѣть государствомъ и издавать добрые законы [1])

---

[1]) Разговоры объ владательству, стр. 475—476: Znanie po prostu iest dwoiakowo: rucznoie i knyižnoe. Rucznoie znanie esut wsakye rucznye umiteli ilti promisli. Znanie knyižnoe iest dwoiakowo: duhownoe i mirskoe. Duhownoe znanie ili... uczenie slowet teologija (bogoslowie) i sye iest razmiszlyanie ob Božyih, nebesnih i duhownich wečeh. Mirskoe knyižnoe znanie (ilti mudrost) iest filosofija i matematika. Filosofija (se iest ohota k mudrosti) dumaet ob reczeh, ob tileseh i ob naraweh czloweczyih i deržit w sebi logiku, fisiku i etiku. Logika (recznoe razmiszlianie) deržit pod... tri razdeli, koyi sut: dijalektika (razgowornaia umitel) uczit prawo ob rečeh razgoworiat i sudit i priczi dowodit dlya uznania istini. Ritorika (besednaia umitel) uczit obilnye besedi tworit, ilti na sziroko i prigodno k uwereniu goworit. Gramatika (gowornaia umitel) uczit prostye reczi prawi izgoworiat, czest i pisat. W gramatike se zapiraet i poetica (pesennaia umitel) kaia uczit pesennye redki skladat. Fisika (tilesnoe razmiszlenie) dumaet i razmiszlyaet ob urode, ob kreposti i ob stworeniu wsakih teles i telesnih wečey. Se iest, ob rudah, ob kameniu, ob drewiu, ob zeliu, ob zwiriu, ob czloweczïem tilu i ob czleneh, czasteh i nemočeh iego; i ob wsakih inih ot Boga stworenih wečeh. I w sem razdelu se deržit wraczestwo ilti wraczebnaia umitel. Etika (narawnoe razmiszlyanie) deržit w sebi tri razdeli, koyi sut: idioetika (osebuinaia etika) uczit kako czlowek imaet prawit sam swoe naraw i wladat sam soboiu i swoyimi pohotmi. Ikonomya (domasznya gospodarstwo) uczit, kako czlowek imaet stroyit swoy hram i wladat swoeiu czelyadiu. Politika (wladatelnaia umitel) uczit, kako wladately imaet wladat narodom i zemlyeiu, i kako dobrye zakoni stawit. W sem razdelu se derzit iurisprudentia: uczenie, koe uczit rażumet zakonostawie i prawo sudit. Ma-

Нетрудно видѣть, что эта классификація носитъ почти исключительно школьный характеръ. Крижаничъ хотѣлъ познакомить русскихъ, очевидно, съ тѣмъ, какія науки преподаются въ европейскихъ школахъ, каково отношеніе между этими науками, и въ чемъ ихъ главнѣйшее содержаніе. Поэтому, можетъ быть, философія здѣсь понимается въ широкомъ смыслѣ, какъ синонимъ чистой, теоретической науки нематематическаго содержанія. Такая классификація могла, конечно, представить нѣкоторый интересъ для современниковъ Крижанича. Для насъ же она интересна только, какъ попытка создать научную терминологію безъ помощи иностранныхъ словъ. Однако Крижаничу извѣстно и болѣе точное опредѣленіе философіи. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ философіи противополагаетъ опытныя науки (отвѣдалный наукъ) и указываетъ, что опытъ обладаетъ, по сравненію съ философіей, двумя недостатками: во-первыхъ, опытъ есть слишкомъ долгій путь для пріобрѣтенія знанія, такъ что тотъ, кто захотѣлъ бы пользоваться однимъ лишь опытомъ, только въ старости могъ бы сказать, что онъ что нибудь знаетъ; во-вторыхъ, опытъ очень часто приводитъ къ ошибкамъ и заблужденіямъ. Въ качествѣ примѣра Крижаничъ приводитъ Александра Великаго, который восемнадцати лѣтъ уже самостоятельно правилъ обширнымъ государствомъ и умѣлъ обращаться съ народомъ и царями; Крижаничъ объясняетъ это тѣмъ, что онъ учился у Аристотеля философіи [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ опредѣляетъ отношеніе между знаніемъ, мудростью и философіей: „знаніе есть познаніе вещей по ихъ причинамъ"; мудрость есть знаніе о самыхъ важныхъ и высшихъ вещахъ, какъ-то: о Богѣ, о небѣ, о мірѣ,

---

tematika (diwnoe uczenie) deržit w sebi czetiri razdeli, koyi sut: Aritmetika: cziselnaia umitel. Muzika: gudennaia umitel. Geometrya: zrakomernaia umitel, uczit bez rucznye meri, edinim zrakom merit dalekije wеči i mista. Astronomya (zwizdoczetnaia umitel) uczit sczitat solneсznoe i zwizdnoe teczenie (Рукоп. Моск. Синод. Типогр. № 4307). Ср. по изд. Безсонова I, стр. 121.

[1]) Разговоры I, стр. 389.

о человѣческихъ нравахъ и проч.; а философія (мудролюбіе) есть любовь, охота къ мудрости [1]). Изъ сопоставленія этихъ мѣстъ можно сдѣлать такой выводъ. Истинное познаніе вещей есть не что иное, какъ познаніе ихъ причинъ, и тотъ, кто знаетъ причину вещи, знаетъ и самую вещь. Такого познанія опытъ дать не можетъ; ибо познаніе причинъ заключаетъ въ себѣ всегда нѣкоторые сверхъ-опытные элементы. Если же такое сверхъ-опытное знаніе имѣетъ своимъ предметомъ Бога, міръ въ его цѣломъ, нравы человѣка и т. п., то это и будетъ философія. Въ широкомъ смыслѣ, слѣдовательно, философія есть размышленіе о причинахъ вещей, и потому то Крижаничъ говоритъ, что всякій человѣкъ долженъ быть философомъ въ отношеніи тѣхъ предметовъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло [2]); въ узкомъ же—философія есть размышленіе о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. Это различіе можно формулировать еще иначе. Философія въ широкомъ смыслѣ есть опредѣленный методъ, или путь познанія, а субъективно (т. е. для философствующаго субъекта) есть опредѣленная склонность или способность сужденія; философія же въ узкомъ смыслѣ есть конечный результатъ, къ которому приводитъ этотъ путь [3]). Такъ понимаемая философія есть, по мнѣнію Крижанича, завершеніе, вѣнецъ всѣхъ наукъ и заключаетъ въ себѣ двоякую пользу для человѣка. Во-первыхъ, познаніе причинъ различныхъ вещей даетъ человѣку возможность становиться

---

[1]) Тамъ же I, стр. 113.

[2]) Разговоры стр. 534: filosofia nihil est aliud, quam cognoscere causas rerum: cur hoc et illud ita fiat. Omnis ergo vir prudens debet esse filosofus in illis rebus, quae ad ipsum maxime pertinent, et rex potissimum, quia rex debet cognoscere multarum rerum causas, ut possit de iis recte iudicare (рукоп.). Ср. I, стр. 115.

[3]) Разговоры I, стр. 116: Simplicius loquendo: filosofia non est ars, neque scientia aliqua, sed potius diligens et meditata prudentia sive peritia iudicandi de rebus omnibus. Filosofia enim docet: recte de rebus omnibus iudicare et non facile errare aut decipi. Filosofus et nihil scit, et omnia scit. Nihil scit facere, omnia scit iudicare, nempe si perfectus fuerit filosofus.

какъ бы надъ природой и высказывать сужденія не только о томъ, что есть въ дѣйствительности, но и о томъ, что лишь возможно. Слѣдовательно, философія даетъ человѣку познаніе о границахъ естественной возможности или, иначе, о границахъ силъ природы. Во-вторыхъ, философія даетъ человѣку возможность узнать предѣлъ своихъ умственныхъ способностей, а вмѣстѣ и свое невѣжество. Ибо философія, говоритъ Крижаничъ, есть не что иное, какъ удивленіе передъ дѣлами Творца. Въ этомъ удивленіи и заключается вся человѣческая мудрость, а удивленіе есть признакъ незнанія. Поэтому, кто прошелъ всю философію и всѣ науки, тотъ достигъ не предѣла знанія, а только предѣла своего разума и узналъ его слабость [1]).

Такъ какъ философія въ ея послѣднемъ анализѣ есть, для Крижанича, не что иное, какъ познаніе причинъ, то понятно, что онъ съ особой любовью останавливается на теоріи причинности, при чемъ и здѣсь онъ пытается создать свою, русскую терминологію. Причиной, говоритъ онъ, называется то, вслѣдствіе чего что нибудь существуетъ или происходитъ; на-оборотъ, то, что изъ причины или отъ причины происходитъ, называется учинокъ (то, что учинилось, произошло). Въ духѣ схоластической философіи онъ признаетъ слѣдующіе виды причинъ. Дѣйствующая, или творитель-

[1]) Разговоры стр. 483: Filosofia, praesertim fisica et dialectica prodest ad hoc, ut homo possit dignoscere, quid sit possibile naturaliter fieri et quid sit magicum. Et hoc est utilissimum, et filosofia hoc nomine valde est laudanda. Praeterea prodest filosofia, ut homo agnoscat terminum potentiae suae intellectionis et ignorantiam suam. Filosofia enim fere non est aliud, quam admiratio operum Dei sive admiratio mundi. Homines putant esse sapientes et non sunt; sapientia humana terminatur in admiratione; admiratio autem est signum ignorantiae. Illas enim res solemus admirari, quarum causas ignoramus; et ubi causam scimus, non miramur. Qui ergo totam filosofiam et omnes doctrinas percussit, is non assequit terminum scientiae; sed pervenit ad terminum sui intellectus et agnoscit eius debilitatem. Homini est illud scripturae sacrae dictum: cum consumaverit homo, tunc incipit (рукоп.).

ная причина есть то, что производитъ что нибудь; напримѣръ, плотникъ есть творительная причина дома. Матеріальная, или подбилинная причина есть то, изъ чего что нибудь дѣлается; такой причиной являются доски для дома. Формальная, или обличная причина есть то, на подобіе чего что нибудь дѣлается; такъ, формальная причина дома есть та форма (обличіе), которую имѣетъ въ умѣ плотникъ, и соотвѣтственно которой онъ строитъ домъ. Здѣсь форма совпадаетъ съ представленіемъ предмета, съ тѣмъ, какъ онъ является нашему взору. Если же имѣть въ виду существо вещи, то форма есть то, что составляетъ ея бытіе въ себѣ, и чѣмъ она отличается отъ всѣхъ другихъ субстанцій. Такъ, разумная душа составляетъ существенную форму (forma essentialis) человѣка, ибо субстанція его существенно отличается отъ другихъ животныхъ именно разумной душой, а не формой тѣла. Конечная причина есть та цѣль, ради которой что нибудь дѣлается; обитаніе, напримѣръ, есть конечная причина дома. Творительную, подбилинную, обличную и конечную причины Крижаничъ называетъ начальными: слѣдующія три онъ относитъ къ второряднымъ. Орудная причина есть то, при помощи чего что нибудь дѣлается, напр. топоръ въ отношеніи дома. Пригодная причина (causa occasionalis) есть то, что облегчаетъ, даетъ удобство для произведенія чего нибудь; такъ, обиліе досокъ облегчаетъ постройку дома. Наконецъ, мотивъ (motiva causa) есть то, что понуждаетъ дѣлателя къ созданію чего нибудь; такъ, пожаръ стараго дома или его ветхость суть мотивы построенія новаго дома [1]).

---

[1]) De Providentia Dei, стр. 9—10: Causa in filosofia dicitur id, propter quod aliquid fit vel est. Causarum autem appellationes seu modi sunt varii. Effectiva causa (sive effector) est ea, quae aliquid efficit; sicut faber est causa domus effectiva, quia efficit domum. Materialis causa sive materia est id, ex quo aliquid fit: sicut ligna sunt causa domus materialis, quia ex lignis construitur domus. Formalis causa sive forma est id, ad cuius similitudinem aliquid fit: sicut formalis causa domus est illa forma, quam faber in mente concepit, vel in carta

Это дѣленіе причинъ Крижаничъ называетъ философскимъ дѣленіемъ. Оно заключаетъ въ себѣ однѣ только низкія причины и разсматриваетъ все происходящее и существующее исключительно съ точки зрѣнія человѣка [1]). Ему онъ противополагаетъ дѣленіе богословское. Возможность двухъ дѣленій объясняется тѣмъ, что все существующее, все, что происходитъ съ нами, всѣ счастливыя и бѣдственныя обстоятельства, подчинены одновременно двоякаго рода причинамъ: низшимъ и высшимъ. Низшія причины суть тѣ, которыя представляются нашему разумѣнію, когда мы размышляемъ о какой нибудь вещи или о какомъ нибудь событіи со своей человѣческой точки зрѣнія, и тогда мы можемъ различать упомянутые виды причинъ. Но если разсматривать ту же вещь или то же событіе съ точки зрѣнія Бога, какъ Промыслителя міра, то всѣ виды низшихъ причинъ сведутся къ одной причинѣ, ибо все, что произвело

---

depinxit, ut per eam domum fabricaret et quae forma inhaeret ipsi domui. Et haec est forma rerum artificialium sive effigies corporum, quae oculis cernitur. In rerum autem essentiis forma est id, quo res constat in suo esse, et quo distinguitur a ceteris omnibus substantiis: velut anima rationalis est forma hominis essentialis: quia substantia hominis per animam rationalem (et non ita per figuram corpoream) essentialiter distinguitur a ceteris animalibus. Finalis causa sive finis est id, cuius gratia aliquid fit: sicut habitatio est finis seu finalis causa domus, quia domus conficitur ad hoc, ut habitetur in ea. Instrumentalis causa sive instrumentum est id, quo aliquid conficitur: sicut securis et dolabria sunt causae instrumentales sive instrumenta efficiendae domus. Occasionalis causa, sive occasio est id, quod commoditatem seu facilitatem praebet ad aliquid faciendum: sicut opes acquisita vel lignorum abundantia sunt occasiones ad efficiendam domum. Motiva causa (sive impulsus et commotio ad aliquid efficiendum) est id, quod effectorem movet, hortatur aut necessitat ad aliquid efficiendum: sicut combustio prioris domus, vel eius nimia vetustas sunt causae motivae ad edificandam novam domum. Hactenus igitur et hoc modo recensuimus causas solum humanas sive inferiores (Рукоп. М. Синод. Типогр. № 4041). Ср. Разговоры I, стр. 113—116.

[1]) De Providentia, стр. 9: divisio causarum filosofica, quae considerat causas solum inferiores sive humanas (рукоп.).

данную вещь или событіе, — дѣятель, матеріалъ, форма и т. д.—должно быть разсматриваемо, съ точки зрѣнія Бога, какъ орудіе, при помощи котораго Онъ произвелъ то, что было Имъ заранѣе предначертано. Поэтому всѣ причины, съ этой точки зрѣнія, заключаются въ одной, а именно въ орудной причинѣ (causa instrumentalis). Такими причинами, или орудіями для Бога являются Его созданія: небо, земля и все, что на нихъ находится, а въ особенности духовныя твари—добрые и злые духи, и люди. Это и составляетъ, при богословскомъ дѣленіи причинъ, единственную низшую причину. Высшихъ же причинъ, при этомъ дѣленіи, двѣ, а именно: 1) высшая творительная причина и 2) высшая конечная причина. Высшая творительная причина, или причина всѣхъ причинъ есть Промыслъ Божій, ибо онъ все уставляетъ, опредѣляетъ, всѣмъ управляетъ и приводитъ всѣ дѣла человѣческія къ ихъ концу. А высшая конечная причина есть слава Божія, ибо все, что создано Богомъ, Онъ создалъ ради Самого Себя (propter semet ipsum) т. е. для того, чтобы мы восхваляли и прославляли Его святое имя. Слѣдовательно, и всѣ дѣйствія, какія происходятъ въ созданныхъ Имъ тваряхъ, направляются всегда къ одной цѣли, а именно къ славѣ всемогущаго Бога [1]).

---

[1]) De Providentia, стр. 10 — 11: At nos considerare debemus maxime causas supremas sive divinas. Sciendum enim est, quod omnes humanae res sive omnes prosperitates et calamitates, quas homines patiuntur, duplices habent causas, scilicet superiores et inferiores. Suprema effectiva causa, sive omnium causarum causa est Providentia Dei. Haec enim praedestinat, decernit, gubernat et ad finem perducit omnes res humanas. Suprema finalis causa est Gloria Dei, et ad nostrum humanum intelligendi modum maxime est glorificatio Dei incarnati et Domini nostri Iesu Christi et sanctae eius ecclesiae. Caelum enim et terram et omnia, quae caelorum ambitu continentur, creavit Deus propter semet ipsum: hoc est ad laudem et gloriam nominis sui sanctissimi. Atque idcirco etiam omnes actiones, quae in creaturis fiunt, finaliter diriguntur et referuntur ad gloriam Dei omnipotentis, cui sit laus in saecula. Amen. — Inferiores autem rerum humanarum causae sunt omnes crea-

Отсюда видно, что центральной идеей всего міросозерцанія Крижанича должна явиться идея Промысла, который все устрояетъ и все опредѣляетъ. Это, конечно, легко объясняется тѣмъ образованіемъ—по существу, богословскимъ,—которое получилъ Крижаничъ. Съ другой стороны, изъ множества цитатъ, разсѣянныхъ по всѣмъ его сочиненіямъ, мы видимъ, что его чтеніе и его самообразованіе были, по преимуществу историческими. Онъ чрезвычайно интересовался исторіей всѣхъ народовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, прочелъ множество историческихъ книгъ на всѣхъ доступныхъ ему языкахъ, начиная съ Плутарха и Ливія и кончая Макіавелли и русскими лѣтописями; въ своихъ сочиненіяхъ онъ неоднократно указываетъ на великую пользу изученія исторіи. Отсюда можемъ заключить, что основнымъ его научнымъ интересомъ былъ интересъ къ исторіи, отчего и міросозерцаніе его должно было получить, отчасти, историческій характеръ [1]). Поэтому въ своемъ ученіи о Промыслѣ Крижаничъ останавливается, главнымъ образомъ, на отношеніи Промысла къ исторіи и разсматриваетъ всѣ связанные съ этимъ вопросы: о свободѣ воли, о фатализмѣ и проч.

Въ отношеніи историческихъ событій Крижаничъ находитъ нужнымъ различать причины верховныя, посредствующія, низшія и ложныя. Верховныя причины (causae supremae) суть Промыслъ Божій и слава Божія. Посредствующія (mediae) причины суть добрыя дѣла и грѣхи людей: ихъ созерцаетъ Промыслъ и на основаніи этого опредѣляетъ дѣла

---

turae: videlicet caelum, terra et omnia, quae in eis continentur, et potissimum quidem creaturae rationales: videlicet angeli, homines et daemones. His enim omnibus utitur Providentia, tanquam suis instrumentis ad effectuanda sua decreta, quae praedestinavit ut fierent. Omnes igitur creaturae, respectu Dei, sunt causae instrumentales. In respectu autem res humanas, in creaturis Dei reperiuntur omnis generis causae (рукоп.).

[1]) Объ интересѣ Крижанича къ исторіи см. А. Брикнеръ, Юрій Крижаничъ, Р. Вѣстн. 1887 № 7, стр. 39.

міра. Низшія (infimae) причины суть намѣренія, старанія и искусство людей, а вмѣстѣ и прочія твари и, вообще, все, что содѣйствуетъ, какимъ бы то ни было образомъ, счастливымъ и несчастливымъ обстоятельствамъ, побѣдамъ и пораженіямъ. Сюда относитъ Крижаничъ достаточность или недостаточность войска, хорошее или плохое вооруженіе, ясную или дождливую погоду и т. д. Наконецъ, къ ложнымъ причинамъ относятся: судьба, счастье и положеніе небесныхъ свѣтилъ. Ихъ считаютъ причинами событій, но они не суть причины [1]). Крижаничъ раздѣляетъ ученіе Церкви о томъ, что Богъ управляетъ міромъ и непосредственно, и черезъ ангеловъ, пользуясь при этомъ, преимущественно, дѣлами и намѣреніями людей [2]). Онъ вѣритъ, что Богъ отъ вѣчности

---

[1]) De Providentia, стр. 11 — 12: Quantum autem ad praesens nostrum institutum (sive ad considerandas victoriarum et cladium causas) pertinet, nos debemus considerare supremas et medias sive morales et infimas et falsas causas. Supremae causae sunt Providentia Dei et gloria Dei. Mediae seu morales et motivae causae sunt bona et mala merita, sive bona opera et peccata hominum: has enim intuetur suprema Providentia et ex earum intuitu decernit ac disponit res huius mundi... Infimae autem causae sunt providentiae sive industriae et artes humanae et simul omnes creaturae, quae quocunque modo concurrunt ad victoriam et ad cladem. Est videlicet multitudo vel paucitas, fidelitas vel infidelitas, strenuitas vel ignavia militum; bona vel mala armatura, serenitas vel pluvia et alia hiusmodi. Item sunt invisibilia bonorum angelorum vel daemonum opera, quae Deo iubente circa exercitus hominum fiunt. Postremi autem ordinis seu potius nullius ordinis causae sunt causae falsae: videlicet fatum, planetae et fortuna. Haec enim putantur esse causae et non sunt (рукоп.). Ср. О Промыслѣ, стр. 47 — 48 (по изд. Безсонова, М. 1860).

[2]) Тамъ же, стр. 13 — 15: Quod Deus per suam Providentiam gubernet omnes huius mundi res, tam minimas, quam maximas, de hoc nullum est apud Christianos dubium. Quia tamen hanc veritatem non omnes aeque capiunt et graves contra eam committuntur errores, necessarium est, ut rem hanc omnium maximam paucis verbis explicemus. — Credimus igitur Christiani 1°: quod Deus per angelos gubernat mundum. Hoc est, quod in numerato habet et usque ad praefinitum tempus conservat omnia animalia et arbores et herbas et omnes alias creaturas... Credimus 2°: quod Deus unicuique homini attribuit proprium

предопредѣлилъ и провидѣлъ судьбу всѣхъ царствъ міра т. е., когда каждое царство должно возникнуть, какъ далеко разширять свои предѣлы, и какъ долго существовать [1]. Богъ, по убѣжденію Крижанича, наказываетъ царей и народы за ихъ грѣхи, добрыхъ царей награждаетъ; Онъ устанавливаетъ великія государства для отмщенія злодѣямъ за ихъ дѣла; Онъ вмѣшивается въ людскія отношенія и поддерживаетъ добрыхъ въ ихъ борьбѣ съ злыми [2]).

Но предопредѣленіе божественнаго Промысла и вмѣшательство его въ міровую исторію Крижаничъ вовсе не отождествляетъ съ судьбой, съ фатумомъ. Демонъ, говоритъ онъ, постоянно и различными способами стремится отнять у людей вѣру въ божественный Промыслъ и замѣнить ее какими нибудь богохульными и нечестивыми идеями. По его наущенію греческіе поэты выдумали нѣкое неизмѣнное опредѣленіе, которое они назвали фатумъ, и говорили, что оно

angelum custodem... Credimus 3°: quod Deus unicuique regno attribuit proprium angelum principem, sive praefectum, qui debeat exsequi decreta Dei, quae circa illud regnum sunt constituta. Hoc patet ex Danielis capite decimo... (излагается содержаніе этой главы). Credimus 4°: quod Deus mittit angelos tum defensores, tum punitores et mittit ad singulos homines et ad varios coetus, quales sunt exercitus militum, collegia sacerdotum et monachorum, consilia seu senatus regum et comitia populorum... Credimus 5° et experimur: quod Providentia divina quamquam in gubernatione mundi utatur opera angelorum et allarum creaturarum tanquam instrumentis suis. Maxime tamen utitur opera et consiliis hominum, movendo eorum corda ad perficiendum quidquid ipse vult (рукоп.).

[1]) Тамъ же, стр. 16: Credimus 6°: quod Deus ab aeterno praedestinavit et praescivit statum omnium mundi regnorum: scilicet, quando inchoari, quam late patere et quam diu durare deberet unumquidque regnum, et quando, quantum et quomodo unaquaeque gens deberet alteri dominari aut subesse. Haec patet ex variis profetarum praedictionibus, sed maxime ex Danielis capite 2, ubi ille profeta praedixit futura esse 4 regna consequenter, sub quibus vivere debebat Judaeorum genus usque ad adventum Christi (рукоп.).

[2]) Разговоры I, 282, 284, 391; II, стр. 84, 113, 221, 225; О Промыслѣ, стр. 103 (по изд. Безсонова).

составлено отъ вѣчности, но не могли только сказать—кѣмъ. Они утверждали, что всѣ дѣйствія, всѣ происшествія въ этомъ мірѣ съ такой точностью предопредѣлены, что и самъ Юпитеръ ничего не могъ бы измѣнить. Изъ этого языческаго суевѣрія вытекало другое ужасное заблужденіе, а именно что у человѣка нѣтъ свободнаго выбора въ его поступкахъ, и все, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ не свободно, а понуждаемый фатумомъ [1]). Когда человѣчество получило вѣру въ истиннаго Бога, тогда демонъ началъ обманывать его другимъ способомъ. Онъ убѣдилъ послѣдователей Магомета, а также и протестантовъ, что Богъ въ Самомъ Себѣ свободенъ и можетъ измѣнить судьбу или свои собственныя предопредѣленія, но что Богъ отъ вѣчности установилъ нѣкоторое фатальное предопредѣленіе (fatalem praedestinationem) для всѣхъ будущихъ вещей, которое уничтожаетъ всякую свободу человѣческой воли. Магометане и протестанты согласно утверждаютъ, что человѣкъ не можетъ ничего свободно ни сдѣлать, ни пожелать, ни помыслить; но, что бы онъ ни сдѣлалъ хорошаго или дурного, все это онъ дѣлаетъ не по своей свободной волѣ, а по фатальному божественному предопредѣленію [2]). Ложность этого ученія видна изъ

---

[1]) De Providentia, стр. 20: Omni tempore et variis modis daemon conatur ex mentibus humanis eiicere fidem Providentiae divinae et per id inducere homines in varias blasfemias et impietates. Ipse igitur inspiravit priscis Graecorum poetis, ut inter alias suas fabulas confingerent etiam quoddam immutabile decretum, quod appellaverunt Fatum et dicebant ante omnem aeternitatem illud esse factum, sed a quo esset factum, nesciebant dicere. Aiebant autem, omnes actiones seu mutationes rerum huius mundi in illo suo Fato ita firmiter immutabiliterque esse decretas, ut neque summus putatus deus ipsorum Juppiter quidquam mutare posset. Ex ista autem gentilium superstitione sequebatur pestifer error, quod homines non haberent liberum arbitrium in agendo, sed quod omnia, quae agunt, non libere, sed a fato coacti agerent (рукоп.).

[2]) Тамъ же, стр. 20—21: Postquam autem homines ceperunt in unum et verum Deum credere et ex apostolica praedicatione eius Providentiam agnoscere, cepit eos daemon alio modo in errorem ducere. Mahometanis enim et Germanicis haereticis persuasit, ut praedicent,

его выводовъ. Во-первыхъ, если Богъ какъ бы принуждаетъ человѣка совершать противъ воли грѣхи, то авторомъ этихъ грѣховъ является, очевидно, уже не человѣкъ, а Богъ. Во-вторыхъ, Богъ оказывается несправедливымъ судьею, ибо Онъ награждаетъ праведниковъ и наказываетъ грѣшниковъ; но если кто нибудь творитъ добро не свободно, а по принужденію, то онъ уже не заслуживаетъ награды, и если совершаетъ грѣхъ не по доброй волѣ, а будучи къ тому принужденъ, то онъ равнымъ образомъ не заслуживаетъ и наказанія. Въ-третьихъ, безполезно и тщетно всякое стараніе человѣка дѣлать добро и жить въ благочестіи. Ибо если все до такой степени предопредѣлено, что человѣкъ не можетъ свободно сдѣлать никакого добра и не можетъ свободно избѣжать никакого зла, то зачѣмъ мы молимся, и зачѣмъ страшимся совершить грѣхъ? Слѣдовательно, молится ли человѣкъ и живетъ благочестиво, или проводитъ жизнь въ грѣхахъ, это для него безразлично, ибо онъ никоимъ образомъ не можетъ измѣнить свою судьбу [1]). На самомъ дѣлѣ

quod Deus in semetipso quidem liber sit et fata seu praedestinationes suas mutare possit, si vellit, attamen quod Deus ab aeterno et libere fecerit talem quamdam fatalem praedestinationem pro omnibus rebus futuris, ut per eam sublata sit omnis humanae voluntatis libertas. Aiunt ergo isti, quod homo non potest quidquam libere agere, nec velle, nec cogitare, sed sive oret, sive convicia dicat, sive aliud quidcunque boni vel mali agat, quod id totum non ex libera voluntate, sed a fatali divinae praedestinationis violentia coactus agat (рукоп.).

[1]) De Providentia, стр. 21: Isto autem modo Deum faciunt peccati auctorem, quasi is cogeret homines etiam invitos ad peccandum: et haec est prima ipsorum blasfemia. Altera blasfemia sequitur: quod Deus esset iniquus iudex, eo quod bene agentibus praemia gaudiorum et peccatoribus paenas decreverit. Quisquis enim non libere sed coacte facit quidpiam boni, is non meretur praemium, et quisquis non voluntarie, sed coactus facit quidquam mali, is non meretur paenam et consequenter non potest iuste puniri. Tertia blasfemia est, quod inanis esset omnis humana industria et conatus ad pene agendum et pie vivendum. Si enim omnia sunt praedestinata ita necessario, ut homo nihil boni libere et voluntarie agere et nihil mali libere evitare possit, ut quid ergo oramus? ut quid ieiunamus? Si homo non potest

отношеніе Промысла Божія къ волѣ человѣка совсѣмъ иное. Все, что мы терпимъ отъ окружающей насъ природы, или что обусловлено внѣшними для насъ причинами, напримѣръ, болѣзни, страданія, смерть—это, дѣйствительно, предопредѣлено такъ, что мы не могли бы его избѣжать; но всѣ наши моральныя дѣйствія (actiones morales), хотя и предопредѣлены, но могли бы совершаться иначе, чѣмъ они совершаются. Богъ отъ вѣчности предвидѣлъ и предопредѣлилъ все, что происходитъ въ мірѣ, за исключеніемъ только грѣха и за исключеніемъ воли человѣка, которая всегда остается свободною. Ибо грѣхи наши Богъ не предопредѣлилъ, а только предвидѣлъ и допустилъ совершиться, а дѣйствія воли человѣка онъ восхотѣлъ видѣть свободными, и добрыя изъ этихъ дѣйствій онъ предопредѣлилъ, а злыя попустилъ, всѣ же вмѣстѣ предвидѣлъ. А оттого, что Богъ предвидѣлъ дѣйствія и желанія человѣка, свобода его не уничтожается; ибо человѣкъ не потому чего нибудь хочетъ, что Богъ это проявленіе воли предвидѣлъ, но человѣкъ свободно этого хочетъ, а Богъ отъ вѣчности это предвидѣлъ [1]).

---

evitare peccatum, cur debet metuere aut cavere sibi, ne peccet? Conclusio blasfemarum: igitur, sive homo oret, ieiunet ac pie vivat, sive in flagitiis consenescat et moriatur, nihil ei interest (ut isti volunt) quia neutro modo potest mutare fatum. Videsne iam Valeri, in quantum impietatem et desperationem ducunt suos discipulos isti, qui fato res humanas gubernari aut voluntatem humanam non liberam esse praedicant (рукоп.).

[1]) Тамъ же, стр. 22—23: Inter christianos autem catholicos et doctos nulli sunt homines, qui crederent esse fatum aut aliquem talem praedestinationem, quae tolleret libertatem ab humano arbitrio, aut quae Deum faceret peccati auctorem vel iniquum iudicem. Sunt tamen nonnulli, qui propter ignorantiam plus aut minus ad istos errores accedunt... Quamvis igitur mors et morbi et canities et aliae quidem res (quae hominibus a natura vel ab extrinsecis causis adveniunt) ita sint hominibus praedestinatae, ut eas aliquando evitare non possint, omnes tamen actiones morales (quae videlicet ad virtutem vel ad peccatum spectant) et in his maxime actiones politicae non sunt ita praedestinatae, quia ab hominibus aliter fieri potuerint, quam quomodo factae sint. Hoc patet ex exemplo Davidis... Sancti igitur Patres de prae-

Крижаничъ на одномъ частномъ примѣрѣ разъясняетъ отношеніе воли къ внѣшнимъ событіямъ. Онъ разсматриваетъ такое возраженіе: если всѣ бѣдствія и пораженія на людей посылаетъ Богъ, то, повидимому, безполезно оказывать непріятелю сопротивленіе и защищаться. Не лучше ли слѣдовать примѣру того епископа, который открылъ передъ Аттилой ворота и привѣтствовалъ его, какъ бичъ, посланный Богомъ? Что войны и пораженія суть отъ Бога, отвѣчаетъ Крижаничъ, это несомнѣнно; но отсюда нельзя дѣлать выводъ о безцѣльности сопротивленія. Ибо когда на насъ нападаетъ непріятель, мы знаемъ только объ одной части Божіей воли, но не о всей; мы знаемъ только одно, а именно, что Богъ восхотѣлъ, чтобы была война, но мы ничего не знаемъ, хочетъ ли Онъ, чтобы непріятель насъ побѣдилъ, или, наоборотъ, чтобы мы побѣдили непріятеля. Поэтому мы не только можемъ, но и должны защищаться и, если Богъ дозволитъ, должны прогнать непріятеля[1]).

---

destinatione docent hoc modo: quod nullum sit in mundo fatum, quale fingebant pagani, et nulla est violenta Dei praedestinatio, qualem fingunt Calviniani haeretici, sive quae auferret libertatem ab humano arbitrio. Sed praedestinatio Dei est huiusmodi. Deus praescivit ab aeterno et praedestinavit omnia, quae in mundo facta sunt, et quae futura sunt, excepto solo peccato et libero semper manente humano arbitrio. Peccata enim Deus non praedestinavit, sed solum praescivit et fieri permittit. Actiones vero humanae voluntatis noluit [voluit?] esse liberas, et ut tales, bonas quidem praedestinavit, malas vero permisit et omnes simul praescivit. Hominis autem arbitrium semper manet liberum, ut possit velle et nolle quidlibet, et non aufertur homini libertas voluntatis per hoc, quod Deus ab aeterno praescivit, quid homo in tempore libere voliturus erat. Non enim ideo homo aliquid voluit, quia Deus illum voliturum esse praescivit, sed quia homo erat libere voliturus aliquid in tempore, ideo Deus praescivit illud in sua aeternitate (рукоп.).

[1]) De Providentia, стр. 27—28: Valerius. Si omnes clades et omnia flagella Deus super homines mittit, videtur ergo vanum esse resistere hostibus et defendere se. Cur non potius imitamur sanctum Lupum episcopum Turonensem qui Atilam regem tyrannum salutavit his verbis: salve, flagellum Dei, et introduxit eum in urbem. Augustinus. Bel-

Такимъ образомъ, все, что является для человѣка предметомъ воленія, онъ всегда можетъ или пожелать, или отвергнуть. И такъ какъ Богъ отъ вѣчности предвидѣлъ, что̀ именно человѣкъ захочетъ и изберетъ, то Онъ установилъ дать ему помощь, чтобы онъ могъ дѣйствительно захотѣть или отвергнуть. Это и есть предопредѣленіе. Оно не уничтожаетъ нашей свободы и само можетъ измѣняться; оно могло бы быть инымъ, чѣмъ оно есть на дѣлѣ, еслибы человѣкъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ избралъ противоположное тому, что онъ въ дѣйствительности избралъ. Поэтому мы должны заботиться обо всемъ, что зависитъ отъ нашей воли, и все это тщательно обдумывать [1]). И это

lum et omnes clades a Deo sunt: res est liquida. At exinde mala est haec illatio: ergo non est resistendum hostibus. Ratio est, quia cum adventat quispiam hostis, nos tantum de una parte voluntatis Divinae et non de tota voluntate notitia habemus. Videlicet, scimus Deum velle, ut habeamus bellum, nescimus autem, an Deus velit, ut ab hoste vincamur aut debellemur. Et idcirco licite possumus, imo et debemus nos defendere et hostes profligare, si Deus concedat. Quamdiu Judaeis non constabat Deum velle, ut ipsi expugnaventur, vel ut sese dederent hostibus, tamdiu licebat eis et debebant se defendere, et a profetis ad id benedicebantur, sicut patet in tota regum historia. Quando autem venit tempus, quo Deus voluit, ut Judaei expugnaventur a Chaldaeis, et quando ea Dei voluntas nota facta est eis per Jeremiam, monentem eos et praecipientem, ut sese dederent regi Chaldaeorum, si vellent vivere, tunc iam non licuit eis se defendere (рукоп.).

[1]) De Providentia, стр. 32—33: Doctrina catholica est, quod homo habet liberam voluntatem. Igitur quidquid homini ad volendum proponitur, semper potest homo illud velle et nolle. Et quia Deus ab aeterno praevidit, quid homo in tempore libere voliturus et electurus sit, constituit ei dare concursum (приспѣшеɉе) sui auxilii ad illam liberam volendi aut nolendi actionem, et hoc vocatur praedestinatio. Et hoc, ut vides, non tollit libertatem et potest mutari: id est, poterat aliter fieri, quam facta sit, si homo contrarium electurus fuisset; etiamsi non mutetur. Illud enim ipsum Deus praevidit, quod homo libere voliturus et electurus erat, et ideo nos de illis actionibus debemus esse soliciti, quae de nostra voluntate dependent. In ceteris autem rebus, quae non dependent ab humana voluntate (neque a precibus meritisve hominum) Deus omnia praedestinavit, ut illo et illo certo modo fiant necessario.

касается не только обстоятельствъ частной жизни и вопросовъ личной нравственности и личнаго долга, но точно также относится и къ жизни общественной. Богъ отъ вѣчности предвидѣлъ всѣ злыя дѣла людей, всѣ преступленія и многимъ изъ нихъ дозволилъ совершиться; отсюда можно было бы сдѣлать выводъ, что и государство не должно заботиться о предупрежденіи преступленій, не должно препятствовать преступнику и наказывать его. Но такой выводъ былъ бы невѣренъ. Между властью Бога и властью государя огромная разница. Богъ есть Создатель и Господь всѣхъ вещей. Онъ изъ ничего создалъ все, Онъ далъ человѣку душу, тѣло, здоровье, пищу, одежду и все остальное; поэтому Онъ безъ всякой несправедливости можетъ все уничтожить, все обратить въ ничто. И когда Богъ, даже безъ всякой съ нашей стороны вины, отнимаетъ у насъ или позволяетъ отнять что нибудь, Онъ не беретъ ничего чужого, Онъ беретъ только тотъ даръ, который намъ предоставилъ. Но царь не есть творецъ; онъ ничего не можетъ создать, не можетъ дать народу ни жизнь, ни плоды земли, ни здоровье. Поэтому, если царь отнимаетъ то или другое у народа, или позволяетъ отнимать ворамъ и разбойникамъ, онъ отнимаетъ чужое и совершаетъ несправедливость [1]).

Veluti sunt brutorum animalium actiones et elementorum ac inanimatorum corporum dispositiones et motus. Et circa haec nostra solicitudo aut industria nihil potest mutare. Tantum circa nostras liberas actiones oportet nos esse solicitos quia de illis Deus exiget rationem laboris et otii nostri et auxilii sui (рукоп.).

[1]) De Providentia, стр. 34 и 156: Valerius. Quoniam Deus ab aeterno praescivit peccata hominum et non impedivit ea et nunc vidit omnia scandala et multa non impedit, sed fieri permittit, videtur esse consequens, quod et rex in suo regno non teneatur impedire aut punire publica scelera et scandala, qualia sunt latrocinia, furta, homicidia, violentiae, iniqua iudicia et alia scelera, quae praecaveri possent, etc. Augustinus. Quaedam opera sunt, quae si a Deo fiant, iusta sunt; si autem a rege fiant, iniqua sunt. Huiusmodi in primis est hoc ipsum, de quo nunc agimus. Scelera, videlicet, permittere impunita et punire iustum cum impio et si quid aliud huiusmodi. Et ratio est 1°: quia

Такъ защищаетъ Крижаничъ идею Промысла. По его убѣжденію эта идея можетъ прекрасно, безъ всякаго противорѣчія, сочетаться съ мыслью о свободѣ воли. Настоящая опасность для свободы воли заключается не въ идеѣ Промысла, какъ первой и единственной причины всего происходящаго, а въ допущеніи такихъ причинъ, которыя Крижаничъ называетъ ложными. Такова, прежде всего, вѣра въ то, что историческія событія опредѣляются движеніями небесныхъ свѣтилъ. Крижаничъ энергично возстаетъ противъ астрологіи и астрологовъ и утверждаетъ, что ничего, кромѣ затменій, они предсказать не могутъ, а самую мысль о возможности предсказывать событія онъ называетъ нечестивою и богохульною, ибо будущее никому, кромѣ Бога, не можетъ быть извѣстно. Поэтому вѣра во всякихъ астрологовъ, гадателей, волшебниковъ, хотя бы они одѣвались въ монашескую рясу, есть оскорбленіе Творца, какъ Промыслителя міра [1]).

Deus est Creator et Dominus omnium rerum. Ipse ex nihilo creavit omnia et potest absque iniuria destruere et in nihilum convertere omnia. Ipse nobis hominibus dedit animam, corpus, sanitatem, victum, amictum et omnia, quae habemus. Potest ergo ista repetere, quando vult. Et si a quocunque, quamvis innocente, ista aufert vel auferri permittit, nihil alieni aufert, sed recipit sua dona, quae gratis concesserat. Rex autem non est creator neque potest creare sive dare populo animam sive vitam, neque incolumitatem corporis, neque fructus terrae, sive victum et amictum. Et ideo, si rex ista populo adimit (vel si per fures, per latrones, per iniquos iudices aut per alios sceleratos adimi permittit) aliena aufert et iniuriam facit»(рукоп.).

[1]) De Providentia, стр. 24—25: Istas Arabicorúm magorum fraudes et impietates sectantur hodie Germanorum astrologi et dementant homines suis stultis prognosticis, quibus nihil fallacius nihilque vanius esse potest. Est autem ista astrologorum doctrina non solum impia, sed etiam prorsus ac fallacissima; et quae nullum habet in natura neque in filosofia fundamentum, et ideo a sanctis Patribus et a pontificibus Romanis et a regibus catholicis semper fuit prohibita... Omnes autem veri filosofi (tam pagani, quam christiani) evidenter demonstrant, quod astrologi (praeter eclipses solis et lunae, sicut praeter ipsum solis et lunae et reliquarum planetarum) nullum aliam rem omnino futuram possint ex stellis cognoscere, et quod nihil ibi scriptum sit de rebus humanis (рукоп.).—Ср. О Промыслѣ, изд. Безсонова, стр. 48—49.

Также неосновательна и суетна вѣра въ слѣпой случай или въ фортуну. Эта вѣра есть слѣдствіе недостаточно внимательнаго и вдумчиваго отношенія къ окружающему міру, потому что только поверхностному наблюденію можетъ показаться, что Богъ не управляетъ міромъ, и что счастье и несчастье распредѣляетъ слѣпая фортуна [1]). Въ дѣйствительности, ничего случайнаго нѣтъ. И какъ высшая творительная причина всего есть Промыслъ Божій, такъ высшая конечная причина, или верховная цѣль всего есть слава Божія. Второстепенными же конечными причинами, которыми руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ божественный Промыслъ, являются слѣдующія три: награжденіе добрыхъ дѣлъ, наказаніе грѣховъ и испытаніе терпѣнія благочестивыхъ людей. Ради этихъ цѣлей Богъ посылаетъ людямъ побѣды, богатство, миръ, удачу или же, на-оборотъ, пораженія, болѣзни, бѣдность, голодъ и разныя несчастія [2]).

Такова теорія провиденціализма, въ смѣломъ построеніи Крижанича. Основными источниками этой теоріи, какъ было указано, слѣдуетъ признать глубокую религіозность Крижанича и его широкое историческое образованіе. Но можно указать также слѣды и нѣкоторыхъ литературныхъ вліяній. На первое мѣсто нужно поставить вліяніе, какое оказалъ на Крижанича бл. Августинъ. Онъ былъ вообще однимъ

---

[1]) De Providentia, стр. 25—27: Art. V, De Fortuna (рукоп.).

[2]) Тамъ же, стр. 39: Finalis omnium rerum causa, et ad quam a Deo omnia diriguntur (sicut praediximus) est gloria Dei, quae manifestatur per glorificationem Jesu Christi et eius ecclesiae. Sunt autem insuper etiam aliquae secundariae finales causae, quas etiam divina Providentia intuetur in agendo et haec sunt praemiatio bonorum operum et puniatio iniquitatum et exercitatio patientiae piorum hominum. Idcirco enim Dominum donat hominibus victoriam, opes, pacem, prosperitatem et quaelibet temporalia beneficia, ut bona opera praemientur, et homines ad laudandum Dominum excitentur. Et idcirco mittit Dominus cladem, morbos, paupertatem, pestem, famem et quaecunque temporalia flagella, ut per ea impii puniantur, pii autem ut per affectionem in patientia exerceantur et crescant eis merita ad gloriam (рукоп.).

изъ любимѣйшихъ писателей Крижанича [1]), и его вліяніе сказалось на всемъ міросозерцаніи Крижанича, въ частности—и на его ученіи о Промыслѣ. Центральной идеей въ міровоззрѣніи Августина является, какъ извѣстно, идея о Богѣ [2]). Тоже самое можно сказать и о Крижаничѣ. О чемъ бы онъ ни разсуждалъ, какой бы вопросъ ни разсматривалъ—будетъ ли это вопросъ историческій, вопросъ личной морали, политики или дипломатіи—онъ все объяснялъ идеей Бога, все выводилъ изъ Бога, все видѣлъ въ Богѣ,—можно сказать, все разсматривалъ, какъ и его знаменитый современникъ sub specie aeternitatis. Въ ученіи о Промыслѣ сходство между обоими мыслителями видно, прежде всего, въ томъ, что оба они разсматриваютъ дѣйствіе Промысла Божія преимущественно, если не исключительно, по отношенію къ человѣку и человѣческому обществу, оставляя въ сторонѣ его отношеніе къ міру духовному и міру вещественному [3]). Это сходство тѣмъ болѣе интересно, что Крижаничъ свои мысли на эту тему изложилъ не мимоходомъ, въ какомъ нибудь сочиненіи, посвященномъ другому вопросу, а въ спеціальномъ трактатѣ о Промыслѣ. Затѣмъ, сходство можно замѣтить и въ томъ, что оба полемизируютъ съ астрологіей и вѣрой въ случай, и, наконецъ, въ томъ, что оба стремятся примирить Промыслъ съ свободой воли. Но здѣсь сходство выражается, главнымъ образомъ, въ выборѣ темы, между тѣмъ какъ ходъ мысли у обоихъ авторовъ при разсмотрѣніи этихъ вопросовъ довольно различенъ. Такъ, Августинъ опровергаетъ астрологію тѣмъ соображеніемъ, что, если событія опредѣляются положеніемъ небесныхъ свѣтилъ, то безсмысленно почитать Бога и Ему мо-

[1]) Ссылки на Августина см. напр. въ Разговорахъ I, стр. 118, De Providentia, стр. 13, 14 (рукоп.)

[2]) См. H. Weinand. Die Gottesidee der Grundzug der Weltanschauung des hl. Augustinus, Paderborn, 1910, особенно стр. 64—85.

[3]) См. напр. еп. Макарій. Православно-догматическое богословіе, Спб. 1851, т. II, стр. 249—329; В. Никольскій. Вѣра въ Промыслъ Божій и ея основанія, Каз. 1896, стр. 188—355.

литься, ибо не отъ Него уже тогда зависитъ измѣнить эти событія; тогда и судъ Божій надъ человѣкомъ является несправедливостью [1]). У Крижанича мы этого соображенія не находимъ. Онъ просто говоритъ, что, если бы небесныя свѣтила были причиной событія, то всѣ событія можно было бы предсказывать, а астрологи, кромѣ затменій, ничего съ достовѣрностью предсказать не могутъ. Такъ же и въ вопросѣ о свободѣ воли. Августинъ доказываетъ совмѣстимость свободы воли съ Промысломъ, преимущественно, тремя аргументами. Во-первыхъ, Богъ, предвидя причины всѣхъ вещей, предвидитъ и рѣшенія нашей свободной воли: ибо если допустить, что воля, какъ причина, составляетъ исключеніе, и Онъ ея рѣшеній не предвидитъ, то Онъ уже не есть существо всесовершенное, т. е. не есть Богъ. Во-вторыхъ, все имѣетъ свою дѣйствующую причину въ Богѣ, кромѣ грѣха; ибо грѣхъ, какъ явленіе, противное природѣ, можетъ имѣть свою причину только въ нашей волѣ, которую, поэтому, и слѣдуетъ признать свободною. Въ-третьихъ, необходимость (слѣд. и причинность, какъ видъ ея) не противорѣчитъ свободѣ; такъ, Бога мы называемъ всемогущимъ, слѣдовательно, и свободнымъ, однако мы признаемъ, что Онъ не можетъ не существовать и не можетъ заблуждаться [2]). Изъ этихъ аргументовъ у Крижанича мы встрѣчаемъ только второй, сравнительно менѣе важный, да и тотъ изложенъ у него нѣсколько иначе. Остальныхъ соображеній его мы въ аргументаціи Августина не находимъ.

Гораздо интереснѣе и знаменательнѣе, что въ міросозерцаніи Крижанича можно найти точки соприкосновенія съ русской философіей, а именно съ философской системой старца Филоѳея. Для Филоѳея, какъ и для Крижанича, идея Бога-Промыслителя является главной, все объясняющей идеей. У обоихъ теорія провиденціализма поставлена ши-

[1]) De civitate Dei, lib. V, cap. 1 (по изд. Тейбнера, Лейпцигъ 1877). Cp. lib. IV, cap. 18 и lib. V, cap. 7.

[2]) De civ. D., lib. V, cap. 9 и 10.

роко и не отступаетъ ни передъ какими возраженіями. Но этимъ однимъ сходство не ограничивается; можно указать и нѣкоторыя частности. Филоѳей, какъ и Крижаничъ, разсматриваетъ дѣйствіе Промысла, преимущественно, въ отношеніи народовъ и царствъ. Филоѳей, какъ и Крижаничъ, стремится примирить съ идеей Промысла несчастія, которыя постигаютъ людей безъ всякой съ ихъ стороны вины. Въ своемъ посланіи къ „въ бѣдѣ сущимъ" онъ даетъ имъ объясненіе такое же, какъ и Крижаничъ, а именно, что они посылаются для испытанія благочестивыхъ людей [1]). Оба возстаютъ противъ вѣры въ астрологію и въ слѣпое счастье. Въ своемъ посланіи противъ звѣздочетцевъ старецъ Филоѳей такъ напр. опровергаетъ вѣру въ счастливые и несчастливые дни: „аще бо злыа дни и часы сотворилъ Богъ, почто грѣшныхъ мучити Ему; Богъ бо иматъ виненъ быти, яко зла человѣка народилъ" [2]). Такая аргументація, если не вполнѣ совпадаетъ съ тою, какую находимъ у Крижанича, во всякомъ случаѣ, очень напоминаетъ его способъ мышленія. Сходство между Крижаничемъ и Филоѳеемъ можно объяснять непосредственнымъ вліяніемъ: Крижаничъ прекрасно зналъ ученіе о третьемъ Римѣ, которое Филоѳей изложилъ во многихъ своихъ посланіяхъ; вполнѣ возможно, что онъ познакомился съ нимъ прямо въ этихъ его посланіяхъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если они оказали на него вліяніе и въ другомъ отношеніи. Но въ такомъ объясненіи не представляется надобности. Сходство между Филоѳеемъ и Крижаничемъ лежитъ, вѣроятно, глубже. Мы знаемъ, что оба они были начитаны въ св. Писаніи; эта начитанность должна была породить у обоихъ высокую религіозную настроенность, а такъ какъ оба они много размышляли о судьбѣ народовъ и царствъ, то, конечно, могли придти къ одинаковому заключенію о законахъ, управляю-

[1]) В. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, Кіевъ 1901, стр. 188 и слѣд.

[2]) Назв. соч. Приложенія стр. 40—41.

щихъ этой судьбою. Отсюда сходство въ ученіи о Промыслѣ, доходящее иногда до мелочей.

Говоря о религіозномъ міросозерцаніи Крижанича, слѣдуетъ отмѣтить, что оно выразилось не только въ теоріи провиденціализма, но еще и въ нѣкоторыхъ мысляхъ и взглядахъ противоположнаго характера. А именно, во многихъ сочиненіяхъ его, наряду съ мыслью о Богѣ, какъ Промыслителѣ, какъ причинѣ всѣхъ причинъ, встрѣчаемъ также мысль о самостоятельной дѣятельности злыхъ духовъ, или демоновъ, какъ существъ совершенно независимыхъ отъ Бога. Астрологію, алхимію, различнаго рода волшебства Крижаничъ считаетъ служеніемъ демону (demonolatria); къ служителямъ демона относитъ онъ и орденъ розенкрейцеровъ [1]). Онъ считаетъ возможнымъ тайный и даже открытый договоръ съ демономъ [2]). Шаманы сибирскихъ инородцевъ, по его мнѣнію, суть служители діавола [3]); онъ вѣритъ, что скиѳскія могилы, въ которыхъ зарыто много драгоцѣнностей, могутъ быть открыты только съ помощью демонскаго волшебства и утверждаетъ, что самъ видѣлъ серебро, добытое такимъ образомъ [4]). Было бы, конечно, слишкомъ смѣло на основаніи этого подозрѣвать Крижанича въ какой бы то ни было степени манихейства; но можно сказать, что,

---

[1]) Разговоры II, стр. 254—255.

[2]) Разговоры стр. 747: Demonis tentationes dicuntur illae, quae proveniunt ex insusurratione demonum, sive ex pacto aperto vel occulto cum demonibus, ut sunt magia omnis, astrologia, onisocritica, physiognomia, maritia varia, cabala, alchimia etc. Item haereses in fide et schismata (рукоп.).

[3]) Historia de Sibiria: Mystae illorum nuncupantur Seitannici a Tataris, Samani a suis, et plerique sunt fatidici (hoc est diabolici). (По изд. Титова, Сибирь въ XVII вѣкѣ, М. 1890, стр. 124.)

[4]) Тамъ же, стр. 140: Exstant autem in Sibiria antiquorum Scytharum sepulcra ignota, supra quae iam virgulta aut silvae enatae sunt, quae que non aliter, quam magica daemoniorum ope reperiri possint. Nonnulli igitur se propterea magiae addicunt et repertis talibus sepulturis interdum nonnihil argenti effodiunt. Ipse vidi vasa argentea eo modo effossa.

обвиняя другихъ въ демонолатріи, онъ самъ высказываетъ взгляды, изъ которыхъ, при желаніи, можно составить цѣлую систему демонологіи.

Изложенное составляетъ значительную и самую существенную часть метафизики Крижанича. Въ остальномъ его метафизическія сужденія не отличаются опредѣленностью. Такъ, онъ высказываетъ мысль, заимствованную имъ у Амвросія, что тѣло человѣка составлено изъ четырехъ элементовъ: земли, воды, воздуха и огня; эти элементы, будучи по природѣ другъ другу противоположны, постоянно между собою враждуютъ, и эта вражда составляетъ причину разнообразныхъ болѣзней нашихъ и смерти [1]). Въ другомъ мѣстѣ встрѣчаемъ у него мысль, напоминающую теорію параллелизма духа и матеріи, а именно, что наружность человѣка всегда соотвѣтствуетъ степени его духовной одаренности [2]). Но эти и подобныя имъ мысли высказаны мимоходомъ, почти случайно, и дѣлать на основаніи ихъ какія нибудь заключенія къ метафизикѣ Крижанича было бы едвали основательно.

Совсѣмъ иное нужно сказать объ этическихъ воззрѣніяхъ Крижанича. Они отличаются гораздо большею опредѣленностью. Уже одно то, что Крижаничъ въ ученіи о Промыслѣ обратилъ вниманіе почти исключительно на его отношенія къ человѣку и человѣческой дѣятельности, показываетъ, что область этики и этическихъ понятій ему ближе всего. И дѣйствительно, онъ съ совершенной ясностью опредѣляетъ существо этической точки зрѣнія, указывая, что всякому человѣку свойственно на вещи смотрѣть двояко: во-первыхъ, какъ вещи суть или могутъ быть, и во-вторыхъ, какъ онѣ должны быть [3]). Бытіе, по взгляду Крижанича, не совпадаетъ съ долженствованіемъ; идеалъ

[1]) Разговоры I, стр. III.

[2]) Тамъ же, I, стр. 124.

[3]) Тамъ же, I, стр. 120: Homo prudens debet iudicare de rebus in duplici statu et respectu. 1-o Tum quod res sunt, et esse solent ac possunt. 2-o Tum quod esse deberent.

долженъ быть еще осуществленъ чрезъ посредство человѣческой дѣятельности. Этотъ взглядъ находится въ несомнѣнной связи съ нравственнымъ пессимизмомъ, который Крижаничъ исповѣдуетъ со всею откровенностью. По его мнѣнію, люди подчиняются гораздо больше своимъ страстямъ, чѣмъ голосу разсудка, и большинство можетъ быть направлено къ добру только страхомъ наказанія [1]). Большинство проводитъ жизнь при полномъ незнаніи такихъ началъ, которыя должны бы были быть извѣстны отроку; а когда человѣкъ начнетъ понимать, какъ слѣдуетъ жить, его жизнь уже кончается. Многіе же такъ и умираютъ, не познавъ истины, или, какъ выражается Крижаничъ, „въ незнанію животной азбуки". „Кто хочетъ сему явенъ доказъ имать, говоритъ онъ, да поглядитъ по всей землѣ, и да узритъ, колико есть на ней людей старыхъ и младыхъ, кои не знадутъ правыя вѣры". Вотъ почему свойственно всѣмъ людямъ, достигнувъ старости, жалѣть объ утраченной молодости и увѣрять, что теперь они прожили бы ее иначе. Жизнь человѣка, вообще, полна всякихъ пороковъ и злыхъ обычаевъ. Всякій возрастъ, всякій общественный кругъ, всякій народъ имѣетъ свои особые пороки и грѣхи. А тѣмъ порокамъ, которые общи всѣмъ людямъ, просто нѣтъ числа. Избѣжать пороковъ, не погибнуть въ нихъ человѣкъ можетъ только дѣйствіемъ особой милости Божіей и непрестанной молитвой [2]). Крижаничъ указываетъ три главныя причины грѣховъ: п о х о т ь, х у д о б а (т. е. дурныя наклонности) и н е з н а н і е. Тѣ, кто впадаетъ въ грѣхъ, побѣждаемые

[1]) Разговоры II, стр. 67: Homines plerique omnes obtemperant suis cupiditatibus et pauci admodum sunt, qui attendant aut sequantur rationem. Illi qui spernunt rationem, regi debent virga seu metu penarum.

[2]) Тамъ же, II, стр. 142; ср. стр. 146: Толико есть па свѣту соблазней, коя чловѣка въ блудъ заводятъ, и коя намъ къ истинѣ и ко крѣпости путь запачаютъ, да нѣсть чудо, еже вездѣ есть все полно грѣха, но паче чудо ильти милость Божія есть, аще и единъ чловѣкъ кую истину познаетъ или кое добро учинитъ.

своими страстями или движимые дурными наклонностями, знаютъ, что они поступаютъ дурно, но не могутъ съ собой справиться. Они дѣйствуютъ сознательно и по свободной волѣ (знадучь и хотячь). Имъ, говоритъ Крижаничъ, нужны слезы, а не наука. Но неисчислимое множество людей поступаютъ дурно не изъ дурныхъ наклонностей, а по незнанію. Эти, совершая грѣхъ, думаютъ, что поступаютъ вполнѣ правильно; по незнанію, по заблужденію своему они зло считаютъ добромъ. Они обладаютъ доброй волей; и если бы только они знали, что то, что они дѣлаютъ, есть зло и грѣхъ, они бы измѣнили свою дѣятельность [1]). Такимъ людямъ нужна „наука", они должны познать нравственныя начала жизни или, по выраженію Крижанича, „животную азбуку".

Въ чемъ же состоитъ эта животная азбука? Можно думать, что основной вопросъ объ источникѣ нравственнаго добра Крижаничъ рѣшалъ въ духѣ философіи Ѳомы Аквинскаго, а именно, что добро не потому есть добро, что его хочетъ Богъ, но на-оборотъ—Богъ хочетъ добро потому, что признаетъ его таковымъ. Онъ убѣжденъ, что и безъ Божіей заповѣди, вообще безъ всякаго внѣшняго императива добро представляется нашему разуму всегда, какъ добро, и зло, — какъ зло. Нашъ разумъ считаетъ нѣчто зломъ, грѣхомъ и достойнымъ наказанія. Потому нѣчто и запрещено закономъ, что оно есть зло само по себѣ и никогда не можетъ быть добромъ [2]). Такое пониманіе добра предполагаетъ само собою, что содержаніе его дается самой нравственной природой человѣка. Такъ и понималъ дѣло Крижаничъ. Существенной чертой нравственной природы

---

[1]) Разговоры II, стр. 143.

[2]) Обличеніе Соловецкой челобитной, стр. 82: И без Божјего закона и без всакие преповиди (по самом породном разуму) всим народом, верним и неверним, видомо јест: та дела быти неправедна, зла и Божие казни достојна. Такова адда дела зато сут преповидана, јеже сут сама собою зла и николи же не могут быти добра (Собр. соч. III, стр. 138). — Далѣе излагаются нѣкоторыя изъ десяти заповѣдей.

человѣка и, вмѣстѣ, первымъ основаніемъ для различія добра и зла онъ считалъ чувство стыда, или „срамъ". Чувство стыда есть то, что отличаетъ человѣка отъ всѣхъ животныхъ; у кого нѣтъ этого чувства, тотъ уже не человѣкъ въ нравственномъ значеніи этого слова. Вотъ почему Крижаничъ такъ презрительно отзывается о циникахъ, „кои сами себѣ звали философми, а отъ всѣхъ людей бяху званы киники, т. е. песяки"; онъ поступаетъ еще рѣшительнѣе и называетъ ихъ просто „дураками", людьми, лишенными ума, ибо они утверждали, что нѣтъ совсѣмъ стыда, и что людямъ не слѣдуетъ ничего стыдиться [1]). Разумъ, напротивъ, подсказываетъ намъ, что намъ слѣдуетъ стыдиться проявленія низкихъ сторонъ нашей природы, а потому слѣдуетъ отказаться отъ всѣхъ тѣлесныхъ удовольствій. Все, что доставляетъ удовольствіе тѣлу, является гибелью для души. Ибо всѣ удовольствія, даже дозволенныя, мѣшаютъ образованію въ насъ духа молитвы и покаянія, безъ котораго нѣтъ спасенія. Крижаничъ разумѣетъ здѣсь самыя скромныя удовольствія: вкусовыя ощущенія пищи и питья, музыку и шутку. По его мнѣнію, ничего нѣтъ труднѣе, какъ наблюдать мѣру въ удовольствіяхъ, не переходя отъ дозволеннаго къ недозволенному и къ грѣху. Поэтому онъ много разъ говоритъ объ эпикурейской жизни, объ эпикурейской распущенности (epicurea dissolutio) и предостерегаетъ отъ нихъ [2]). Всѣ симпатіи его на сторонѣ стоицизма. Его идеалъ—стоическая свобода отъ страстей, жизнь по разуму, полное спокойствіе духа, полное самообладаніе. Недаромъ онъ списалъ для себя исполненный высокаго стоическаго настроенія трактатъ Беллармина De arte bene moriendi [3]). Эта книга была для него какъ бы его

---

[1]) Разговоры I, стр. 152. Ср. Августинъ, De civ. Dei, XIV, cap. 20.

[2]) Тамъ же II, стр. 315—317.

[3]) Рукоп. М. Синод. Типографіи № 4066. На заглавной страницѣ отмѣтка: 1663 iunis die 25. vesp. — См. Попруженко. Нѣсколько замѣчаній о сочиненіяхъ Юрія Крижанича. Изв. Отд. русск. яз. и сл. Имп. Ак. Н. 1897, т. II, кн. 2, стр. 308.

учителемъ жизни, его „животной азбукой", а въ его сибирскомъ изгнаніи она доставляла ему утѣшеніе. На 5 страницѣ рукописи, подъ строкой Крижаничъ записалъ мысль, пришедшую ему при чтеніи Беллармина: „Блага міра для чего Богъ создалъ? Отвѣтъ. Не столько для пользованія ими, сколько для того, чтобы ихъ презирать и, презирая временныя блага, заслужить себѣ вѣчныя" [1]). Склонность къ стоицизму въ связи съ религіозной, христіанской настроенностью должна была привести его къ мысли о суетѣ всего земного. Онъ любитъ размышлять о томъ, какъ перемѣнчивы дѣла человѣческія, какъ быстро возвышаются и падаютъ народы, какъ гордость и самонадѣянность получаютъ возмездіе свыше [2]). Ему кажутся смѣшными мелочныя заботы о своемъ тѣлѣ и о своемъ жилищѣ, и онъ напоминаетъ, что тѣло наше есть только пища для червей; ему противна нѣмецкая аккуратность и чистоплотность, которая слишкомъ много значенія придаетъ обстановкѣ нашей земной жизни. Такая чистоплотность грѣховна передъ Богомъ. „Очистите сердца ваши, сказано,—говоритъ онъ,—а не полы ваши" [3]). Но, можетъ быть, нигдѣ его мысли о суетности всего земного не выразились рельефнѣе, чѣмъ въ его разсужденіи о скромности государя. „Спаситель сказалъ: всякій, кто возвышаетъ себя, будетъ униженъ, и всякій унижающій себя возвышенъ будетъ. Это слово сказано ко всѣмъ людямъ. Но царямъ болѣе, чѣмъ какому нибудь другому состоянію людей необходимо уничиженіе и постоянное обращеніе сердца къ этой мысли. Ибо у царей больше причинъ и поводовъ для гордости. Уже самая испорченная природа наша направляетъ къ гордости всѣхъ людей, а у царей къ

---

[1]) Bona mundi cur Deus creavit? Responsum. Non tam ad fruendum, quam ad contemnendum et ad promerenda aeterna bona per contemptum temporalium. Bona mundi Christianis, simpliciter et spiritualiter, non interdicuntur; sed loquendo ad sensum mundi, revera interdicuntur. Imo ita permittuntur, ut maius turmentum sit eis uti.

[2]) Разговоры II, стр. 83—84 и др.

[3]) Тамъ же II, стр. 166—167.

этому присоединяются еще богатство, власть, свобода, мягкое воспитаніе, блескъ и лесть. Имъ постоянно льстятъ, и выхваляютъ ихъ, и украшаютъ титулами и почестями или, вѣрнѣе, сводятъ ихъ съ ума. Но разумный царь долженъ всегда имѣть въ душѣ своей скромность и размышлять такъ: „Надо всѣми людьми я поставленъ, однако я человѣкъ. Какъ долго я буду стоять выше другихъ? Наступитъ смерть и сравняетъ меня съ остальными людьми; но Богъ потребуетъ отъ меня разума. Теперь я счастливъ; но произойдетъ какой нибудь печальный случай и согнетъ меня. Теперь я царствую, но могу оказаться и подчиненнымъ. Теперь я господствую, но могу стать и рабомъ. Все, что поднялось до верху, близко къ паденію“ [1]).

Таково философское міросозерцаніе Крижанича. Фихте говорилъ: какую кто избираетъ философію, зависитъ отъ того, какой онъ человѣкъ. Крижаничъ, отчасти, раздѣлялъ эту мысль. Въ одномъ отрывочномъ замѣчаніи, полный смыслъ котораго отъ насъ скрытъ, онъ высказываетъ мнѣніе, что выборъ философской теоріи находится въ связи съ общественнымъ кругомъ, къ которому принадлежитъ человѣкъ, и что высшія сословія, которыя трудятся на пользу

---

[1]) Разговоры, стр. 737: Partitio de modestia Principis. Salvator dixit: Omnis, qui se exaltat, humiliabitur, et omnis, qui se humiliat, exaltabitur. Hoc verbum dictum est ad omnes homines... Regibus autem magis, quam alii cuiquam statui hominum est necessaria humiliatio sui et frequens de ea recordatio atque admonitio. Quia reges habent plures causas et occasiones superbiae. Nam primo ipsa natura corrupta vocat omnes homines ad superbiam, in regibus autem accedit etiam suprema fortuna, potestas et licentia, mollis educatio, splendor, demissio omnium et adulatio. Blandiuntur eis homines assidue et laudant et honoribus titulisque ornant seu rectius dementant... Rex autem prudens debet modestiam semper in animo habere et... sic cogitare: Supra homines constitutus sum, sed tamen homo sum. Quamdiu autem ero superior? Mors imminet et me cum caeteris aequabit; Deus autem rationem a me exiget. Nunc felix sum; at tristis aliquis casus imminet et me deprimet. Nunc regno; sed possum subjici. Nunc dominor; sed possum servire. Quidquid in altum excrevit, opportunum est ad casum (рукоп.).

общую и проливаютъ свою кровь за отечество, должны держаться перипатетической философіи, а люди, занимающіеся чернымъ трудомъ и видящіе всю свою награду въ физическихъ удовольствіяхъ, по-неволѣ должны быть послѣдователями Эпикура[1]). Если этому замѣчанію придать болѣе широкій смыслъ и примѣнить его къ самому Крижаничу, то можно будетъ сказать, что онъ избралъ философію, вполнѣ къ нему подходящую. Всю жизнь онъ жилъ для идеи. Ради нея онъ учился, ради нея онъ бросилъ свою родину и отправился въ далекую, неизвѣстную страну. Тамъ онъ испыталъ бѣдность, терпѣлъ горе, лишенія, былъ сосланъ въ Сибирь. Вообще внѣшнія обстоятельства были для него чрезвычайно неблагопріятны; трудно найти другого человѣка, котораго бы судьба менѣе баловала, чѣмъ Крижанича. Только склонность во всемъ видѣть суету суетъ могла заставить его забыть эти тяжелыя обстоятельства, и только глубокая вѣра въ Промыслъ Божій могла его при этомъ поддерживать, могла давать ему надежду, что когда нибудь дорогія ему идеи осуществятся.

---

[1]) Разговоры стр. 728: Quod nobiles sint peripatetici, nigritae vero epicuraei. Sciendum est, quod rex, principes et nobiles vivunt in tali statu, qui ordinatus est ad hoc, ut pro bono publico laboretur mente et corpore, et ut sanguinem profindant pro eodem. Idcirco nobiles profitent se spectare virtutem et honestatem prae utilitate et voluptate et ideo merentur honores et praemia. Nigritae autem profitent se intentos esse ad solum opificum sive ad utilitatem et quietem et voluptatem, honorem autem non cogitant. Et ideo non debet eis honor et censentur sequi Epicuri doctrinam (рукоп.).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Задачи государства.

Въ ту эпоху, когда Крижаничъ писалъ свои „Разговоры объ владательству", основнымъ вопросомъ государственной науки былъ вопросъ объ общественной природѣ человѣка. Есть ли человѣкъ животное общественное, какъ думалъ Аристотель, или нѣтъ? Для мыслителей XVII вѣка, стоявшихъ убѣжденно на точкѣ зрѣнія естественнаго права, отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ необходимъ для опредѣленія своего отношенія къ естественному праву и къ государству. Если человѣкъ животное общественное, то онъ въ самомъ себѣ заключаетъ уже начала права; естественное право есть право, дѣйствующее отъ природы, и задача государства только въ томъ, чтобы дать ему правильное внѣшнее выраженіе. Если же, наоборотъ, человѣкъ существо эгоистическое, то естественное право можно понимать только, какъ право, дѣйствовавшее когда то, въ пору золотого вѣка, въ раю, или какъ такое право, которое еще только должно вступить въ дѣйствіе; тогда и область государства, по необходимости, расширяется: въ его задачу входитъ не только охрана права, но и воспитаніе человѣка къ общественной жизни, и забота о его благосостояніи.

Крижаничу не была чужда идея естественнаго права; въ различныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ говоритъ о „правдѣ", объ „уроженномъ законоставіи", о „Божіемъ законоставіи" [1]) и т. п. Поэтому вопросъ объ общественной

[1]) Разговоры объ владательству, I, стр. 3, 278; II, стр. 61.

природѣ человѣка былъ и для него неизбѣженъ. Человѣкъ, говоритъ Крижаничъ, рожденъ не для того, чтобы жить для одного себя и заботиться только о своихъ удовольствіяхъ, но каждый долженъ дѣлать какое нибудь дѣло, которое полезно было бы и для другихъ людей [1]). Но жизнь въ обществѣ требуетъ отъ человѣка цѣлаго ряда свойствъ, которыхъ мы у него въ дѣйствительности не замѣчаемъ, и потому Крижаничъ смѣло выступаетъ съ идеей объ испорченности природы человѣка, о несоотвѣтствіи ея тому, что требуется условіями общественной жизни. Подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, Крижаничъ вѣритъ даже въ возможность естественнаго состоянія людей, въ которомъ они, лишенные свѣта разума, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ гуманныхъ понятій, живутъ, какъ животныя—безъ вѣры, безъ царя, безъ закона. Такими представлялись ему бразильскіе дикари [2]). Какъ человѣкъ, религіозно настроенный, онъ видитъ причину испорченности людей въ первородномъ грѣхѣ [3]). Въ силу этого грѣха большинство охотно подчиняются своимъ страстямъ, и лишь немногіе руководятся въ своей дѣятельности разумными соображеніями. Люди, вообще, эгоисты. Рѣдки, говоритъ Крижаничъ, люди, которые посту-

[1]) Разгов. объ влад. I, стр. 253: Nemo enim sibi vivit, ut ait apostolus: hoc est, nemo ad hoc natus est, ut sibi soli vivat, et ut tantummodo pro suis voluptatibus solicitus sit. Sed unusquisque homo debet operari aliquod opus, quod in commune prosit etiam aliis hominibus.

[2]) De Providentia, стр. 30: Si videlicet reperiatur aliquis populus, qui omne lumen rationis (quod omnibus a Deo datum est) in se exstinxerit et omnem humanitatem exuerit et in bestiarum naturam sese transformaverit, quales verbi gratia sunt Brasiliani, qui nullam fidem, nullum regem et nullam legem habent et nudi ambulant et humanas carnes manducant et parentes ac fratres suos ideo occidunt, ut eos devorent. Huiusmodi populos licitum est absque alia causa bello aggredi et subiicere et vi ad humanam vitam colendam adigere. Tales enim censentur instar ferarum (рукоп.).

[3]) Разг. объ влад. II, стр. 47: homines propter corruptam naturam suam (cum sit per peccatum corrupta et impatiens imperii facta) gaudent effreni licentia peccandi. — Ср. стр. 69: corruptio naturae humanae. Еще: II, стр. 298.

пали бы хорошо изъ любви къ добродѣтели, или которые бы общественное благо ставили выше своихъ личныхъ выгодъ. Поэтому на каждаго человѣка должна быть розга; только страхъ передъ наказаніемъ можетъ заставить людей дѣйствовать, какъ слѣдуетъ, —въ духѣ общественности [1]). Слѣдовательно, основной принципъ государства подчиненіе человѣка, политическое рабство, servitus, а никакъ не свобода, и Крижаничъ смѣется надъ тѣми нѣмцами (или германофилами: Germanisti), которые порицали современный ему русскій государственный строй на томъ основаніи, что онъ не оставляетъ мѣста свободѣ, которая будто бы процвѣтаетъ въ европейскихъ государствахъ. Онъ доказываетъ, что и тамъ человѣкъ живетъ подъ принужденіемъ, подъ угрозой наказанія: „эти самые проповѣдники свободы, которые набираютъ солдатъ стукомъ барабана,—когда люди уже записались въ наборъ, держатъ ихъ въ суровой дисциплинѣ и въ рабствѣ, такъ что за малѣйшую провинность, за одно полотенце, за одну курицу едва не вѣшаютъ человѣка. И еслибъ этого не дѣлали, нельзя было бы и войну вести. Такъ, съ самой большой свободой соединено и самое большое рабство, какого и не слыхано въ нашихъ войскахъ“ [2]). Слѣдовательно, о какомъ бы государствѣ ни шла рѣчь, вездѣ сущность государственнаго порядка заключается въ принужденіи; вездѣ правительство заставляетъ гражданъ противъ воли стремиться къ тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ они соединились въ общество.

Исходя изъ этого, Крижаничъ очень широко очерчиваетъ область государства. Задачу государства онъ опредѣляетъ коротко, какъ заботу о счастіи, или благосостояніи народа: „урядъ кралевъ есть людство чинить блажено“ [3]):

[1]) II, стр. 78: Rari quippe sunt homines, qui ex virtutis amore bene operentur, quique publicum bonum privato praehabeant: imo vero plerique omnes privatum publico praeferunt; et tantum ex metu poenarum operantur, si quid recte operantur. — Ср. стр. 67.

[2]) Тамъ же, II, стр. 69.

[3]) Тамъ же, II, стр. 57. Ср. стр. 30: Officium regis est populum facere beatum; и далѣе.

въ другомъ мѣстѣ онъ опредѣляетъ эту задачу еще шире и требуетъ, чтобы правительство заботилось о спасеніи душъ всѣхъ своихъ подданныхъ: „конецъ, коего всякій законоставецъ мораетъ (долженъ) смотрѣть, есть Божія слава, спасеніе душъ и общее временное добро народное“ [1]). Но строго говоря, задачу или цѣли государства Крижаничъ не отличаетъ принципіально отъ цѣлей человѣческой жизни вообще: тѣ и другія у него совпадаютъ. Въ предисловіи къ своему главному труду онъ приводитъ слова пророка Іереміи: „да ся не славитъ мудрый въ мудрости, ни сильный въ силѣ своей, ни богатецъ въ богатству своемъ; но кто ся славитъ, объ семъ да ся славитъ, яко знаетъ Мене“ (Іер. IX, 23—24) и толкуетъ ихъ въ томъ смыслѣ, что стремленіе къ силѣ, богатству и мудрости лежитъ въ природѣ человѣка, но это стремленіе тогда только законно, когда онъ вмѣстѣ съ тѣмъ стремится къ благочестію—къ богопознанію и добродѣтели. Послѣ этого Крижаничъ продолжаетъ: „Пророковыя приведеныя рѣчи намъ объявляютъ, четыре быти столпы господарствомъ: Богочестіе, благо, силу и мудрость“. Богочестіе укрѣпляетъ душевныя силы и приготовляетъ къ вѣчному блаженству, а остальные три способствуютъ счастію физическому [2]). Въ другомъ мѣстѣ онъ указываетъ, что въ обязанность царя входятъ: богочестіе, правда, покой и обиліе [3]). Если сравнить эту формулу съ предыдущей, то придется признать, что обиліе здѣсь соотвѣтствуетъ благу, покой—силѣ, правда—мудрости; самъ Крижаничъ переводитъ правду словомъ судъ, покой—словомъ миръ, и обиліе—словомъ дешевина. Значитъ, обѣ формулы оди-

[1]) II, стр. 58; ср. стр. 30.

[2]) Предговоріе, стр. V.

[3]) Разговоры, I, стр. 386. — Ср. тамъ же, л. 1 об.: Officium boni monarchae est: 1) terram replere hominibus, 2) dispersos congregare, 3) seductos et alienatos ad fidem et amorem reducere, 4) discolos (?) licentiosos, maleficos et inobedientes punire, 5) bonos praemiare, 6) totius gentis ... honorem conservare et non prostituere. Summa summarum: ita rex debet regnare, ut ab omnibus suae gentis hominibus ametur (рукоп.).

наково опредѣляютъ, что въ задачу государства входитъ охрана внѣшней и внутренней безопасности, установленіе справедливости, удовлетвореніе духовныхъ и матеріальныхъ потребностей населенія. При обсужденіи практическихъ вопросовъ государственной политики Крижаничъ, какъ увидимъ, долженъ будетъ нѣсколько отступить отъ этого взгляда и признать за государствомъ нѣкоторыя самостоятельныя задачи и особую роль въ жизни народа, но разсуждая о государствѣ вообще, онъ не видитъ для него иного назначенія, какъ стремленіе вмѣстѣ съ отдѣльными гражданами—а отчасти, и вмѣсто нихъ—къ тому, къ чему каждый изъ нихъ уже самъ стремится или долженъ стремиться.

Изъ духовныхъ цѣлей государства Крижаничъ съ особенной любовью останавливается на мудрости. Выясняя понятіе мудрости и ея содержаніе, онъ въ отдѣльной главѣ разсматриваетъ гибельное вліяніе невѣжества на судьбу народа [1]). Образованность, науку ставитъ Крижаничъ въ основу всей государственной политики, онъ требуетъ, чтобы правительство неустанно заботилось о просвѣщеніи народа, и выражаетъ свое глубокое убѣжденіе, что безъ образованія не можетъ быть государство сильно, и что эпохи государственнаго могущества всегда совпадали съ разцвѣтомъ наукъ и искусствъ. „Въ кое время кралество кое къ вышнему своему величеству возрасте, въ оно же время, при онòмъ народу и умѣтели (науки) наипаче цвѣсть начинаху", говоритъ Крижаничъ и приводитъ въ примѣръ Давида и Соломона, Александра Македонскаго, Августа, Константина В. и Карла Великаго [2]), которые или сами были философы или покровительствовали наукамъ и искусствамъ. Различая простое знаніе, въ смыслѣ знанія вещей и ихъ причинъ вообще, и мудрость, какъ высшее знаніе, Крижаничъ на-

[1]) Дѣлъ III: Объ мудрости. 1. Яко мудрость есть добра, полезна, корыстна, потребна. 2. Исказаніе объ мудрости, и объ знанію и объ философіѣ. 3. Объ политичной мудрости. 53. Сказаніе объ незнанію.

[2]) I, стр. 109.

ходитъ, что простое знаніе можетъ быть достаточно для обыкновенныхъ, рядовыхъ людей; оно всѣмъ доступно, такъ какъ пріобрѣтается изъ повседневнаго опыта. Но опытъ не только учитъ насъ: онъ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и источникомъ заблужденій, порой — самыхъ опасныхъ; поэтому правители государства не могутъ и не должны довольствоваться однимъ опытнымъ знаніемъ, „учиться изъ дѣльнаго отвѣданія" [1]). Правители должны изучать мудрость и, главнымъ образомъ, „политичную мудрость", или политику, которую Крижаничъ называетъ госпожею всѣхъ мірскихъ (свѣтскихъ) наукъ. Политика требуетъ, прежде всего, изученія свойствъ своего народа. Изучить же народъ — значитъ, по мнѣнію Крижанича, изучить 1) природныя способности, таланты и нравственныя качества народа по сравненію съ другими народами, 2) природу, среди которой населенію приходится жить, ея богатства и недостатки, 3) жизнь народа съ точки зрѣнія богатства и бѣдности, 4) сильныя и слабыя стороны государства, 5) законы, дѣйствующіе въ государствѣ, и исторію законодательства и народныхъ обычаевъ, 6) способы наилучшаго пользованія, какъ талантами народа, такъ и природными богатствами; наконецъ, политика учитъ хранить отъ другихъ государствъ тайны народа, беречь его честь, не выставлять на показъ его слабыхъ сторонъ и пользоваться опытомъ другихъ государствъ, насколько онъ приложимъ къ данному народу [2]). Такъ широко очерчиваетъ Крижаничъ обязательную для государя и его совѣтниковъ политическую мудрость. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рекомендуетъ правительству отдѣльныя мѣры къ распространенію образованія въ самомъ народѣ; такъ, онъ предлагаетъ, чтобы особый государственный чиновникъ, наблюдающій въ каждомъ городѣ за торговлей, имѣлъ для продажи учебники „торговой ариѳметики", и даже полагаетъ, что право торговли можетъ быть предоставляемо только

[1]) I, стр. 107 и 389.
[2]) I, стр. 118—119.

тѣмъ, кто получилъ хотя бы элементарное образованіе, умѣетъ читать, писать и считать [1]).

Заботу о матеріальномъ благосостояніи народа, по тому значенію, какое ей придаетъ Крижаничъ, слѣдуетъ поставить на второе мѣсто. Въ своихъ сужденіяхъ о причинѣ богатства народа Крижаничъ стоитъ далеко впереди своего времени. Онъ не только не благоговѣетъ передъ золотомъ и серебромъ, но и среди предметовъ, способныхъ удовлетворять наши потребности, различаетъ такіе, которые удовлетворяютъ потребности необходимыя, и такіе, которые удовлетворяютъ потребности менѣе настоятельныя и потребности роскоши; первымъ онъ отдаетъ предпочтеніе при оцѣнкѣ народнаго богатства. Но истинную причину благосостоянія народа Крижаничъ видитъ не въ благахъ природы и, вообще, не въ количествѣ цѣнностей, которыми народъ обладаетъ, а въ промышленной его дѣятельности и въ тѣхъ физическихъ и духовныхъ условіяхъ, которыя ей благопріятствуютъ. „Богато ся мнитъ быть кралество, въ коемъ ся родитъ злато, сребро и иныя руды, якожъ есть Харабска и Вугерска земля. Богатѣе есть оно: кое обилуетъ вещми ко пристроенію тѣла и ко платью пристоящими: драгимъ каменіемъ, бисеромъ, кораломъ... Еще богатѣе кажется быть оно, кое обилуетъ вещми къ ѣденію и къ питію пригожими: улѣемъ, виномъ, медомъ, солью, пшеномъ сарачинскимъ, пшеницею... А паипаче богато, чудовно и сильно ся узнаваетъ быть оно кралевство, гдѣ суть добрые убѣженные прѣметы илити доброуродны, домысливы разумы, и добра, нарядна пристанія и торговища, и гдѣ потому цвѣтетъ всяко рукодѣліе и тежачество, и великое морское торговство, якоже ся дѣетъ въ Англичанской и въ Брабанской землѣ" [2]). Въ этомъ отношеніи Крижаничъ очень близокъ къ физіократамъ и даже къ промышленной теоріи XVIII вѣка. Съ другой стороны, Крижаничъ не отдѣляетъ

[1]) I, стр. 21, 25.
[2]) Разговоры, I, стр. 7

богатства народнаго отъ богатства и благосостоянія государства: „убого кралество, убогъ краль; богато кралество, богатъ краль“ [1]). Онъ не допускаетъ мысли, чтобы государственная казна могла обогащаться такими способами, которые не ведутъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ умноженію богатства народнаго. Царь, говоритъ онъ, показываетъ свою щедрость не тогда, когда дѣлаетъ большія траты или подарки, а тогда, когда онъ ничего не беретъ отъ подданныхъ лишняго. Ибо онъ ничего не можетъ подарить одному, чего бы онъ раньше не взялъ отъ другого или отъ многихъ. Поэтому лучше сокращать подарки, чѣмъ мучить народъ ненужными податями. Царь долженъ заботиться не о томъ, чтобы пять или десять человѣкъ его благословляли, а о томъ, чтобы его благословлялъ весь народъ [2]). Мѣры, которыя обогащаютъ одно только правительство, онъ называетъ неправедными, нечестными, неистинными и утверждаетъ, что онѣ „не къ обогащенію, но паче къ убоженію прямо ведутъ“ [3]). Изъ числа такихъ мѣръ Крижаничъ указываетъ наиболѣе употребительныя въ его время: 1, порча монеты; ее онъ сравниваетъ съ тѣми remedia desperata, какими врачи пользуются въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, и которыя чаще влекутъ за собою не выздоровленіе, а смерть; 2, жестокіе, чрезмѣрные налоги; и 3) пассивная торговля, когда правительство предоставляетъ иностранцамъ право привозить свои товары и открывать свои склады [4]). Истинными средствами обогащенія казны являются мѣры, способствующія подъему промышлен-

[1]) Тамъ же, стр. 5 и 41.

[2]) Разговоры, л. 1, об.: Rex non potest esse liberalis multa donando ac profundendo, sed potius erit liberalis, si nihil avare eripiat a subditis. Nihil enim potest rex donare uni, quod non accipiat prius ab altero, aut a multis. Ac proinde melius est temperare sibi in donationibus, in variis splendoribus, quam vexare populum non necessariis exactionibus. Quid... stabilis est: ut tres aut 5, aut 10 te laudant et benedicant ob accepta ingentia munera, totus autem populus maledicat? an potius, ut omnes benedicant, et nemo maledicat? (рукоп.).

[3]) I, стр. 2.

[4]) I, стр. 2—3. Сюда же причисляетъ Крижаничъ и алхимію.

ныхъ силъ народа. Поэтому правительство должно заботиться о путяхъ сообщенія [1]), объ увеличеніи народонаселенія (поощряя браки, запрещая вывозъ хлѣба и т. п. [2]), должно устраивать базары, устанавливать общіе мѣры и вѣсы [3]), предоставлять разныя льготы ремесленникамъ [4]) и т. д. Какъ можно думать, Крижаничъ нѣсколько колебался въ вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли торговлю считать занятіемъ производительнымъ или нѣтъ [5]); но по отношенію къ земледѣлію у него не было никакого колебанія. Онъ гораздо раньше Кэнэ, и съ неменьшей силой, чѣмъ Кэнэ, выставилъ положеніе, что земледѣліе есть наиболѣе производительное занятіе, что оно есть основа всего народнаго и государственнаго благосостоянія; „тежачество, говоритъ онъ, есть всему богатству корень и основаніе: тежакъ бо кормитъ и богатитъ и себе, и реместника, и торговца, и болярина, и краля“ [6]). Поэтому Крижаничъ съ особенной любовью останавливается на земледѣліи; онъ разсматриваетъ различныя системы земледѣлія и указываетъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя государство должно принимать для его развитія [7]).

На третье мѣсто слѣдуетъ поставить заботу о народной нравственности. Крижаничъ неоднократно говоритъ, что основу государственнаго благосостоянія и могущества составляютъ трудъ и нравственность или благочестіе [8]). Онъ не находитъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобъ заклеймить

[1]) I, стр. 19.

[2]) II, стр. 87—102.

[3]) I, стр. 6—29.

[4]) I, стр. 30—40.

[5]) Paniperdae sunt mercatores. Ipsi enim (similiter ut Sardanapali) nec manibus, nec consilio laborant neque sanguinem fundunt pro gente. Non enim agros colunt, non ferrum cudunt, non in consiliis pervigilant, non justitiam administrant, non legationes obeunt, non exercitum ducunt, non militant (II, стр. 28). Ср. II, стр. 23, 42; I, стр. 261. Contra: II, стр. 88, 90 и др.

[6]) I, стр. 41, 288. Ср. стр. 259—260.

[7]) I, стр. 40—57.

[8]) Напр. I, 5, 386; II, 25, 221 и слѣд.

„сардапапаловъ“, какъ онъ ихъ называетъ, т. е. людей, ничего не дѣлающихъ, живущихъ въ свое удовольствіе, проводящихъ жизнь въ роскоши [1]); наоборотъ, онъ всячески выхваляетъ умѣренность и скромность, какъ середину между двумя крайностями [2]). При этомъ Крижаничъ указываетъ и практическія мѣры для борьбы съ общественными пороками. Противъ роскоши въ одеждѣ онъ думаетъ бороться запрещеніемъ ввоза иностранныхъ тканей и украшеній, противъ праздности—лишеніемъ непроизводительныхъ классовъ населенія нѣкоторыхъ привилегій, противъ пьянства—различными полицейскими мѣропріятіями и т. д. [3]).

Къ задачамъ государства Крижаничъ относитъ и охрану его внѣшней безопасности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и заботу о вооруженныхъ силахъ страны. Крижаничъ признаетъ важность этого вопроса и весьма обстоятельно разсуждаетъ о постройкѣ и содержаніи крѣпостей, о различныхъ видахъ оружія, о военномъ строѣ и т. д. [4]); но рядомъ съ этимъ онъ дѣлаетъ двѣ оговорки, которыя имѣютъ цѣлью предупредить излишнее увлеченіе этой задачей. Во-первыхъ, онъ или рѣшительно высказывается противъ всякой войны, кромѣ оборонительной, при чемъ, въ духѣ своего религіознаго міросозерцанія, допускаетъ, что могутъ быть государства, которыя Богомъ предназначены для веденія наступательныхъ войнъ съ цѣлью наказанія другихъ государствъ и народовъ, или, въ другихъ мѣстахъ, онъ требуетъ для наступательной войны особо-важнаго повода, а не одного только желанія сдѣлать земельныя пріобрѣтенія [5]). Во-вторыхъ, онъ утверждаетъ, что истинную силу государства

[1]) II, стр. 26.

[2]) I, стр. 241.

[3]) I, стр. 5, 140, 241; II, стр. 26, 42, 61.

[4]) Дѣлъ II: Объ силѣ. 1. Объ твердностехъ. 2. Объ оружію. 3. Объ строехъ военныхъ. 4. Объ воякехъ. 5. Объ войводахъ. 6. Объ бесѣдѣ, объ именехъ, и объ строю или платью вояческомъ. 7. Объ мытехъ и объ почестехъ вояческихъ. (I, стр. 65—104.)

[5]) I, стр. 386. Ср. De Providentia, стр. 28: Utrum liceat christianis aliquando bellum inferre? (рукоп.).

составляютъ не крѣпости и войска, а благочестіе государя, хорошее управленіе, народное единомысліе (згода народная), осторожность въ отношеніи къ иностранцамъ и умѣлый выборъ союзниковъ [1]). Когда правительство обо всемъ этомъ заботится, государству нечего бояться внѣшнихъ враговъ: а когда оно этимъ пренебрегаетъ, ему и войско не поможетъ.

Таковы свѣтскія задачи государства. Но къ числу задачъ его Крижаничъ относитъ еще и богочестіе. Религія вообще, по его убѣжденію, составляетъ основаніе всей государственной и общественной жизни. Безъ нея невозможны ни справедливость, ни добродѣтель; безъ нея—только обманы, своеволіе, безпорядокъ. Только одна религія можетъ составить дѣйствительную сдержку преступнымъ наклонностямъ человѣка и внушить ему дѣйствительный страхъ. Ибо тотъ „внѣшній страхъ", на который разсчитываютъ уголовные законы, для многихъ оказывается недостаточнымъ. Въ особенности это относится къ царямъ, которые стоятъ выше законовъ: только одна религія можетъ ихъ заставить держаться въ должныхъ предѣлахъ [2]). Поэтому всякій христіанскій государь, если онъ хочетъ счастливо царствовать не только въ этомъ царствѣ, но и въ будущемъ царствѣ Христа, долженъ твердо помнить, что между всѣми дѣлами, которыя ему вручило Провидѣніе, самое важное есть дѣло Церкви Христовой. Всякій государь, говоритъ Крижаничъ, есть защитникъ Церкви (defensor ecclesiae). Онъ долженъ защи-

[1]) I, стр. 65—66.

[2]) De Providentia, добавочный листъ 1: (выписка изъ Lipsius'а) Sine ea enim neque princeps neque subditi facient suum officium et sine ea (non?) erit societas, quia non erit fides neque iustitia neque virtus: sed fraus, licentia et protervitas et confusio omnium rerum. Quod enim frenum erit, quo homines a sceleribus cohibentur? quis metus satis validus? Nam externum illum metum, qui a paenis aut morte est, multi contemnunt; et desperatio, impetus aut iracundia (et egestas coniuncta cum malitia) fuit, ut multi supplicia contemnant. Praesertim principes ipsos, quid intra modestiae limites continebit, si non religio? Esto igitur vinculum et firmamentum reipublicae religio, ac princeps ipse eam habeat, quemadmodum ratio et gratitudo ei iubet (рукоп.).

щать ее не только отъ внѣшнихъ враговъ, которые угрожаютъ тѣлу, но еще больше отъ тѣхъ враговъ, которые ополчаются на душу христіанина, каковы всѣ еретики и схизматики, а особенно всѣ, кто выдумываетъ ереси [1]). Этой охранительной задачей и ограничиваетъ Крижаничъ отношеніе государства къ церкви. Государственная власть защищаетъ церковь, оказываетъ ей поддержку и покровительство, сама подчиняется установленіямъ и заповѣдямъ религіи и въ нихъ черпаетъ послѣднія основанія своей дѣятельности; но активной роли въ жизни церкви ей не принадлежитъ. Она не можетъ вносить никакихъ измѣненій или реформъ ни въ религію, ни въ церковное управленіе, установленное Христомъ и апостолами. Государь, говоритъ Крижаничъ, не только не долженъ самъ ничего измѣнять въ церкви, но и епископамъ, которые захотѣли бы нарушить церковный миръ, онъ не долженъ позволять никакихъ измѣненій [2]). Не трудно видѣть, что формула, которую даетъ

[1]) Тамъ же, стр. 109: Omnis igitur christianus et pius rex (si in praesenti et in futuro Christi regno feliciter regnare vult) primo scire debet, quod inter omnia Divinae Providentiae opera praecipuum maximumque opus sit ecclesia Christi et eius Regimen. Et scire debet se esse Defensorem ecclesiae, ut eam defendat non solum contra hostes abaptistos et corporum oppugnatores; utrum etiam contra animarum hostes, qui sunt haeretici et schismatici, seu potius haeresiarchae et schismatarchae. Praecipue vero debet eam defendere contra iniquos invasores, quales sunt schismatici pontifici sive patriarchae (рукоп.).

[2]) Тамъ же, стр. 151—152: Tertio sciat, quod nihil sibi liceat in ecclesiastico regimine mutare; sed tantum ea, quae a Christo et ab apostolis constituta sunt, illaesa conservare ac defendere. Quarto: quod maximum scelus committeret ille rex, qui vel ipsemet quidquam in ecclesiastico regimine labefactaret; vel quibuscunque episcopis aut patriarchis schismaticis et ecclesiasticae pacis turbatoribus consentiret aut adhaereret.—Стр. 153: Nono: caveat rex, ne persequatur, conturbet, molestet aut spernat ecclesiam Christi neque conetur mutare quidquam *in peius* aut labefactare iura Spiritualis Regiminis regni Christi: sicut fecerunt complures imperatores Graecorum et Germanorum, qui varie molestaverunt ecclesiam, et omnibus talis conatus male successit, (рукоп.).

Крижаничъ для отношеній между государствомъ и церковью, не отличается большою точностью. Государству, по этой формулѣ, только по-видимому принадлежитъ лишь охранительная власть; на самомъ же дѣлѣ, если правительство обязано наложить руку и на епископовъ, которые захотѣли бы измѣнить что нибудь въ церковныхъ порядкахъ, оно тѣмъ самымъ становится надъ церковной іерархіей, какъ ея глава. Крижаничъ разъясняетъ, что государь не вообще ничего не можетъ измѣнять въ церкви, а только не можетъ ничего измѣнять къ худшему. Эта оговорка, конечно, еще болѣе возвышаетъ власть государства надъ церковью, ибо здѣсь государство является уже судьею въ церковныхъ и, можетъ быть, даже въ догматическихъ вопросахъ: оно будетъ судить, какія измѣненія можно допустить, и какія — нѣтъ.

Этотъ взглядъ, конечно, очень далекъ отъ того, какъ смотрѣли на отношеніе свѣтской и церковной власти католическіе писатели. У нихъ нельзя найти и намека на право или обязанность государственной власти заботиться о дѣлахъ церкви и вмѣшиваться въ нихъ. Такого вопроса католическіе мыслители даже и не ставили. На-оборотъ: они провозгласили за церковной властью право вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, и вопросъ для нихъ могъ быть только о границахъ этого права и объ его основаніяхъ. Объ этомъ правѣ согласно учили и Іоаннъ Салисбюрійскій, и Иннокентій III, и Ѳома Аквинскій. Первый—призналъ царя слугою священника (minister sacerdotis), а позднѣе папа былъ объявленъ даже богомъ императора (papa—deus imperatoris). Право вмѣшиваться въ гражданскія дѣла, отмѣнять законы и судебныя рѣшенія сохранила за папой и іезуитская политика въ лицѣ своихъ наиболѣе видныхъ представителей — Беллармина и Суареца. Отрицала это право на Западѣ одна только оппозиціонная литература, которая выступала на защиту императора противъ притязаній папы [1]). Но и эта литература не выставляла или, по крайней мѣрѣ, не выработала теоріи

[1]) Чичеринъ. Исторія политическихъ ученій, т. I, стр. 145, 160, 193, 207, 382, 402.

о вмѣшательствѣ свѣтской власти въ церковныя дѣла. Впервые эта теорія встрѣчается у лютеранскихъ мыслителей. Они первые стали утверждать, что государь долженъ наказывать богохульство, запрещать ложные догматы, заботиться о распространеніи истинной вѣры. Такъ думалъ напр. Меланхтонъ [1]). Слѣдовательно, если говорить о сходствѣ Крижанича съ западными теоріями въ вопросѣ объ отношеніи между свѣтской и церковной властями, то можно видѣть его сходство съ лютеранскими теоріями, а никакъ не съ католическими. Но съ еще бо́льшимъ основаніемъ можно говорить о близости теоріи Крижанича къ той формулѣ отношеній свѣтской власти и церковной, которая носитъ названіе византійской. Въ Византіи за императоромъ признавалось право законодательства въ церковныхъ дѣлахъ, признавалась забота о вѣрѣ и о церковномъ благоустройствѣ; на немъ лежала „maxima sollicitudo circa dei vera dogmata et circa sacerdotum honestatem“. Но съ другой стороны, императоръ долженъ былъ въ веденіи государственныхъ дѣлъ руководиться церковными воззрѣніями и установленіями [2]). Приблизительно такого характера взаимную зависимость церкви и государства признаетъ Крижаничъ, ибо онъ говоритъ одновременно и о правѣ вмѣшательства государственной власти въ церковныя дѣла, и о подчиненіи ея церковнымъ установленіямъ. Такую же близость можно указать и по отношенію къ нѣкоторымъ русскимъ теоріямъ, а именно, прежде всего, къ школѣ Іосифа Волоцкаго. Самъ Іосифъ, какъ извѣстно, не колеблясь, признавалъ за царемъ обязанность казнить еретиковъ. Онъ ставилъ царскую власть выше святительской и возлагалъ на царя обязанность заботиться о чистотѣ христіанской вѣры и блюсти церковные уставы, откуда наказаніе еретиковъ вытекало уже, какъ частная обя-

---

[1]) Тамъ же, стр. 337.

[2]) Hinschius. Staat und Kirche, Freib. 1883, стр. 192—194; В. Сергѣевичъ. Русскія юрид. древности, т. II, вып. 2 (СПб. 1896), стр. 483—488.

занность [1]). Ближайшій послѣдователь Іосифа митрополитъ Даніилъ во многомъ смягчилъ его ученіе. Но и онъ, признавая еретиковъ врагами не только церкви, но и государства, тѣмъ самымъ подчинялъ ихъ свѣтскому суду и, слѣдовательно, вмѣнялъ въ обязанность государственной власти заботу о чистотѣ вѣры [2]). Позднѣе, въ XVII вѣкѣ, послѣ перваго крупнаго столкновенія свѣтской власти съ церковною первенство свѣтской власти было установлено какъ бы оффиціально. Въ отвѣтахъ вселенскихъ патріарховъ прямо говорится, что царская власть выше патріаршей, и что патріархъ долженъ быть царю „послушливъ". Ни архіерей, ни пресвитеръ не можетъ владѣть мірскою властью, не можетъ „вещемъ мірскимъ начальствовати" [3]). О первенствѣ государственной власти передъ церковною Крижаничъ, правда, не говоритъ; но онъ возлагаетъ на государственную власть заботу о вѣрѣ и о церковномъ благоустройствѣ и тѣмъ косвенно подчиняетъ церковь государству. Ибо церковныя дѣла онъ этимъ вводитъ въ область гражданскаго законодательства.

Такъ широко опредѣляетъ Крижаничъ дѣятельность и задачи государства. Для него эти задачи отнюдь не сводятся къ охранѣ юридическаго порядка среди населенія, но охватываютъ всѣ разнообразныя потребности человѣка, и потому то можно сказать, что Крижаничъ не проводитъ принципіальнаго различія между задачами государства и задачами человѣческой жизни вообще. Онъ понималъ дѣло такъ, что, если вся жизнь человѣка проходитъ въ государствѣ, и государство должно оказывать человѣку содѣйствіе во всѣхъ случаяхъ его жизни. Съ другой стороны, эта широта въ опредѣленіи государственныхъ задачъ находитъ себѣ соот-

---

[1]) Просвѣтитель, Казань 1857 (изд. слав. шрифт.) стр. 543 и слѣд., 559. — Ср. И. Хрущовъ. Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, СПб. 1868, стр. 191, 198, 225, 235, 237, 242, 252.

[2]) В. Жмакинъ. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. М. 1881, стр. 410—411, 414, 417.

[3]) Собр. Госуд. Грам. и Догов., ч. IV, стр. 89, 102 и 103.

вѣтствіе и объясненіе въ томъ, какъ Крижаничъ склоненъ былъ смотрѣть на самое государство. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ нигдѣ не становится опредѣленно на юридическую точку зрѣнія, нигдѣ не разсматриваетъ государство, какъ правовую только организацію; напротивъ, его сочиненія имѣютъ всегда въ виду государственную жизнь въ ея цѣломъ, они даютъ или, вѣрнѣе, должны были бы дать то, что впослѣдствіи стало называться физіологіей государства, т. е. ученіе объ элементахъ, изъ которыхъ слагается государство, о вліяніи на него среды, о происхожденіи государственнаго тѣла и объ измѣненіяхъ въ немъ. Поэтому то въ его „Разговорахъ объ владательству“ т. е. въ разговорахъ о государствѣ такъ много мѣста удѣлено разсужденіямъ о матеріальномъ богатствѣ и о силѣ, какъ основахъ государственнаго порядка и могущества. Крижаничъ видитъ въ государствѣ живой организмъ, живое тѣло, которое живетъ своею особой, самостоятельной жизнью. „Яко тѣло чловѣческо, говоритъ онъ, складывается изъ своихъ вудовъ, главы, рукъ, ногъ и иныхъ, тако и наравное тѣло кралества имаетъ свое вуды, кои ся могутъ раздѣлить на три ряды, рекши на уды сохраняющіе, сохранные и кужные или нездравые. Сохраняющи вуды есуть оны, кои добываютъ и кои соблюдаютъ всякія гъ житію потребныя вещи. Сохранны вуды есуть воны, кои суть сохраняющимъ потребны для разныхъ причинъ. Кужны или сказны вуды есуть оны, кои своими сказами заражаютъ кралество и благо его изъѣдаютъ. А глава всѣмъ есть краль“ [1]). Итакъ, главу государственнаго тѣла составляетъ правительство, его членами являются различные общественные классы. Къ общественнымъ классамъ, работающимъ для сохраненія государства, Крижаничъ относитъ дворянство, военное сословіе, купцовъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ и рабовъ, къ сохраняемымъ — духовенство, женщинъ, дѣтей, бѣдныхъ и др.; наконецъ, къ вреднымъ—еретиковъ, волхвовъ, инородцевъ, расточителей, ростовщиковъ и преступниковъ.

[1]) Разговоры, I, стр. 256.

Всякое государство составлено изъ враждебныхъ другъ другу элементовъ („незгодныхъ частей“), которые постоянно находятся въ борьбѣ, другъ другу противодѣйствуютъ и этимъ производятъ болѣзни и разрушеніе государства [1]): „государство, будто недугми, заражается, хорѣетъ и тлѣетъ“. Оно въ самомъ себѣ уже заключаетъ причину своего разложенія. Крижаничъ раздѣляетъ мнѣніе Макіавелли о томъ, что государства находятся въ постоянномъ водоворотѣ—то возвышаются, то идутъ къ упадку: „крѣпость сотваряетъ людемъ покой, покой заводитъ празнованіе, празнованіе плодитъ сказу, сказа приводитъ упадокъ и погибель. А отъ упадка опять ся чинитъ повратъ гъ добрымъ уставамъ ильти закономъ, отъ добрыхъ уставъ ко крѣпости, отъ крѣпости гъ доброму стоянію ильти ко блажености и ко славѣ“ [2]). Вмѣстѣ съ историкомъ Юліемъ Флоромъ Крижаничъ утверждаетъ, что всякое государство, подобно живому организму, проходитъ въ своей жизни опредѣленные возрасты. Всякое государство сначала бываетъ небольшимъ и неустроеннымъ. Потомъ оно начинаетъ вести войны, учиться наукамъ, расширяться и становиться богатымъ, подобно юношѣ, который учится и растетъ. Потомъ оно строитъ города, устанавливаетъ законы, достигаетъ совершенства въ наукахъ; тогда оно подобно мужу, которому свойственно быть совершеннымъ. И чѣмъ государство больше заботится о своемъ усовершенствованіи, тѣмъ оно дольше будетъ жить; на-оборотъ, чѣмъ оно меньше заботится о хорошихъ законахъ, о добродѣтели, о наукахъ, тѣмъ скорѣе оно состарится и умретъ. Такимъ образомъ, всякое „моральное тѣло“ (corpus morale), всякое человѣческое общество подобно деревьямъ и растеніямъ, которыя растутъ, достигаютъ зрѣлости, старѣютъ, измѣня-

---

[1]) Тамъ же, I, стр. III: Тако прямо всяко владательство есть составлено изъ многихъ незгодныхъ частей, коя своимъ незгодіемъ и бореніемъ владательству наносятъ тлѣнную нужу и поспѣшаютъ къ его нарушенію или и къ разоренію.

[2]) Тамъ же, II, стр. 145.

ются съ возрастомъ и требуютъ для себя заботливаго ухода [1]).

Физіологическій взглядъ на государство не только объясняетъ широту пониманія государственныхъ задачъ, какую находимъ у Крижанича; онъ объясняетъ также, почему мы не встрѣчаемъ у него механическаго взгляда на способъ выполненія государствомъ лежащихъ на немъ задачъ. Крижаничъ не думаетъ, что правительство можетъ выполнить свои задачи, достичь поставленной себѣ цѣли однимъ изданіемъ соотвѣтственнаго закона. Какъ ни важною представляется ему роль правительства въ государственной жизни, но онъ далекъ отъ того, чтобы приписывать ему всемогущество. На-оборотъ, онъ думаетъ, что правительство одно, безъ поддержки общественныхъ силъ ничего не можетъ до-

---

[1]) Разговоры, стр. 547: Omnia regna habent suas aetates non secus, quam homines aut arbores. Julius Florus assimilavit regnum Romanorum quattuor aetatibus humanis et distributis temporibus pulcre explicavit urbis Romae pueritiam, iuventutem, virilem aetatem et senectutem. Haec assimilatio vere quadrat omnibus aliis regnis. Omne enim regnum principio fuit parvum, rude, inordinatum et simile puero. Deinde cepit bella gerere, artes discere, crescere seu dilatari et locupletari; et simile fuit iuveni alicui, qui crescit, discit et adolescit. Deinde condidit urbes, sanxit leges, acquisivit in artibus perfectionem, acquisivit sapientiam, ita ut sibi ipsi sufficeret cum Deo, et simile factum est viris, quorum proprium est esse perfectos. Et quod regnum melius sibi providit de istis perfectionibus seu virtutibus, illud fuit magis durabile et tarde consenuit; quod autem parum solicitum fuit de bonis legibus, de virtutibus, de artibus et de omni perfectione, illud cito consenuit et eversum est. Omne ergo corpus morale sive omnis hominum societas (velut est regnum, exercitus, urbs, ordo monasticus etc.) similis est quibusdam delicatis arboribus et plantis, quae crescunt, maturescunt, senescunt, per aetates mutantur et indigent varia cura et cultura. Ipsamet adeo ecclesia Christi habet suas aetates, sed in hoc discernitur ab aliis societatibus, quod Christus ei semper adest semperque eam confortat. Sed tamen necessaria ei est perpetua cura et cultura. Olim antequam inventae fuissent bombardae, bene poteramus bellare sine illis. At nunc, si quis educeret exercitum contra Germanos sine bombardis, in certam mortem eum educeret. Tempus cogit nos uti novis armis (рукоп.).

стичъ. Только эта поддержка даетъ ему настоящую власть, только при постоянномъ взаимодѣйствіи всѣхъ общественныхъ элементовъ можетъ итти правильно государственная жизнь. Поэтому Крижаничъ приглашаетъ народъ, всѣ его слои къ честному, не за страхъ только, но и за совѣсть, выполненію каждымъ лежащихъ на немъ обязанностей, къ постоянной заботѣ о благѣ общественномъ. Что полезно, говоритъ онъ, главѣ, то полезно и всему тѣлу: народъ, поддерживая правительство и помогая ему, заботится этимъ о себѣ самомъ [1]).

Крижаничъ, однако, не увлекается, своей органической теоріей. Онъ хорошо понимаетъ, что всѣ свои задачи государство можетъ выполнять не иначе, какъ только въ формѣ права, только постоянно измѣняя законодательство сообразно опредѣленнымъ идеаламъ и измѣняющимся потребностямъ страны. „Како можемъ мы людство учинить блажено? Становито не можемъ мы заповѣдать землѣ, дабы произвела овощіе, нить морю, дабы произвело рыбы. Но можемъ начинить добрыя уставы; а уставы суть орудіе гъ доброму и блаженому житію, и безъ нихъ ни единъ народъ не можетъ быть блаженъ. Гдѣ есть добро законоставіе, тамо есть и милость Божія, и прецѣнба чловѣческая, и все добро, кое есть зможно оному народу и державѣ. А гдѣ нѣсть добра законоставія, тамо есть нужа быть разнымъ общимъ злобамъ, обидамъ, тугамъ“. Крижаничъ, поэтому, придаетъ огромное значеніе „доброму законоставію“, „добрымъ уставамъ“ и указываетъ гибельныя послѣдствія „лакомыхъ законовъ“. Добрые законы должны воплощать въ себѣ идею справедливости [2]). Крижаничъ раздѣляетъ ученіе Аристотеля о спра-

[1]) Разговоры, II, стр. 31: Scitote etiam: quod bonum regis est bonum totius gentis. Quidquid prodest capiti, prodest toti corpori. Quidquid prodest principi, prodest etiam publice toti genti. Quo rex est opulentior ac potentior, eo gens ipsa est ditior, gloriosior, felicior. Debent igitur subditi fideliter ac sine ulla reluctatione contribuere et collaborare ad omne id, quod pertinet ad augmentum et conservationem tesauri, militiae et maiestatis nostrae. Ср. тамъ же, стр. 50.

[2]) Разговоры II, стр. 57—58; ср. тамъ же, стр. 30.

ведливости уравнивающей и распредѣляющей. Законы, соотвѣтствующіе уравнивающей справедливости, т. е. устанавливающіе справедливость въ отношеніяхъ между частными лицами, должны быть, по его мнѣнію, немногочисленны. Въ случаѣ судебнаго спора дѣло, все равно, не можетъ быть доведено до полной ясности; поэтому рѣшеніе его нужно предоставить усмотрѣнію суда—тѣмъ болѣе, что государство нисколько въ этомъ не заинтересовано. Ему безразлично, выиграетъ ли истецъ или отвѣтчикъ, лишь бы не было явной несправедливости. На-оборотъ, законы, выражающіе справедливость распредѣляющую, имѣютъ въ виду общее благо всѣхъ и, потому, должны быть изложены въ подробностяхъ и всѣмъ должны быть извѣстны—вмѣстѣ съ мотивами, вызвавшими ихъ изданіе. Крижаничъ приводитъ нѣсколько примѣровъ такихъ законовъ: за подкупъ судьи или чиновника должно быть суровое наказаніе, но судья или чиновникъ подкупленные наказанію не подлежатъ; за продажу съѣстныхъ припасовъ дороже назначенной цѣны виновные наказываются принудительной покупкой припасовъ въ казну [1]). Относительно же уголовнаго законодательства Кри-

[1]) Разговоры, стр. 741—742: Leges sunt duplices: aliae quae spectant iustitiam commutativam, aliae quae spectant distributivam. Leges igitur, quae fiunt pro conservanda iustitia inter privatos homines, sive quae fiunt de conservanda iustitia commutativa, debent esse paucae scriptae, et committenda esse fere tota res arbitrio iudicum. 1°, quia iudicium est in se obscurum, 2° quia in se parvum: nempe de agro, de praedio, de pecunia alicuius privati hominis. Ideoque non multum interest, Titius an Seius vincat. Habeat is, cui iudex donat. Absit tantum aperta iniquitas. Leges autem, quae fiunt de iustitia distributiva,... omnes esse scriptae et valde bene explicatae. Spectant enim communem omnium bonum et malum: ideoque debent omnibus esse notae, et earum rationes debent esse... omnibus manifestae. Exempli causa ponamus unam, 1. alteram. 1. In eo, qui muneribus tentant corrumpere iudices vel quoscunque officiarios regios ad transgrediendam iustitiam vel mandata regis, constituatur inquisitio et paena severa. Iudices autem et praefecti, qui fuerint seducti, sint immunes. 2. Contra flugellatores annonae. Nemo audeat vendere in foro aut quocunque modo altiore praetio praeter constitutum plusquam tres aut 4 mensuras fru-

жаничъ требуетъ, чтобы оно не было чрезмѣрно развито. Государство, по его мнѣнію, должно держаться принципа экономіи карательныхъ средствъ. Оно должно облагать наказаніемъ не всѣ нарушенія закона, а лишь такія, которыя заключаютъ въ себѣ нарушеніе общественнаго спокойствія или заключаютъ въ себѣ посягательство на жизнь, тѣло, честь или имущество гражданъ, а именно: богохульство, магія, убійство, кража, мошенничество, клевета, ростовщичество, неправосудіе и т. п. Наказаніемъ должны служить: лишеніе свободы, штрафъ, тѣлесное наказаніе, отнятіе имущества и ссылка. Остальныя же нарушенія закона не должны подлежать наказанію. Богъ, говоритъ Крижаничъ, хочетъ, чтобы люди служили ему изъ сыновней любви, а не изъ страха наказанія. Поэтому такія преступленія, какъ пьянство, прелюбодѣяніе, сквернословіе, хотя составляютъ большой грѣхъ, не должны подлежать наказанію. Борьбу съ ними нужно оставить пастырямъ церкви; у нихъ есть свое оружіе: проповѣдь Слова Божія, эпитиміи и т. п. [1]).

---

menti sine delatione et obtenta licentia. Si quis autem deprehensus fuerit habere in horto multitudinem frugum coemptarum et nolle vendere, a tali accipiatur in tesaurum regis pro iusto pretio; et . . . eidem homini reddendum esse ex tesauro pro eodem pretio, quantum necesse ei erit pro domestico usu, post certum tempus, ex quo ei deficeret id, quod ei relinquitur. Qui autem habent frumenta ex propriis praedis, ii possunt ea servare, quomodo volunt (рукоп.).

[1]) De Providentia, стр. 157—158: Non quaelibet scelera debent puniri regio gladio, sed solum illa, quae conturbant communen populi pietatem et tranquillitatem. Scilicet, primo blasfemiae, magiae et huiusmodi impietates contra Deum, quae faciunt enormia scandala, et deinde illa crimina, per quae laeditur anima, corpus, honor, aut substantia proximi: veluti sunt homicidia, furta, calumniae, fraudes, usurae, monopoliae, mercedes operariorum defraudatae, iudicia perversa, praefectorum iniuria etc. Haec enim et his similia stricte obligatur rex punire gladio aut vinculis, mulctis pecuniariis, castigatione corporum, ablatione bonorum et exiliis. Illa autem peccata, quae non tollunt omnem tranquillitatem, non debet rex persequi praedictis paenis. Et ratio est iam dicta in praecedente quaestione, quia scilicet Deus vult sibi serviri ab hominibus etiam ex filiali amore et ex animo libero et non solum ex

Для успѣха государственной политики, по мнѣнію Крижанича, недостаточно одного правильнаго пониманія задачъ государства и потребностей народныхъ; вообще для государственнаго дѣятеля недостаточно одного ума, развитія однѣхъ только интеллектуальныхъ способностей. Отъ государственнаго дѣятеля, отъ совѣтника царскаго Крижаничъ требуетъ большаго. Онъ долженъ быть свободенъ отъ страстей или, по крайней мѣрѣ, долженъ надъ ними господствовать; иначе онъ, подобно Соломону, будетъ постоянно впадать въ грубыя и позорныя ошибки. Но, прежде всего, онъ долженъ быть вѣрнымъ слугою, а вѣрность есть не что иное, какъ расположеніе, любовь, доброжелательство. Поэтому царскій совѣтникъ долженъ быть преданъ своему царю и своему народу, долженъ любить ихъ больше всего [1]). Вообще, Крижаничъ высказывается за политику честную, справедливую, искреннюю и прямодушную [2]). Онъ осуждаетъ макіавеллизмъ во всѣхъ

servili timore. Ita ut homines bene agant non ex metu flagrorum aliarumque paenarum temporalium, sed potius ex libero et filiali amore erga Deum patrem optimum et simul ex metu exheredationis aeternae. Hinc, quamvis ebrietas sit turpissimum peccatum, non tamen solent reges eam punire. Adulterium etiam et fornicationes et quaedam alia peccata relinquunt reges pastoribus ecclesiae, ut praedicatione verbi divini et ecclesiasticis censuris et epitemiis populum ab iis cohibeant (рукоп.).

[1]) Разговоры, стр. 557—558: Quis negabit Salomonem, Platonem, Aristotelem et Ciceronem fuisse omnium hominum sapientissimos? Et tamen isti et multi alii vehementioribus affectis ita nicti fuerunt, ut in quibusdam rebus sapientiam suam penitus amiserint turpiterque erraverint... Ante omnia et super omnia sequitur in consiliario vera et perfecta fidelitas. Non potest autem esse vera fidelitas, ubi non est verus favor, amor et benevolentia. Verus autem favor ex comparatione agnoscitur. Hoc est ille fidelis consiliarius, qui potest iurare, se magis amare regem nostrum et gentem nostram, quam ullum alium regem aut gentem (рукоп.).

[2]) De Providentia, стр. 166: Principum autem officium est administrare iustitiam. Quotiescunque ergo princeps facit aliquid contra iustitiam et ita facit, ut videri velit id se licite et suo iure fecisse, toties faciet suo officio prorsus contrarium. 1° verbi gratia, si sub aliquo vano praetexto pacta iurata aut aliud quodcunque iusiurandum

его видахъ. Мысль, что политическіе дѣятели могутъ для своихъ цѣлей пользоваться обманомъ и лицемѣріемъ, онъ считаетъ опасной политической ересью. Самого Макіавелли онъ называетъ нечестивымъ человѣкомъ (impius quidam homo), сыномъ діавола, а изобрѣтенную имъ политику—псевдополитикой. Онъ излагаетъ главныя правила этой политики, чтобы честные люди знали, чего имъ слѣдуетъ остерегаться. Онъ энергично возстаетъ противъ пользованія религіей, какъ средствомъ для достиженія практическихъ цѣлей, противъ показного благочестія, противъ скрытыхъ пунктовъ въ договорахъ; онъ не допускаетъ мысли, чтобы когда нибудь государственный дѣятель могъ сознательно нарушать христіанскія заповѣди, могъ считать ихъ для себя въ какомъ нибудь случаѣ необязательными; вообще онъ осуждаетъ личныя цѣли, преслѣдованіе личной выгоды въ государственной политикѣ [1]). Однако, въ тоже время Крижаничъ признаетъ

molet. 2° si suos subditos monopoliis aliisque exactionibus crudeliterque premat. 3° si gazam regni et honores ac emolumenta populi in alienigenas disripet. 4° si sub specie clementiae scelera permittat impunita etc. (рукоп.).

[1]) Разговоры, стр. 508—509: Semper in mundo fuerunt multi reges et principes, qui potestate a Deo sibi concessa non ad Dei gloriam neque ad iustitiam populive salutem usi; sed ad suas libidines abuti sunt... Impius quidam homo (filius diaboli) Machiavellus conscripsit libros de ista doctrina pseudopolitica, quo enarrat execrabiles istas artes et atheismum. Nobis expedit summatim attingere impia ista documenta, non ut discantur, sed ut horreantur. Et ut dignoscantur ingenia ac revelentur simulationes hominum impiorum, quatenus boni viri magis sibi ab illis caveant. Istique ergo pestilentalis heresis praecipui articuli sunt sequentes. 1. Julius Cesar dicebat: si ius violandum est, imperii causa peierandum est; in ceteris rebus pietatem cole. Machiavellistae addunt ac dicunt: Politicus homo non potest nec debet observare legem evangelicam sincere; debet tamen eam observare ad speciem et fingere se esse pium, ut populus eum magis amet ac reveatur. 2. Quod tibi est utile, illud est honestum et licitum. Semper debet politicus interrogare, an expediat sibi et nunquam, an liceat. 3. Nullius rei causam ex animo geres neque de ea veraciter solicitus eris, nisi tantum scies tibi commodum privatum provenire, ibi solicitus esto. 4. Pietatem in Deum atque religionem valde commendabis subditis susi

дозволеннымъ скрываніе истинныхъ намѣреній въ интересахъ общаго блага, когда этого требуетъ государственная тайна. Но и здѣсь онъ различаетъ сокрытіе истины и простую ложь: ее онъ не допускаетъ вовсе [1]).

colendam et tu ipsemet in externa apparentia se valde esse religiosum simulabis. Intus autem in pectore noli esse solicitus de religione aut pietate. 5. In amicitiis, federibus, pactis et in omni actione tua, quasi sale, debes uti simulatione, equivocatione, mendacio, periurio. Hoc modo faciebat Sigismundus Cesar, homo totus ex mendaciis et periuriis compositus. Ipse dicere solebat: nescit regnare, qui nescit dissimulare. Periuria et sua fedifragia appellebat dissimulationem. 6. Si vis acquirere auctoritatem, reputationem et opes, permitte res vadere, sicut vadunt, quamquam male vadant, et quamquam tu ex officio tuo deberes eas corrigere. 7. Inter tuos subditos noli determinare lites seu rixas exortas, sed potius semina zizania et fac nasci plures discordias. Quia isto modo subditi magis indigebunt tua opera. Plura munera et maiora commoda ad te tuosque familiares pervenient. 8. Nemini quidquam diserte negabis. Sed si quis beneficium merebitur (nisi ille fuerit cooperator tuae tipoeresis) illum tu perpetua simulatione defatigabis et diuturnam eius expectationem ad desperationem adiges. Beneficium nunquam negabis et nunquam dabis. 9. Beneficia conferes potius in non meritos aut in minus meritos, quam in bene meritos... Qui autem non merentur beneficia, illi ea omnia tibi soli adscribent, te magis laudabunt et a te magis dependebunt. Hunc iniquerrimam tirannicam regulam observabat Ludovicus XI Gallorum rex et per eam turpiter deceptus est. Quia dum eum pauci et mali laudabant, multi boni eum vituperabant. Pauci et mali ei adserebant et plures boni eum deserebant (рукоп.).

[1]) Тамъ же, стр. 510: Ista falsorum politicorum et atheistorum praecepta manifeste pugnant contra Dei honorem, caritatem et iustitiam, diabolicamque impietatem ac tiranniam secum vehunt. Observandum tamen est, quod dissimulare et equivocare non semper sit peccatum, sed saepe est necessarium. 1. Licet et oportet dissimulare et ambigua responsa dare, si ita expedit pro bono publico et ad celandum regis secretum. Non tamen licet mentiri, praesertim in damnum alterius. 2. Si deberem ego damnum pati ex revelatione veritatis, non teneor eam revelare, ses tamen non licet mentiri. Quando ad conservandam amicitiam alicui quaerenti aliquid respondemus: non est domi aut dormit, intellegitur hic aequivocatio, scilicet, dormit tibi aut non est domi, ut nunc tecum colloquat. 3. Tunc igitur committitur peccatum in simulatione et aequivocatione, quando fingimus non ob publicam, sed ob privatum commodum, idque cum damno tertii. Item tum, quando agimus omnia cum solo respectu proprii commodi, nulla respectione habita commodi et incommodi alieni (рукоп.).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Формы правленія.

Въ ученіи о формахъ правленія Крижаничъ слѣдуетъ Аристотелю. Онъ различаетъ три формы: самовладство, болярское владаніе и общевладство, которое называетъ еще „гражанское (посадское) господарство“ [1]). Самовладство есть не что иное, какъ монархія; болярское владаніе—это аристократія, а общевладство—политія. Такимъ образомъ, за основаніе дѣленія принято, какъ и у Аристотеля, число правящихъ лицъ [2]). Въ другомъ мѣстѣ (II, 297) Крижаничъ

---

[1]) Разговоры I, стр. 243. Быть можетъ, здѣсь совпаденіе, болѣе или менѣе случайное, но можно предполагать и простое заимствованіе, такъ какъ Крижаничъ, несомнѣнно, былъ знакомъ съ Аристотелемъ. Ссылки на него см. напр. I, стр. 209, 270, 399 и др. Ср. также статью Брикнера, О сочиненіяхъ Юрія Крижанича. Р. Вѣстн. 1889, Іюнь, стр. 6. Крижаничъ предлагалъ царю Θедору Алексѣевичу перевести на русскій языкъ Политику Аристотеля. См. его привѣтствіе Θедору Алексѣевичу у С. Бѣлокурова назв. соч. стр. 172.

[2]) Крижаничъ понимаетъ монархію именно, какъ правленіе одного лица, и не допускаетъ мысли, чтобы въ монархіи было два государя съ одинаковой властью. См. Толкованіе историческихъ пророчествъ, стр. 143—144: А то пакъ јест и разуму, и всих народов обычајем супротивно: да быху в јелном царству, два венчана (и то јест равномощна) царя сидила. И аще се јест то когда въ Риму или въ Цариграду припетило: да бяху два въ једно време, и въ једном мисту владателя: всегда јест једен токмо венчан был: и звашесе Василејем, и Августом. А другы бяше меньшы: и звашесе Кесаром; а не августом, ни василејем: и не бяше венчан: по токмо ношаше порфирну свиту.... (Собр. соч. вып. 2 стр. 41).

противополагаетъ монархію, или самовладство всякому другому государственному устройству, которое онъ называетъ „своевольнымъ“ или „общинскимъ и множинскимъ“ владаніемъ. Здѣсь, повидимому, двойное основаніе дѣленія: съ одной стороны, число правящихъ лицъ (одинъ—много), съ другой—степень осуществленія гражданской свободы; на это указываетъ уже самое названіе—„своевольное владаніе“, ибо, по убѣжденію Крижанича, какъ потомъ увидимъ, истинная свобода можетъ существовать только въ монархіи, въ другихъ же государствахъ господствуетъ ложная свобода—своевольство. Можно, однако, понимать этотъ терминъ въ употребленіи Крижанича еще и иначе. Своевольными народами онъ называетъ и такія государства, которыя подходятъ подъ типъ монархіи, и которыя онъ самъ въ то же время именуетъ „кралествами“; своевольными называетъ онъ ихъ въ томъ случаѣ, когда доля верховной власти, на ряду съ монархомъ, принадлежитъ и народу, или его представителямъ[1]). Съ этой точки зрѣнія, классификація государствъ получаетъ совсѣмъ иной видъ. Всѣ государства раздѣляются на два типа, смотря по тому, имѣетъ ли народъ участіе въ верховной власти или нѣтъ; въ первомъ случаѣ это—„своевольное владаніе“, во второмъ—„самовладство“. При этой классификаціи число правящихъ лицъ получаетъ уже второстепенное значеніе, но зато является возможность признавать промежуточные или смѣшанные типы государственнаго устройства. И дѣйствительно, Крижаничъ, значительно опережая политическія теоріи своего времени, говоритъ вполнѣ опредѣленно объ ограниченной монархіи. Въ тѣхъ частяхъ своего главнаго труда, которыя писаны по-латыни, онъ противополагаетъ монархическое правленіе, monarchicum regimen, и монарховъ—ограниченной власти и ограниченнымъ государямъ (coarctata potestas,

[1]) II, стр. 297: въ своевольныхъ народехъ (особито въ обиральныхъ и въ соемныхъ кралествехъ) безъ приравнянія вящія и гущія обиды, утиски и насилства ся дѣютъ, и безъ казни уходятъ, неже ся могутъ дѣять въ коемъ ни будь самовладству.

coarctati reges[1]). А изъ его русской терминологіи съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что ограниченная монархія для него та, въ которой существуетъ народное представительство (напр. въ формѣ сейма), и которую онъ, поэтому, называетъ „соемнымъ кралествомъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указываетъ еще и тотъ признакъ, что монархъ не обладаетъ тамъ всей полнотой власти, „нѣсть полномоченъ“[2]). Какъ историческій примѣръ ограниченной монархіи, Крижаничъ приводитъ Римъ; цезари, говоритъ онъ, не были неограниченными государями (absoluti domini): и сенатъ имѣлъ долю власти, а третью долю имѣло войско, и такимъ образомъ государство было смѣшанное“[3]).

Въ современной ему политической жизни Крижаничъ видѣлъ различныя степени ограниченія монархической власти—отъ полновластія до полнаго отсутствія власти. „Краль Хиспанскій есть совершенъ самовладецъ и всѣмъ своимъ властелемъ можетъ совершенно заповѣдать и бываетъ слуханъ. А у Французовъ есть меньша покорность, а у Ляховъ и Нѣмцевъ згола никто краля не послушаетъ“[4]). Отъ власти монарха можетъ оставаться одна только видимость. Это должно было, само собою, навести Крижанича на мысль, что одна форма правленія еще недостаточно характеризуетъ государственное устройство, и что слѣдуетъ различать форму правленія и форму властвованія. И дѣйствительно, Крижаничъ высказываетъ мысль, что государство, имѣющее республиканское устройство, можетъ гораздо

---

[1]) II, стр. 322: Sub monarchis non licet nobilibus domi sedere otiosis; sed debent proficisci ad bellum, quando iubentur. At sub regibus coarctatis sedent nobiles domi otiosi, et non eunt ad bellum, nisi ipsimet per comitia id concludunt. Стр. 329: Tui gentiles amant reges electivos, et qui habeant coarctatam potestatem.

[2]) I, стр. 244: въ самовладству лехко ся поправляютъ поблудки и сказы владанія... А въ иныхъ господствехъ, гдѣ или краль нѣсть полномоченъ, или множе есть владателевъ: тамо сказы, которыя едножды въ законъ придоша, бываютъ непоправны и вѣчны.

[3]) II, стр. 362.

[4]) I, стр. 245.

больше походитъ на монархію, чѣмъ на республику. Примѣръ этого онъ видѣлъ въ Венеціи: тамъ должность дожа пожизненная, тамъ много законовъ, которые ограничиваютъ власть дворянства [1]). Рѣшающимъ, однако, онъ считалъ, повидимому, вопросъ, происходитъ ли управленіе на основаніи законовъ или нѣтъ. На это указываетъ только что приведенная ссылка, а также и другое мѣсто въ его трудѣ, гдѣ онъ говоритъ, что монархія, оставаясь монархіей, теряетъ свой существенный характеръ, какъ скоро государь, не отмѣняя ранѣе изданныхъ хорошихъ законовъ („доброго законоставія“), нарушаетъ ихъ въ своемъ управленіи и, вообще, въ своихъ дѣйствіяхъ [2]).

Древнѣйшая форма правленія, по мнѣнію Крижанича,— монархія. Всѣ могущественныя государства возникли въ правленіе царей и благодаря ихъ доблестямъ; только съ теченіемъ времени, вслѣдствіе паденія общественныхъ нравовъ, власть перешла къ аристократіи и ко всему народу [3]). Но монархія не только древнѣйшая форма государственнаго устройства,—она, кромѣ того, наиболѣе совершенная форма: въ ней больше всего достоинствъ, а недостатки, присущіе всякому государству, въ ней сказываются слабѣе всего. Въ этомъ Крижаничъ нисколько не сомнѣвается. „Кое владаніе есть луче, спрашиваетъ онъ: гдѣ кій градъ общевладствомъ господуетъ, яко древѣ Афинцы и днесь Бенетчаны, или

[1]) II, стр. 330: Venetorum respublica plus habet de monarchia, quam de vestra anarchia. Habet enim principem suum advitalitium, cuius officium est leges custodire illaesas: leges autem sunt plurimae, quae omnes coarctant et non relaxant nobilium licentiam.

Толчокъ къ такому выводу изъ наблюденій могло дать и чтеніе Аристотеля, у котораго уже находимъ мысли, развитыя впослѣдствіи Монтескье и Кантомъ. Ср. Политику, кн. III, гл. 9 (изд. Susemihl, Leipz. 1879, стр. 340 и сл.)

[2]) I, стр, 281—282.

[3]) II, стр. 69: Semper in principio regum virtute parta est gloria et potentia: aristocratiarum vero leges et plebis potentia (seu potius insolentia) postea ex vitio et corruptione morum subrepserunt.—Ср. I, стр. 244: самовладство есть наистарѣе на свѣту.

гдѣ множе князевъ въ едномъ народу или въ державѣ господуетъ, яко древѣ на Руси и днесь у Нѣмцевъ, или гдѣ единъ самъ краль господуетъ",—и отвѣчаетъ безъ всякихъ колебаній: „Нѣсть добро, гдѣ есть много владателевъ; единъ имаетъ быть краль" [1]). Монархія въ чистомъ ея видѣ, неограниченная монархія представляется Крижаничу, какъ самая естественная, самой природой указанная форма правленія; въ ней видится ему подобіе божественному управленію міромъ. „Богъ всемогущій есть вышній свѣта краль и самовладецъ и строитъ свѣтъ найлучшимъ владаніемъ, т. е. самовладскимъ" [2]). Но цари суть намѣстники Бога и монархи надъ опредѣленными частями міра; поэтому, чѣмъ правленіе каждаго царя заключаетъ въ себѣ больше признаковъ монархіи, тѣмъ болѣе оно подобно божественному правленію [3]). Уже въ этомъ одномъ—залогъ совершенства монархическаго правленія. Недаромъ и всѣ „еллински философы, всѣ христіански и св. отцы и учители" съ поразительнымъ единодушіемъ восхваляютъ монархію, и поэзія въ лицѣ Гомера воспѣла ея достоинства [4]). Въ чемъ же эти достоинства состоятъ? Крижаничъ указываетъ слѣдующія преимущества монархіи: 1) въ монархіи легче сохранить общественное спокойствіе и легче добиться единодушія среди народа; 2) въ монархіи болѣе находитъ свое осуществленіе „общая правда", или общій законный порядокъ; 3) монархія болѣе обезпечиваетъ безопасность; 4) монархія—наиболѣе прочная, долговѣчная форма правленія, менѣе, чѣмъ всѣ другія, поддающаяся измѣненіямъ; а это объясняется тѣмъ, что 5) въ монархіи, вслѣдствіе сосредо-

---

[1]) I, стр. 395—396. Ср. тамъ же, стр. 303.

[2]) II, стр. 49.

[3]) II, стр. 34: Deus omnipotens est supremus mundi monarcha et rex; et gubernat mundum optimo regimine, nempe monarchico. Reges autem sunt Dei vicarii et certarum mundi partium monarchae. Et quo quisque rex tenet regimen magis monarchicum, eo similius est regimini divino. Ср. I, стр. 243.

[4]) I, 243 и 396; II, 297. Крижаничъ ссылается при этомъ на Иліаду II, 204.

точенія власти въ однѣхъ рукахъ, всего легче уничтожить всякія злоупотребленія; 6) въ монархіи населеніе больше пользуется свободой [1]). Возражаютъ, что аристократія лучше неограниченной монархіи, потому что тамъ дворянство удерживаетъ государя, если онъ хочетъ дѣйствовать дурно. Но Крижаничъ съ этимъ возраженіемъ не согласенъ. Дворянство, по его мнѣнію, скорѣе мѣшаетъ государю дѣлать добро. Народъ, какъ всякая толпа, есть звѣрь со многими головами; дурныхъ людей всегда больше, чѣмъ хорошихъ, поэтому тамъ, гдѣ главное значеніе принадлежитъ толпѣ, дурные имѣютъ преимущество передъ хорошими. Къ тому же въ аристократіяхъ и въ демократіяхъ очень часто мы видимъ раздоры и междуусобныя войны, чего нѣтъ и не бываетъ въ монархіяхъ. Если бы можно было свободно выбирать себѣ форму правленія по вкусу, то, конечно, ни одинъ святой, ни одинъ благочестивый или просто разумный человѣкъ не выбралъ бы себѣ многовластіе (polyarchiam), а непремѣнно пожелалъ бы жить въ монархіи. Но при этомъ Крижаничъ дѣлаетъ оговорку, что всѣ указанныя имъ преимущества монархіи относятся только къ обширнымъ государствамъ; мелкія же княжества (minores

---

[1]) I стр. 243: Або чушь въ самовладству 1-е общая правда болѣ ся извершаетъ; 2-е, або покой и згода народная въ немъ легче и болѣ ся сохраняетъ; 3-е, або супроть страхотамъ сей способъ есть безпечальнѣи. Стр. 244: Еще изъявляютъ: Яко самовладство есть наистарѣе на свѣту, яко наиобщѣе въ народехъ, и яко наиобстоятельнѣе илити яко обыкаетъ долже терпѣть и вѣковать, неже иная владательства... въ самовладству лехко ся поправляютъ поблудки и сказы владанія. Что коли бо заповѣсть полномоченъ самовладецъ, оно ся безъ отвлаки извершитъ. II, стр. 45: semper monarchia manet melior prae cunctis regiminibus; et maior est libertas in ea, quam in istis licentiosis aristocratiis. Стр. 305: In monarchiis autem habentur vires militiarum semper expeditae. Разговоры, стр. 745: Omnia vitia et peccata regiminis multo facilius fieri possunt et frequentius fiunt in aliis regiminibus, quam in monarchia, et diutius durant difficiliusque emendantur ac persaepe incorrigibilia (рукоп.).

principatus) имѣютъ больше сходства съ тиранніей [1]). Въ перечисленіи и формулированіи преимуществъ монархіи Крижаничъ проявляетъ значительную самостоятельность. Только въ нѣкоторыхъ изъ его указаній можно подмѣтить слѣды литературныхъ вліяній; такъ, указаніе на особенную способность монархіи обезпечивать общественное спокойствіе и осуществлять на землѣ правду (п. 1 и 2) могло быть навѣяно чтеніемъ Данте; мысль, что монархъ легче, чѣмъ кто нибудь, можетъ возстановить порядокъ, нарушенный злоупотребленіями (п. 5), есть, несомнѣнно, мысль макіавелліевская [2]). Но если и признать здѣсь заимствованіе, то нельзя все таки не видѣть, что Крижаничъ эти указанія не

---

[1]) Разговоры, стр. 744—745: 1. Valerius. Aristocratia praestat monarchiae, quia in illa nobiles obstant regi, male agere volenti. Augustinus. Imo multo saepius obstant bene agere volentibus. Valerius. Quomodo istud? Augustinus. Nonne audivisti proverbium, quod populus sive quaevis multitudo esse (?) bestia multorum capitum? Fere enim in omni multitudine plures sunt mali, quam boni; ac proinde ubi praevalet multitudo, ibi praevalet malitia probitati. Adde aliud, quod in aristocratiis et democratiis frequenter sunt discordiae (?), lites et bella intestina, quo morbo monarchia ferme in universum caret... 4. Si daret optio eligendi sibi sive polyarchiam sive monarchiam, nullus sanctus, nullus vere pius, nullus vere sapiens vir eligeret polyarchiam. Consulite vosmet ipsos, o viri sapientes et prpes senatus, quod ipsi eligeretis, si res esset in integro posita. Ego credo, quod et vos non aliter. . . 8. Nota obiter, quod sola magna monarchica regna sint constituta in vero genuino statu, qualem requirit et approbat lex divina. Minores autem principatus accedunt omnes ad tiranniam, omnes vi irruperunt, nec sunt a Deo instituti . . . sed solum permittuntur. Civitatum enim imperia sive respublicae omnino nihil sunt aliud, quam mera tirannia. Excipio Venetias propter supradictam monotopiam. — Тамъ же, стр. 748: Neque obiicias illud proverbium; vox populi vox Dei. Hoc enim raro verum est, et nescio, an unquam alias nisi in electionibus ad dignitates, si quando ad regnum aut ad sacerdotium fieret electio populi sine corruptione et affectibus. De ceteris verum est proverbium, quod populus est bestia multorum capitum, ideoque ingenium, cupiditas et vox populi vox bestiarum (рукоп.).

[2]) Данте, De Monarchia, lib. I, особенно §§ XII—XIV. Макіавелли, Discorsi, lib. I, 10.

только повторяетъ,—онъ ихъ объясняетъ и обосновываетъ. Обосновываетъ ихъ тѣмъ, что въ монархіи власть сосредоточивается въ рукахъ одного лица; поэтому достаточно воли этого одного лица, чтобы были уничтожены злоупотребленія, приняты противъ нихъ радикальныя мѣры. Этимъ же соображеніемъ подкрѣпляетъ онъ и ту мысль, что въ монархіи дѣйствительнѣе всего обезпечена внѣшняя безопасность: пока народные представители спорятъ, объявлять ли войну, монархъ давно уже собралъ и отправилъ свои войска. Остальныя изъ указываемыхъ имъ преимуществъ монархіи онъ ничѣмъ самъ не обосновываетъ; но ихъ нетрудно вывести изъ того же признака монархіи, что въ ней вся полнота власти принадлежитъ одному лицу. Такимъ образомъ, можно думать, что предпочтеніе, которое отдавалъ Крижаничъ монархіи, вытекало изъ всего его жизненнаго опыта, объяснялось его наблюденіями, отчасти обширными его чтеніями, а также и тѣмъ, какъ онъ понималъ юридическую природу монархіи.

Абсолютный монархъ представляется Крижаничу, какъ намѣстникъ Божій на землѣ; свою власть онъ получаетъ отъ Бога [1]). „Яко сердце въ персехъ, и яко очи въ челу, тако краль есть потребенъ народу“. „Краль есть пастырь людскій“. „Всѣ правозаконны крали нѣсуть сами отъ себе, нить отъ людей, но отъ Бога поставлены“. „Владатель есть Божій намѣстникъ и оправникъ, отомститель въ казень оному, кій зло дѣлаетъ“. „Краль есть нѣкій богъ на землѣ“ [2]). Это—мысль, конечно, не новая; много разъ была высказана въ политической литературѣ у всѣхъ христіанскихъ народовъ идея о божественномъ происхожденіи и божественномъ значеніи государственной власти. Но достойно вниманія то, что эту мысль повторяетъ Крижаничъ, воспитанный

[1]) II, стр. 31; Regem esse Dei vicarium in terris. — Ср. I, стр. 249 и II, стр. 57. Ср. еще, I, стр. 250: Краль, когда самъ судитъ, бываетъ посвященъ отъ Бога, да не поблудитъ. Также I, стр. 254, 387; II, стр. 36, 50, 61.

[2]) I, стр. 249—250.

въ духѣ католическихъ идей. Оффиціальная католическая философія, породившая теорію солнца и луны, теорію двухъ мечей, не склонна обожествлять власть монарха. Она противополагаетъ божественный законъ, lex divina, закону гражданскому; гражданскія установленія, какъ напр. собственность, она не находитъ возможнымъ вывести изъ естественнаго права; намѣстникомъ Божіимъ она считаетъ духовную власть, отъ которой уже получаетъ свои полномочія, свой мечъ, власть свѣтская — монархъ [1]). Ничего этого нѣтъ у Крижанича. Онъ приводитъ, правда, нѣкоторые тексты изъ св. Писанія въ этомъ духѣ, говоритъ даже о помазаніи Саула Самуиломъ, но не дѣлаетъ отсюда никакихъ выводовъ, которые бы сколько нибудь противорѣчили его основной мысли. Мало точекъ соприкосновенія у Крижанича и съ теоріями позднѣйшихъ католическихъ политиковъ. Какъ доминиканцы, такъ и іезуиты, стремясь подчинить свѣтскую власть духовной и лишить ее права законодательства въ церковныхъ дѣлахъ, понимаютъ государство, какъ произведеніе природы, а не божественной воли. Вмѣстѣ съ тѣмъ власть монарха они выводятъ непосредственно изъ закона природы (lex naturae), и только уже этотъ законъ понимаютъ, какъ божественное установленіе. Богъ, по ихъ теоріи, установилъ власть монарха чрезъ посредство народа, каторый его избралъ [2]). На-оборотъ, большинство русскихъ политическихъ теорій (подобно противникамъ іезуитовъ на Западѣ) утверждаютъ, что власть царя происходитъ непосредственно отъ Бога. Такъ, Кириллъ Бѣлозерскій въ посланіи къ в. к. Василію Дмитріевичу говоритъ, что его „постави Духъ Святый пасти люди Господня“, и что онъ „великіа власти сподобился отъ Бога“.

[1]) См. Frohschammer, Die Philosophie des Thomas von Aquino, 1889, стр. 478, 480, 485; Чичеринъ, Ист. полит. ученій, т. I, стр. 135—208; Eicken, Gesch. u. System der mittelalt. Weltanschauung. Mirbt, Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII, 1894.

[2]) O. Gierke. Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien, Breslau 1880, стр. 62—68.

Митрополитъ Макарій въ посланіи къ Ивану Грозному о укрѣпленіи на брань съ татарами обращается къ нему со словами: „Богомъ утверженный царю!“ Въ „Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ“ проводится тотъ же взглядъ: „Богомъ вся свыше предана есть помазаннику царю и великому Богомъ избранному князю“. „Аще бы самовластна человѣка сотворилъ Богъ на сесь свѣтъ, и онъ бы не уставилъ царей и великихъ князей“. Такъ же смотрѣла на вопросъ школа Іосифа Волоцкаго, такъ судилъ о своей власти и Иванъ Грозный [1]). Такова же, въ общемъ, и теорія Крижанича. Онъ вполнѣ опредѣленно выводитъ власть монарха изъ божескаго закона (lex divina [2]); слѣдовательно, царь, по его мнѣнію, находится въ зависимости не отъ духовной власти, и не отъ народа, а непосредственно отъ Бога. Эту мысль онъ не могъ заимствовать отъ католическихъ учителей, она составляетъ его собственное достояніе. Изъ нея онъ дѣлаетъ цѣлый рядъ интересныхъ выводовъ.

Какъ намѣстникъ Божій, монархъ обладаетъ властью, подобною власти Бога; его власть—неограниченная. Неограниченность Крижаничъ понимаетъ въ двухъ смыслахъ. Монархъ неограниченъ потому, что онъ свою власть ни съ кѣмъ не раздѣляетъ; его никто не ограничиваетъ. Но, кромѣ того, онъ неограниченъ еще и въ томъ смыслѣ, что нѣтъ никакихъ законныхъ предѣловъ его власти; его ничто не ограничиваетъ. Передъ поставленіемъ Саула на царство Самуилъ такъ объяснялъ народу сущность царской власти: онъ обложитъ десятиной ваши нивы и виноградники, онъ отниметъ ихъ и дастъ своимъ слугамъ; такимъ образомъ,

---

[1]) А. И. т. I № 12 и 160. „Бесѣда“, стр. 2 и 25 (Лѣтоп. зан. Археогр. Комм., вып. X, СПБ. 1895). М. Дьяконовъ, Власть московскихъ государей, СПБ. 1889, стр. 137—138. Хрущовъ, назв. соч. стр. 201—202; Жмакинъ, назв. соч. стр. 410.

[2]) Разговоры, стр. 745 (рукоп). Любопытно, что Крижаничъ прямо отрицалъ даже за папой право поставлять царей. См. въ „Разговорахъ“ стр. 698—700: Ieże Papa nimaet oblasti naredzat kralyew (рукоп.).

по правдѣ или противъ правды поступаетъ царь, то и другое Самуилъ зоветъ царскою властью, „правицею кралевою“. Этимъ Самуилъ хотѣлъ показать разницу между судьями, которые были до тѣхъ поръ у евреевъ, и царемъ; ибо судья можетъ дѣйствовать только въ границахъ закона, а царь стоитъ выше закона: „Судецъ бо онъ не могаше ничего по своей области и опрочь писанаго закона учинить, а краль можетъ. Або краль есть законоставецъ, илити паче живо законоставіе“ [1]). Такую неограниченную власть Крижаничъ называетъ всеконечною областью [2]). Изъ нея вытекаетъ и безотвѣтственность монарха: если нѣтъ закона, который ставилъ бы предѣлъ его власти,—его не за что, да и некому судить. „Краль едножды помазанъ или окоруненъ, нѣмаетъ никакова судца на свѣту въ мірской области; никто не можетъ краля слободно проклинать, хочьти и неправеднаго“, говоритъ Крижаничъ [3]). Этимъ онъ устанавливаетъ первый и основной признакъ суверенитета, который онъ опредѣляетъ словами, очень близкими къ формулѣ Гоббеса: царь не можетъ имѣть выше себя никого другого, кромѣ Бога; всѣ истинные цари состоятъ въ одной и той же степени достоинства, ближайшей и непосредственной послѣ Бога; истинный же царь есть тотъ, кто ни въ какой мѣрѣ не подчиненъ никакому человѣку, но можетъ защищать свое царство отъ всѣхъ своихъ враговъ помощью одного только Бога [4]).

Однако признавая неограниченность власти монарха, принимая начало „princeps legibus solutus est“, Крижаничъ, съ другой стороны, указываетъ и вполнѣ точные предѣлы этой

---

[1]) I, стр. 250.

[2]) Напр. I, стр. 276 и заглавіе этого раздѣла.

[3]) I, стр. 251. Ср. II, стр. 31 и 50.

[4]) II, стр. 292: Non potest habere rex alium superiorem se, nisi solum Deum. Стр. 293: omnes veri reges consistunt in uno et post Deum proximo et immediato dignitatis gradu. Verus autem rex est ille, qui nulli homini aliquo modo obligatur, sed solius Dei ope potest defendere suum regnum ab omnibus suis hostibus. Кромѣ того I, стр. 270—Гоббесъ: Non est potestas super terram quae comparetur ei.

власти. Въ 27 раздѣлѣ третьей книги („дѣло“) своего главнаго труда онъ подвергаетъ обсужденію вопросъ, можетъ ли вообще надъ чѣмъ нибудь существовать неограниченная власть. Многіе государи, говоритъ онъ здѣсь, думаютъ, что они надъ своимъ государствомъ всеконечные и полномочные господа, что они могутъ налагать дани, требовать налоговъ, безъ всякаго ограниченія и, вообще, дѣлать все, что имъ нравится. Но это заблужденіе: не царства для царей, а цари для царствъ поставлены [1]). Для доказательства этой мысли Крижаничъ подробно разсматриваетъ способы установленія монархической власти. Государь получаетъ свою власть отъ Бога или 1) черезъ пророка или 2) путемъ народнаго избранія или 3) путемъ наслѣдованія или 4) при помощи оружія. На поставленіи царей черезъ пророковъ Крижаничъ не останавливается—вѣроятно, потому, что здѣсь совершенно ясна зависимость царской власти отъ Бога [2]); наслѣдованіе, очевидно, не можетъ дать царю большей власти, чѣмъ имѣлъ его предшественникъ, — поэтому основными источниками монархической власти слѣдуетъ признать завоеваніе и избраніе народа. Завоеваніе, хотя бы оно было результатомъ и

---

[1]) I, стр. 274: не кралества зарадъ кралевъ, но крали зарадъ кралестовъ есуть паряжены. — Разговоры, стр. 526: Kraly iest namistnik Božyi. Ako adda ti iesi Božyi namistnik: ino networi sebi razboinikom i neograblyay poddanikow. Ako iesi Božyi namistnik: ino networi sebe biszenim i nepozori poddanikow, neotnemlyi yim czesti. Ako iesi Božyi namistnik: inoto kralyestwo twoe nit wlastito twoe, nego Božie, i ssuženo tebi ot Boga na breženie, ne darowano na wsaky twoiu wolyu (рукоп.). — De Providentia, стр. 175: Radix autem ignorantiae principum est hoc: quod putant se esse proprios et absolutos dominos populorum sibi subiectos. Cum tamen non sint proprii domini, sed tantum vicarii Dei et praefecti populis ... Errant igitur principes in hoc: quod putant se esse absolutos populi dominos, et putant, quod sibi liceat et iustum sit tantum et tantum tributum a populo exigere et hoc atque illo modo populum monopoliis, flagiis, rapinis, exiliis aliisque iniuriis divexare ex causa congregandae maioris gazae (рукоп.).

[2]) I, стр, 276. Пунктъ 1-ый („Доказуется за 1-е“) относится, очевидно, ко всѣмъ способамъ, ибо Крижаничъ уже раньше призналъ всякаго царя намѣстникомъ Божіимъ.

справедливой войны, не можетъ дать человѣку власти, которая противорѣчила бы божескому и естественному праву („законоставію Божіему и уроженному“), ибо никакой законъ не можетъ отмѣнить собою закона божескаго. А божескій законъ предоставляетъ власть не для разоренія, а для созиданія [1]. Поэтому завоеватель можетъ наказать отдѣльныхъ лицъ, которыя были причиной войны, можетъ даже казнить ихъ, если этого потребуетъ общее благо, но надъ цѣлымъ народомъ онъ не будетъ все-таки имѣть власти, которая бы не согласовалась съ его благомъ. Точно также не возбуждаетъ сомнѣнія и избраніе народа. Народъ, избирая монарха, никогда не дастъ ему власти дѣйствовать противно общему благу — продавать, опустошать, разорять. Напротивъ, народъ предоставляетъ монарху власть на опредѣленное дѣло, съ опредѣленными условіями: заботиться о благѣ народа, творить правильный судъ, умножать народное богатство, вести войну и т. д. Такъ понимаетъ Крижаничъ pactum subjectionis. Ему представляется совершенно невѣроятнымъ безусловное подчиненіе народа избранному монарху, и не только невѣроятнымъ,—но даже и нравственно невозможнымъ, такъ что, еслибы когда нибудь народъ предоставилъ монарху такую абсолютную власть, подобный актъ слѣдовало бы признать недѣйствительнымъ. Это доказываетъ Крижаничъ тѣмъ соображеніемъ, что избраніе не можетъ дать большей власти, чѣмъ имѣютъ сами избиратели. Никто, говоритъ онъ, не имѣетъ права сжечь свой храмъ, бросить въ рѣку деньги, уморить своего коня, а тѣмъ болѣе—убить своихъ дѣтей или продать ихъ; хотя такія дѣйствія могутъ и не подлежать

---

[1] Вотъ это замѣчательное мѣсто: А наконецъ и онъ краль, кій кралюетъ чезъ кое коли будь праведно будь неправедно оружное побореніе: не можетъ и онъ (яко же рекохомъ) имать никаковыя власти, кая бы была супротивна законоставію Божіему и уроженному. Никаково бо законоставіе не премогаетъ законоставія Божіего. А Богъ пакъ никому не дастъ области на разореніе, но на созиданіе илити на поспѣшеніе, яко же Павелъ мовитъ: Область ми есть далъ Господь на созиданіе, не на разореніе. I, стр. 277.

наказанію по законамъ даннаго государства, но совершившій ихъ виновенъ передъ естественнымъ закономъ (супроть урожденному законоставію) и подлежитъ Божію суду, такъ какъ употребилъ во зло Божій даръ. Отдать же себя и свое потомство въ вѣчное владѣніе тиранну—тоже самое, что сжечь свою вотчину или убить своихъ дѣтей. Поэтому, если бы какой народъ и заключилъ такой договоръ, то это могло бы быть только подъ вліяніемъ страха; а страхъ, какъ нарушеніе свободы, не можетъ быть основаніемъ права [1]). Точно также, если бы впослѣдствіи монархъ пріобрѣлъ бо̀льшую власть, напр. подчинивъ силою оружія возмутившуюся провинцію или часть государства, онъ не можетъ все-таки устанавливать законы, которые бы противорѣчили Божіимъ заповѣдямъ и правдѣ [2]). Слѣдовательно, какимъ бы способомъ ни пріобрѣлъ монархъ свою власть, она никогда не можетъ быть безусловной. Поэтому безусловное подчиненіе еврейскаго народа Саулу Крижаничъ объясняетъ особенностями еврейской исторіи, особенностями даннаго случая: Господь былъ разсерженъ желаніемъ евреевъ имѣть царя и потому далъ имъ царя съ особою, широкою властью, но уже у Давида и слѣдующихъ царей не было такой власти [3]). Какимъ же образомъ примиряетъ Крижаничъ понятіе неограниченности монархической власти съ отрицаніемъ абсолютнаго характера этой власти? Примиреніе этихъ, повидимому, несогласимыхъ признаковъ онъ находитъ въ томъ, что на власть и отвѣтственность монарха возможны двѣ различныя точки зрѣнія. Съ точки зрѣнія людей, монархъ есть полный господинъ своего государства, съ точки зрѣнія Бога,—онъ не господинъ, но лишь намѣстникъ Божій, обязанный передъ Нимъ отчетомъ. Отъ всякаго человѣка Богъ требуетъ отчета

---

[1]) I, стр. 278: Аще ли есть можебыть кій народъ тако учинилъ и кралю таково неправедно привластіе допустилъ, знакъ есть еже не слободно дѣлаху, но страхомъ прелекнены люди то учиниху. А таково силою изтишнено приволеніе нѣсть праведно.

[2]) I, стр. 277.

[3]) I, стр. 278.

въ томъ, какъ онъ распорядился тѣмъ, что ему было дано; точно также и отъ царей Богъ потребуетъ отчета въ томъ, какъ они управляли своими народами [1]). Такъ какъ царь не есть господинъ, а только намѣстникъ Божій, только управитель, поставленный отъ Него, то онъ долженъ дѣлать не то, что онъ самъ хочетъ, а что ему приказываетъ Богъ. Онъ долженъ заботиться объ установленіи въ своемъ царствѣ спокойствія, о благополучіи народа, о томъ, чтобы каждый свободно пользовался своимъ имуществомъ. Онъ не долженъ давать своимъ чиновникамъ власти обременять народъ поборами [2]). Царь долженъ помнить, что одинъ только всемогущій Богъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть царь царствующихъ и господь господствующихъ, а онъ — только Его служитель. Поэтому онъ долженъ помнить всегда слова Давида: не намъ, не намъ, а имени Твоему.

---

[1]) I, стр. 274: За то краль въ обзиранію на иные уморные люди есть истинен господарь своему кралеству, а въ обзиранію на Бога краль нѣсть Господарь, но державникъ Божій. Богъ есть правый истинный господарь, а краль намѣстникъ и державникъ его: поставленъ надъ народомъ да ихъ владастъ и строитъ, не да окрутно притискаетъ. — Стр. 275: Аще Богъ пытаетъ разчета отъ всякого чловѣка, объ его отчинѣ и всякомъ иманію и казнитъ чловѣка, аще есть своею праведною блага уживалъ не по разуму, но угажаючь своимъ похотемъ, еже смо выше повѣдали, стоновито нѣсть чесо сумнѣть еже и отъ кралевъ хочетъ Богъ пытать разчета, како суть владали народомъ.

[2]) De Providentia, стр. 156—157: Item rex (si cum Deo comparetur) non est proprie dominus; sed est vicarius Dei et minister in regno et ideo debet facere non quod ipsemet vult, sed quod ei Deus praecipit. Praecipit autem Deus regibus facere iustitiam. Hoc est, ut procurent in regno tranquillitatem et omnifariam prosperitatem populi et maxime ut omnes securi vivant et libere substantiis utantur et fruantur . . . Non ergo licet regi colligere sibi gazam, cum oppressione et cum iniuria et cum iustis lacrimis populi. Neque iustum est facere praefectis potestatem, ut augmentent gazam per monopolias et per alia illegitima et impia media. Neque licitum est eripere populo honestum usum propriarum substantiarum, sicut exempli gratia potionem vini aut cerevisiae aut aliud quid huiusmodi (рукоп.).

Онъ не долженъ себѣ искать славы, которая приличествуетъ одному Христу, какъ дѣлали, напримѣръ, римскіе императоры, которые называли себя господами вселенной [1]). Онъ долженъ, на-оборотъ, показывать скромность и стремиться къ уничиженію, долженъ довольствоваться тою славой, которую онъ получилъ отъ Бога, ничего не долженъ приписывать себѣ, а одному только Богу [2]). Коротко говоря: съ точки зрѣнія юридической, монархъ неограниченъ, съ точки зрѣнія нравственной—ограниченъ; никакому человѣческому суду и никакой отвѣтственности передъ людьми онъ не подлежитъ,—онъ подчиненъ Божіему суду и отвѣтственъ только передъ однимъ Богомъ [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 152: Debet rex meminisse, quod solus Deus omnipotens et dominus noster Jesus Christus sit Rex Regum et Dominus dominantium. Ipse autem rex sit Jesu Christi famulus et vicarius. Ideoque memor illius verbi Davidici: Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam, omnem gloriam debet reddere Christo Salvatori et Regi suo. Et non debet sibi vendicare aut arripere gloriam, quae Christo debet, quemadmodum fecerunt Graecorum Imperatores cum adulatoribus suis, qui (tempore Justiniani) in legibus imperialibus scripserunt hanc vanissimam blasfemiam: imperator Romanorum est totius mundi dominus. Nullus enim est totius mundi dominus, nisi omnipotens Deus et homo J. Christus (рукоп.).

[2]) Разговоры, стр. 737—738: Quomodo possunt reges semare (?) modestiam aut humiliare se, si debent conservare reputationem, maiestatem et gloriam mundanam? Respondetur. Salvator vetat nos quaerere gloriam inanem et falsam. Veram autem gloriam non vetat, sed iubet quaeri. Falsa et vana gloria est, quam homines sibimet ipsi rapiunt. Vera autem est, quam Deus dat . . . Hoc modo etiam reges debent conservare illam reputationem et maiestatem, quam eis dat Deus et non per semetipsos facere sibi maiestatem et gloriam inanem (рукоп.).

[3]) Въ „Толкованіи ист. пророчествъ“ Крижаничъ въ нѣсколько иной формѣ высказываетъ туже мысль: dominium eminens принадлежитъ не монарху, а Богу. Стр. 25: Въ сеј постати Гречески цари, и вси Греки, премерзко поблудиша: и Римского царства величество, не Хрјсту Богу, но себи къ славе устројено быти мняху. Да бо речемъ ничто мало за узор: когда јест при царю Іустиніяну, въ законние книги, и въ судебникы вписана была она хулна рич: Цар

Признаніе нравственной отвѣтственности монарха и обязательности для него нравственнаго закона не было общимъ въ европейской политической литературѣ. Гоббесъ находилъ мысль о такой отвѣтственности вредною для государства и предлагалъ считать ее ересью въ церковномъ смыслѣ этого слова. На-оборотъ, католическая оффиціальная теорія стремилась выдвинуть эту отвѣтственность на передній планъ: по ученію Иннокентія III, нравственный законъ обязателенъ для свѣтской власти въ такой же мѣрѣ, какъ и для духовной, а Ѳома Аквинскій считалъ власть, которая нарушаетъ нравственный законъ, властью не отъ Бога. Не слѣдуетъ ли поэтому во взглядахъ Крижанича на этотъ вопросъ видѣть слѣды заимствованія, намѣренное проведеніе опредѣленной, до него уже созданной, теоріи или, по крайней мѣрѣ, слѣды вліянія со стороны этой именно теоріи? Едва-ли. Признаніе обязательнаго для власти нравственнаго закона нельзя считать характерной, отличительной чертой католическаго міросозерцанія. Напротивъ, мы найдемъ эту черту во всякой философской или политической системѣ, если только она допускаетъ существованіе нѣкоторыхъ независимыхъ отъ законодательства этическихъ началъ. Разъ допущены такія начала, въ формѣ ли нравственнаго закона или формѣ естественнаго права, необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ признать обязательность этихъ началъ и для законодателя: ибо начала, лишенныя признака общеобязательности, тѣмъ самымъ теряютъ свой этическій характеръ. Вотъ почему мы встрѣчаемъ обязательный для монарха нравственный законъ у такихъ мыслителей, какъ Юній Брутъ, Бухананъ, Гроцій, міросозерцаніе которыхъ весьма далеко отъ католическаго. Нѣтъ

Римски јест всего мира Господарь, тогда јест правы всего мира Господарь Хрјстос попустил: да сут Готи, и Вандальци Рим взели: и всу Африкию, и Хиспанску землью, и ины державы, от Римского царства отторгнули. И тако он цар: јиже по причине Римского титла, мняше себе быти всего мира Господаром: престал јест и самим Римом, и многими державами, господовати. (Собр. соч. вып. 2, стр. 9).

ничего удивительнаго, если и Крижаничъ, самостоятельно размышляя о монархической власти, пришелъ къ той же мысли о нравственныхъ границахъ этой власти [1]).

Гдѣ же, однако, эти границы? Въ чемъ состоятъ тѣ нравственныя требованія, которыя обязательны для монарха? Уже изъ предыдущаго видно, что Крижаничъ признаетъ существованіе естественныхъ и божескихъ законовъ, которые не могутъ быть отмѣнены никакою властью, никакими человѣческими установленіями. Ясное дѣло, что эти законы должны служить для монарха образцомъ въ его законодательной дѣятельности; соблюденіе ихъ есть первая его обязанность. По всей вѣроятности, „добрымъ законоставіемъ" Крижаничъ и называетъ именно тѣ законы, которые отвѣчаютъ этому требованію, которые согласны съ „Божіимъ и уроженнымъ законоставіемъ". Въ 25 раздѣлѣ третьей книги „Разговоровъ", который называется: „Объ кралевой повинности изъ Светого Писма", онъ указываетъ главнѣйшее содержаніе божескихъ законовъ, относящихся къ обязанностямъ монарха [2]). Онъ приводитъ слѣдующія заповѣди, заимствованныя изъ Св. Писанія:

---

[1]) Здѣсь говорится, конечно, о связи идей, какая должна была бы быть, еслибъ политическіе мыслители соблюдали въ своихъ теоріяхъ строго логическую последовательность. Въ дѣйствительности мы почти ни у кого не видимъ этого: подъ вліяніемъ разнообразныхъ настроеній — философскихъ, религіозныхъ, политическихъ — почти всѣ незамѣтно для себя отступаютъ отъ логики, — признавая одинъ принципъ, не признаютъ другого. Поэтому ничего нельзя было бы возразить, еслибъ кто сталъ утверждать, что Крижаничъ подчиняетъ монарха нравственному закону не изъ логической последовательности, а изъ желанія, во что бы то ни стало, провести въ жизнь католическія идеи. — Еще слѣдуетъ замѣтить, что возможно разнорѣчіе въ пониманіи формальной или матеріальной стороны нравственнаго закона; такъ Гоббесу вслѣдствіе особенностей его конструкціи legis naturae удается освободить монарха изъ подъ его дѣйствія. Впрочемъ, и Гоббеса можно обвинять въ нѣкоторой непослѣдовательности.

[2]) Этотъ раздѣлъ начинается слѣдующими словами: Будучь мы до сихъ добъ уразумѣли, чѣмъ подданники есуть повинны кралю и

1) „Да ся не возвыситъ кралево сердце въ охолость надъ братію свою".—Монархъ не долженъ быть высокомѣренъ въ отношеніи своихъ подданныхъ.

2) „Да си краль не множитъ конь".—Монархъ долженъ избѣгать излишняго богатства и роскоши.

3) „Да си краль не собираетъ сребра и злата безмѣрныя множины".—Монархъ долженъ соблюдать умѣренность въ налогахъ.

4) „Любите мудрость всѣ, кои господуете въ народехъ".

5) „Явъ онымъ, кои устанавливаютъ неправедные законы, да бѣху убогого въ суду изобидѣли".—Монархъ долженъ быть справедливымъ [1]). Въ другомъ мѣстѣ Крижаничъ опредѣляетъ обязанность монарха еще, какъ заботу о вѣрѣ, правдѣ, мирѣ, богатствѣ и чести народной [2]).

Таковы права и обязанности монарха. О правахъ и обязанностяхъ подданныхъ Крижаничъ говоритъ очень немного. Они обязаны давать подати, исполнять всѣ повелѣнія монарха, молиться за него, быть ему вѣрными [3]). Они должны служить своему государю совѣтомъ, руками, потомъ и кровью [4]). Ни о какихъ прирожденныхъ и неотъемлемыхъ правахъ населенія у Крижанича нѣтъ рѣчи. Даже болѣе: основное гражданское право—право собственности онъ объявляетъ принадлежащимъ не подданнымъ, а монарху. По его взгляду, какъ право на государственную власть принадлежитъ Богу, а монархъ есть только намѣстникъ Божій, такъ и частнымъ лицамъ не принадлежитъ права на вещи, промыслы и т. п.: все это составляетъ собственность мон-

---

уды главѣ; сподобно есть, да уразумѣемъ и кралево пастояніе, что глава удомъ, или краль подданникомъ есть долженъ сполнить и спрямить. А здѣсь наппервле ся годитъ разумѣть заповѣди и правила кралевская, кая есть Богъ особито кралемъ нарядилъ и заповѣдалъ вершить.

[1]) I, стр. 262—263. Остальные пункты (6, 7, 8, 9) или повторяютъ предыдущіе или заключаютъ въ себѣ ихъ санкцію.

[2]) I, стр. 275. Ср. II, стр. 6 и I, стр. 266.

[3]) I, стр, 251—252.

[4]) II, стр. 64. Ср. стр. 50.

арха, а подданные имѣютъ одно лишь владѣніе [1]). Не проводя рѣзкихъ граней между частнымъ и публичнымъ правомъ, Крижаничъ относитъ къ такимъ же, какъ собственность, прерогативамъ монарха или къ „знаковинамъ величества", какъ онъ ихъ называетъ, еще слѣдующія права: 1) право чеканки монеты, 2) право добычи металловъ, 3) право установлять торговыя налоги и пошлины, 4) право содержать войско и 5) право назначать на должности [2]).

Отдавая предпочтеніе абсолютной монархіи передъ всѣми другими формами правленія, Крижаничъ имѣетъ при этомъ въ виду исключительно монархію наслѣдственную; къ избирательной монархіи онъ относится недовѣрчиво и, какъ мы видѣли, не дѣлаетъ разницы между нею и ограниченной монархіей: обѣ эти формы онъ относитъ къ „своевольнымъ владаніямъ". Чтобы оправдать свой взглядъ, онъ весьма обстоятельно разсматриваетъ и опровергаетъ одно за другимъ всѣ соображенія въ пользу избирательной монархіи. Вотъ эти соображенія.

1) Избирательная монархія древнѣе наслѣдственной; всѣ монархіи были сначала избирательными. Но не все то хорошо, что дѣлалось встарину; временемъ и опытомъ всѣ народы убѣдились, что наслѣдованіе лучше избранія, и наслѣдованіе стало обычнымъ порядкомъ замѣщенія престола. Избраніе необходимо только въ томъ случаѣ, когда прекращается династія.

[1]) II, стр. 54: Наипервле изъявляемъ и знано чинимъ: Еже вся земля сего нашего Руского кралества и державы и все овощіе, кое ся изъ нея уражаетъ, и всѣ пожитки, кои ся въ ней зискать либо пріять могутъ въ Промыслехъ, есутъ Божіи и наши. — Стр. 57: Обзоромъ Бога, ни что нѣсть наше, но все есть Божіе.... А по чловѣческомъ пакъ обзору, все (яко смо рекли) есть наше, и мы по Божіей милости все можемъ и все одержаемъ, како наивящее, такъ и наименее, покамѣста чушь Богъ есть всему господарь, а мы есмо Божьи намѣстники. — Ср. I, стр. 271.

[2]) II, стр. 55. Пунктъ 5-ый выраженъ несовсѣмъ ясно: „Родонаслѣдною властію одержавать приказы, безъ оконченыя власти и числа множе остроговъ одержавать и мочь добыть.

2) При избирательномъ порядкѣ престолъ можетъ быть отданъ лицу, наиболѣе отвѣчающему требованіямъ; при наслѣдованіи онъ можетъ достаться, какъ хорошему, такъ и дурному человѣку. Справедливо, что могутъ избрать лучшаго; но всегда ли избираютъ лучшаго?—спрашиваетъ Крижаничъ. Каждый, участвующій въ избраніи, имѣетъ свой взглядъ, свои интересы, своихъ друзей; не обходится дѣло иногда и безъ посуловъ и подкупа. Каждый думаетъ о себѣ, а не о благѣ народа.

3) При наслѣдованіи престолъ можетъ достаться несовершеннолѣтнему, избирательный же порядокъ этой опасности въ себѣ не заключаетъ: избираютъ, конечно, человѣка способнаго управлять.—Крижаничъ признаетъ это слабой стороной наслѣдственной монархіи, но въ избирательной монархіи еще худшее зло: со смертью государя наступаетъ междуцарствіе, а съ нимъ вмѣстѣ—смута и своевольство, законы теряютъ свою силу, начинаются „забѣганіе и домоганіе“, „обманы и хитрости“. Очень часто избиратели не могутъ придти къ соглашенію, раздѣляются на партіи, каждая выбираетъ своего царя и дѣло доходитъ до кровопролитія. Одного этого было бы достаточно, чтобы отвергнуть избирательную монархію. Но исторія учитъ насъ еще, что несовершеннолѣтніе могутъ оказаться на престолѣ и при избирательномъ порядкѣ. Это потому, что избраніе очень часто, какъ въ Польшѣ, было только внѣшней формой, за которой скрывалось наслѣдованіе.

4) Отъ избраннаго монарха нельзя ожидать такого суроваго и жестокаго управленія, какое бываетъ при наслѣдственномъ. Но, возражаетъ Крижаничъ, при избранномъ монархѣ, больше безпорядка и расточительности, меньше заботы о государствѣ. Зачѣмъ государю заботиться о томъ, что ему не принадлежитъ и не перейдетъ къ его потомству? Занявъ престолъ, какъ кандидатъ нѣкоторой партіи, онъ вѣчный должникъ передъ своими избирателями, онъ принужденъ заискивать и передъ тѣми, которые могутъ свергнуть его съ престола или уменьшить его власть. Кри-

жаничъ опять указываетъ на Польшу. „Посмотри Ляховъ; то ся дѣетъ. И потому у властелевъ ся ведетъ велика своевольность: правда терпитъ, сила премогаетъ, а краль посѣдитъ, очи замижавши, надъ властельскими винами. Посмотри и Нѣмецкихъ царевъ, кои зъ лехкихъ причинъ грады или цѣлыя державы отрокомъ и племенникомъ своимъ, паче же и иностранцемъ, оттергнувши отъ царственнаго тѣла, раздороваша".

5) Въ избирательной монархіи аристократы и всѣ вообще, кто можетъ надѣяться на избраніе, стараются своимъ образомъ дѣйствій заслужить любовь народа. Это имѣло бы значеніе, еслибъ всегда выбирали лучшихъ людей, но большею частью выбираютъ худшихъ.

6) Аристотель отдавалъ предпочтеніе избирательной монархіи передъ наслѣдственной. Но Крижаничъ относится свободно къ авторитету Аристотеля: какъ грекъ, онъ держался демократическихъ убѣжденій, а избирательная монархія, несомнѣнно, очень близка къ демократіи [1]).

Опровергнувъ эти соображенія въ пользу избирательной монархіи, Крижаничъ указываетъ, кромѣ того, еще факты, которые говорятъ за наслѣдственный порядокъ: какъ показываетъ исторія, наиболѣе долговѣчными, славными и обширными государствами всегда были именно наслѣдственныя монархіи. Онъ соглашается съ тѣмъ, что появленіе на престолѣ несовершеннолѣтняго монарха есть зло, но предлагаетъ бороться съ этимъ, устанавливая опредѣленный порядокъ регентства и престолонаслѣдія.

Какъ ни велики преимущества абсолютной наслѣдственной монархіи, однако и у нея есть свои хулители. Всѣ, кому не нравится монархія, зовутъ ее тиранніей и тѣмъ подрываютъ къ ней довѣріе. Для этого есть и серьезныя причины. Въ республикѣ всѣ тиранства и несправедливости совершаются не именемъ царя или общественной власти, а именемъ свободы; между тѣмъ въ монархіи несправедли-

[1]) I, стр. 395—400.

вости чинятся именемъ царскимъ, хотя царь весьма часто не хочетъ этого и не знаетъ объ этомъ [1]). Но Крижаничъ проводитъ строгое различіе между монархіей и тиранніей. Слѣдуя Аристотелю въ одной изъ своихъ классификацій формъ правленія, онъ слѣдуетъ ему и въ томъ, что за всѣми формами признаетъ способность разлагаться, извращать тѣ разумныя начала, на которыхъ онѣ покоятся. Наряду съ правильными формами правленія, съ „добрымъ владаніемъ" онъ признаетъ и извращенныя формы,—„начины сказного владанія". Тираннію онъ считаетъ одною изъ формъ такого „сказного владанія". Въ перечисленіи этихъ формъ онъ отчасти слѣдуетъ Аристотелю, указывая всѣ тѣ формы, какія были указаны Аристотелемъ, отчасти же онъ дополняетъ его списокъ такими формами извращеній, какихъ тотъ не зналъ и не могъ знать. Тоже самое и въ отношеніи терминологіи: онъ пользуется терминами Аристотеля, но съ большой самостоятельностью,—переводитъ ихъ на свой языкъ и дополняетъ новыми. „Изъ посадского владанія или изъ общевладства, говоритъ Крижаничъ, учинится анархія, разпуста". Аристотель, какъ извѣстно, извращеніе политіи называлъ не анархіей, а демократіей; Крижаничъ оправды-

[1]) II, стр. 50: Великъ Божій даръ иметъ онъ народъ, въ коемъ есть совершено самовладство, добрымъ законоставіемъ законнымъ и уставами укрѣплено; али люди многи не разумѣютъ Божіего дара. Самовладство бо, хочьти есть наилуче и наижелнѣе владаніе, но всемъ томъ иметъ у себе сію пакость: еже лехко добудетъ ославу тиранства, будь зъ истинныхъ, будь съ потварныхъ причинъ. —То же, стр. 44—45. Крижаничъ склоненъ объяснять это еще и распространеніемъ ересей и невѣрія: Нашихъ временъ еретики потваряютъ и хулятъ законъ Божій и проповѣдаютъ и быть претвердъ и незможенъ людемъ обдержать; а то есть все едно, яко да бѣху изъявнѣе рекли, Законъ Божій быть тиранскій. Такоже и чловѣчіе урожені е (будучь отъ грѣха скажено) любитъ разпустную слободу ко грѣшенію, и люди самовладство потварливо зовутъ тиранствомъ. (Тамъ же стр. 51). Ср. II, стр. 297; ср. Разговоры, стр. 744: Homines, qui oderunt disciplinam et amant licentiam, iidem amant polyarchiam, tanquam suo ingenio aptiorem, ideoque vocitant eam amabili nomine libertatis, monarchiam autem contra… nuncupant tyrannidem (рукоп.).

ваетъ свою терминологію описаніемъ этого рода государствъ, „гдѣ все людство буйствуетъ, и всякій наигорши хочетъ быть господаремъ", „гдѣ никто никого не послушаетъ, и колико есть властелевъ, толико тирановъ". Изъ аристократіи (болярскаго владанія) образуется „олигархія, маловладство"— вслѣдствіе того, что нѣсколько человѣкъ захватятъ въ руки власть и начнутъ ею распоряжаться вопреки законамъ: „ухвитятъ господство супроть законоставію и неправедно заповѣдаютъ". Наконецъ, монархія переходитъ въ тираннію, „когда единъ кій владатель лакомо и нещадно притискаетъ людство и ограбляетъ весь народъ". Изъ этого описанія уже видно, что Крижаничъ слѣдуетъ Аристотелю почти однимъ только внѣшнимъ образомъ, а въ существѣ дѣла онъ выставляетъ свою собственную теорію, хотя и невполнѣ законченную. А именно, Аристотель извращеніе государства видѣлъ въ томъ, что правительство заботится не о благѣ ввѣреннаго ему народа, а о своемъ собственномъ; у Крижанича же этотъ признакъ подходитъ только къ извращенію посадскаго владанія. Но это извращеніе онъ самъ называетъ анархіей, слѣдовательно, это уже почти и не государство. Въ олигархіи этотъ признакъ отсутствуетъ; несовсѣмъ подходитъ онъ, какъ потомъ увидимъ, и къ тиранніи [1]). Тамъ и здѣсь выступаетъ на первый планъ не своекорыстіе правителей, а вредъ государству, который можетъ происходить или отъ незакономѣрнаго употребленія власти („неправедно заповѣдаютъ") или даже отъ несовершенства законовъ. Этимъ только можно объяснить, что къ извѣстнымъ Аристотелю тремъ извращеніямъ Крижаничъ прибавляетъ еще два: 1) гинекархію—такое государство, гдѣ женщины

---

[1]) Крижаничъ приводитъ, впрочемъ, и мысль Аристотеля. См. I, стр. 270: Аристотель велитъ: отъ краля ся потребуетъ, да будетъ чуварь и да промыслитъ да ся богатымъ людемъ никакова щета не учинитъ, а простое людство да ся не трапитъ неподобнымъ изобиживаніемъ. Краль есть онъ, кій справуетъ владательство себѣ самому и всѣмъ подданникамъ на добро; тиранъ есть онъ, кій не смотритъ на общее добро, развѣ для ради своея осебуйныя користи.

допускаются къ наслѣдованію престола, и 2) ксенархію, „гдѣ инородникъ кралюетъ“ [1]). Оба эти вида государства онъ считаетъ, повидимому, извращеніями монархіи, хотя то и другое, въ особенности же—второе, можно относить (разумѣется, теоретически) и къ другимъ формамъ. Но во всякомъ случаѣ, это не извращенія, παρεκβάσεις, какъ ихъ понималъ Аристотель.

Изъ всѣхъ видовъ „сказного владанія“ едвали не самымъ жестокимъ и тяжелымъ для населенія Крижаничъ считалъ именно тираннію, которую онъ называетъ еще иначе „людодерство“ [2]). Но онъ различалъ при этомъ два вида тиранніи. Склонный вообще проводить различіе между государственнымъ устройствомъ и способомъ осуществленія правительствомъ принадлежащей ему власти, онъ и здѣсь отличаетъ тираннію, какъ устройство государства, отъ тиранническаго управленія народомъ. Нѣкоторые думаютъ, говоритъ онъ, что тираннія состоитъ въ томъ, что подвергаютъ мученіямъ невинныхъ людей, а не въ томъ, что въ государствѣ дѣйствуютъ тиранническіе законы; но тиранническіе законы имѣютъ здѣсь больше значенія, чѣмъ злоупотребленія. Монархъ можетъ быть тиранномъ и безъ тиранническихъ законовъ, и тогда государство не есть тираннія, а правильная монархія; а гдѣ есть тиранническіе законы, тамъ государство превращается въ тираннію, и какъ бы государь ни хотѣлъ народу добра, онъ не можетъ не быть тиранномъ [3]). Такимъ

[1]) Ученіе объ извращенныхъ формахъ см. I, стр. 269 и 303. Въ описаніи анархіи Крижаничъ опять ссылается на Польшу и Германію, гдѣ анархія образовалась, однако, изъ самовладства.

[2]) I, стр. 269: разны есуть начины сказного владанія, а въ нихъ наинарочитѣе тиранство.

[3]) I, стр. 281: Праведно кралество обращается въ тиранство паче по лакомыхъ законехъ, неже по лютыхъ мукахъ. Можетъ бо кій краль безъ лакомыхъ законовъ самъ быть тираномъ, а владаніе народное не быть тиранство, но праведно кралество. А гдѣ суть лакомые законы, тамо не можетъ быть, дабы и кралество не было тиранствомъ, и краль не былъ тираномъ. — Ср. въ Разговорахъ „Opominki Harsana kralya Lisiackogo k sinu Idrinu“. стр. 524—525: O sine! treba ti iest, da znadesz razliczit, czto iest kraly i czto tiran. Powiž mi adda,

образомъ, суть дѣла—въ законодательствѣ, въ его соотвѣтствіи идеѣ справедливости, въ его согласіи съ „уроженнымъ закопоставіемъ". Если въ государствѣ существуетъ „доброе законоставіе", а монархъ, не измѣняя его, нарушаетъ эти законы, безъ вины лишаетъ людей имущества и жизни, то монархъ становится „окрутникъ, людодерецъ, тираннъ"; но государство въ своемъ строѣ не измѣнилось: стоитъ взойти на престолъ другому государю, и возстановится опять „добро владаніе". На-оборотъ, если монархъ измѣнитъ законы, введетъ несправедливыя, обременительныя подати и пошлины, установитъ вредныя для населенія монополіи и тяжелые способы взиманія сборовъ, то не только онъ самъ станетъ тиранномъ, но и государство свое превратитъ въ тираннію. И хотя бы послѣ него престолъ достался государю щедрому, милостивому, справедливому, онъ по-неволѣ долженъ быть и будетъ тиранномъ — до тѣхъ поръ, пока не отмѣнитъ изданныхъ до него тиранническихъ законовъ [1]). Такимъ обра-

---

czto iest tiran? Idris. Otcze, naszi Lesiaki welet, tiran de se zowet nikiy wladately łyut, knit nesceden, neprawеden, i koego wsi lyudi nenawidet, suwrazet, proklinaiut, gore neže lyutogo zwira i pozoia i bisa. Arsan. Ne to iaz hoču; nego pitaiu, po kakowom delu kto postaet tiranom?... Sye czusz: ieže ne liho on iest tiran, kiy sam bezzakonno izobižaet swoy narod, nego i on tože iest tiran, kiy wo swoem kralyestwu terpit tiranskye zakoni, hočti sam nikakowa tiranska ilti bezprawedna dela neuczinit. Paczebo zakoni tiranski, nego dela tiranska tworet władatelya tiranom. I možet władately kiy (pri dobrih zakoneh) iedno i drugo i tretie tiransko delo uczinit i potom budet gresznik, ali ne budet tiran, iako takowih del w zakon ne zawedet (рукоп.).

[1]) I, стр., 282: А коли пакъ кій краль лакомые людодерскіе законы уставитъ и нарядитъ неправедныя дани, торговины, самотержія, кабаки и мерзкіе выдоры: таковъ и самъ будетъ тираномъ и наступниковъ своихъ учинитъ себѣ единаковыхъ, и народное владаніе изъ кралества преобратитъ въ тиранство и учинитъ, да поддапники едва дыхать возмогутъ, и да имъ самъ животъ омерзѣетъ. А за третіе, аще изъ наступниковъ кій краль будетъ щедеръ, милосерденъ и правды наивящій любитель, а старыхъ законовъ людодерскихъ не знесетъ: и таковъ не менѣ есть тиранъ.

зомъ, тираннія, какъ способъ управленія, ничѣмъ въ существѣ своемъ не отличается отъ монархіи; строй государства остается прежнимъ, только монархъ нарушаетъ этотъ строй, нарушаетъ законы. Напротивъ, тираннія, какъ форма правленія, отличается отъ монархіи, по мнѣнію Крижанича, юридически: въ монархіи, какъ мы видѣли, государственная власть ограничена нравственными и божескими законами, въ тиранніи этого ограниченія нѣтъ, — тамъ власть безусловна. Примѣры такой тиранніи, какъ государственнаго устройства, Крижаничъ видѣлъ у Турокъ и Персовъ: „Турски и Персκи крали владаютъ всеконечною людодерскою областью" [1]). Но тираннія противна естественному праву: „всеконечная тиранская область есть супротивна и урожденому законоставію: урожденіе бо намъ повѣдаетъ, еже не кралества для ради кралевъ, но крали для ради кралестовъ есуть поставлены"[2]).

Оба вида тиранніи Крижаничъ считаетъ величайшимъ бѣдствіемъ для страны — въ такой же мѣрѣ, какъ монархію — благодѣяніемъ, Божіимъ даромъ, и не щадитъ крѣпкихъ словъ для ея характеристики. „Тираннъ есть разбойникъ народный, не боящійся ни суда, ни муки; есть палачъ безъ суда и закона; есть человѣкъ, который отринулъ все человѣческое; есть чортъ, облеченный въ тѣло. Ибо онъ могъ бы однимъ своимъ словомъ сдѣлать безконечное добро, безъ всякаго ущерба для себя и со славою,—но не хочетъ". Долгъ царя—охранять свой народъ отъ обидъ, а тираннъ самъ наноситъ ему обиды, онъ есть волкъ для своего народа [3]). Гибельныя слѣдствія тиранніи неисчерпаемы: народъ приходитъ въ полное обнищаніе отъ тяжелыхъ поборовъ, населеніе уменьшается и, наконецъ, само государство оказывается подъ чужеземнымъ игомъ [4]). Обстоятельствами, при-

[1]) I, стр. 279.

[2]) I, стр. 277.

[3]) I, стр. 270—271; II, стр. 21, 32, 59.

[4]) I, стр. 267, 279; II, стр. 88, 91, 101. I, стр. 286: Ближую прилику мы имаемъ по Ляшскомъ кралеству, кая бы насъ морала по до-

водящими къ тираніи, Крижаничъ считаетъ, во-первыхъ, роскошь и распущенность нравовъ, которыя ведутъ за собою установленіе тяжкихъ налоговъ, а затѣмъ — лесть тѣхъ людей, которые говорятъ царямъ „ласковыя рѣчи“ о томъ, что монархъ выше божескихъ законовъ, что его честь, сила и слава зависятъ отъ величины его богатства и т. п. [1]).

Какъ народъ долженъ относиться къ тирану? Долженъ ли онъ покориться ему, или онъ можетъ свергнуть его тяжелое иго? Въ этомъ вопросѣ мы опять должны отмѣтить самостоятельность Крижанича въ отношеніи къ политическимъ теоріямъ западной церкви. Признавъ нравственный законъ обязательнымъ и для свѣтской власти, католическая политика, въ лицѣ Ѳомы Аквинскаго, сдѣлала отсюда выводъ, что акты власти, несогласные съ этимъ закономъ, недѣйствительны, и подданные имѣютъ право ихъ не исполнять и даже свергнуть тиранна; проводя этотъ взглядъ дальше, Маріана, въ своемъ трактатѣ De rege et regis institutione (1603) высказалъ даже мысль о дозволенности убійства тиранна [2]). За нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ католическихъ мыслителей, которые нашли себѣ поддержку и среди протестантовъ. Крижаничъ подобныхъ мыслей не высказываетъ. Установивъ полную юридическую безотвѣтственность монарха, онъ распространяетъ эту безотвѣтственность и на тиранна. Подданные связаны по отношенію къ нему присягою, тѣмъ болѣе — они не могутъ поднять на него руку. „Никто не можетъ кралю отказать службы или учинить ея невѣрно,

стойну возрушить. Ляшское бо кралество изъ избытной разсыпности есть пришло въ людодерство, а изъ людодерства доспѣло въ чужевладство и въ крайнюю распусту и нерядіе, въ коемъ ся сада обрѣтаетъ.

[1]) I, стр. 266, 286.

[2]) Mariana, De rege et regis institutione, lib. I, cap. VI: An tyrannum opprimere fas sit; cap. VII: An liceat tyrannum veneno occidere. Изд. 1605 г. стр. 57—67. См. H. Schmidt, Die Lehre vom Tyrannenmord, 1901, стр. 43 sqq. Lossen, Die Lehre vom Tyrannenmord, 1894. Treumann, Die Monarchomachen, 1895.

хочьти бы краль былъ неправеденъ". „Никто не можетъ краля помазоного никаковою тѣлесною казенію казнить или руки своея на него протягнуть" [1]). Можно указать и основанія для такого рѣшенія вопроса: нѣтъ твердаго, рѣзкаго различія между правильной монархіей и тиранническимъ управленіемъ; монархъ, имѣя въ виду одно только благо своего народа, можетъ также принимать крутыя мѣры— въ тяжелыя годины народныхъ бѣдствій, для спасенія отечества. „Таковые способы не отъ единыхъ тирановъ, но и отъ наилучихъ и наисвятѣихъ кралевъ чинены быть знаемъ". Гдѣ же границы? Какія обстоятельства могутъ, и какія—не могутъ оправдать эти крутыя мѣры, да и какъ опредѣлить, что такое—крутыя мѣры? Дать подданнымъ право рѣшать эти вопросы, значитъ дать имъ право судить монарха, а этого то права Крижаничъ и не хочетъ дать. „Никто да не дерзаетъ кралевскихъ думъ судить, нить угадовать. Думы кралевскія аще не суть тайны, ни за что не стоятъ" [2]). Что же дѣлать подданнымъ? Имъ остается сокрушаться о своихъ грѣхахъ, молить Бога о прощеніи, просить и государя о милости. Ибо Богъ ради грѣховъ людскихъ посылаетъ злыхъ монарховъ [3]). А потому и судить ихъ не могутъ люди: ихъ ждетъ судъ Божій [4]). У подданныхъ можетъ быть только

[1]) I, стр. 251.

[2]) II, стр. 59. И выше: А въ нужномъ пако времену, для годныхъ причинъ и къ сохраненію нашего воинства, казны и величества, выпрашать голѣмѣихъ бирей, приходовъ или работъ, или поставлять тяжалѣе самотержіе или ковать временные пѣнязи или иныхъ коихъ коли жестокихъ и твердыхъ способовъ уживать: сіе нѣсть тиранство, нить обида, но паче спасливо доброчинство и просмотрѣніе на уклоненіе ся отъ вящего зла.

[3]) I, стр. 251: Что адда есть дѣлать, аще краль будетъ лютъ трапитель, обижатель и мучитель людства? Отвѣтъ. Людство мораетъ свою тугу своимъ грѣхомъ приписать и поправиться и Бога за помочь просить и кралю ся молить. Або для ради людскихъ грѣховъ Богъ даетъ кралевъ злыхъ.

[4]) II, стр. 34: Rex enim non habet iudicem, nisi Deum. Nemo potest aggredi regem cum tumultu, sine offensione regis et ipsiusmet Dei.

одно утѣшеніе: изъ всѣхъ извращенныхъ формъ правленія тираннія одна обладаетъ тѣмъ преимуществомъ, что она легко возвращается къ своему образцу — правильной монархіи: для этого достаточно желанія одного человѣка. Въ этомъ можно видѣть, по мнѣнію Крижанича, новое достоинство монархическаго образа правленія [1]).

---

cuius rex est vicarius. Nemo igitur sine summo scelere potest iudicare ac dicere: rex inique agit, aut non est bona, non sufficiens causa ad imponenda gravamina, quae rex imponit aut ad aliud quodcunque. Sed debent omnes fortunam suam patienter ferre et peccatis suis imputare et Deum precibus et piis operibus placare. Ср. I, стр. 282 и 291.

[1]) I, стр. 269. — Таково ученіе о тиранніи въ главномъ трудѣ Крижанича. Въ сочиненіи De Providentia, гдѣ авторъ всѣ явленія государственной и общественной жизни объясняетъ дѣйствіемъ Промысла Божія, высказывается на тираннію нѣсколько иной взглядъ: авторъ, хотя не оправдываетъ убійства тиранна, но объясняетъ его, какъ осуществленіе божественной справедливости. Вотъ соотвѣтственное мѣсто: Non debes existimare quod istiusmodi caedes principum aut coniurationes sive rebelliones contra suos dominos fiant solum ex malitia sive ex contumacia illorum qui coniurant sive rebellant. Quia etiamsi non absit malitia et non sine maximo scelere fiant eiusmodi impiae actiones; fiunt tamen plerumque ex permissione Dei in poenam peccatorum. Quoniam (sicut iam antea iudicavimus) Deus utitur opera impiorum hominum contra alios impios et plerumque peccata horum puniuntur per peccata illorum. Aliquando vere Dominus non solum permisit verum etiam iussit fieri rebellionem: cum nimirum vellet punire aliquos reges per opera subditorum ipsorum (изд. Безсонова, стр. 110).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Гражданская и политическая свобода.

Въ оставленной Крижаничемъ классификаціи формъ правленія, въ самой терминологіи, которою онъ при этомъ пользуется, уже видно нѣсколько подозрительное, недовѣрчивое отношеніе къ республиканской свободѣ. Всякое „общевладство“ и „маловладство“ есть для него всегда, въ извѣстной мѣрѣ, своевольство. Объясняется это тѣмъ, что у него есть свое особое пониманіе гражданской свободы, свой критерій для ея оцѣнки, и это особое пониманіе составляетъ одинъ изъ важныхъ пунктовъ его политической теоріи.

Крижаничъ различаетъ истинное и ложное пониманіе свободы и ополчается на проповѣдниковъ ложной свободы. „Треба есть знать, что есть вольность“, говоритъ онъ. Многіе думаютъ, что свобода тамъ, гдѣ всѣмъ все дозволено, — гдѣ дозволено отступать отъ христіанской вѣры, проповѣдовать ереси, хулить Бога, обижать людей и чинить всякія злодѣйства. Гдѣ господствуетъ такая свобода, тамъ каждый себѣ царь и судья. Тамъ не наказываютъ за преступленіе, поэтому тамъ постоянные грабежи, разбои, людодерство, убійства, измѣны и ссоры. Сколько людей, столько и тирановъ, которые только повторяютъ „сладкое имя свободы“, а на самомъ дѣлѣ притѣсняютъ народъ. Это — ложная свобода, ибо тамъ богатые и знатные люди могутъ проводить жизнь совершенно праздно и безполезно для государства, тамъ весь трудъ лежитъ на низшихъ классахъ населенія, а высшіе только бездѣльничаютъ и своевольничаютъ. Это — звѣрная и беззаконная свобода. „Такова вольность нѣсть вольность“,

говоритъ Крижаничъ; ибо при ней всякій, кто сильнѣе, можетъ, не боясь наказанія, притѣснять слабыхъ, распространять ереси и губить христіанскія души; такая вольность есть причина постоянныхъ безпорядковъ, нарушенія закона и роскоши; отъ этой вольности люди начинаютъ учиться бѣсовскимъ наукамъ: астрологіи, алхиміи, магіи и проч. Такой вольности не пожелаетъ никто, кому дорога нравственность, благо народа и спасеніе души: „Нѣсть бо то вольность, но люта неволя" [1]).

Изъ этого описанія ложной свободы можно заключить, что Крижаничъ разумѣлъ подъ ней, повидимому, то состояніе, когда государство, увлекаясь идеей абсолютной, отвлеченной свободы (быть можетъ, какъ прирожденнаго права человѣка, или какъ вытекающей изъ его природы), отказывается, во

[1]) Разговоры, II, стр. 52—54, 301. Ср. параллельныя мѣста въ латинскомъ текстѣ. II, стр. 40: Talis quippe libertas facit, ut unicuique potenti liberum sit debiliores opprimere et omnia scelera perpetrare et ut nullam sit reperire iustitiam. Talis licentiosa libertas facit, ut liberum sit Deum blasfemare et haereses praedicari unde sequitur animarum aeterna servitus et perditio... Talis libertas est causa turpissimae licentiae et corruptionis morum et intolerabilis luxus ac voluptatum. Talis libertas facit ut liberum sit ubique docere et discere artes non solum bonos sed et diabolicas: scilicet magiam, astrologiam, alchimiam, aliasque praestigios. Talis libertas non est libertas sed acerbissima servitus. Nemo enim ibi securus est de vita sua. Sed in plateis, in ecclesiis et ubique incedunt cum timore perpetuo armati et armatorum catervis stipati. Imo ad convivia non aliter veniunt, quam si in campo cum hoste coeunt pugnaturi. Mensis cum gladiis, pugionibus et pistolis, tecti pileis et palliis. — Стр. 45: scire oportet quid sit libertas. Multi putant et plenis buccis praedicant, libertatem ibi esse, ubi omnibus omnia licent sive ubi nobilibus licet impune a fide christiana deficere, Deum blasfemare et omnes iniuriis afficere et quaelibet scelera perpetrare. Porro isti vehementer errant... Стр. 323: Duplex enim est libertas: altera bona, altera mala. Libertas mala est: Ubi nobilibus et divitibus licet omnem laborem devitare et agere vitam otiosam ac reipublicae inutilem et ubi licet transgredi leges, iniuriis afficere debiliores ac qualibet absurda et scelera facere, et non timetur iudicium neque poena. Talis est ferina et exlex libertas: lupis quippe et ursis licet rapere ac mactare, et nulla eis poena timetur.

имя этой свободы, различать добро и зло, истину и ложь, становится какъ бы внѣ того и другого и объявляетъ все одинаково дозволеннымъ. Во имя этой свободы, государство разрѣшаетъ проповѣдовать не только истинную вѣру, но и ереси, разрѣшаетъ не только хвалить Бога, но и хулить Его (blasfemare), разрѣшаетъ преподаваніе не только добрыхъ наукъ, но и „дьявольскихъ“, покровительствуетъ не только людямъ труда, но и тунеядцамъ, разрѣшаетъ свободу передвиженія не только безоружнымъ, но и вооруженнымъ людямъ. Какъ человѣкъ религіозный, убѣжденный, что творить великія дѣла могутъ только благочестивые люди [1]), какъ любитель науки, Крижаничъ не могъ понять такой свободы. Онъ былъ увѣренъ, что съ установленіемъ этой свободы должны неминуемо умножиться преступленія, должна наступить безнаказанность. Поэтому такую свободу онъ называлъ рабствомъ, а примѣръ ея онъ видѣлъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ монархическій принципъ уступилъ вполнѣ или даже отчасти принципамъ республиканскимъ. Такъ, въ Германіи послѣ раздѣленія монархіи Карла В. нѣмецкіе князья, чтобы обезпечить себѣ избраніе, стали обѣщать и давать населенію все бóльшія и бóльшія „слободины“, а населеніе, видя это, само стало добывать себѣ свободу, такъ что въ концѣ концовъ, „своихъ кралевъ мочь и власть развалило“. Тогда монархія превратилась въ анархію, гдѣ всякій себѣ краль, и всякій городъ—королество. Тоже самое—въ Польшѣ: и тамъ сильные люди присваиваютъ себѣ часть государственной власти, и тамъ царитъ полная безнаказанность [2]).

[1]) См. напр. I стр. 383.

[2]) II, стр. 296 и 303. — Ср. Разговоры, стр. 744: Libertas ista, quam libertarii laudant in politico hominum regimine, prorsus ad nullum bonum est directa. Quia omnes ii, qui vivunt in polyarchiis, nihil habent plus facultatis ad bene agendum, quam ii, qui vivunt in monarchia: sed solum ad male agendum habent plus potestatis et licentiae (рукоп.). — Тамъ же: Apostoli et patres sancti nullam nobis laudant neque praedicant libertatem, nullam licentiam, sed subiectionem, humilitatem, sui abnegationem.

Не такова истинная свобода. Гдѣ установилась истинная свобода, тамъ и большому, и маленькому человѣку живется одинаково привольно, всѣмъ одинаково обезпечены жизнь, здоровье и имущество, и всякій нарушитель порядка и закона, кто бы онъ ни былъ, подлежитъ суду и наказанію. Такая свобода, по мнѣнію Крижанича, возможна только при томъ условіи, если государство не будетъ всѣмъ безъ различія предоставлять равную свободу и равныя права, но рѣшится различать между своими подданными здоровые и вредные элементы. Чѣмъ суровѣе будетъ государство относиться къ вреднымъ элементамъ, чѣмъ больше будетъ ихъ стѣснять, тѣмъ большая свобода установится для элементовъ здоровыхъ. „Съ кулико бо вяща есть неволя злодѣйцемъ, съ толико есть вяща вольность добрымъ людемъ“ [1]). Но для того, чтобы осуществить такую свободу, государство, конечно, должно обладать твердымъ мѣриломъ добра и правды, который бы давалъ ему возможность рѣшать, что можетъ быть дозволено населенію, и что—нѣтъ. Такое мѣрило видитъ Крижаничъ для христіанскаго государства въ христіанскомъ законѣ и тѣмъ самымъ сообщаетъ своему политическому ученію религіозный характеръ. Въ тоже время, на второе мѣсто, послѣ закона Христова онъ ставитъ требованіе, чтобы не было разрѣшаемо то, что противорѣчитъ наилучшему управленію и благосостоянію всего народа [2]). Крижаничъ увѣренъ, что, выходя изъ этихъ оснований, государство всегда можетъ установить истинную ґражданскую

[1]) II стр. 52. Ср. стр. 54: Истина вольность есть сидѣ: гдѣ всякому есть вольно уживать своего труда и пота безъ оружія и безъ страхоть, и гдѣ ни единому предерзнику нѣсть вольно Бога хулить нить людей изобижать.—Параллельный этимъ мѣстамъ латинскій текстъ см. II стр. 41 и 46. Формула: Quanto maior est servitus malorum, tanto maior est libertas bonorum (46).

[2]) II. стр. 324: Bona autem libertas est: ubi viris nobilibus licet bona sua possidere absque metu iniuriae et violentiae cuiuspiam. Et ubi licet facere quidquid lex Christiana permittit et quod optimo regimini ac communi gentis felicitati utile est.

свободу, которая необходима для правильной государственной жизни [1]). Но не при всякомъ государственномъ устройствѣ могутъ получить силу самыя эти основанія. Истинная свобода возможна только при наилучшемъ устройствѣ государства,—только въ неограниченной монархіи. Истинную свободу и высшую славу, говоритъ Крижаничъ, составляютъ благочестіе и совершенная монархія. Не свобода плоти, а истинное благочестіе или служеніе Богу даетъ людямъ высшее благо—царство небесное. А совершенная монархія устанавливаетъ истинную свободу на землѣ именно тѣмъ, что всѣмъ добрымъ людямъ она разрѣшаетъ все, что справедливо и честно, а злодѣямъ запрещаетъ притѣснять добрыхъ [2]). Въ этомъ отношеніи неограниченная монархія занимаетъ середину между республикой и тираніей. Въ республикѣ—слишкомъ широкая и, потому, ложная свобода, въ тираніи нѣтъ никакой свободы [3]), а въ монархіи господствуетъ умѣренная, или истинная свобода.

Такимъ образомъ, Крижаничъ устанавливаетъ тѣсную связь между гражданской свободой и государственнымъ

---

[1]) Разговоры, стр. 523: Czto iest osnovanie kralyestwom? O sine, ne kamen, nit drewo, nit zlato, ne gradi, nit woiaki: nego zakoni i ustawi, ti iesut osnowanie i dnisze kralyestwom. Gde budut powolyni zakoni, tako da wsakomu stanu dobrih lyudey budet swoia spodobna sloboda i czest, tamo kralyestwo budet krepko utwerženo, neboyit se domasznih terwog i možet se branit ot izwonskih naiezdow. A gde sut žestoki zakoni, tako da se wsim ili nikoyim stanom dobrih lyudey czinit obida i nedostoino pritiskanie, tamo kralyestwo nemožet bit krepko, nit obstoialno (рукоп.).

[2]) II, стр. 45: semper monarchia manet melior prae cunctis regiminibus et maior est libertas in ea, quam in istis licentiosis aristocratiis. – Стр. 169: Vera libertas et summa gloria est vera pietas (quae non potest esse sine vera fide) et perfecta monarchia. Vera enim pietas sive servitus Dei (non libertas carnis quam vos falso appellatis evangelicam) facit homines reges in celis. Perfecta autem monarchia facit veram libertatem in terris. In hac enim omnibus bonis viris licent omnia iusta et honesta; sceleratis autem non licet impune scelera patrare et bonas affligere.

[3]) Кромѣ мѣстъ, указанныхъ выше, см. еще напр. I, стр. 312.

строемъ. Эту связь онъ устанавливаетъ еще и въ другомъ отношеніи: ложная гражданская свобода всегда ведетъ, по его мнѣнію, къ порабощенію народа, къ потерѣ имъ своей политической независимости.

Крижаничъ убѣжденъ, что во всякомъ политическомъ тѣлѣ заключены элементы разложенія, и что, если ихъ оставить безъ вниманія, не бороться съ ними, государство неминуемо придетъ къ упадку. Поэтому онъ, какъ и Макіавелли, думаетъ, что удержать за собой политическое могущество неизмѣримо труднѣе, чѣмъ его пріобрѣсти. Пріобрѣтеніе, большею частью,—дѣло случая или счастья; напротивъ, сохранить пріобрѣтенное есть всегда дѣло таланта и ума[1]). Одною же изъ постоянныхъ, обычныхъ причинъ паденія государствъ является иноземное вліяніе, и потому долгъ государственнаго человѣка—постоянно бороться съ этимъ вліяніемъ, не допускать его усиленія. Въ этомъ отношеніи Крижаничъ—убѣжденный націоналистъ. По его убѣжденію, государство должно быть строго національно, оно должно стремиться къ удовлетворенію нуждъ своего народа, направленіе всей политики должно соотвѣтствовать взглядамъ и міросозерцанію народа, по отношенію же къ иностранцамъ и инородцамъ государственное управленіе должно руководиться принципомъ недовѣрія. „Знай самъ себе и не вѣруй инородникамъ“—вотъ, по мнѣнію Крижанича, два краеугольныхъ камня разумной государственной политики[2]). „Нѣсть кралю славы въ томъ, аще многи инородники будутъ у него объѣдны и піяны. Тѣ бо сами хлѣбогубцы ѣдучь и піючь насмѣваются таковому поступку, а ины поготову и болѣ. Но слава есть кралю, аще домашни подданники будутъ

[1]) См. I, стр. III и 378. Напротивъ, на стр. 380 Крижаничъ, отчасти, полемизируетъ съ Макіавелли: А что намъ припоминаетъ она причa, кая велитъ: „Коими умѣтельми я добываютъ, оными же ся и сохраняютъ кралества“? — Въ этой „причѣ“ можно угадать мысль Макіавелли (Il Principe, гл. VI и VII).

[2]) I, стр. VI, 65, 117 и друг.

богаты и честны“ [1]). „Чужебѣсіе“, увлеченіе всѣмъ иностраннымъ—самая опасная для государства болѣзнь, за которою непремѣнно послѣдуетъ потеря политической независимости—„чужевладство“, если только государство не рѣшится вовремя вступить на путь „гостогонства“, изгнанія изъ своихъ предѣловъ всѣхъ иностранцевъ и инородцевъ. Таковъ его взглядъ. Яркими красками описываетъ онъ гибельныя послѣдствія увлеченія иностранной культурой и приводитъ въ подкрѣпленіе своихъ мыслей примѣры изъ исторіи различныхъ народовъ. Крижаничъ—не врагъ заимствованія. Напротивъ, онъ допускаетъ, что одинъ народъ можетъ учиться у другого, пользоваться чужимъ опытомъ и переносить къ себѣ иностранные порядки, подходящіе къ его нравамъ и условіямъ жизни: „что коли гдѣ на свѣту есть добро узаконено, аще будетъ намъ полезно и пригодно, да ся терситъ (стремится) краль оно выразить и вѣчнымъ законоставіемъ во своемъ кралеству укрѣпить“ [2]). Въ этомъ онъ полагаетъ даже славу монарха. Но онъ возстаетъ противъ рабскаго подражанія, противъ мнѣнія, что все иностранное хорошо, т. е. именно противъ увлеченія всѣмъ иностраннымъ и пренебреженія къ своимъ, роднымъ порядкамъ. Нѣтъ ничего гибельнѣе для народа и государства, говоритъ онъ, какъ оставлять въ пренебреженіи свои древніе простые и добрые нравы и перенимать чужіе нравы, законы и языкъ и стараться преобразить себя въ другой народъ. Всякій народъ, который отступаетъ отъ своихъ нравовъ и законовъ, тѣмъ самымъ утрачиваетъ свое благосостояніе [3]). И Крижаничъ

[1]) I, стр. VII.

[2]) I, стр. 385.

[3]) II, стр. 304: nihil est perniciosius alicui genti et regno quam cum homines fastidiunt suos antiquos simplices et bonos mores et assumunt alienos mores, leges ac linguas, et transformare se student in aliam gentem. Quaequnque natio a suis moribus et legibus discedit et se sine gravi causa in alienas leges transformat, eo ipso statum felicitatis amittit. — Разговоры, стр. 714: Pessimus profecto morbus gentis est talis aemulatio, sed praecipuam eius partem neglexit Starowolsius: quae est, quando gens gentem aemulat et imitari studet in vestibus

строго осуждаетъ тѣхъ совѣтниковъ, которые рекомендуютъ всячески заискивать передъ иностранцами, искать ихъ похвалы и, вообще, считаться съ ихъ мнѣніемъ [1]). Когда же иностранцы, пользуясь любезностью населенія или правительства, основываются въ государствѣ, тогда они, естественно, захватываютъ въ свои руки различныя права, отказываясь отъ обязанностей, пользуются благами, не неся никакихъ тяготъ. И это потому, что они чужіе въ государствѣ, не связаны съ нимъ органически. Яркій примѣръ тому Польша. „У Ляховъ Нѣмцы, Скоты, Ормляне и Жиды все, что гдѣ есть блага, обладаша. Тѣ въ бездѣлію свое торбухи питаютъ и всякихъ розкошей уживаютъ, едины труды тежачества (земледѣлія) и воеванія и соемные кричи да превлаки и судовные клопоты оставляютъ нарожанамъ" [2]). Оставляя коренному населенію земледѣліе и военную службу, иностранцы захватываютъ въ свои руки торговлю [3]), стре-

in cibis, in ludis, in pompis et in quibuscunque immoderatis et nocivis sibi ostentationibus (рукоп.). — Ср. II, стр. 35, 60, 276.

[1]) I стр. VII. Крижаничъ прибавляетъ: „Суетна есть слава своихъ морить, да чужихъ насытимъ."

[2]) I, стр. 207. De Providentia, стр. 32: Quando aliqui infideles et vagabundi populi aliunde adveniunt et inundant aliquid regnum, bene licet et consultum est illi regi eos expellere, quantumvis multis annis aut saeculis in illo regno habitarent. Quemadmodum factum est in Hispania, quam Mauri infideles per 700 annos . . . occupabant. Tales maxime sunt ii, qui recte appellantur locustae mundi: videlicet Judaei Cigani, Armeni, Scoti et alii tales alienigenae. Hi enim populi nullas certas sedes et nullam propriam regionem habent, sed per totum mundum vagantur et habitant, et tantum fraudibus suis alios populos decipiunt et dehonestant et alienos labores gratis devorant et ad communem bonum nihil prosunt, sed plurimum obsunt, quia nullam operam praestant ad agriculturam neque ad bellum. Optime igitur fecerunt reges Hispanorum et quidam alii principes, qui omnes Judaeos perpetuo decreto ex suis regnis eiecerunt. Verum de Judaeis est divinum decretum, ut dispersi in mundo habitent usque ad finem saeculorum; ideo non peccant illi reges, qui Judaeos in suis terris habitare patiuntur; quam melius faciunt illi, qui eos eiiciunt: cum mundus sit latus et satis loci ad habitandum habere possint in regnis infidelium (рукоп.).

[3]) Напр. I стр. 185, 215 и др.

мятся оказывать вліяніе на политику[1]), распространяютъ ереси[2]), портятъ общественные нравы[3]) и т. д. Такому угнетенію народа со стороны иностранцевъ очень помогаетъ и обыкновенно сопутствуетъ переходъ иностранцевъ въ туземное подданство, и вотъ почему Крижаничъ энергично предостерегаетъ противъ укорененія иностранцевъ. Въ государствѣ, гдѣ свободно принимаютъ иностранцевъ въ подданство, раньше или позже должно изчезнуть единство воли и разумѣнія; изъ разныхъ народовъ, языковъ, законовъ образуется такая „мѣшанина", при которой никакой порядокъ не возможенъ. Иностранецъ, хотя бы и принявшій подданство, въ трудную для государства минуту непремѣнно окажется на сторонѣ своего родного народа и будетъ ему всячески помогать[4]). Пріобрѣтеніе подданства очень часто является только средствомъ обойти законы, запрещающіе иностранцамъ покупку недвижимости[5]). Такъ было въ Венгріи, такъ—въ Польшѣ. Отъ иностранцевъ погибъ Римъ. „За что ся есть разорило Римское царство?.. Римляны, хотячь свой народъ умножить, раздаваху свое нарожанство (илити, яко они зваху, свое гражанство) разнымъ народомъ и изъ Гречина, Жида, Персина сотворяху Римского гражанина; и народы то въ велику честь пріемаху. А изъ того что ся учини? Незгода межу ними и разваленіе оному господству. Яху бо разны народы разныхъ своихъ нарожа-

---

[1]) Напр. I стр. 374, 210.

[2]) Напр. II стр. 152, 271.

[3]) Напр. I стр. 217, 232, 238.

[4]) II стр. 104. См. весь этотъ раздѣлъ: „О приписанію инородниковъ".

[5]) I стр. 186: У Ляховъ Нѣмцы бяху почали куповать многа иманія. Ляхи учиниша преповѣдь, да ни едному инороднику не будетъ вольно купить иманія въ Ляшской землѣ. Али нѣмцы и супроть тому путь найдоша. Нынѣ закупаютъ иманія въ закладное имя, что они зовутъ Widerkaf, съ таковымъ увѣтомъ, да купецъ не можетъ иному продать неже продавцу самому послѣ уроченыхъ годовъ; а продавецъ не можетъ иному заложить, но токмо на свое уживаніе можетъ откупить иманіе. А ины Нѣмцы изпрашиваютъ си землянство (якоже у Вугровъ), что Ляхи зовутъ Indigenat. — Тоже стр. 213.

новъ на царство посажать, и учини ся незгодіе“ [1]). Какъ на примѣръ, достойный въ этомъ отношеніи подражанія, Крижаничъ указываетъ на китайцевъ и на евреевъ. Лучшій совѣтъ, говоритъ онъ, „сохранять свой народъ чистъ и незмѣшанъ зъ иными. Хинско кралество есть найлюднѣе на свѣту, и тамо же народъ есть найчистѣй, и инородникомъ нѣсть тамо житія. Жиды тоже не мѣшаютъ ся зъ иными народами; ино вѣдь чтемъ во святомъ писму, како велика множина есть была Жидовъ, во время ниховыхъ кралевъ, да есть дивно слышать“ [2]). Но хуже всего, когда иностранцы захватываютъ государственную власть, въ особенности,—когда иностранецъ оказывается на престолѣ. Крижаничъ подчеркиваетъ всю неестественность такого положенія. Только животныя не могутъ имѣть пастыря изъ своего рода. Цари зовутъ себя пастырями своихъ народовъ и выбираются изъ того же племени, къ какому принадлежитъ и ихъ паства. Поэтому, гдѣ царь будетъ изъ другого народа и другого языка, тамъ и народъ скорѣе будетъ подобенъ скоту, чѣмъ людямъ [3]). Государь, выбранный изъ чужого народа, относится съ презрѣніемъ къ своимъ подданнымъ, онъ окружаетъ себя иностранными выходцами, всѣ высшія должности и прибыльныя статьи раздаетъ своимъ соотечественникамъ,—и тогда начинается мирное завоеваніе государства [4]). Лучше отдавать высшія должности и престолъ самымъ худымъ людямъ изъ своего народа, чѣмъ самымъ лучшимъ—изъ иностранцевъ; лучше тираннъ изъ народа, чѣмъ „сладчайшій Давидъ изъ инородниковъ“. Ибо невозможно, чтобы человѣкъ любилъ чужой народъ больше, чѣмъ свой [5]). Крижаничъ, въ подтвержденіе своей мысли, дѣлаетъ выписки изъ пророковъ, Ѳомы Аквинскаго,

---

1) I стр. 187. Тамъ же ссылка на Турцію.

2) II стр. 105. Ссылку на Китай см. еще I стр. 366.

3) I стр. 195.

4) I стр. 200, 208, 213 и друг.

5) I, стр. 201. Ср. Разговоры, стр. 558: Ex his patet, quod in nullo unquam casu potest recte alienigena aut homo ortus ex alienigenis

Филиппа Комина, Пясецкаго и другихъ и, какъ на образецъ для подражанія, указываетъ на lex salica [1]), который устраняетъ женщинъ отъ наслѣдованія, такъ какъ чаще всего именно бракъ открываетъ иностранцу путь къ престолу. Также возстаетъ онъ противъ того, чтобы государи брали себѣ женъ изъ другихъ царствующихъ домовъ [2]).

Будучи такимъ убѣжденнымъ націоналистомъ, въ особенности же, видя, какая опасность для жизни народа заключается въ одномъ томъ, что государственная власть находится въ рукахъ иностранцевъ, Крижаничъ старался объяснить себѣ причины такихъ явленій, причины потери народомъ своей политической независимости. Одну изъ причинъ этого онъ видѣлъ въ ложной, т. е. слишкомъ широкой гражданской свободѣ. Широкая свобода внутри государства, по его мнѣнію, ведетъ къ паденію нравовъ, къ роскоши, къ умноженію преступленій, къ забвенію Бога,— однимъ словомъ, къ разрушенію всѣхъ устоевъ здоровой народной жизни, къ слабости народа. Этой то слабостью и пользуются иностранцы, захватываютъ народную жизнь въ свои руки и мало по малу порабощаютъ народъ; въ концѣ концовъ онъ теряетъ свою свободу, оказывается подъ чужеземнымъ игомъ и принужденъ связать свою судьбу съ судьбой другого народа, ему совершенно чуждаго. Поэтому Крижаничъ, описывая ложную гражданскую свободу, всегда прибавляетъ: „Такова вольность нѣсть вольность: або при ней инородники въ народу нашемъ кралюютъ и господуютъ,

fieri rex. Item patet, quod alienigenae et indigenati et neofiti et neofitorum nepotes ac pronepotes nullo modo admitti debent ad illa consilia aut negotia, quae nobis intercedunt cum quibuscunque alienigenis aut externis populis aut hominibus (рукоп.).

[1]) I стр. 197 — 200.

[2]) Разговоры, л. 1: Salomon abusus est sapientia, id est, abiecit sapientiam illam quae ei erat a Deo infusa, et secutus est diaboli sapientiam in eo, quod duxit uxores alienigenas, sex regis Egypti filias. Cogitabat enim (iuxta daemonis politicam) sibi tanquam regi uxorem deberi regis filiam; et se non satis honoratum nec satis nobilem regem fore, nisi haberet regiam filiam uxorem. Et non curabat legem Dei, quae prohibet alienigenas duci uxores (рукоп.).

изсысаютъ и изъѣдаютъ насъ, и мы смо инымъ народомъ подданы“ [1]). Особенно печальную картину чужевладства представляла, на взглядъ Крижанича, современная ему Польша подъ игомъ чужеземныхъ королей. „А Ляхи пакъ уже отъ трехъ сотъ годовъ, имали суть тринадесте кралевъ, все инородниковъ; измежу коихъ еще нѣкоимъ и остудно, да окаяннымъ начиномъ мораху челомъ бить усильно, да бѣху кралество пріяли, навластито Казиміру Ягайловичу“. Добровольно подчиняясь иностраннымъ королямъ, Поляки принуждены были терпѣть отъ нихъ презрѣніе, на государственныя деньги короли выкупали польскихъ враговъ, наполнили всю страну инородцами и т. д. [2]) И во всемъ этомъ виновата польская свобода. Если бы кто нибудь захотѣлъ, говоритъ Крижаничъ, придумать самый худшій способъ управленія, онъ не могъ бы придумать хуже того, какой существуетъ въ Польшѣ. Крижаничу, вообще, въ мрачномъ свѣтѣ представляется судьба Польскаго государства; онъ думаетъ, что современная ему Польша близка уже къ старости [3]). „А тому главная причина есть своевольство, чужебѣсіе и чужевладство“. Между этими тремя явленіями существуетъ, такимъ образомъ, тѣсная органическая связь [4]). Ложная, слишкомъ широкая свобода ведетъ за собой раболѣпство передъ иностранцами въ отношеніи культурномъ, а затѣмъ народъ попадаетъ и въ политическое рабство, теряя свое государственное бытіе и подчиняясь чуждой ему государственной власти.

---

[1]) II, стр. 53. Тоже—стр. 301. Латинскій текстъ: Talis libertas facit: ut alienigenae in nobis regnent et dominentur et ubique nos exsugant et depascantur, et nos simus aliorum gentium subditi. (Тамъ же, стр. 40).

[2]) I, стр. 185, 186, 192, 193.

[3]) Разговоры, стр. 548—549: Nostra autem aetate Nicolaus Zoravius etiam recte perspexit regni Lehiaci virilem aetatem esse iam in declinatione. Ipse anno 1647 edidit libellum, in quo scripsit hoc modo . . . Cum hoc ille scripsisset, mox anno insequente mortus est rex Wladislaus et exortum est bellum cosazicum, ex quo deinde consecuta devastatio totius Lehiae ac Lituaniae (рукоп.).

[4]) II, стр. 304.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мѣсто Россіи во всемірной исторіи.

Въ 1660 году, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Москву, Крижаничъ подалъ въ Посольскій приказъ письмо, въ которомъ предлагалъ свои услуги царю Алексѣю Михайловичу. Въ письмѣ этомъ по поводу извѣстнаго сочиненія Олеарія онъ говоритъ: „В тѣх книгах читахомъ нѣкоторая мерзская злоглашения съ немалою жалостию и прогнѣваніемъ. Ради предреченных вещей может издатися полезно и потребно быти списати исторію правдиву и совершенну сего царства и всего народа словенска; тѣмъ разорити хуленiе, которые исторіі писатели наносят на се царство и на весь народ. Аще Богу і вашему царству будет угодно мнѣ меншему и послѣднему по врученіі, на се дѣло готов есмь. Молим ваше царское величество названи быти историкомъ лѣтописцом вашего царского величества и под симъ имянемъ служити“ [1]). Около пяти лѣтъ спустя, Крижаничъ писалъ въ своихъ „Разговорахъ объ владательству“: „днеска единъ Рускій удѣлъ, по Божіей милости, живетъ подъ тобою Царемъ и Господаремъ своего языка, а остальны всѣ Словенцы есуть подвержены чужимъ народомъ. А при томъ и другое зло въ купѣ ходитъ: еже ся обрѣтаютъ токмо нѣкои и удѣлны Годописцы у Русовъ, Ляховъ и Чеховъ, а обо всемъ цѣломъ народу годныхъ и потребныхъ исторій или испоминковъ и старинныхъ повѣстей нигдѣ еще нѣсть было видѣть... Язъ адда негодный есмь желѣлъ видѣть списану

---

[1]) С. Бѣлокуровъ, Юрій Крижаничъ въ Россіи. М. 1901, стр. 89 и слѣд.

обо всемъ народу такову исторію, въ коей бы былъ затомленъ и преконанъ Нѣмецкій зазоръ со своими потвормы и скаредными хулами" [1]). Отсюда мы видимъ, что у Крижанича былъ серьезный и постоянный интересъ къ русской исторіи, и при томъ въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, ему хотѣлось оправдать русскую жизнь и русскую исторію передъ нѣмецкими писателями, которые имѣли о ней неправильное и одностороннее представленіе, а во-вторыхъ—хотѣлось установить связь между русской исторіей и исторіей другихъ славянскихъ народовъ. Та и другая задача сводилась, сама собою, къ тому, чтобы поставить русскую исторію въ связь съ исторіей всемірной и тѣмъ самымъ, косвенно, опредѣлить всемірно-историческое значеніе Россіи. Извѣстно, что въ Сибири Крижаничъ приготовлялъ матеріалы для такой работы, и съ этой цѣлью онъ долго изучалъ русскую лѣтопись, Петрея, Кромера, Баронія и друг. [2]). Изъ лѣтописи и изъ другихъ источниковъ онъ познакомился съ наиболѣе распространенными въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ попытками построенія философіи русской исторіи, съ различными теоріями, сказаніями и пророчествами, въ которыхъ, отчасти, оцѣнивались наиболѣе важныя событія исторіи, а отчасти—опредѣлялась дальнѣйшая судьба Россіи. Крижаничъ этими теоріями заинтересовался. Почти во всѣхъ его сочиненіяхъ мы находимъ ссылки на нихъ и критическую ихъ оцѣнку, а его „Толкованіе историческихъ пророчествъ" почти наполовину посвящено разсмотрѣнію этихъ теорій. Мысли, высказанныя Крижаничемъ по этому поводу, интересны для насъ въ особенности потому, что онѣ составляютъ логическое введеніе въ систему его взглядовъ на русское государственное устройство.

Въ Россіи, какъ извѣстно, очень рано возникла идея о зависимости русскаго государства отъ византійскихъ импе-

[1]) II стр. 2.

[2]) Безсоновъ въ Правосл. Обозр. 1870 г., Февраль стр. 349 и слѣд.; Н. Сѣверный, Отчетъ о занятіяхъ (Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1867 кн. II стр. 134). См. Рукопись Моск. Синод. Типогр. № 4309 лл. 23—226, 241—252, 252—484.

раторовъ; идея эта опиралась на предположеніе всемірнаго значенія Византіи. Первоначально, идеи эти исходили изъ самой Византіи. Тамъ была высказана мысль о всемірной монархіи, о томъ, что византійскій императоръ есть единственный царь во вселенной, которому подчинены всѣ другіе князья и государи [1]). Вслѣдъ затѣмъ и русскій великій князь, въ своихъ посланіяхъ къ византійскому императору сталъ называть себя его „сватомъ", самого императора — „самодержцемъ всей вселенной", а Константинополь — царствующимъ градомъ [2]). Наиболѣе яркое литературное выраженіе эти идеи получили въ сказаніи о Мономаховыхъ регаліяхъ. Уже въ лѣтописи упоминается о томъ, что императоръ Алексѣй Комнинъ прислалъ Владиміру Мономаху вѣнецъ, скипетръ, діадему и золотой крестъ [3]), а затѣмъ сказаніе это, украшенное различными подробностями, вошло во многія произведенія свѣтской и духовной литературы. Такъ, въ Царственномъ Лѣтописцѣ читаемъ: „И посла царь Константинъ къ великому князю Владимиру Неофита, Митрополита Ефесскаго и съ нимъ два епископа Митилинска, и Митилійска и Стратига Антіохійска, и Агустолія Александрійска, игемона Іерусалимска Евстафья, и посылаетъ съ ними къ великому князю крестъ отъ животворящаго древа и снемъ отъ своея главы вѣнецъ царскій, иже именуется Мономахова шапка, и крабійцу сердоликову, изъ нея же Августъ царь римскій веселяшеся, и чепи златыя, и иные многіе царскіе дары. И пріиде Неофитъ митрополитъ и съ епископы къ великому князю Владимиру и нача молити отъ царя великаго князя: проситъ царь отъ твоего благородія мира и любвѣ, да церкви Божія безъ мятежа будутъ, и все православіе въ покои пребудетъ подъ общею властію нашего царства и твоего великаго самодержавства великія Руси. Да нарицаешися отселѣ боговѣнчанный царь, вѣнчанъ симъ

---

[1]) М. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 25.

[2]) А. И. I №№ 39 и 262.

[3]) П. С. Л. т. II стр. 290.

царскимъ вѣнцомъ рукою святѣйшаго митрополита киръ Неофита и съ епископы, и отъ того времени князь великій Владиміръ Всеволодычъ нареченъ Мономахъ и царь великія Русіи" [1]).

Крижаничъ относился отрицательно, прежде всего, къ идеѣ всемірной монархіи и считалъ эту идею одною изъ политическихъ ересей, т. е. такихъ ложныхъ, фантастическихъ теорій, которыя могутъ оказывать вредное вліяніе на государственную жизнь. Одинъ изъ параграфовъ въ его „Разговорахъ" такъ и озаглавленъ: Haeresis politica 1. De quatuor Monarchiis et de fantastica Hyperbasilia. Здѣсь возстаетъ Крижаничъ противъ притязаній нѣмцевъ и грековъ на всемірное господство. Когда-то Навуходоносоръ, Александръ Великій, Домиціанъ и другіе приказывали, говоритъ Крижаничъ, называть себя богами, но весь свѣтъ осудилъ и осмѣялъ ихъ тщеславіе и нечестіе. Нѣмцы же стали подражать этому нечестію другимъ діавольскимъ способомъ, стараясь отнять у Бога и перенести на себя честь, присущую І. Христу, единому царю царей. Начало этому, по мнѣнію Крижанича, положилъ Юстиніанъ, установившій формулу: „Императоръ Римскій есть господинъ всего міра" [2]). Фор-

[1]) Царств. Лѣт., (СПБ. 1772) стр. 2—3.—Четьи-Минеи, вып. II, стр. 1318. Дьяконовъ, назв. соч. стр. 73. Идея о преемствѣ царской власти изъ Византіи нашла отраженіе и въ народной поэзіи. Въ одной пѣснѣ Іоаннъ Грозный говоритъ: „повынесъ я порфиру царскую изъ Царя-града" (Соловьевъ, Ист. Россіи XIII, 177).

[2]) II, стр. 283—284: Olim Nabugnozor, Alexander, Domitianus et alii quidam vesani homines, et naturae monstra, iubebant se appellari deos. Sed vanitas et impietas ipsorum a toto mundo condemnata, execrata ac derisa fuit. Germani autem eandem impietatem alio diabolico modo imitati sunt: dum Jesu Christi unici et aeterni Regis Regum divinum honorem Domino ipsi et Deo detrahere et in se ipsos impio conatu transferre conati sunt. Huius impietatis initium factum est circa annum Domini 530, regnante Justiniano. Iste enim Caesar fecit in ordinem digeri leges Romanorum et in illis tunc additum ac scriptum fuit sic: „Imperator Romanorum est totius mundi dominus". — Въ томъ же томѣ на стр. 346 эта формула называется illud mendacium.

мула эта, по мнѣнію Крижанича, лишена всякаго смысла, ибо міръ, какъ цѣлое, не можетъ быть подчиненъ никакой человѣческой власти; она заключаетъ въ себѣ нечестіе, ибо переноситъ на человѣка власть, присущую Богу; этимъ самымъ она разрушаетъ и истинное основаніе государственной власти. „Да занѣмѣютъ уста, говорящая хулу супроть Господу. Далеко буди отъ насъ такова хула. Единый Богъ есть господарь всему свѣту. А царь Римскій нѣмаетъ никаковыя власти нить дѣла къ инымъ кралемъ. Дайте царю, что есть царево, а Богу, что есть Божіе“ [1]).

Но это только общія, отвлеченныя соображенія. Между тѣмъ притязанія Византіи на всемірно-историческое значеніе имѣли вполнѣ конкретныя основанія, такъ какъ они опирались на своеобразныя толкованія различныхъ пророчествъ, и главнымъ образомъ—ветхозавѣтныхъ. Поэтому Крижаничъ останавливается на этихъ пророчествахъ. Пророки Божіи предвозвѣстили: въ мірѣ будетъ четыре славныхъ царства, одно послѣ другого, которыя будутъ преслѣдовать и держать въ страхѣ церковь Божію. Послѣднее изъ нихъ (именно Римское) будетъ всѣхъ могущественнѣе и жесточе. И это могущественное и жестокое царство будетъ разрушено Іисусомъ Христомъ. Царство же Христа будетъ вѣчно, такъ какъ онъ есть единый Царь царей и Господь господей, во вѣки. Такъ пророчествовали Даніилъ, Ездра, ап. Павелъ и Іоаннъ. Они предсказывали славу единаго Бога, и ни одному земному царю они не предсказали величія выше обыкновеннаго. А истолкователи этого пророчества придаютъ ему ложный смыслъ тѣмъ, во-первыхъ, что предсказанныя Даніиломъ царства называютъ монархіями и утверждаютъ, что

quod regnante Justiniano fuit inter leges Romanos adscriptum. — Ср. еще II, стр. 182—184. — Въ неизданной части „Разговоровъ“ повторяется таже мысль. См. стр. 666—681: Razdil 5: Ob Hristowom kralyestwu i ob Monarhiyskoy ieresi; Razdil 6: Ob naruganiu i ostudah, koie sut Greki i Nimci Slowincem uczinili czez zbaianu Monarhyu i czez suietno swoie carstwo.

[1]) I стр. 362.

монархія по степени своего достоинства стоитъ выше царства; во-вторыхъ — тѣмъ, что Римскую монархію считаютъ выше прочихъ монархій, и имя цесаря — выше имени царя или монарха. Отсюда они выводятъ, что цесарь, хотя бы онъ не имѣлъ никакой дѣйствительной власти, стоитъ по своему достоинству выше всѣхъ царей міра и имѣетъ власть установлять и разрушать царства [1]). На самомъ же дѣлѣ Богъ никогда не предоставлялъ ни одному изъ этихъ царствъ власти надъ цѣлымъ міромъ, и ни одному изъ нихъ не были подвластны другія великія государства: „Китайское, Чинское, Ефіопское, Скифское и сіе наше Руское, Ляское и Литовское кралества нѣсуть была николи подъ Римскую область подбіена". Эти и многія другія государства ни по своему достоинству, ни по той власти, которою они фактически обладали, ничуть не стояли ниже тѣхъ четырехъ царствъ, о которыхъ пророчествовалъ Даніилъ. Поэтому истинный смыслъ его пророчества не тотъ, который хотѣли вложить въ него греки. Пророчество Даніила имѣетъ церковно-религіозное значеніе, а не политическое. Чрезъ его посредство Богъ хотѣлъ показать Новуходоносору и другимъ царямъ, что

[1]) 1-o, Quatuor illa a Daniele praedicta regna ipsi mutato nomine appellant monarchias. Et aiunt, monarchiam esse aliquod altius gradu dignitatis, quam sit regnum. 2-o, Inter illos monarchias aiunt Romanam ceteris esse altiorem dignitate: et nomen Cesaris esse altioris gradus, quam nomen regis aut monarchae. 3-o, Hinc postremo rem suam concludunt et aiunt: Cesarem suum, etiamsi exiguam aut nullam habeat potestatem, esse tamen maioris dignitatis, quam omnes reges mundi. Et habere potestatem per totum mundum instituendi et destruendi regna (II, 288). — Ср. I, стр. 391: нѣкои Грецки ласкавцы, обличивши яко Даніилъ объ четырехъ кралествехъ пророкуетъ, яша проповѣдать, еже бы Богъ былъ онымъ кралествомъ далъ нѣкую вящу область, и прецѣнбу, и величество отъ всѣхъ остальныхъ кралестовъ на землѣ, и будь бы имъ иная кралества не была равна въ области и въ прецѣнбѣ. А именно объ Римскомъ кралеству (уже послѣ его скончанія и послѣ разоренія града Рима) не срамоваху ся въ царскомъ законоставію при царю Юстиніану сея ложныя и хулныя рѣчи написать: „Царь Римскій есть всего свѣта господинъ".

міръ управляется не случаемъ, а Божіимъ промысломъ, и такъ какъ въ то время еврейское царство прекратилось, то Богъ, чтобы евреи не впали въ отчаяніе, показалъ имъ, что Христосъ придетъ и положитъ основаніе своему царству, которое, какъ камень, разрушитъ царство земное [1]). Но греки, какъ потомъ и нѣмцы, закрыли глаза на истинный смыслъ пророчества и, не довольствуясь мірской властью, присвоили себѣ также власть духовную и потому разбились о Христовъ камень [2]). Отсюда Крижаничъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) царь есть имя, обозначающее высшее на землѣ величество; 2) цесарь и императоръ суть титулы, низшіе по сравненію съ царскимъ, что̀ видно изъ того, что Бога называютъ царемъ, а не цесаремъ или императоромъ; 3) выше царя нѣтъ никого, кромѣ Бога; 4) никто, кромѣ Бога, не можетъ никого дѣлать царемъ; 5) римское царство было сильнѣе другихъ, но по своему достоинству и степени власти оно не было выше другихъ царствъ. Этимъ выводамъ Крижаничъ придаетъ большое значеніе, и они, дѣйствительно, вполнѣ

[1]) I стр. 392—393. Тоже, нѣсколько подробнѣе II стр. 289—290. Другой оттѣнокъ въ объясненіи пророчества Даніила см. въ Толкованіи ист. прор., стр. 20—21: То видьенје изказујет самъ Данијилъ, на четверо царство: на Асирско, Перско, Греческо и Римско. Желизни и глинени голени и ногы знаменуютъ Римско. И сие ди царство будетъ раздильено: и частю крипко, а частю скрушено. И смисетсе ди чловическою кровю: но неприлипетсе и неспојетсе мед собою, то, јест: Греки зъ Римлянми небудутъ згодни, ни јединомиселни. А во дни онихъ царстов возбудити хощетъ Бог царство, јеже во викы не разоритсе. И царство јего иному не предастсе. Повстати пакъ хощетъ и строшити хощет вса та царства и само хощетъ стояти въ викы.— Быть можетъ въ подчеркнутыхъ словахъ заключается зародышъ мысли объ отсутствіи историческаго преемства между первымъ и вторымъ Римомъ (см. ниже)?

[2]) I, 429. Та же мысль о присвоеніи духовной власти высказывается и въ толкованіи видѣнія Даніила (четыре звѣря). См. Толков. ист. пророч. стр. 23—34.—Пророчества эти разобраны еще въ „Разговорахъ" на стр. 641—650 и 653—666: kako sut Rimski, Grecki i Nimecki cari ot kamena razbiéni (рукоп.).

опредѣляютъ его отношеніе къ всемірной монархіи и, въ частности, къ Византіи [1]).

Относясь отрицательно къ притязаніямъ Византіи на всемірное господство, Крижаничъ не признавалъ за нею права и на покровительственное отношеніе къ Россіи, а потому сказаніе о Мономаховыхъ регаліяхъ онъ считалъ пустой выдумкой, оскорбительной для чести Россіи. Въ главѣ „Разговоровъ", гдѣ Крижаничъ перечисляетъ обиды, нанесенныя греками славянамъ, онъ приводитъ обиду 24-ю: греческій царь прислалъ русскому царю знаки царскаго достоинства; онъ сдѣлалъ это нарочно съ тою цѣлью, чтобы унизить насъ, чтобъ показать, что русскій царь не могъ бы имѣть царскаго достоинства, еслибъ не получилъ его отъ грековъ. И Владиміръ хорошо поступилъ бы, еслибъ отослалъ назадъ эти регаліи и сказалъ императору: „ты меня дѣлаешь царемъ русскимъ, а я тебя дѣлаю царемъ греческимъ" [2]). Выше было указано, что къ существу монархіи Крижаничъ относилъ богоустановленность царской власти. Поэтому въ сказаніи о Мономаховомъ вѣнцѣ его больше всего оскорбляло то, что оно уничтожало непосредственную зависимость царской власти отъ Бога и на ея мѣсто ставило зависимость отъ императора. Въ составленной имъ обширной рѣчи царя къ народу, въ которой онъ излагаетъ больше всего свои личные взгляды и идеалы, встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: „Мономахъ прислалъ предшественнику нашему Владиміру царскіе знаки, и этимъ съ большой хитростью обезчестилъ нашъ народъ. Какъ будто всякій, кто хо-

[1]) II, стр. 292 и слѣд.: 1-о, Rex est proprium supremae sub coelo maiestatis nomen. 2-о, Cesar autem, et Imperator sunt nomina inferiora nomine Regio. 3-о, Nulla Dignitas est nec esse potest altior dignitate Regali. 4-о, Non potest habere Rex alium superiorem se, nisi solum Deum ... 6-о, Deum nemo appellat Cesarem sed bene Regem celorum et Regem regum ... 8-о, Quisquis ait, Se posse facere reges, arrogat sibi potestatem divinam. — Ср. въ рукоп. стр. 695—697: Ježe Rimskiy Car nimaet moči naredzat kralyew i kralyestow.

[2]) II стр. 218, 291, 295.

тѣлъ бы оставаться царемъ, долженъ искать чести не у единаго Бога, а у какого то человѣка, занимающаго болѣе высокое положеніе. Ничуть не больше величества могъ дать Мономахъ Владиміру, чѣмъ Владиміръ Мономаху. Никто не можетъ дѣлать другого царемъ, какъ только одинъ Богъ. А Богъ поставляетъ царей или чудесно черезъ пророковъ, или черезъ народное избраніе, или чрезъ оружіе. Человѣкъ же не иначе можетъ поставить царя, какъ если подаритъ другому свое царство, или лишитъ себя царства и перестанетъ быть царемъ". И далѣе: „О царскомъ достоинствѣ и величествѣ мы такъ исповѣдуемъ истину. Во-первыхъ, воздаемъ славу Богу, исповѣдуемъ и вѣруемъ, что Богъ и Спаситель нашъ І. Христосъ есть единый Царь царей, Господь господей и господинъ всего міра, и что нѣтъ человѣка, который бы былъ господинъ всего міра. Также нѣтъ и не можетъ быть человѣка выше царя, и нѣтъ на свѣтѣ достоинства и величества выше достоинства и величества царскаго. Во-вторыхъ, мы исповѣдуемъ и вѣруемъ, что мы и предшественники наши, какъ великіе князья, такъ и цари русскіе отъ единаго Бога приняли и имѣли истинную честь и были намѣстниками одного только Бога. Императоры же римскіе или какіе нибудь другіе властители не имѣли никакой власти, ни права, ни суверенитета (potestatem, neque ius neque superioritatem) въ отношеніи народа или земли русской. Сколько русскіе имѣли права на римлянъ, столько же и римляне—на русскихъ. Поэтому римскіе императоры ни дать нашимъ предшественникамъ, ни отнять у нихъ царское достоинство не могли. И если въ этомъ дѣлѣ Мономахъ или кто нибудь другой хотѣлъ намъ что нибудь даровать или что нибудь у насъ отнять, то всякое такое дарованіе или отнятіе были пустыми и призрачными. И мы царскую честь, которую Мономахъ или кто нибудь изъ людей хотѣлъ или захотѣлъ бы намъ сообщить (какъ бы въ силу своего суверенитета или власти), отвергаемъ и объявляемъ ничтожною. Честь, которую мы получили и имѣемъ, мы приняли отъ одного только Бога, и единому Богу, вер-

ховному Царю царей мы всю эту честь воздаемъ и къ Нему относимъ. Въ-третьихъ, чтобы утвердить все это какимъ нибудь общественнымъ актомъ, памятнымъ и для будущихъ временъ, и чтобы впредь никто не имѣлъ случая или злостнаго предлога безчестить насъ или въ частномъ разговорѣ отрицать за нами царскій титулъ (regale titulum), мы хотимъ вторично короноваться нашей русской короной и совершенно отказаться отъ всѣхъ даровъ и регалій Мономаха и прочихъ какихъ бы то ни было даровъ Данайцевъ. Хотимъ же сдѣлать это не потому, чтобы намъ недоставало права или власти для законнаго коронованія (ибо мы Божіею милостью пользуемся до сихъ поръ по праву наслѣдованія совершеннымъ и абсолютнымъ царскимъ достоинствомъ и властью), но для того, чтобы этимъ общественнымъ актомъ до конца разрушить всякое суетное и политикоеретическое мнѣніе (politicoheretical opinionem), которое лжетъ, будто бы мы могли имѣть истинную честь и власть откуда нибудь, кромѣ Бога. Слѣдовательно, этимъ актомъ мы хотимъ исповѣдать, что мы получили честь отъ одного только Бога" [1]).

Такимъ образомъ, Крижаничъ относился къ этому сказанію совсѣмъ иначе, чѣмъ его современники. Тѣ видѣли въ присылкѣ царскихъ регалій обстоятельство, возвышающее Русь, „преводящее славу греческаго царства на россійскаго

[1]) I, стр. 349—352. О Мономаховомъ вѣнцѣ упоминается въ томъ же томѣ еще на стр. 334. — Въ соч. De Providentia Крижаничъ высказываетъ подобныя же мысли на стр. 153: Insuper potest rex gloriam Christo insigniter reddere, si per publicum decretum et per scriptum profiteat, se nullum alium agnoscere totius mundi dominum neque regum creatorem, nisi solum Deum Patrem omnipotentem et filium eius Jesum Christum in Spirito. Ideoque quod rex nec habeat, nec habere velit ullam gloriam neque ullam potestatem regalem neque insignia regalia ab Augusto neque ab Romanis neque a Graecis neque a Germanicis imperatoribus, sed solum a Deo et Salvatore nostro Jesu Christo. Quia rex ita publice confitebit Jesum Christum, is sine dubio glorificabitur. Jesus enim glorificat illos, qui ipsum glorificant, sicut et Petrum glorificavit propter talem publicam confessionem (рукоп.).

царя" [1]); Крижаничу, напротивъ, эта присылка представлялась обстоятельствомъ, унижающимъ царскую власть, дѣлающимъ ее менѣе самостоятельною, и потому оскорбительнымъ для чести Россіи. Объясняется такая разница во взглядахъ различіемъ въ отношеніи къ Византіи. Въ Россіи долгое время смотрѣли на Византію, какъ на хранительницу православія, отъ нея получили мы свою вѣру, и потому относились къ ней съ уваженіемъ и почтеніемъ; на-оборотъ, Крижаничъ, какъ католикъ, относился къ грекамъ враждебно, видѣлъ въ нихъ главныхъ, если не единственныхъ, виновниковъ церковнаго раздѣленія, и потому всякая претензія Византіи на міровое господство могла его только раздражать [2]).

Послѣ паденія Константинополя возникаетъ въ Россіи мысль о томъ, что первенство въ политическомъ мірѣ перешло отъ Византіи къ Москвѣ, что Москва наслѣдуетъ отъ Византіи міровое господство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность блюсти и оберегать православіе. Мысль эта, высказанная еще въ концѣ XV вѣка, получила, затѣмъ, свое выраженіе въ посланіяхъ старца Филоѳея, который создалъ цѣльную философско-историческую теорію, формулированную имъ въ извѣстномъ положеніи: „два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти" [3]). Формула эта получила чрезвычайно широкое распространеніе; наименованіе Москвы новымъ или третьимъ Римомъ встрѣчаемъ въ грамотѣ объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, въ посланіи перваго

---

1) См. Дьяконовъ, назв. соч. стр. 72—76.

2) Связь между претензіей на міровое господство и раздѣленіемъ церквей указывается напр. въ Разговорахъ, стр. 641: Rimsko carstwo dlya radi prewelikye sili i slawi uczinilo se iest w' soblazen raznim narodom; a naipacze nam Slowincem wsim: se iest Rusianom, Lehom, Czehom, Serblyanom, Herwatom i Bolgarom. Dlya nyego bo uczinilse iest cirkowniy razdor, i dlya razdora neizgoworno u nas korwi prolitie (рукоп.).

3) Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, стр. 364—365; В. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, Кіевъ 1901 стр. 369—442.

московскаго патріарха Іова къ грузинскому царю Александру, въ повѣсти о бѣломъ клобукѣ и въ другихъ памятникахъ [1]). Старецъ Филоѳей свое посланіе къ в. к. Василію Ивановичу прямо начинаетъ съ указанія на всемірный характеръ его царской власти: „Иже отъ вышняя и отъ всемощныя, вся содержащія десница Божія, имже царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду,—тебѣ пресвѣтлѣйшему и высокостолнѣйшему государю великому князю, православному христіанскому царю и владыцѣ всѣхъ, браздодержателю святыхъ Божіихъ престолъ святыя вселенскія и апостольскія Церкви пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея успенія, иже вмѣсто римскія и константинопольскія просіявшу... И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь“. Съ этимъ связываетъ Филоѳей особыя нравственныя и религіозныя обязанности, возложенныя на московскаго государя: „подобаетъ тебѣ, царю, сіе держати со страхомъ Божіимъ; убойся Бога, давшаго ти сія: не уповай на злато, и богатство, и славу, вся бо сія здѣ собрана и на земли здѣ останутся“. Требуя отъ государя смиренія, онъ возлагаетъ на него цѣлый рядъ опредѣленныхъ церковныхъ задачъ и выражаетъ мысль, что Москва есть послѣдняя міровая монархія: „твое христіанское царство инѣмъ не останется, но великому Богослову“ [2]).

Крижаничъ отвергаетъ и эту теорію. Авторомъ ея онъ считаетъ константинопольскаго патріарха Іеремію, и потому нападаетъ на грековъ, обвиняя ихъ въ лести и въ обманѣ: они прозвали Москву третьимъ Римомъ съ видимой цѣлью возвысить Московское государство, а на самомъ дѣлѣ—съ

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог. II № 59; А. И. I № 227; Памятн. стар. русск. литературы, вып. I стр. 296.

[2]) Прав. Собес., 1863, I стр. 337 — 348. Приблизительно тѣ же мысли и въ другомъ посланіи — къ дьяку Мунехину (Прав. Собес. 1861, II стр. 84 — 96). — Въ приложеніи къ книгѣ Малинина см. кромѣ этихъ посланій еще посланіе къ в. к. Ивану Васильевичу, стр. 57 — 66.

цѣлью унизить его и опозорить; ибо утверждать, что Русское государство есть тоже, что Римское, можно только для смѣха[1]). Крижаничъ расходится съ теоріей старца Филоѳея, прежде всего, въ пониманіи причинъ паденія Константинополя. Онъ думаетъ, что Константинополь погибъ не столько отъ „сѣкиръ и оскордъ“ агарянъ, сколько отъ собственной гордости, которая выразилась, во-первыхъ, въ томъ, что византійскіе государи присвоили себѣ титулъ „господина вселенной“, принадлежащій одному только Богу, а во-вторыхъ въ томъ, что императоры въ своей новой столицѣ не хотѣли довольствоваться одною свѣтскою властью и, чтобы не быть въ подчиненіи у папъ, поставили независимаго отъ него патріарха. Вслѣдствіе этого они наткнулись на „камень столицы Петра“, и надъ ними исполнилось пророчество Даніила: камень этотъ разрушилъ Византію[2]). Затѣмъ,

[1]) II, стр. 181—182: Graeci nobis adulantur et mendaciis fabulosaque assentatione volentes olim hoc regnum exaltare, magno dedecore magnisque incommodis illud affecerunt. Appellarunt Mosquam tertiam Romam et hoc Russiacum regnum ridicule fabulati sunt esse Romanum, et huic regno dixerunt competere Insignia regni Romani. Указаніе на патр. Іеремію см. Толк. ист. прор., стр. 34. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ грамотѣ объ учрежденіи въ Россіи патріаршества слова о третьемъ Римѣ приписаны именно патріарху Іереміи. Объ этомъ говоритъ и Крижаничъ въ Разговорахъ, стр. 677: Jeremiy patriarh (w' postawnoy gramote patriarcha Iiowa) iest sotworil caria Feodora Iwanowiča Rimskim, Greckim i wsih Hristian carom; sice bo k' nyemu goworiasze: Perwiy Rim iest opal po Apolinarowoy ieresi; wtoriy Rim jest obladan ot bezbožnih Turkow; a twoe welikoe Ruskoe carstwo, tretiy Rim, blagoczestiem wsih prewoshodit. I ti iedin pod nebom Hristianskiy car iesi imenowan wo wsem zemnom okrugu... domasznyi lyudi (koyi nemogut wečey prosudit) grad Moskwu naziwaiut tretyim Rimom, i welet, dwa Rima bista, tretyi wozsta, czetwertomu nebit (рукоп.). Рѣчь патріарха Іереміи передана очень близко къ тому, какъ она изложена въ грамотѣ.

[2]) Толк. ист. пророч., 138: „Новаго Рима опаденю причины. Перву: јеже цари Новоримски возхитиша себи присвоити Христово титло, јеже јест Цар Царej и Господ Господеј или всего мира Господар. И другу: јеже хотиша и духовно Хрјстово царство посвојити и себи подвинути... — Ср. Разговоры I стр. 433 — 434.

по мнѣнію Крижанича, ни нѣмцы, ни греки не имѣли никакого отношенія къ Риму; поэтому они не имѣли никакого права на титулъ римскаго императора, и наименованіе Константинополя вторымъ Римомъ не имѣетъ подъ собой никакого основанія и есть пустая и безсмысленная фикція [1]). Былъ и есть одинъ только Римъ, и онъ не палъ отъ аполлинаріевой ереси, какъ думаетъ Филоѳей, а стоитъ непоколебимо. Съ удаленіемъ изъ него мірской власти онъ сталъ столицей папы и, какъ убѣжденъ Крижаничъ,—столицей всего христіанства [2]). Но если не было второго Рима, то очевидно, что не можетъ быть и третьяго; и если греки не имѣли большого отношенія къ старому Риму, то еще меньше можно говорить объ отношеніи къ Риму Россіи.

---

1) I, 393:... тѣже Гречески и Нѣмецки крали никако по истинѣ не пристояху къ оному Римскому правому, отъ Данiила пророкованому царству: но токмо по своей суетной облудѣ и по властитомъ хвастанiю и ложномъ именованiю. Или аще пристояху къ оному царству: иното уже имаху отъ Христа (камени) быть на прахъ скрушены и затерты. Чудо адда и пречудо ся мнѣ видитъ: како ласкавцы ослѣпиша Греческихъ и Нѣмецкихъ кралевъ, да ради тоя пресуетныя мірскія славы и для ради того пустого Римского имени изволиша сами себе приписать въ число Христовыхъ враговъ, съ коими Христосъ имаше рать водить и конечно ихъ затерть и погубить.— Разговоры, стр. 640: Graeci iactant se vano nomine Romanorum appellando sese Romaeos et... suam Romaniam. Germani itidem suam Germaniam appellant Sanctum imperium Romanum. Et postremo Jeremias patriarcha Mosquam iussit esse tertiam Romam. Omnes isti solam nobis vanitatem captant, cum tamen in rei veritate nulla sit similitudo neque proportio in omnibus istis, ad Romanum imperium (рукоп.).

2) Толк. ист. пророч., 22: очивисто јест: јеже то пророчество (Даниилово) не об Ветхом, но об Новомъ Риму јест изречено: и напьемже и зищено. Новы бо Рим јест поганскою силою и невольею притишньен. А ветхы Рим, како изкони всегда стояше, тако и нине Божјимъ даромъ стојит: и въ полној слободе и вольности пребывајетъ. — Тамъ же 27, 29, 31 и друг.— Разговоры, стр. 700: Roma est duplex. Altera carnalis, altera spiritualis. De carnali vaticinatus est Daniel, quod erat destruendam. In loco autem carnalis destructae fuit spiritualis Roma sive Regnum Christi constituendum (рукоп.). Тамъ же, стр. 662: Rim ot Boga prirawlyen w' stolicu Hristowu.

„Царство Римское, говоритъ Крижаничъ, ни въ чемъ не пристоитъ къ Русскому нашему кралеству; равно яко нить наше кралество къ Римскому. Николи Римляны на Руси никаковыя области не имаху“ [1]). Россія не связана съ Римомъ ни исторически, ни политически: ни народъ русскій, ни русская территорія никогда не участвовали въ римской исторіи; никогда Россія ни въ какой своей части не была подчинена римскому государству. Но прозваніе Россіи третьимъ Римомъ не только не имѣетъ смысла; оно, кромѣ того, оскорбительно и обидно для Россіи, ибо предвѣщаетъ ей не славу и счастье, а позоръ и слабость. „Нѣсть нашъ пріятель, читаемъ у Крижанича, кій наше кралество зоветъ Третьимъ Римомъ. Таковъ намъ не стрѣчного повода въ дѣлехъ, нить никакова добра, но Божіего гнѣва, разоренія и всякого зла жадаетъ“. Въ самомъ дѣлѣ, согласно пророчеству Даніила, римское царство должно быть разрушено камнемъ, который есть не что иное, какъ прообразъ Христа; но кто желаетъ возстановить разрушенное Богомъ, тотъ, очевидно, идетъ противъ воли Божіей и рискуетъ навлечь на себя Его гнѣвъ. Самъ Даніилъ толкуетъ свое пророчество въ томъ смыслѣ, что это царство, состоящее изъ желѣза и глины, лишь вначалѣ будетъ крѣпко, а потомъ его ожидаетъ слабость и развалъ; слѣдовательно, если

---

[1]) I, стр. 356. Ср. II, стр. 184: Russia nunquam pertinuit ad Regnum Romanorum, nec fuit subdita Romanis. Neque regnum, nomen aut insignia Romana pertinent ullo modo ad Russiam. — Разговоры, стр. 650: Mi pak Slowinci moraem se radowat i Bogu hwalu wozdaiat, naiperwlye zato, ieže wo wsem naszem narodu nit bilo muczitelya nit gonitelya imenu Hristowomu, iakož sut bili u Rimlyan i u inih onogo carstwa žitelyew. Zawtoroe moraem oni (mi?) Bogu hwalit zato, ieže sye preslawnoe Ruskoe wladatelystwo nist obiato w rubežeh onogo okaianago carstwa, i ieže nit ono carstwo, nit zlokobnoe iego ime libo zname i po naslidku nit iego kaznyenie iziawlyaiut proroki nikako pristoyit k sey deržawe. Abo czusz nit Rimlyani w Ruskoy, nit Ruşi w Rimskoy deržawe ni otnyud nikakowye oblasti, nit dela, nit priczini nisut imali (рукоп.). — Ср. Толков. ист. пророч., 41.

Россія есть Римъ, то и ее ожидаетъ слабость[1]). У Ездры есть пророчество объ орлѣ съ тремя головами: всѣ три головы погибли одна послѣ другой, а за ними крылья и самъ орелъ. Этотъ орелъ знаменуетъ собою послѣднее изъ предвѣщенныхъ Даніиломъ царствъ, а его три головы означаютъ это царство у трехъ народовъ: римлянъ, грековъ и нѣмцевъ. Поэтому кто называетъ Москву третьимъ Римомъ, тотъ предаетъ ее проклятію и погибели. „А мы пакъ имиjем лучше надѣянjе. Да како jест всемогущы створитель Московско Царство послидньe на земльи устроjил, и прославил; тако jе хощет цѣло и непоколебно и до скончаня вѣка милостиво сохранити" [2]). И Крижаничъ восхваляетъ мудрость царя Ѳедора Ивановича, который не склонился на льстивыя рѣчи патріарха Іереміи; онъ принялъ его благословеніе, но отказался отъ римскаго титула и свое царство назвалъ „царствомъ Греческимъ" [3]).

---

[1]) I стр. 357. „Не можетъ ся сполнить Даніилово пророчество, аще ся отъ Ісуса Христа не разоритъ до конечнаго конца Римское царство. Камень бо ударилъ въ ноги и разбилъ глиненые персты. И кто коли ся терситъ то отъ Бога разоренное царство опять воздвигнуть, построить и на ноги поставить: онъ ся преявно Богу спротивляетъ." И далѣе. — Въ этомъ вопросѣ у Крижанича замѣчается нѣкоторое противорѣчіе. Пророчество Даніила уже исполнилось, но какой же Римъ разрушенъ? Старый Римъ продолжаетъ существовать (цитату см. выше), а разрушенный Константинополь не былъ Римъ. Если же пророчество еще не исполнилось, то очевидно, какое нибудь государство еще будетъ называться Римомъ. Можетъ быть, слѣдуетъ понимать такъ, что Римъ разрушенъ, какъ государство, но продолжаетъ существовать, какъ духовная столица христіанства. Но для такого понимапія Крижанича нѣтъ достаточныхъ данныхъ, да и этому противорѣчитъ I стр. 358.

[2]) Толк. ист. пророч., 34 — 35.

[3]) Толк. ист. пророч., 35 — 36: За то бо и просвитил jест милосерды Владыка слугам своjимъ благоверним царом и великим Государом нашим умние очи і да они не прияша въ своjе царско титло того тако злокобного и от туликих пророков разоренjем и погибелю огроженого Римского имени. Хотя бо Іеремия патриярх на то благословляше: и Римско титло подаваше: по всем том царь Ѳеодоръ Івановичъ приялъ jест от патріярха благословльенjе на

Паденіе Константинополя переносило въ глазахъ современниковъ этого событія первенство въ политическомъ мірѣ съ Византіи на Русь. Это первенство налагало на Россію тяжелую обязанность стоять на стражѣ чистоты православія и устроить свою внутреннюю жизнь согласно его духу и идеаламъ. Но независимо отъ этой обязанности она должна была принять на себя еще и другую—болѣе суровую, хотя и почетную. На Востокѣ очень рано получили распространеніе различныя пророчества и предсказанія, въ которыхъ говорилось о томъ, что „русый народъ" побѣдитъ Измаила и освободитъ православныхъ грековъ изъ подъ власти магометанъ; пророчества эти вошли во многія русскія повѣсти, путешествія и т. п. памятники. И вездѣ подъ русымъ народомъ разумѣется народъ русскій, вслѣдствіе чего должна была возникнуть мысль, что Россіи предстоитъ уничтожить царство османовъ, что въ этомъ заключается ея историческая миссія, какъ единственной державы, сохранившей чистоту христіанской вѣры [1]).

Крижаничу очень рано стали извѣстны эти идеи. Онъ говоритъ о нихъ еще въ своей запискѣ, представленной въ 1641 году въ конгрегацію de propaganda fide. Здѣсь, говоря о задуманномъ имъ предпріятіи—содѣйствовать соединенію православной Россіи съ католической Церковью и разсматривая всѣ трудности, которыя ему предстоятъ на этомъ пути, онъ останавливается на томъ, въ какой формѣ и по какому поводу удобнѣе всего будетъ открыть русскому государю свой завѣтный планъ. И онъ находитъ, что надо убѣдить государя начать войну противъ общихъ враговъ христіанъ—турокъ и указать ему, что пророчества

власт и на иск ко Греческому царству: и тако въ Кормчеј книге пишет: и своје царство Греческим царством зовет. А Римского нак нечаститого титла и названя нит пріял: и инн велики Государи не пріяша. Ср. II стр. 184.

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи XII стр. 260. Дьяконовъ, назв. соч. стр. 60—64. Жигаревъ, Русская политика въ восточномъ вопросѣ I стр. 28—30.

объ одолѣніи оттомановъ ни къ кому другому не подходятъ такъ, какъ къ нему [1]). Если удастся убѣдить государя въ этомъ, тогда слѣдуетъ убѣдить его и въ томъ, что задача эта не по силамъ ему одному безъ помощи западныхъ государей, а эта помощь можетъ быть ему дана только тогда, когда онъ соединится съ ними въ вѣрѣ. Такимъ образомъ, Крижаничъ въ это время, если не вѣрилъ самъ въ такого рода пророчества, то, по крайней мѣрѣ, считалъ нужнымъ показать, что онъ въ нихъ вѣритъ. Въ 1676 году, за годъ съ небольшимъ до своего отъѣзда изъ Россіи онъ подалъ царю Ѳедору Алексѣевичу челобитную, въ которой онъ перечислялъ всѣ услуги, „работки", оказанныя имъ Россіи, жаловался на свои неудачи и бѣдственное положеніе и просилъ отпустить его за-границу. Въ числѣ своихъ работокъ онъ упоминаетъ и слѣдующую: „Когда въ Сибир пришла первајa вѣсть об Турском ратном подвигу, многи люди то на велико пpeцeнjaли и въ страху были. И ja ко всим людем говорил: что бојатися нам Бога, а от Турка ни мало не бојатися. И написал ја об том книгу, и из Данијила пророка, да изъ иних различних пророчестов доказал: что Турскому царству не разширенја, по скончавја время пришло" [2]). Изъ сопоставленія этихъ двухъ цитатъ можно было бы сдѣлать предположеніе, что въ сочиненіяхъ Крижанича, писанныхъ въ Россіи, должно заключаться подробное выясненіе вопроса объ отношеніи Россіи къ Турціи, и

[1]) Alla fine dunque di tante circuizioni ed ambagi, che forse potrebbono distendersi per quattro o cinque, o più anni quanto a Dio piacerà, sarà mestieri con la grazia del Signore oprire al Duca il proprio vero intento. Cominciando a ringraziarlo per la usata clemenza, e celebrare le sue virtù, e mettergli stimoli alla gloria, e fatti magiori, esortando poi a far guerra contro i Turchi comuni nemici dei Cristiani. Ed in ciò apportare, che le profezie non si confanno più con altro che con lui che abbia da espugnare li Ottomani. E che ciò sarà più facile a lui, che a qualsivoglia altro principe, poichè li Greci lo favoriranno, col far ribellione a Turchi, essendo egli del loro rito. (Бѣлокуровъ, назв. соч. Прилож., стр. 106.)

[2]) Бѣлокуровъ, назв. соч. стр. 178.

именно въ формѣ толкованія пророчества о русомъ народѣ. Предположеніе это оправдывается только отчасти. Крижаничъ упоминаетъ объ этомъ пророчествѣ въ сочиненіи De Providentia Dei, надъ которымъ онъ работалъ въ 1666—1667 годахъ, но упоминаетъ очень коротко, какъ о пророчествѣ „подозрительномъ“ (vaticinia suspecta) и не заслуживающемъ довѣрія. Такія пророчества, по его мнѣнію, выдумываютъ пустые и жадные до денегъ люди, чтобы вводить въ соблазнъ государей и извлекать отсюда для себя выгоду. Къ этому онъ прибавляетъ: „Что нужно думать объ этомъ пророчествѣ, помнится, я тебѣ изложилъ въ другомъ мѣстѣ“ [1]). Но ни въ одномъ изъ болѣе раннихъ сочиненій Крижанича не находимъ разбора этого пророчества. Непосредственно же вслѣдъ за этимъ мѣстомъ идетъ разсужденіе о войнахъ за освобожденіе Гроба Господня, и здѣсь Крижаничъ проводитъ мысль, что такія войны, какъ войны съ цѣлью покоренія турокъ и распространенія христіанства, — дѣло не только вредное, но и нечестивое. Ибо, какъ на награду за благочестіе, слѣдуетъ надѣяться на небесное царство, а не на земное. Царство Христа—не отъ міра сего, и только евреи мечтаютъ о Мессіи, который покоритъ для нихъ весь міръ. Поэтому, если снова будетъ поднятъ вопросъ объ освобожденіи Іерусалима, царь долженъ перечитать пророчества Даніила, которыя убѣдятъ его въ необходимости отказаться отъ этой мысли [2]). Отсюда видно, что Крижаничъ отно-

[1]) Aliquando aliqui homines vani et adulatores, et pecuniae cupidi, inducunt pios reges in supradictam tentationem et vanam spem per quasdam confictas profetias, et quarum auctor ignoratur. Talis in primis est illa pervulgata profetia, in qua scriptum est: „Gens autem Rufa totum Izmaelem disperdet“. De hac profetia quid sentire debeamus, memini me tibi alias exposuisse. — На полѣ противъ этого мѣста заголовокъ: „Profetiis, quorum auctores ignorantur, non est credendum“. (О Промыслѣ, изд. Безсонова, М. 1860 стр. 72.)

[2]) Толкован. ист. прор., 161 — 162: Из того собирајетсе: јеже Турскому царству нит можно (ни отъ Бога судјено) на веще ширитесе, ни величити се на далье, или вон из отлучених и предании јему от Бога рубежев: или далье от четирих возточних патриархов епар-

сился отрицательно къ пророчеству о русомъ народѣ и къ толкованію его въ пользу Россіи. Тотъ его трудъ, который специально предназначенъ для разъясненія смысла различныхъ историческихъ пророчествъ, не опровергаетъ, хотя и не подтверждаетъ этого вывода. Здѣсь онъ высказываетъ убѣжденіе, что турецкому государству не суждено далѣе расширять свои границы и распространять свою власть. Ибо, еслибъ оно стало еще обширнѣе, то приблизилось бы по своимъ размѣрамъ къ римскому государству, сравнялось бы съ нимъ, а этого не можетъ быть [1]). По вопросу же о томъ, кто разрушитъ турецкое царство, Крижаничъ здѣсь прямо не высказывается. По его словамъ, турки вѣрятъ, что имъ грозитъ погибель отъ русскаго и ляшскаго народа, но эту вѣру свою скрываютъ и иностранцамъ говорятъ, что, согласно пророчествамъ, Константинополемъ завладѣютъ татары. Крижаничъ разсказываетъ, что ему приходилось спорить объ этомъ съ турками, и онъ всегда старался имъ доказать, что Константинополь будетъ отнятъ у нихъ христіанскимъ народомъ, и что такой именно конецъ ихъ царства предсказанъ всѣми пророчествами. Въ этихъ словахъ Крижаничъ какъ бы косвенно призналъ справедливость пророчества о русомъ народѣ. Самое же пророчество онъ только приводитъ подъ именемъ „хронографова пророчества“, но не разбираетъ его и, вообще, не высказываетъ о немъ своего мнѣнія [2]).

хиjи: яже греческим језиком может се звати Тетрархия; то јест четверовластје... И аще бы се нине Турско царство въ сне Сиверние, страны разширати имило: учинило бы се близко Римскому равно. А то пак быти не можетъ: аще намъ пророки истину повѣдаютъ.

[1]) О Промыслѣ, стр. 73.

[2]) Толк. ист. прор., 150 — 152: А они веруют, јеже отъ Руского, и отъ Лешского народа будетъ побидьено: али мне не хотиша истины изповидати: Но веляху, Татари ди хотет прити, и Цариградом завладати. А я јим отвещевахи. Тако, велю, не будет зищено вашего пророка пророченје. Он бо јест порекел и вере својеј, и царству скончаніе. А то пакъ не будет ни вере Мухаметовој, ни царству јего разоренје: но токмо отъ брата на брата царства пренесенје. Татари бо

Въ противовѣсъ историческимъ теоріямъ, выводившимъ русскую государственную власть изъ Византіи и устанавливавшимъ между Русью и Византіей отношенія зависимости и преемства, явилась въ Московскомъ государствѣ, какъ извѣстно, идея о самостоятельномъ происхожденіи царской власти. Идея эта выражала мысль, что русское царство древнѣе другихъ христіанскихъ царствъ, что христіанство Русь приняла не отъ Византіи, а непосредственно отъ апостоловъ, и что московскіе государи сами происходятъ отъ царскаго корня. Эта идея проявилась, между прочимъ, въ любопытной формѣ царскаго родословія, согласно которому московскіе государи происходили отъ Пруса, брата римскаго кесаря Августа. Родословіе, въ различныхъ варіантахъ, получило очень широкое распространеніе въ разныхъ сборникахъ лѣтописнаго характера, имъ очень любилъ пользоваться Иванъ Грозный, его встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ актахъ чисто оффиціальныхъ, какъ напр. въ записи, взятой съ Василія Шуйскаго, въ грамотѣ объ избраніи на царство Михаила Θеодоровича и друг. [1]).

јесут ваша братя: једен зъ вами род, једен језик и једна вера... Хрјстянски адда будут они народи; от ньих же хощет прити вашему царству разоренје. — Стр. 157: Гречески хронограф на концу пишет: на Константиновом гробном камену, на изподньем лицу, обретено быти написано сицево пророчество. Въ первыи ди индикт придет Измајил и обладајет Даматми. Во вторы индикт учинит то и то, и прочее. И за тим велит: То де ксанѳон генос ерхето. То јест: и придет ди Жолты, или Русы народ: и тој Измајила всего разорит. — На стр. 168 выражено убѣжденіе, что справедливость всѣхъ пророчествъ, касающихся Турецкаго Царства, можно будетъ провѣрить въ скоромъ времени.—То, что въ соч. De Providentia Крижаничъ относится къ пророчеству о русомъ народѣ и къ мысли о завоеваніи Константинополя болѣе отрицательно, чѣмъ въ другихъ сочиненіяхъ, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что тамъ онъ высказываетъ свои мысли болѣе откровенно. Ср. напр. стр. 75, гдѣ говорится о поминаніи царя за литургіей и друг.

[1]) Дьяконовъ, назв. соч., стр. 77 и слѣд. Соловьевъ, Ист. Россіи т. XIII стр. 183. Собр. Г. Г. и Д. I № 203, II № 241.

Можно было бы заранѣе угадать, какъ отнесется Крижаничъ къ этому родословію. Онъ говоритъ: „нѣкій годописецъ есть преглупо и премерзко удумалъ и написалъ: будто да бы былъ нашъ великій Владиміръ отъ поколѣнія царя Августа и отъ Нѣмецкихъ, на наше господарство запрошенныхъ Курфистровъ урожень. И тѣмъ ся не мала народу срамота чинитъ: яко да бы не было въ Рускомъ народу чловѣка годна владательству, и будто да быху древни Русски господари не домашни, но прискитальны люди были“ [1]. Ему кажется оскорбительной заключающаяся въ родословіи мысль объ иноземномъ происхожденіи русской государственной власти — мысль о томъ, что въ Россіи не оказалось людей способныхъ къ управленію государствомъ, и ихъ пришлось выписывать изъ чужихъ краевъ. Конечно, Крижаничъ не думаетъ обвинять лѣтописца въ сознательномъ униженіи русскаго имени, но онъ обвиняетъ его въ непониманіи или въ ложномъ пониманіи народной чести, причемъ указываетъ, что въ подобную ошибку впадали, подъ вліяніемъ неумѣреннаго честолюбія, и другіе народы. Яркій примѣръ такой ошибки онъ видѣль у Вергилія, который, желалъ прославить Августа и думалъ, что недостаточно вывести его родъ отъ какого-нибудь римлянина, и потому вывелъ его отъ троянца Энея. Разсказавъ соотвѣтственный эпизодъ изъ „Энеиды“, Крижаничъ заключаетъ: „Разсуди зде, Богдане: славније ли бяше Юлиюсу царю отъ венеры блудницы или отъ честние Римскія бољарины род свој изводити? Славније ли отъ троянского давно разореного народа; неже отъ Римских Иројев и дивосилников произојти? Славније ли всим Римляном от изкони быти храбрим и не побидним; или отъ Енеяша прогнанца и скитанца на повалном бою побидьеним? А об истине тоје приповисти что речеш? Греки десет лѣт Трою въ осаде держаху и всим морским бригом владаху. А Енеяш не имияше ни слуги ни скотины, на чем бы был отца из огня извел; но сам јего на својем хребту

[1] II стр. 291.

вликаше. И тој тако нищ бѣгун въ једном мегненѣ ока и пред лицем непріятелского војства справил јест десет корабльев: и на добыванје далньего кралевства отплил. Тако безстидно умиша ти ласкавци баяти и мѣдени кобилицы приповидати. А Римляни тогдашньи, хотя кньижни и мудри люди, сујетною славою омрачени, могоша тие лажи терпити. И својеје въ ньих срамоты не обличаху". Отсюда Крижаничъ дѣлаетъ переходъ къ русскому родословію: „Тако адда и нине нит се треби чудити: аще кто ласкавцем и грубо бающим верујет. Самолюбје бо и сујетна слава умние очи омрачајет" [1]). Но онъ считалъ родословіе не только оскорбительнымъ для русскихъ, но и невѣрнымъ исторически, и потому находилъ нужнымъ опровергать его серьезными доводами. Онъ доказываетъ, что русскій царствующій родъ не могъ происходить ни отъ Прусса, ни отъ Августа. Доказательства его слѣдующія. 1) Власть римскаго государства никогда не простиралась ни на Пруссію, ни на Поморію или Силезію; ни съ оружіемъ въ рукахъ, ни мирнымъ образомъ римляне никогда не приходили въ эти страны; 2) у Августа не было сыновей, и послѣ него престолъ занимали его племянники; послѣ же Нерона, который умеръ безъ потомства, племянниковъ больше не осталось,— можетъ быть, кромѣ царя Ивана, прибавляетъ Крижаничъ; 3) до временъ Владиміра не существовало совсѣмъ курфюрстовъ: они появились только около 1000 г. при Оттонѣ III [2]). Кромѣ этихъ доказательствъ, чисто историческихъ и нѣсколько мелочныхъ, Крижаничъ приводитъ еще одинъ доводъ въ пользу своего мнѣнія, интересный тѣмъ, что онъ имѣетъ уже не историческій, а политическій характеръ. Русскіе государи потому не могутъ происходить отъ Августа и не могли наслѣдовать отъ него власть, что онъ самъ обладалъ властью гораздо

[1]) Толк. ист. прор., стр. 44—48. Таже ссылка на Вергилія еще: Разговоры I стр. 337. Въ I стр. 346 проводится параллель съ Александромъ Македонскимъ, Калигулой и др.

[2]) I стр. 345—346. Такое же опроверженіе, но менѣе подробное см. въ Толк. ист. прор., 39—40.

меньшею, чѣмъ они. „Августъ бо, наиславнѣи и наисильнѣи Римскій царь, не бяше совершенъ самовладецъ; и Дума Римская николи му нѣсть крестного цѣлованія, илити вѣрныя подданничія присяги учинила, и онъ ся николи нѣсть смѣлъ писать кралемъ: и преповѣдалъ есть всѣмъ своимъ рачителемъ, дабы го никто не звалъ господаремъ“ [1]. Августъ не былъ самодержцемъ и, потому, не могъ передать власть русскому самодержавному государю.

Такимъ образомъ, Крижаничъ отвергаетъ одну за другой всѣ теоріи, которыя такъ или иначе устанавливали связь между Россіей и всемірной исторіей. Всѣ эти теоріи и, главнымъ образомъ, теорія о трехъ Римахъ заключали въ себѣ въ скрытомъ видѣ не сознанную, быть можетъ, авторами мысль (позднѣе развитую въ теоріи культурно-историческихъ типовъ) о смѣнѣ народовъ, которымъ въ каждую опредѣленную эпоху принадлежитъ міровое значеніе и направленіе міровой культуры, — мысль о томъ, что Россія въ опредѣленной очереди заступаетъ мѣсто другихъ народовъ, становится сама міровымъ государствомъ и вмѣстѣ съ этимъ принимаетъ на себя опредѣленныя задачи во всемірной исторіи. Крижаничъ эту то преемственную связь Россіи съ другими государствами и отвергаетъ; онъ отвергаетъ также и мысль о какихъ нибудь обязанностяхъ ея къ всемірной исторіи, какъ напр. освобожденіе Константинополя отъ турецкаго ига. Каковы же были его собственные взгляды на этотъ предметъ?

Крижаничъ не оставилъ цѣльной теоріи, въ которой бы опредѣлялось историческое значеніе Россіи но, насколько можно заключить изъ отдѣльныхъ его мыслей, разбросанныхъ тутъ и тамъ, онъ держался мнѣнія, что русская исторія находится внѣ всякой связи съ ходомъ всемірной исторіи: Россія самостоятельно возникла, самостоятельно и идетъ. Это видно, прежде всего, изъ его отношенія къ вопросу о происхожденіи Руси и Русскаго государства. Лѣтопись и раз-

[1] I стр. 353 — 354.

сказъ о призваніи варяговъ онъ, какъ извѣстно, считалъ басней и только затруднялся сказать точно, кто эту басню сочинилъ — сами ли русскіе или „наругатель Петреюшъ“[1]). А что этотъ разсказъ не отвѣчалъ исторической правдѣ, былъ именно „басней“, — доказательство тому онъ видѣлъ въ искусственности всѣхъ его подробностей. Почему Новгородцы послали просить не одного, а трехъ князей? а если просили одного, то зачѣмъ приняли трехъ? Зачѣмъ русскіе свое государство, дотолѣ единое, раздѣлили на три части, давъ Рюрику Новгородъ, Трувору Изборскъ, Синеусу Бѣлоозеро? Вѣдь всякій народъ отъ раздѣленія становится не сильнѣе, а слабѣе, и новгородцы не могли этого не понимать — тѣмъ болѣе, что поводомъ для призванія князей было междуусобіе: отъ раздѣленія государства оно должно было еще увеличиться. Наконецъ, самое имя Гостомысла, придумавшаго посольство къ варягамъ, показываетъ, что это не исторія: лѣтописецъ назвалъ его такъ, желая показать, что онъ „гостей умыслилъ привести на Русь“. Для чего же сочинена была эта басня? Крижаничъ объясняетъ это по-своему. Варяги, народъ „Литовскаго языка“, жили близъ Новгорода; вотъ историческій фактъ. Русскіе покорили варяговъ и взяли себѣ въ жены дочерей убитыхъ варяжскихъ князей; изъ варяжскаго рода была и мать Владиміра Святого. И вотъ, когда онъ прославился своими побѣдами и принятіемъ христіанства, захотѣли показать древность его рода не только со стороны отца, но и со стороны матери, и тогда къ историческому факту „нѣкій ласкавецъ“ привязалъ свою выдумку о Гостомыслѣ и призваніи трехъ князей [2]). Точно также отвергалъ Крижаничъ и ходячія въ его время теоріи о происхожденіи Руси, какъ племени. Онъ не допускалъ мысли, что славяне происходятъ отъ скиѳовъ. Подъ именемъ скиѳовъ всѣ историки раз-

[1]) I стр. 192: А древнии Руси (якоже лжетъ наругатель Петреюшъ) съ плачемъ и со слзами біяху челомъ Варягомъ, да бѣху имъ отпустили трехъ своихъ князевъ на Русь, на князеваніе. — Ср. стр. 196.

[2]) I стр. 341 — 345.

умѣютъ татаръ или турокъ, а славяне ничего общаго съ ними не имѣютъ, и если предки наши говорили на скиеском языкѣ и назывались Хасанъ, Хидиръ и т. п., то какъ могло случиться, что потомки говорятъ на совершенно другомъ языкѣ и называются Владиміръ, Ярославъ и т. д.? Пишутъ, что Александръ Великій подарилъ славянамъ ту землю, на которой они теперь живутъ. Но Александръ Великій, очевидно, не могъ дарить землю, которою и самъ не владѣлъ. Также нелѣпы утвержденія, что славяне или Русь происходятъ отъ Мосоха или князя Росскаго, или что къ нимъ имѣютъ какое-нибудь отношеніе библейскіе Гогъ и Магогъ [1]). Отвергая и осмѣивая всѣ такого рода теоріи и воззрѣнія, Крижаничъ стремится всегда подчеркнуть ту мысль, что эти теоріи унижаютъ честь Россіи и славянства, хотя авторы ихъ думаютъ наоборотъ: „Вяща слава быть доморододникомъ, неже приходникомъ.“ Древніе греки и римляне гордились тѣмъ, что они стародавніе жители въ своей странѣ. Но русскіе въ неменьшей степени, чѣмъ греки, могутъ считать себя домородниками. Нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ утверждать, что какой нибудь другой народъ жилъ до насъ на русской землѣ или имѣлъ надъ нею власть. Славянскій языкъ такъ же древенъ, какъ и другіе первобытные („первотные“) языки; онъ созданъ Богомъ тогда же, когда были созданы и они. Въ то время жилъ нашъ предокъ Словенъ, отъ котораго и произошли всѣ славянскіе народы [2]).

Съ исторической самостоятельностью русскаго народа, его древностью, какъ народа славянскаго, связывается и его самостоятельность политическая. Если Крижаничъ отвергалъ преемственную связь между Россіей и Византіей, то въ этомъ еще можно видѣть вліяніе его религіозныхъ убѣжденій и объяснять это ненавистью католика къ грекамъ [3]);

---

[1]) I стр. 340 — 341; Толк. ист. прор., 48, 57 — 58, 90, 108 и друг.

[2]) I стр. 339 — 340, 346.

[3]) Такъ именно объясняетъ отношеніе Крижанича къ ученію о третьемъ Римѣ М. Соколовъ въ статьѣ „Новооткрытое сочиненіе Крижанича“, Ж. М. Н. Пр. 1891, Май стр. 2—4.

но онъ отвергалъ также всякую зависимость русскихъ государей отъ какой бы то ни было земной власти, въ томъ числѣ отъ патріарха и отъ папы. Онъ неоднократно и весьма настойчиво повторяетъ ту мысль, что русскіе государи по степени своей власти стоятъ нисколько не ниже римскихъ и всѣхъ другихъ царей, и потому они могли получить свою власть только изъ того источника, изъ котораго происходятъ и всѣ земныя власти, т. е. отъ Бога. „Мы не по нашей годности, но по неизреченномъ милосердію Божіемъ есмо пріяли область, и почтеніе, и прецѣнбу, не отъ чловѣка, но отъ него Господа Бога въ Троицѣ прославлена, Отца и Сына и Святого Духа. Якоже и всѣ ины истинны, праведны полновластны крали и самовладцы, и Божьи намѣстники: Киръ, Александръ, Давидъ и остальны тѣмъ сподобны: не отъ папы, не отъ царевъ Римскихъ, но отъ Бога есуть пріяли область. За то адда мы, бывши пріяли славу отъ Бога, не потребуемъ и не пріемлемъ славы отъ людей: не отъ царя, не отъ папы, не отъ патріарха, нить отъ коего ни будь на свѣту яко да бы отъ вышего надъ нами чловѣка“ [1]). Политическая самостоятельность Россіи даетъ ей особое мѣсто въ кругу другихъ государствъ. Россія есть государство славянское. Богъ возвысилъ ее послѣ другихъ государствъ и далъ ей могущество на пользу и славу всѣхъ славянскихъ народовъ [2]). Но Россія недостаточно цѣнитъ свою самостоятельность, — власть, полученную отъ Бога, она склонна производить отъ Рима; этимъ самымъ она идетъ противъ божественнаго опредѣленія и навлекаетъ на себя несчастія и неудачи [3]). Чтобы подчеркнуть самостоятельность Россіи, какъ государства, Крижаничъ даже составилъ

[1]) I стр. 361. Ср. I стр. 353: Пишутъ и народны годописцы: яко бы былъ царь Феодоръ посылалъ къ папѣ и къ Нѣмецкому царю просить именованія. То аще есть было въ истинѣ, преголѣмо нечестіе есть тогда учинено нашему вѣнцу и всему народу. — Еще I стр. 350, 356, 392; II стр. 184, 293.

[2]) См. I стр. 108 — 109.

[3]) II стр. 243 — 244. Ср. II стр. 2, 4 — 5.

проектъ вторичнаго вѣнчанія царя, — но уже не Мономаховымъ вѣнцомъ, а новымъ вѣнцомъ русскимъ. Онъ предлагалъ Алексѣю Михайловичу и свое имя перемѣнить на болѣе славянское имя Богданъ [1]).

Къ вопросу о происхожденіи русской государственной власти относятся и разсужденія Крижанича о титулѣ и гербѣ русскихъ государей. Крижанича тревожило отношеніе къ русскому титулу со стороны иностранныхъ государствъ. Въ упомянутомъ уже письмѣ своемъ, которое онъ подалъ въ Посольскій приказъ, Крижаничъ указывалъ на то, что западныя правительства, и главнымъ образомъ — польское, относятся къ титулу русскаго государя не съ должнымъ уваженіемъ. Недостаточное уваженіе онъ видѣлъ въ томъ, что въ посольскихъ рѣчахъ, договорахъ и въ печатныхъ книгахъ 1) государя называютъ не царемъ, а только великимъ княземъ и 2) царскій титулъ докладывается не на томъ языкѣ, на которомъ ведется рѣчь, а на русскомъ, т. е. слово „царь" не переводится на иностранный языкъ, и тѣмъ какъ бы дается понять, что обозначаемый имъ рангъ ниже королевскаго, императорскаго и др. [2]). Ту же самую мысль Крижаничъ высказываетъ и въ „Разговорахъ" [3]). Здѣсь онъ высказывается, отчасти, и о причинахъ неуважительнаго отношенія иностранцевъ къ русскому титулу. Онъ видитъ ихъ въ томъ, что мы сами называемъ царями и крымскаго хана, и грузинскаго владѣтеля, и ногайскихъ князей, которые

[1]) I, стр. 351: Volumus nos secunda vice coronari corona nostra Russiaca, et tunc penitus abrogare omnia dona et insignia Monomachi, et alia quaecunque dona Danaorum. Hoc autem facere volumus, non quasi antea quidquam iuris aut potestatis ad legitimam coronationem nobis defuisset (perfecta enim et absoluta regali dignitate et potestate hactenus hereditario iure ex Dei gratia fruimur), sed facimus hoc ideo, ut tali hoc publico actu penitus destruamus omnem vanam et politico-hereticam opinionem, quae mentitur nos aliunde, quam a Deo verum honorem et potestatem, habere posse (рѣчь царя къ народу). О перемѣнѣ имени стр. 352.

[2]) Бѣлокуровъ, назв. соч., стр. 90.

[3]) I стр. 352 — 353.

состоятъ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ другимъ государямъ и отъ нихъ получаютъ власть: этимъ мы унижаемъ царскій титулъ, и иностранныя правительства только берутъ съ насъ примѣръ. Однако самъ Крижаничъ не одобрялъ русскаго титула. Въ отдѣльномъ параграфѣ, который называется „De multitudine et vanitate titulorum“ онъ осмѣиваетъ многосложность нѣмецкаго титула, гдѣ для выраженія одного и того же достоинства употребляется десять различныхъ именъ: imperator, augustus, rex, dominus и т. д.[1]). Ту же многосложность онъ видитъ и въ русскомъ титулѣ. Въ немъ тоже находитъ онъ десять именъ: великій государь, царь, великій князь, самодержецъ, господарь, повелитель, отчичь, дѣдичь, наслѣдникъ, обладатель. Такое многословіе совсѣмъ не въ духѣ славянскаго языка, который любитъ простоту,— противно и правамъ и обычаямъ русскаго государства. Къ тому же большинство изъ этихъ именъ заимствованы отъ другихъ государствъ: „великій господарь“ взято отъ турокъ; „царь“ есть измѣненное латинское слово; „самодержецъ“ есть переводъ греческаго αὐτοκράτωρ, и при томъ плохой переводъ (слѣдовало бы сказать „самовладецъ“); „повелитель“ есть латинское imperator. Умѣстнымъ считаетъ Крижаничъ только именованіе государя великимъ княземъ для отличія отъ „помѣстныхъ князей“; остальныя же имена могли бы быть замѣнены словами „отчинникъ“ и „владатель“. Также одобряетъ Крижаничъ называніе государя въ титулѣ не только по имени, но и по отчеству, такъ какъ это соотвѣтствуетъ принятому въ Россіи обычаю[2]). Но зато ему сильно не нравилось слово „царь“. Въ принятіи этого иностраннаго титула онъ неоднократно обвиняетъ Ивана Грознаго и находитъ, что этимъ титуломъ онъ унизилъ русское госу-

[1]) Оскорбляло Крижанича также то, что германскіе императоры пишутся королями Галиціи, которою они владѣли всего какихъ нибудь три или четыре года, а польскіе короли пишутся великими князьями Руси — безъ ограниченія, тогда какъ слѣдовало бы писать: Малой Руси (II стр. 337 и 342).

[2]) II стр. 339—340, 358.

дарство. Крижаничъ предлагаетъ замѣнить его титуломъ „краль". который есть самый древній титулъ и заключаетъ въ себѣ всѣ другіе; а главное его достоинство въ томъ, что онъ, какъ думаетъ Крижаничъ, чисто славянскаго происхожденія. Отъ имени царя Крижаничъ говоритъ: „мы, хочьти до сихъ добъ есмо носили царское имя, еднакоже всегда есмо держали по Божіей милости и держимъ полную кралевскую самодержскую область, и для ради того ся и пишемъ самодержцемъ. А нынѣ пакъ, дабы ся царскимъ тѣмъ именомъ не покрывала и не мрачила наша область, хочемъ заверчь то чужее и обмамливое, и прiять своего языка старѣе, и честнѣе, и право самовладское имя краль" [1]). Также унизительнымъ представлялось Крижаничу принятіе, въ качествѣ русскаго герба, нѣмецко-римскаго двуглаваго орла. Болѣе подходящимъ онъ считалъ изображеніе креста, помѣщеннаго посреди солнца и окруженнаго звѣздами. Такой гербъ символизировалъ бы христіанское государство [2]). Въ „Толкованіи историческихъ пророчествъ" находимъ еще одну любопытную мысль по этому вопросу. „А держет Государи Орла, не како Римско, но како Руско знаме. Вольно бо јест всакому владателю писати знаме каково хощет. И орли не въ једној Римској державе обритаютсе, но по всем свиту родетсе и литают. Польски кральи орла же пишут: а пишут једнoглавого, и Римскому орлу паче сподобнаго, а за то никтоже Польского орла не зовет Рим-

[1]) I, стр. 359: ср. I, стр. 352: Volumus etiam nominari novo et linguae nostrae proprio Sclavinico nomine Bogdanus: ei simul hortamur, ut deinceps nostri heredes et nostri subditi similiter nominibus sclavinicis nominentur, et ut honorem regalem non aliunde, quam a solo Deo sibi dari posse agnoscant et profiteantur. Volumus etiam reijcere ex titulo nostro peregrinum nomen Car et deinceps appellari sclavinica appellatione Kraly. Denique ex titulo nostro volumus omittere titulos et appellationes quae sunt inferiores appellatione regali: in hoc enim nomine Kraly cetera omnia minora continentur. — См. также I стр. 335, 346, 354, 357; II, стр. 291 и 341.

[2]) О Промыслѣ, стр. 76 (по изд. Безсонова).

ским“ [1]). Отсюда видно, до какой степени Крижаничу было ненавистно всякое заимствованіе. Ему было легче закрывать глаза на очевидные факты, чѣмъ примириться съ ними,— чѣмъ допустить, что Россія въ чемъ нибудь поступилась своею самостоятельностью [2]).

---

[1]) Стр. 38 — 39.

[2]) Разсужденія на тѣ же темы ветхозавѣтныхъ пророчествъ (сонъ Навуходоносора, четыре звѣря, Гогъ и Магогъ, пророчество Ездры и друг.) встрѣчаются и въ рук. Моск. Синод. Тип. № 4309 л.л. 567 — 576, но ничего новаго по сравненію съ другими сочиненіями здѣсь нѣтъ. Въ „Разговорахъ“ см. стр. 738—739: In quibus rebus possunt reges praestare modestiam. Respondetur: 1) Omittat et prohibeat rex scribere inania simbola in vexillis. 2) In titulo non scribat ego, sed Nos N. per Dei gratiam vel per Dei misericordiam. Pulcherrimum autem virtutis exemplum praestaret,... imitando sanctum Gregorium, scriberet hoc modo: Wladimirus, servus Dei ... 4) Quando leges condit, omnia ad Dei potestatem referat et a Deo se accepisse fateat, quidquid habet ... 11) Non debet rex acceptare gloriam hominum, hoc est gloriam vanam, quam dant adulatores. Quale est illud patriarchae Jeremiae: tuum regnum est tertia Roma ... 13) Non permittat se laudari per Xenogeniam; non a Variagis, non ab Augusto genus trahat. 14) Non iactet neque acceptet Xenotimiam. Non insignia neque investituram regni petat aliunde, quam a Deo (рукоп.). — Отдѣльныя замѣчанія и мысли тамъ же на стр. 649, 651—653, 676, 679, 681—697.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Государственный строй Россіи.

Крижаничъ указываетъ слѣдующіе „столпы и подпоры", на которыхъ основывался весь государственный строй въ современной ему Россіи, которыми государство „доселѣ обстоятельно, честно и крѣпко было": 1) вѣра православная, 2) самовладство совершено, 3) нераздѣльность кралества и обреженіе отъ чужевладства, 4) запертіе рубежевъ, 5) недопущеніе празднующаго и бездѣльнаго житія[1]). Третій и четвертый изъ этихъ „столповъ" сводятся къ одному: обереганіе національной самобытности и самостоятельности Россіи, и потому можно сказать, что Крижаничъ сводитъ весь русскій государственный строй къ четыремъ основаніямъ: православіе, самодержавіе, обереганіе національной самобытности и отсутствіе чрезмѣрно широкой гражданской свободы. Онъ не только выясняетъ сущность, природу каждаго изъ этихъ основаній, но и стремится доказать, что весь государственный строй Россіи долженъ быть признанъ наиболѣе совершеннымъ.

[1]) Разговоры I, стр. 332—333. На стр. 233 при перечисленіи „добрыхъ постановленій" указана еще ссылка, какъ наказаніе; но она, очевидно, не входитъ въ число столповъ. Въ другихъ мѣстахъ государственное устройство Россіи разсматривается не съ точки зрѣнія права, а какъ одно изъ условій ея благосостоянія. Напр. Разговоры, стр. 613: Beneficia Dei, in quibus sumus feliciores prae aliis quibusdam gentibus: 1) fides sancta ..., 2) modus regiminis politici ..., 3) mores simplices ..., 4) 4-um beneficium est, quod Deus dedit Russiae egregios navigabiles fluvios ..., 5) de fructibus vero terrae ... nolo quidquam praedicare: toti enim sunt nobis (рукоп.). Ср. I, стр. 155.

1. Крижаничъ глубоко убѣжденъ, что вѣра, благочестіе составляютъ единственное прочное основаніе государственнаго могущества. Всѣ великіе государи, отъ Кира и до Рудольфа Габсбургскаго, отличались благочестіемъ, и наоборотъ: государи, оскорбляющіе вѣру, виновные въ богохульствѣ, раньше или позже, получаютъ наказаніе отъ Бога[1]). Поэтому Крижаничъ съ удовольствіемъ подчеркиваетъ характеръ благочестія, которымъ отличается весь строй русской жизни: „счастіе пародное и духовное наше Палладіе, говоритъ онъ, есть обдержавать святая бдѣнія и похаживать ютерніе часы и настойно бывать при святой литургіѣ. Мало спать, рано встаять, поздно ядать, тѣло многими поклонми и постомъ премарять. Мнѣ ся видитъ сія быть наиглавнѣя причина сохраненію сего кралества. Сіе становито есть истиннѣя и вышая твердность. Верло адда имаютъ быть печальны крали наши и церковны пастыри, да ся отнюдь то церковного благорядія крѣпено соблюданіе не разорятъ“ [2]). Крижаничъ не находитъ возможнымъ одобрить дѣйствія тѣхъ правительствъ, которыя не вмѣшиваются въ дѣла вѣры и допускаютъ въ государствѣ свободу религіознаго исповѣданія. По его мнѣнію, такія правительства совершаютъ великій грѣхъ богохульства. Въ сочиненіи „О Промыслѣ“ онъ говоритъ: „если кто, безъ крайней необходимости, дозволяетъ еретикамъ въ своемъ царствѣ жить, селиться, строить храмы,—то развѣ это не тяжкое богохульство? Ибо всѣ нынѣшніе еретики хулятъ или самого Бога, или Пресвятую Матерь и святыхъ Божіихъ. Но кто допускаетъ зло, которому легко можетъ воспрепятствовать, и кто не устраняетъ злодѣйства, которое обязанъ устранить, тотъ не свободенъ отъ грѣха“ [3]). По его мнѣнію, царь и епископы не должны дозволять народу вступать въ споры

[1]) I, стр. 383. — О Промыслѣ, стр. 66: si Deus infideles reges principesque ob blasfemiam ita punivit, ut audivisti; multo magis in Christianis principibus blasfemiam non permittat impunitam (изд. Безсонова).

[2]) I стр. 233—234.

[3]) О Промыслѣ, стр. 66.

съ еретиками, читать еретическія книги и имѣть общеніе съ проповѣдниками ересей [1]). Но лучше всего выразилъ Крижаничъ свои мысли на этотъ счетъ въ формѣ легенды о турецкомъ султанѣ Сулиманѣ. Сулиману однажды нѣкто сказалъ, что нехорошо, что въ его столицѣ замѣчается большое разнообразіе племенъ и вѣръ, и что слѣдовало бы ему отдать приказъ изгнать всѣ религіи, кромѣ магометанской. Тогда султанъ собралъ букетъ изъ разныхъ цвѣтовъ, поднесъ его къ носу совѣтника и спросилъ его, красивы ли цвѣты, и хорошо ли они пахнутъ. И когда тотъ отвѣтилъ утвердительно, Сулиманъ сказалъ: такъ и люди разныхъ религій прекрасны передъ Богомъ и угодны Ему. Если бы они не были Ему угодны, Богъ не дозволилъ бы имъ существовать. По мнѣнію Крижанича, это сравненіе невѣрно. Все, что Богъ дозволяетъ, онъ дозволяетъ справедливо, такъ какъ Онъ можетъ изъ всякаго зла сдѣлать добро, и такъ какъ Онъ поставилъ царей для наказанія преступниковъ и отвращенія всякихъ соблазновъ. Другое дѣло—царь. Онъ не можетъ, не нарушая справедливости, дозволить въ своемъ царствѣ расти соблазну, и, въ особенности, не можетъ царь дозволить въ своемъ царствѣ проповѣдовать ереси и строить храмы для еретиковъ и невѣрныхъ. Ибо на то именно онъ и поставленъ Богомъ, чтобы препятствовать такому нечестію. Потому неправильно и заключеніе Сулимана, что все, что Богъ дозволяетъ, Ему угодно, и царь это долженъ разрѣшать: ибо Богъ попускаетъ и грѣхъ, однако онъ Ему неугоденъ [2]). Поэтому Крижаничъ

[1]) Разговоры, стр. 513: Non debet rex et episcopi permittere populo disputare cum haereticis, neque ipsorum libros legere neque ad ipsos peregrinari aut cum ipsos versari extra necessitatem (рукоп.).

[2]) De Providentia, стр. 35—36: Valerius. Sulimano Turcorum regi purpuratus quidam proposuerat: Indecorum videri, quod tanta varietas gentium et religionum in urbe regia habitaret, et consultum esse aiebat, ut rex omnes religiones, praeter Mahometanam, inde excedere mandaret. Tunc rex collegit fasciculum ex variis floribus (in horto enim obambulabat) et admonit (?) illi consiliario ad nasum, interrogans, an pulchri essent et an bene olerent. Is cum respondisset: pulchros

чрезвычайно одобряетъ, что правительство въ Россіи покровительствуетъ православію. Въ Россіи „охраняется правая Іисуса Христа вѣра“, въ Россіи „крѣпко проповѣданіе и недопущеніе всякихъ ересей, и крѣпено обдержаніе богочестивыхъ законовъ и обрядовъ: всеночень, литургій, часовъ, постовъ и иныхъ“ [1]); православное духовенство пользуется особымъ почетомъ, его права и привилегіи опредѣляются церковными законами, которые свѣтское правительство считаетъ для себя неприкосновенными [2]). Вообще, русская государственность такъ тѣсно связана съ православіемъ, что Крижаничъ не допускаетъ мысли, чтобы на русскомъ престолѣ когда нибудь могло оказаться лицо, исповѣдующее иную вѣру; а если бы все-таки вслѣдствіе какихъ нибудь обстоятельствъ это произошло, то всѣ законы, изданные неправославнымъ государемъ, должны быть признаны неимѣющими силы, необязательными для населенія, а самъ онъ—изгнанъ изъ Россіи [3]). Такимъ образомъ, по мнѣнію

esse et bene olere, subiunxit ille: Sic igitur etiam variarum religionum homines pulchri sunt coram Deo et ei placent. Nisi ei placerent, non permitteret eos Deus in mundo vivere. Quod si Deo placent et nobis ergo placere debent. Augustinus. In ista assimilatione latet fallacia. Iam enim diximus: Quod quidquid Deus permittit, iuste permittit, quia ut Dominus, et quia potest ex malis bona facere, et quia constituit reges ad punitionem scelerum et ad prohibitionem scandalorum. Rex autem non iuste nec licite permittit in suo regno invalescere scandala, et praesertim non licet regi permittere in suo regno praedicari haereses aut condi templa haereticoum et infidelium, si potest id prohibere. Quia ad hoc ipsum a Deo constitutus est, ut prohibeat tales impietates. Et ideo non recte concludebat Sulimanus, quod quidquid Deus permitteret, idem ei placeret, et quod regi liceret idem permittere: quia Deus peccatum permittit, et tamen ei non placet (рукоп.).

[1]) II стр. 300; I стр. 246, 332.

[2]) II, 43, 65.

[3]) I стр. 323: еще бы кій (еретикъ) по нашей несрѣчѣ посталъ: да му никто не будетъ долженъ быть покоренъ. И аще му кто учинитъ присягу: отъ нынѣ (по совѣту и отлукѣ духовныхъ нашихъ, святительского собора) объявляетъ, яко таковыя присяги, и клятвы, и крестная цѣлованія, нѣсуть стойна ни годна: нить чло-

Крижанича, православіе даетъ высшее освященіе всему государственному порядку въ Россіи, и безъ него этотъ порядокъ немыслимъ.

2. Для характеристики современнаго ему государственнаго устройства Россіи Крижаничъ употребляетъ, большею частью, выраженія: совершено самовладство, самодержавіе, perfecta monarchia [1]). Что разумѣетъ онъ подъ именемъ самодержавія? Не можетъ быть сомнѣнія, что Крижаничъ этимъ терминомъ, какъ и другими, ему подобными, желалъ обозначить неограниченность власти русскаго государя. Еще въ своей запискѣ 1641 года онъ приводитъ обширныя цитаты изъ Герберштейна и Поссевина, которыми онъ хотѣлъ убѣдить конгрегацію, что „auctoritate sua princeps tam in ecclesiasticos quam in saeculares utitur, libere ac ex voluntate sua de omnium et vita et bonis constituit" [2]). Хотя въ сочиненіяхъ его, написанныхъ въ Россіи, ни разу не встрѣчается выраженіе „неограниченная монархія", но изъ отдѣльныхъ выраженій, разбросанныхъ тутъ и тамъ, можно видѣть, что именно въ этомъ смыслѣ понималъ онъ существо верховной власти въ Россіи. Такъ, объясняя, почему онъ находитъ нужнымъ въ сочиненіи о государствѣ разсуждать о земледѣліи, Крижаничъ говоритъ: „або здѣсь есть совершено самовладство: и повелѣніемъ царскимъ можетъ ся по всей землѣ всякая поправа учинить, гдѣ что будетъ полезно и потребно въ обычай завесть. А въ иныхъ земляхъ

вѣка вяжутъ на исполненіе или обдержаніе: або суть беззаконна, и супроть народной уставѣ, и супроть народному добру учинена. II стр. 71: Si nos aut quisquam nostrorum successorum expresse et aperte abijceret contumneretve sanctae Jesu Christi ecclesiae decreta sive concilio sive patres sanctos: diceretve ecclesiam sive concilia sive unanimen sanctorum patrum consensum errasse aut quidquam non secundum Deum sed humano more docuisse . . . nos decernimus, ut . . . possint et debeant ipsum haereticum obstinatum deijcere et sibi alium regem eligere. — Ср. I, стр. 410.

[1]) I стр. 156, 233, 332, 359; II стр. 168, 173 и друг.

[2]) Бѣлокуровъ, назв. соч. Приложенія стр. 90 — 91.

то не было бы змояжно"[1]). Въ этихъ словахъ, очевидно, высказывается мысль, что русскій царь, въ отличіе отъ другихъ государей, можетъ издать, какое хочетъ, повелѣніе, и что, слѣдовательно, въ своей власти онъ ничѣмъ не стѣсненъ. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „что коли заповѣсть полномоченъ самовладецъ, оно ся безъ отвлаки извершитъ. А въ иныхъ господствехъ, гдѣ или краль нѣсть полномоченъ, или многе есть владателевъ: гамо сказы, которыя единожды въ законъ придоша, бываютъ непоправны и вѣчны"[2]). Здѣсь опять указывается противоположность между русскимъ самовладцемъ и другими государями, у которыхъ нѣтъ „полномочія". Въ составленной Крижаничемъ рѣчи царской къ народу встрѣчаемъ еще одно любопытное сопоставленіе. Къ числу „твердностей", на которыхъ покоится русское государство, онъ относитъ и „самовладство совершено иннти покорно послушаніе подданниковъ прямъ пиховымъ кралемъ". И дальше продолжаетъ: „мы то еще укрѣпляемъ: Аще бы кто ся нашелъ, кій бы ся коими слободинами щитилъ и не хотѣлъ бы послушать нашихъ или нашихъ наступниковъ заповѣдей: таковъ да згубитъ всія своя слободины и по дѣлу да ся казнитъ"[3]). Здѣсь совершено самовладство признается какъ бы несовмѣстимымъ съ слободинами, т. е. съ такими правами гражданъ, которыя бы можно было противопоставлять монарху, какъ независящія отъ его власти. Въ той же рѣчи встрѣчаемъ еще такое мѣсто: „За то адда и мы, хочьти до сихъ добъ есмо носили царское имя, еднакожевсегда есмо держали по Божіей милости и держимъ полную кралевскую самодержскую область и для ради того ся и пишемъ самодержцемъ"[4]). И здѣсь самодержавіемъ названа полная, т. е. неограниченная монархическая власть.

[1]) I стр. 42.
[2]) I стр. 244, и дальше.
[3]) I стр. 332.
[4]) I стр. 359.

Основаніе царской власти Крижаничъ видѣлъ въ народномъ избраніи. Объ избраніи Михаила Ѳедоровича на царство онъ говоритъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, строя свою рѣчь отъ имени Алексѣя Михайловича. „Нашъ честитыя памяти покойны родитель нѣсть никого избавилъ нить улишилъ его отчины: но пріялъ есть сіе кралество на ся и на свое отродіе на вѣки отъ народного, вольного и згодного обранія и докончанія. Того обранія ся мы держимъ: и на томъ Божіемъ и всего народа згодномъ докончанію и на томъ праведномъ основанію мы становимъ и крѣпимъ свое привластіе и кралевскую полную мочь, и величество, и всего народа общую пользу и поспѣшеніе, и кралества неразерванную цѣлость“ [1]). Любопытно, что Крижаничъ, выводя царскую власть изъ народнаго избранія, въ тоже время основывалъ ее и на Божіей волѣ; эти два начала, слѣдовательно, въ его глазахъ не противорѣчили другъ другу. Затѣмъ, нельзя не обратить вниманія на то, что Крижаничъ говоритъ въ такихъ опредѣленныхъ выраженіяхъ о земскомъ соборѣ, избравшемъ Михаила Ѳедоровича, но, повидимому, ему ничего не извѣстно о томъ, чтобы съ Михаила была взята при избраніи запись или, чтобы, вообще, ему была вручена власть съ какими нибудь ограниченіями. Выраженіе „згодное докончаніе“, которое употребляетъ онъ для обозначенія существа самаго акта избранія, если и имѣетъ оттѣнокъ чего-то двусторонняго, то, самое большое, его слѣдуетъ передать словомъ договоръ; но договоръ не есть еще ограниченіе. А выраженіе „кралевская полная мочь“, встрѣчающееся ниже, можетъ, очевидно, имѣть значеніе только власти неограниченной.

Крижаничъ является убѣжденнымъ сторонникомъ и защитникомъ неограниченной царской власти въ Россіи. Его убѣжденія настолько прочны и изложены съ такой послѣдовательностью и системой, что сами собой образуютъ цѣльную теорію самодержавія. Если заранѣе рѣшить вопросъ о

[1]) I стр. 331.

цѣли его пріѣзда въ Россію и смотрѣть на него, только какъ на послушное орудіе пропаганды, какъ на врага православія и Россіи, то можно, конечно, заподозрить искренность выставленной имъ теоріи. Можно тогда утверждать, что онъ совсѣмъ не былъ убѣжденъ въ объективныхъ достоинствахъ самодержавія, и возвеличеніе его было ему необходимо потому, что въ достиженіи своей цѣли — обращенія Россіи въ католичество — онъ могъ возлагать надежду отнюдь не на русское общество, а только на царя, на его самодержавіе [1]). Но самая теорія его не даетъ никакого матеріала для подобнаго рода подозрѣній. На-оборотъ: внимательное изученіе ея убѣждаетъ, что при ея построеніи авторъ исходилъ отъ реальныхъ жизненныхъ фактовъ и имѣлъ въ виду вполнѣ реальныя же историческія задачи Россіи.

Теорія Крижанича логически распадается какъ бы на два отдѣла, ибо онъ разсматриваетъ преимущества самодержавія, во-первыхъ, взятаго само по себѣ и, во-вторыхъ, по сравненію съ формами правленія въ другихъ государствахъ. Разсматривая самодержавіе само по себѣ, Крижаничъ находитъ, что имъ русскіе, по справедливости, могутъ гордиться передъ европейцами, ибо оно дѣлаетъ народъ счастливымъ, побѣдоноснымъ, славнымъ. Самодержавіе — это философскій камень (lapis filosoforum), который излечиваетъ всѣ политическія болѣзни. Этотъ камень есть только у Россіи; поэтому, если какой нибудь народъ страдаетъ, какъ Польша, неизлѣчимой политической болѣзнью, для него единственное средство спасенія — союзъ съ Россіей. Самодержавіе — это „чудотворный Моисеевъ прутъ", съ помощью котораго царь можетъ творить чудеса въ политикѣ, имъ однимъ уже обезпечивается благосостояніе народа и счастіе всего государства. Какъ Богъ даетъ намъ бытіе и

[1]) См. статью М. И. Соколова въ Ж. М. Н. Пр. 1891, май стр. 12. Ср. также Д. Цвѣтаевъ, Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ, М. 1887, стр. 120 — 121, гдѣ указывается на распространенность этого пріема среди проповѣдниковъ лютеранства и католичества въ Москвѣ.

жизнь, такъ царь даетъ намъ счастіе, обезпечивая необходимыя условія для удовлетворенія потребностей: богочестіе, правду, оборону и дешевизну[1]). Для объясненія такого благодѣтельнаго вліянія самодержавія Крижаничъ указываетъ, отчасти, на такія его преимущества, которыя, по его мнѣнію, свойственны всякой неограниченной монархіи. Но, кромѣ того, онъ указываетъ и такія преимущества русскаго самодержавія, которыя составляютъ или его исключительное достояніе, или свойственны ему въ особенной степени. Крижаничъ приводитъ четыре такихъ преимущества: 1) въ самодержавіи быстрѣе и легче всего устраняются злоупотребленія подчиненныхъ властей, и возстановляется законный порядокъ, въ немъ заключенъ „легокъ способъ ко поправленію всякихъ сказъ, коя быху могли когда коли по небреженію оправниковъ влѣзть въ обычай, и для ради коихъ бы ся народъ тужилъ“; 2) при самодержавіи скорѣе всего находятъ себѣ удовлетвореніе народныя нужды, ибо оно обезпечиваетъ законодательству особую подвижность, отзывчивость, при немъ легко „могутъ ся постановить всякія добрыя уставы“, и „повелѣніемъ царскимъ можетъ ся по всей землѣ всякая поправа учинить, гдѣ что будетъ полезно и потребно въ обычай завесть. А въ иныхъ земляхъ то не бы было зможно“; 3) самодержавіе составляетъ крѣпкую опору православія; 4) наконецъ, самодержавіе имѣетъ передъ Россіей особыя историческія заслуги, ибо благодаря ему только, благодаря личной энергіи царей, людей мужественныхъ, пользовавшихся божественною милостію и помощью, Россія освободилась отъ татарскаго ига[2]). Таковы абсолютныя, такъ сказать, теоретическія преимущества русскаго самодержавія. Но Крижаничу представлялись еще

[1]) I стр. 156, 233; II стр. 5—6, 169, 173.

[2]) I стр. 42, 156, 244; II стр. 69, 299 и друг. Повидимому, Крижаничъ считалъ монархію особенно подходящею для Россіи еще по причинѣ обширности ея территоріи. См. въ Разговорахъ, стр. 745 несовсѣмъ ясное мѣсто подъ заголовкомъ: Monotopia est cognata monarchiae.

важныя практическія соображенія, которыя дѣлали въ его глазахъ необходимымъ—въ цѣляхъ окончательной оцѣнки самодержавія—сравненіе его съ политическимъ строемъ другого государства, а именно Польши. Крижаничъ жилъ какъ-разъ въ эпоху присоединенія Малороссіи; онъ слышалъ о шатаніяхъ ея, о многократныхъ ея присоединеніяхъ къ Россіи и отпаденіяхъ, а отчасти и самъ былъ свидѣтелемъ этихъ событій, видѣлъ ихъ близко, когда проѣзжалъ черезъ Малороссію и подолгу останавливался въ Нѣжинѣ и другихъ украинскихъ городахъ. Какъ очевидецъ, онъ зналъ, что одною изъ причинъ неустойчивости Малороссіи, хотя и не единственною, было недовѣріе населенія или нѣкоторыхъ его слоевъ къ государственному строю Россіи, къ его способности обезпечивать свободу и права новыхъ подданныхъ. Это недовѣріе заставляло Украйну переходить къ чуждой ей по духу и вѣрѣ Польшѣ. Крижаничъ взялъ на себя борьбу съ этимъ предубѣжденіемъ, которое онъ думалъ разсѣять лучше всего путемъ подробнаго сравненія выгодъ, которыя доставляетъ русское самодержавіе, съ тѣми, которыхъ можно ожидать отъ „прославленной" польской свободы. Мысль о такомъ сравненіи встрѣчаемъ уже въ первомъ сочиненіи, писанномъ Крижаничемъ въ Россіи—въ „Описаніи пути отъ Львова до Москвы". Здѣсь читаемъ: „Черкасы хоти вѣру православную исповѣдуютъ, но обычаи и нравы звѣрские имѣютъ. А вина сему есть между иными наипаче едина ересь не духовная, но политична или ко временному дѣлу принадлежачая, которые ереси начальники суть ляхи, а от нихъ научився держатъ ея крѣпко и Черкасы и мало не всѣ народы во Неуропии. Ереси сия есть, что в главу себѣ взяли и ставят за истинную и правую, яко жити под симъ преславнымъ царствомъ руским̾ есть жити в большей неволе, в подданстве и работе, горше на турское мучителство, горше на фараонову службу, египецкую работу. К сему дияволскому увѣрению допомогают им зело ериховы властно духовнии людие и греческие митрополиты, какъ то мы не от одного с великою нашею

жалостию слышахом. Разсудили есми полезно, да паче и прибытно быти, написати книгу против сицеву ложному дьяволскому наученью, да людие сохранятся от такова страшнаго блуда и хулы, что которое ныне ссталося никогда неоплаканое кровопролитие" [1]). Здѣсь выражается пока только общая мысль, что недовѣріе къ русскому правительству гибельно отражается на самой Малороссіи, и что распространителями этого недовѣрія являются сами поляки, для которыхъ это недовѣріе выгодно. Но уже въ другомъ своемъ сочиненіи, писанномъ въ томъ же 1659 году,—въ „Бесѣдѣ къ Черкасамъ" Крижаничъ подробно разбираетъ вопросъ, чего можно ожидать козакамъ отъ Польши, и что обѣщаетъ имъ соединеніе съ Россіей. Онъ разсматриваетъ одну за другой всѣ „неволи", которыхъ слѣдуетъ опасаться козакамъ въ союзѣ съ Польшей. Точка зрѣнія автора—почти исключительно политическая: выгодность соединенія съ Россіей онъ доказываетъ изъ обстоятельствъ времени и при этомъ принимаетъ въ разсчетъ сложившіяся отношенія, преимущественно бытовыя, Малороссіи къ обоимъ государствамъ. Такъ, онъ указываетъ, что польская шляхта не забудетъ

[1]) Putno opisanie ot Lewowa do Moskwi. Собр. сочин.. вып. I, стр. 7: Czirkasi chotia wjru prawoslawnu izpowjdaiut, ali narowi prece i obisija iest, szto w' glawu sebj wsaeli, i sczjniaiut za istinu sczíruiu: czaie zwirskie imaiut. A wina semu iest meždu injmi naipace iedna ieres ne duchownaia, no politiczna, ili ko wraemennjm djlom pristoiaecza: kotoree ieresi, poczaetnici sut Laechi, a ot njch nauczíwszi se, deržaet in krjpko i Czirkasi, i malo ne wsj inj narodi w' Ewropj. Jeres Jako žiti pod sjm preslawnjm Carstwom Ruskjm, iest žiti w' naigorszey newolj, sužanstwj, i rabotj: gorsze nad Turskoe tiranstwo, gorsze nad Faraonowu službu i Egipetsku rabotu. Ko semu dijawolskomu uwireniu dopomagaiut nim zjlo i njchowi wlasnie duchowni liudie, i Greczeski mitropoliti: iako to mi ne ot iednogo (s' welikoiu naszeiu žalostiu) usliszachom. Sudili iesmo polezno, da pacze i potrjbno biti, upisati knigu, protiw sicewomu ložnomu czertowskomu udawaniu: da liudie nezawodet se ot ninie w' takowu strasznu obludu i chulu, iz kotoree ninie stalo se iest se nikolj dosta neoplakano kaerwolitie. — Въ текстѣ приведенъ современный русскій переводъ. См. Бѣлокуровъ, назв. соч., Приложеніе стр. 34. Тамъ же ср. „Сербское письмо" (стр. 90).

того зла, которое причинило имъ козачество, и будетъ мстить ему; что поляки, по своему обычаю, не исполнятъ заключеннаго договора и т. д. Но въ ряду этихъ указаній есть одно, относящееся уже къ самому строю русской государственной жизни. Крижаничъ указываетъ, что отъ своеволія шляхты козаковъ защитить некому, ибо шляхта никого не боится, и король не имѣетъ надъ нею никакой власти. Въ Москвѣ же другіе порядки; московскихъ бояръ бояться нечего: они не посмѣютъ ослушаться царскаго указа. Этимъ Крижаничъ какъ бы говоритъ, что польскій король есть король только по имени, на самомъ же дѣлѣ онъ въ рукахъ у аристократіи, между тѣмъ какъ московскій царь пользуется дѣйствительною властью, что и придаетъ управленію извѣстную закономѣрность[1]). Это соображеніе повторяется, затѣмъ, неоднократно и въ главномъ политическомъ сочиненіи Крижанича—въ „Разговорахъ объ владательству". Но здѣсь авторъ разсматриваетъ вопросъ о сравнительныхъ достоинствахъ русскаго и польскаго государственнаго строя уже гораздо подробнѣе. Онъ посвящаетъ этому вопросу особый раздѣлъ, подъ заглавіемъ: „Яко руское владаніе есть луче отъ ляшского". Подробное разсмотрѣніе этого вопроса онъ объясняетъ желаніемъ оградить русскихъ людей отъ „ляшской заразы", т. е. отъ хулы на самодержавіе и отъ прославленія польскаго безрядія. Свое презрительное мнѣніе о польскомъ государствѣ Крижаничъ выразилъ въ стихотворной формѣ:

Polonia
Est nova Babilonia:
Ciganorum, Germanorum
Armenorum et Scotorum colonia.

[1]) Besida ko Czirkasom. Собр. соч., вып. I, стр. 12: Newolia 4. Polska Szlachta nikoli nezabudet, szto mi nim licha narobili: i budut dlia pomsti nad nami wsakoe licho poczinati. I chot Korol budet zakazowati takie dila: Szlachta se Korolia nebojit. A ot Moskowskich Boliar niczogo se nam netreba boiati, bo oni nad Carski ukaz niczogo nesotworiat.

Paradisus Hebraeorum.
Infernus rusticorum,
Aurifodina advenarum,
Sedes gentium vagabundarum,
Mundi sentina,
Prodigorum popina,
Comitiatorum assidua hospitatio.
Populi perpetua inquietatio,
Alienigenarum dominatio,
Quam despuit omnis natio [1]).

Авторъ приводитъ и разбираетъ нѣсколько „причинъ“, которыя заставляютъ его и должны заставить всякаго отдать предпочтеніе русскому самовладству передъ польской свободой. Вотъ эти причины:

1) На Руси легко могутъ быть исправлены всякія злоупотребленія, „поблудки владанія“. „А у Ляховъ не могутъ ся поправить“.

2) На Руси одинъ господинъ, имѣющій право жизни и смерти. „А у Ляховъ, колико есть властелевъ, толико кралевъ и тирановъ“; каждый можетъ казнить своего слугу (кмета) и никому не даетъ въ этомъ отчета и не несетъ наказанія.

3) Русь страдаетъ отъ откуповъ и царскихъ кабаковъ; но въ Польшѣ и въ Литвѣ кабаки находятся въ каждомъ помѣщичьемъ селѣ. „Або вездѣ или Жиды откупники сѣдятъ, или болярипъ самъ смердяще пиво раздаетъ хлапомъ, кое они на гной вылеваютъ, а еднакоже платить мораютъ“.

[1]) Въ одномъ мѣстѣ Крижаничъ говоритъ (I стр. 246) объ этомъ стихотвореніи: „Для ради того ся мовитъ и прича въ латинскомъ языку...“ Отсюда можно было бы заключить, что онъ только приводитъ какое то бывшее въ ходу и подслушанное стихотвореніе. Но изъ того, что оно встрѣчается въ рукописи нѣсколько разъ и въ различномъ видѣ, съ поправками, перечеркиваніями и т. д., можно думать, что авторъ его—онъ самъ.

4) На Руси охраняется истинная вѣра, а въ Польшѣ пользуются полной свободой всякіе еретики, которые сбѣгаются сюда изъ всѣхъ странъ, и которыхъ Крижаничъ называетъ волками, губящими человѣческія души.

5) Въ Польшѣ находятъ себѣ пристанище всякіе тунеядцы, воры, скитальцы, не имѣющіе ни дома, ни родины,—вообще люди съ преступными наклонностями. Кромѣ того, тамъ свили себѣ гнѣздо „цѣлы скитальны народы илити всего свѣта обманники: Циганы, Ормляны, Скоты и Жиды". Тяжкимъ бременемъ сидятъ они на коренномъ населеніи.

6) Польская шляхта проводитъ время въ путешествіяхъ, въ скитаніи по всему свѣту, а своихъ бѣдныхъ крестьянъ отдаетъ на откупъ евреямъ, „кои ихъ мучатъ, яко бѣсы души". За то къ польской знати всѣ относятся съ презрѣніемъ, всѣ смѣются надъ ней. На Руси же выѣздъ заграницу запрещенъ, и справедливо: царямъ и царскимъ сыновьямъ скитанье по чужимъ краямъ не можетъ быть полезно, а подданные не должны пользоваться свободой, которой нѣтъ у государей.

7) Въ Польшѣ ни одно сословіе не можетъ быть довольно своимъ положеніемъ. Крестьянъ и посадскихъ всѣ угнетаютъ: „або господари ихъ мясарятъ и умаряютъ безказенно, Жиды ихъ мучатъ яко бѣсы, вояки ихъ съ кожею и съ костьми изъѣдаютъ"; а на Руси ихъ никто не смѣетъ тронуть. Не могутъ быть довольны военные люди, ибо имъ никогда не платятъ жалованья, и они живутъ только кражами, разбоями, грабежомъ крестьянъ; на Руси же войско получаетъ постоянное жалованье. Не могутъ быть довольны торговцы, ибо имъ приходится выдерживать конкурренцію всему свѣту извѣстныхъ „обманниковъ—Циганъ, Скотовъ, Ормлянъ и Жидовъ", которые, къ тому же, занимаются сбытомъ фальшивыхъ денегъ; „а на Руси нѣсть вольно жить Циганомъ, Жидомъ". Не можетъ быть довольно духовенство, „або слободно межь нихъ ся вертятъ всѣхъ народовъ еретики"; а на Руси еретикамъ не позволяютъ жить. Не можетъ быть довольно высшее сословіе, ибо, хотя оно и

гордится своей свободой, но сильно страдаетъ отъ непрерывныхъ сеймовъ, которые ставятъ его въ зависимость отъ корчмарей и инородцевъ, занимающихся торговлей и разными другими дѣлами; на Руси же ничего этого нѣтъ. Не можетъ быть доволенъ и весь польскій народъ, потому что, при общемъ безпорядкѣ, онъ принужденъ терпѣть у себя иностранныхъ государей и никакъ не можетъ добиться, чтобы выбранъ былъ король изъ своего народа. А народъ русскій „имаетъ боголюбивыхъ царевъ и господаревъ изъ властного своего рода".

8) Въ Польшѣ нѣтъ общественной безопасности; и въ церкви, и на улицѣ каждому угрожаетъ нападеніе, и поэтому всѣ ходятъ вооруженными. На Руси же нѣтъ ни поединковъ, ни нападеній, ни междуусобныхъ войнъ.

9) Въ Польшѣ судъ мирволитъ сильнымъ и богатымъ людямъ, такъ что маленькому человѣку невозможно добиться правосудія. „А на Руси судилища есуть всѣмъ отперта. Управа есть всего народа общена отчина" [1]).

Изъ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ „причинъ", собранныхъ Крижаничемъ, нельзя не заключить, что въ вопросѣ о государственномъ строѣ Россіи его интересуетъ, главнымъ образомъ, бытовая сторона дѣла, т. е. вліяніе этого строя на нравы и обычаи народа, на положеніе отдѣльныхъ классовъ, на всю общественную жизнь. Собственно же юридическая конструкція самодержавія, болѣе подробное выясненіе его сущности остается почти внѣ поля зрѣнія. Въ этомъ крупное различіе между Крижаничемъ и его знаменитымъ современникомъ—Котошихинымъ. Тотъ, на-оборотъ, совсѣмъ не останавливается на вопросѣ о томъ, какъ отразилось самодержавіе на различныхъ сторонахъ общественной жизни, или дѣлаетъ на этотъ счетъ самыя незначительныя указанія. Его интересуетъ самодержавіе только, какъ юридическая формула, и въ томъ мѣстѣ его труда, гдѣ онъ говоритъ о самодержавіи, его выраженія оставляютъ Крижанича позади

---

[1]) I стр. 243 — 249; II стр. 300 — 305.

своею точностью и опредѣленностью: „А нынѣшняго царя обрали на царство, а писма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому-что разумѣли его гораздо тихимъ, и потому наивышшее пишетца „самодержцемъ" и государство свое правитъ по своей воли" [1]). Это объясняется, конечно, той задачей, которую поставилъ себѣ Котошихинъ. Задача его—описаніе московскаго государства, спокойное и безпристрастное. Задачи Крижанича совершенно иныя. Одна изъ нихъ была уже указана: это — сравненіе Россіи съ Польшей. Другая — состоитъ въ томъ, чтобы опровергнуть тѣхъ иностранцевъ, преимущественно — иностранныхъ писателей (Олеарія и другихъ), которые съ презрѣніемъ отзываются о русскомъ государствѣ и русскомъ народѣ,—говорятъ, что русское царство есть тираннія, что народъ въ Россіи живетъ въ полномъ угнетеніи, ведетъ скотскую жизнь, и многіе „русскаго народа люди ничего не дѣлаютъ для ради почтенія, но все отъ страха казненія: причина есть то круто владаніе, кое имъ и самъ животъ, камо ли не почтеніе, чинитъ мерзокъ" [2]). Однимъ словомъ, цѣль Крижанича—апологія русской самодержавной власти; ему нужно было показать, что на Руси нѣтъ угнетенія народа, а напротивъ—народъ благоденствуетъ. А для этого ему и пришлось разсмотрѣть, какъ самодержавіе отражается на различныхъ сторонахъ народной жизни. Апологетическій характеръ теоріи Крижанича приближаетъ

[1]) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, гл. VIII, 4. Сопоставленіе Крижанича съ Котошихинымъ встрѣчаемъ во многихъ мѣстахъ труда А. Маркевича (Юрій Крижаничъ и его литературная дѣятельность. Варшава, 1876). Онъ указываетъ на различіе въ отношеніяхъ того и другого къ иностранцамъ (стр. 61), на сходство въ содержаніи ихъ главныхъ сочиненій (стр. 81); но вопроса о принципіальномъ сходствѣ или различіи между ними, о задачахъ и характерѣ ихъ политическихъ сочиненій онъ нигдѣ не касается.

[2]) I стр. 294 — 295. Ср. II стр. 69 — 70, 297: хулятъ бо и тиранствомъ прозываютъ сіе прехвальное Русское и всякое иное по свѣту совершено самовладство, а прехваляютъ да славятъ свое распустное, безрядное и многотиранское владаніе.

его, скорѣе, къ тому направленію русской политической мысли, къ которой принадлежатъ Пересвѣтовъ, Иванъ Грозный, отчасти—Іосифъ Волоцкій [1]). Какъ и писатели этого направленія, Крижаничъ стоитъ за неограниченную царскую власть; но, въ отличіе отъ нихъ, онъ выражаетъ свои убѣжденія не столько путемъ обоснованія этой власти, сколько путемъ доказательства его благотворнаго, спасительнаго дѣйствія на жизнь народа. Но и при этомъ черезъ всѣ „причины", заставлявшія его преклоняться передъ самодержавіемъ, красной нитью проходитъ одна мысль, которая должна объяснять, на чемъ основывается это благотворное дѣйствіе самодержавія. Это именно та мысль, что при самодержавіи вся полнота власти сосредоточена въ рукахъ царя, безъ всякаго раздѣленія, а сосредоточеніе власти—ведетъ за собой установленіе прочнаго порядка. Ярче и яснѣе всего эту мысль Крижаничъ выражаетъ, также путемъ сравненія Россіи съ Польшей, въ слѣдующемъ мѣстѣ своего сочиненія „О Промыслѣ": „поелику всякая неумѣренность дурна, а свобода Поляковъ въ особенности неумѣренна, то слѣдуетъ, что такая свобода сама есть грѣхъ. Ибо польская свобода есть не что иное, какъ раздѣленіе верховной власти на многія части или на низшіе члены; а этимъ раздѣленіемъ верховная власть, которая исходитъ отъ Бога, дѣлается слабою для наказанія преступленій" [2]). Отсюда самъ собою

[1]) Сочиненія Пересвѣтова въ изд. В. О. Ржиги, М. 1908 стр. 70, 72, и друг.—Сказанія князя Курбскаго, ч. II стр. 21, 22, 34, 35, 56, 73.

[2]) Quia cum omnis immoderatio sit mala, cumque ista Polonorum libertas sit maxime immoderata: consequens est, quod ipsa talis libertas est peccatum. Ista enim Polonica libertas nihil est aliud, quam divisio supremae potestatis in plures partes (sive in membra inferiora), qua divisione efficitur, ut suprema potestas (quae a Deo est) debilis fiat ad punienda scelera (изд. Безсонова, стр. 91). — Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ Крижаничъ понимаетъ самодержавіе въ томъ смыслѣ, что царь стоитъ выше закона. См. Разговоры, стр. 676: Nullo genti in mundo ita necessaria est monarchia, quam nobis. Quia ab omnibus gentibus per xenomaniam facillime opprimimur, facilius multo, quam ulla alia in mundo gens. Idcirco nobis necessarius est talis

получается выводъ a contrario: въ Россіи наблюдается сосредоточеніе власти, и это то обезпечиваетъ общественный порядокъ. Только сосредоточенная въ рукахъ одного царя государственная власть можетъ защитить крестьянство отъ притѣсненій высшихъ классовъ, только такая власть можетъ заботиться одинаково о всѣхъ сословіяхъ, установить правильный судъ, бороться съ инородческимъ вліяніемъ. Только сосредоточенная власть обладаетъ дѣйствительной силой и безпристрастіемъ. Такова, очевидно, мысль Крижанича.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не обратить вниманіе и на другую его мысль, брошенную, правда, мимоходомъ, почти въ видѣ намека,—но интересную тѣмъ, что она впослѣдствіи стала лозунгомъ одного изъ направленій нашей политической литературы. Это именно та мысль, что самодержавіе, какъ форма правленія, наиболѣе отвѣчаетъ духу славянскаго племени и, въ частности, русскаго народа. Крижаничъ говоритъ: „У Ляховъ, и у Чеховъ, и у Задунайскихъ Словенцевъ, сія рѣчь Господарь знаменуетъ Домовнаго Отца: и всякій отецъ, ильти челяди и дому господинъ, хочь богатъ хочь убогъ, словетъ тамо Господарь. А Русскій языкъ не простыхъ людей, но владателевъ зоветъ Господарми. И тѣмъ ся озnaняетъ, еже, что есть челядный отецъ или господарь во своемъ дому, то мораетъ быть краль во своемъ кралеству. И въ истинѣ бо кралество нѣсть ничто иное, неже Народное Домостройство“ [1]). Здѣсь Крижаничъ указы-

---

monarcha, cuius potestas nullis legibus circumscribatur. Qui habeat maiorem aut certe aequalem potestatem, qualem habent monarchae Turcorum et Persarum et sicut habuit Cingis Hanus. Sic fiet, ut nostra gens ipsamet bonis suis perfruatur et opprobria aliquarum gentium non debeat sufferre et timeatur a vicinis et sit gloriosa inter gentes, si Domino placet (рукоп.).

[1]) II, стр. 6—7. Ср. Разговоры, л. 1 об.: Ad tranquillitatem unionemque gentis nihil ita necessarium est, quam persuadere omnibus, monarchiam non solum esse optimum regimen, sed etiam nostrae genti absolute esse necessariam ad bonum ac felicem statum... Haec persuasio fieri debet per librum, cui titulus esse potest, De rebus sclavinicis. In eo varia tractari debent: de haeresibus politicis et de variis nostrae gentis deceptionibus, quibus decipimur ab alienigenis (рукоп.).

ваетъ на сходство именъ, которыми западные славяне называютъ хозяина дома, главу семейства, и которыми русскіе называютъ носителя верховной власти. Отсюда самъ собой напрашивается выводъ, что монархія не искусственно какъ нибудь была введена у славянскихъ народовъ, но что она образовалась сама собою путемъ естественнаго роста семьи и постепеннаго превращенія власти домовладыки въ власть монарха. Поэтому славянскіе народы относятся довѣрчиво къ своимъ царямъ и королямъ, но въ тоже время требуютъ, чтобы они такъ же внимательно заботились о своемъ народѣ, какъ отецъ о своей семьѣ [1]).

3. Разсуждая теоретически, Крижаничъ высказываетъ себя сторонникомъ національнаго государства; но обсуждая постановку національнаго вопроса у славянскихъ народовъ, онъ оставляетъ почву чисто-теоретическихъ разсужденій, для него это вопросъ глубокожизненный, вопросъ о благѣ всего славянства, а можетъ быть, и о его будущности. Природа надѣлила славянъ особой склонностью къ иностранцамъ и всему иностранному, и эта склонность является для нихъ источникомъ величайшихъ несчастій. Крижаничъ называетъ это чужебѣсіемъ и опредѣляетъ его, какъ „бѣшеную любовь чужихъ вещей и народовъ: избытно бѣшено вѣрованіе къ инородникомъ“ [2]). „О окаяный и всему свѣту на позоръ сотворенный народе Словенскій. Мы глупы баемъ: Како бы имали нарожаны имать сподобныя слободины, а инородники не имать никаковыхъ слободинъ у насъ. А ово все супротивно ся дѣетъ. Нарожаны живутъ въ конечной неволѣ, и нѣсть слободно ужить пота лицъ своихъ, а инородники ужи-

[1]) См. объ этомъ I. Рогановича, Крижаничъ и его философія національизма, Каз. 1899, стр. 57. — О томъ, что русскіе — народъ неполитическій, Крижаничъ говоритъ въ Разговорахъ, I стр. 231: наши люди нѣсуть честихлепливы: не напинаются много на владательство и потому легко ся владаютъ отъ чловѣка знадущего нихово уроженіе.

[2]) стр. 181.

ваютъ всякихъ слободинъ“ [1]). Славяне склонны все брать отъ иностранцевъ: „ничесо сами отъ себе мудро выдумать не можемъ“, всякимъ наукамъ и даже вѣрѣ христіанской мы учились у иностранцевъ. Но получая отъ нихъ добро, мы получаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и много зла. Зло, наносимое славянамъ иностранцами, проистекаетъ отъ трехъ причинъ: 1) большая часть того, что иностранцы предлагаютъ славянамъ, не вполнѣ отвѣчаетъ нашимъ потребностямъ, „не есуть праведна, но подмѣсна добра“; 2) они ничего не даютъ даромъ, и за все приходится платить лишнее; и 3) они и этимъ не довольны и, всякій разъ, когда они что нибудь даютъ даромъ или продаютъ, стремятся причинить намъ какое нибудь зло [2]). Но главная, коренная причина этого зла есть простота, безхитростность, довѣрчивость славянскаго характера; этимъ пользуются другіе народы и различными хитростями и обманами прельщаютъ славянъ. Выражается славянское чужебѣсіе, по мнѣнію Крижанича, 1) въ принятіи многочисленныхъ и ненужныхъ посольствъ и въ отправкѣ своихъ пословъ въ чужіе края, 2) въ приглашеніи къ себѣ на службу иностранныхъ войскъ и въ подражаніи иностранному военному строю, 3) въ допущеніи въ свое государство чужихъ бродячихъ народностей, 4) въ допущеніи къ себѣ иностранныхъ купцовъ и въ принятіи ихъ въ свое подданство, 5) въ допущеніи надъ собой власти и господства иностранцевъ, 6) въ заимствованіи отъ иностранцевъ ихъ знаменъ, гербовъ, военной терминологіи и законовъ [3]). Поддерживая этими разнообразными способами

[1]) I стр. 373, и далѣе.

[2]) I стр. 200—206.

[3]) Разговоры, стр. 519: Xenomania etiam est deceptio omnium sclavinorum propria et quodammodo innata. Quid est autem Xenomania? Est 1. Admittere ad se vel mittere a se Legationes nimias. 2. Admittere ad se et imitari modus Peregrinae militiae ineptae. 3. Admittere ad se Locustones sive gentes vagabundas. 4. Assumere sibi Peregrina Insignia: peregrinas principum et militarium officiorum appellationes: et peregrinas leges. 5. Admittere ad se alienigenos mercatores, milites

сношенія съ иностранцами, славяне думаютъ пріобрѣсти почетъ, богатство и силу, но какъ разъ во всѣхъ этихъ случаяхъ они бываютъ обмануты, и, вмѣсто ожидаемыхъ благъ, имъ достаются безчестіе, убытки и разореніе. „Покамѣста, говоритъ Крижаничъ, инородники имаютъ толико путовъ, причинъ и хитростей на обмамленіе насъ, нѣсть диво, аще суть насъ тако многократъ и мерзко потлачили. Нѣсть диво, аще есть чужебѣсіе тако многихъ отъ нашихъ владателевъ отъ ума звело и оглупило. Что мовлю многихъ? Всѣхъ, всѣхъ, просто даже до единого Словенскихъ кралевъ, князевъ и властелевъ есть той блудъ захвитилъ: всѣ суть ся на томъ камену потокнули" [1]). Въ особенности много зла причинили славянамъ нѣмцы. „Ни еденъ народъ подъ сонцемъ изкони вѣковъ нѣсть былъ тако изобиженъ и осрамоченъ отъ инородниковъ, якоже мы Словенцы отъ Нѣмцевъ. Ни еденъ адда народъ ся нѣмаетъ паче бречь отъ инороднического общенія, неже мы исты Словенцы. А еднакоже что ся дѣетъ, како ся мы брежемъ? Ни гдѣ подъ небомъ нѣмаютъ инородники ни половины тѣхъ честей и корыстей", какія они получаютъ въ славянскихъ земляхъ [2]).

— —

aut quoscunque et dare eis ius indigenarum. 6. Admittere ad se aut (quod omnium miserrimum turpissimumque est) sponte quaerere Xenarchiam. — Ср. стр. 514—518. Heresis politica 13: De Germanorum doctrina militari (рукоп.). Ср. II, стр. 281.

[1]) I, стр. 183 и 218. См. еще Разговоры, стр. 732: Aliae gentes non admittunt ad se reges alienigenas, sed arcent eos a se, quantum possunt et malunt mori, quam pati alienum dominum. Nos autem et venientes alienigenas admittimus et alios longe distantes . . . ut veniant ad regnandum. Aliae gentes non permittunt sibi ab aliis institui regna. Nos autem fabulam confinximus, quasi Cesar Germanorum instituisset Lechis regnum. Et istud putamus nobis esse gloriosum, quod est dedecus turpissimum. Aliae gentes non petunt ab aliis insignia titulosve regales neque sponte oblatos acceptant. Nostri autem heri a papa petierunt institui sibi regnum et non obstinuerunt. Et noster Wladimirus III-us a Cesare Graecorum missa insignia acceptavit. Et Cehorum principes se a Germanorum Cesaribus in reges . . . ridicule creari permiserunt. Taceo de Serborum et Bolgar. erroribus (рукоп.).

[2]) I стр. 182 и 276.

Страдаетъ чужебѣсіемъ и русскій народъ. Крижаничъ мрачными красками описываетъ то зло, которое терпитъ отъ иностранцевъ и инородцевъ Русь. „Отколѣ изходитъ гладъ, жажа, утиски, густы мятежи и разоренія и всякія нужи, туги и неволи сего народа Руского, аще не отъ инородниковъ? Что коли бъ изъ солзъ, потовъ, поневольныхъ постовъ, утисковъ и глободеринъ страшныхъ ся зграбляетъ отъ народа Руского, то все препирують Нѣмцы торговцы и полковники, Гречески торговцы, разныхъ народовъ послы и Крымски разбойники. Что коли ся чезъ толикія неволи издеретъ отъ Русовъ, то все пожерутъ инородники". Такъ много зла уже причинили инородцы Россіи, и все-таки имъ предоставляются такія льготы, какихъ они нигдѣ не имѣютъ, и этими льготами они пользуются опять-таки исключительно для своей выгоды и въ ущербъ русскимъ. „На Руси Нѣмцы и ины народы и всѣ держатъ обычаи, строй и законоставіе свое; и есуть богаты, могучи, честны, властели и крали. А напротивъ язъ не знаю ни единого чловѣка отъ нашего народа, кій межу инородникми живущь и свой законъ и строй обдержающь бы былъ пришелъ ко богатству или гъ знаменитой коей области"[1]). Признавая громадную важность для Россіи вопроса объ отношеніи государства къ иностранцамъ и инородцамъ, Крижаничъ не ограничивается однѣми только общими фразами, но стремится въ подробностяхъ и всесторонне изучить дѣло и, въ особенности, подробно разобрать, какое именно зло потерпѣла или терпитъ отъ иностранцевъ Россія, и выяснить причины этого. Поэтому національнаго вопроса, поскольку онъ имѣетъ отношеніе къ Россіи, Крижаничъ касается почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, а въ главномъ своемъ трудѣ онъ посвящаетъ ему цѣлый рядъ отдѣльныхъ главъ, а именно: разд. 10. „Отвѣтъ на инородческое лаяніе",

---

[1]) I стр. 182. Ср. стр. 207: здѣсь на Руси (опрочь царскія казны) нигдѣ нѣстъ видѣть ни слышать объ каковомъ богатству; но вездѣ есть бѣдная пустая нищета. Всяко сего царства благо, и весь сея земли тукъ и сласть инородны торговцы или воры износятъ, или при насъ глядящихъ бездѣльны изъѣдаютъ.

разд. 12. „Объ чужебѣсію“, разд. 13. „Коими начинми инородники бывають щетны“, разд. 14. „Объ снубокехъ русскіе коруны“, разд. 15. „Объ чужевладству“, разд. 16. „Каковые срамоты ся дѣють отъ инородниковъ“. Въ этихъ главахъ Крижаничъ указываетъ слѣдующія обиды, которыя наносятъ русскому государству инородцы.

1) Вмѣшиваютъ насъ въ свои войны, и сами въ наши войны вмѣшиваются, обѣщаютъ намъ помощь, а на дѣлѣ приносятъ пораженіе. Это вмѣшательство иностранцевъ въ наши дѣла выражается, прежде всего, въ томъ, что они предлагаютъ свою военную помощь, но подъ предлогомъ помощи наносятъ намъ вредъ. Крижаничъ, въ видѣ примѣра, указываетъ на смутное время, когда „Свѣды сами ся понудиша царю Василью Ивановичу помогать супроть Ляхомъ, а пришедши продаша царство непріятелемъ при Клушинѣ, а сами взяша Новградъ“ [1]). Но еще чаще бываетъ такъ, что они выжидаютъ окончанія военныхъ дѣйствій, а затѣмъ какая нибудь держава выступаетъ посредницей при заключеніи мирнаго договора, или даже мы сами приглашаемъ ее въ посредницы, и разумѣется, это посредничество оказывается не къ нашей выгодѣ. Войны (особенно—съ Польшей), которыя вела Россія во время Крижанича, могли бы дать ему хорошій матеріалъ для иллюстраціи этого положенія, но онъ нигдѣ не приводитъ примѣровъ, а высказываетъ свою мысль въ общей формѣ: „Инородны владатели вездѣ ся втычутъ въ наши дѣла и чинятъ ся нашими посредники, третьими судьями и мирительми. Кажутся, яко бы хотѣли межу нами миръ здѣлать; а они ни отъ рода не мыслятъ о нашемъ миру; но паче сѣютъ въ насъ межусобную незгоду, извѣдаютъ нашія тайности и добываютъ способовъ ко своимъ замысломъ“ [2]).

---

[1]) I стр. 184.

[2]) I, стр. 213. Ср. О Промыслѣ, стр. 85: Alius turpissimus et nostrae gentis proprius error est: quod in similibus tractatibus vel admittimus vel ipsi advocamus tertios aliquos reges aut principes, qui sint nobis arbitri et adiutores ad pacem componendam. Haec autem res

2) Иностранцы пользуются нашей неопытностью и обманываютъ насъ при заключеніи договоровъ; отнимаютъ у насъ все, что мы завоевали оружіемъ. Крижаничъ говоритъ: „Аще когда инородники будутъ отъ насъ предолѣны оружіемъ, тудже предолятъ насъ рѣчми... Тоже ся прилучаетъ намъ древѣ зъ Греки, а нынѣ зъ Нѣмцы. И всегда насъ своимъ хитродуміемъ облудятъ, да зъ ними учинимъ увѣты никако намъ не красотные. Тако бѣ учинено въ послѣднихъ и въ предпослѣднихъ увѣтехъ, кои ся учиниша межу симъ царствомъ и межу Свѣдми“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ Крижаничъ объясняетъ, въ чемъ именно заключались обманы Шведовъ: „Въ мирныхъ докончаньихъ Свѣды наряжаютъ облудные уговоры: да будетъ вольно Рускимъ торговцемъ во Свѣдской, а Свѣдскимъ въ Руской землѣ жить. Тѣмъ они сей землѣ многую убыль чинятъ. Нашимъ бо торговцемъ по многихъ числехъ, нѣстъ можно, ни совѣтно жить у Свѣдовъ“ [2]). Такимъ образомъ, обманъ, по объясненію Крижанича, состоитъ въ томъ, что въ договоръ включается условіе, которое,

unquam boni, sed semper magnas nobis impensas et damna et derisionem ac contemptum attulit (изд. Безсонова). — Ср. посредничество Австріи въ мирныхъ переговорахъ между Россіей и Польшей (Соловьевъ. Ист. Россіи, X, стр. 414—415).

[1]) I, стр. 209. Тоже въ Разговорахъ, стр. 487: Quotiescunque nos Russani cum Germanis bello decretavimus, semper fere victores fuimus; quotiescunque autem cum ipsis pacta inivimus, semper damna et dedecora gravissima passi sumus. Hoc praesertim apparet in pactis, quae facta sunt cum Suedis anno 7119 et postea anno 7170 (рукоп.).

[2]) I стр. 185. Ср. стр. 211: А Нѣмцы насъ облазниша и свѣту на смѣхъ выставиша въ томъ, что сицево увѣщаніе зъ нами учиниша, да Руски торговцы будутъ могли держать торговыя яты и свое оправники и храмы у Свѣдовъ и у иныхъ Нѣмцевъ, а да взаемъ Нѣмцемъ будетъ вольно на Руси держать своихъ оправниковъ и свое товары и яты. Покамѣста бо наши люди нѣмаютъ великихъ скелей и не знаютъ ихъ дѣлать, ни по морю ся возить, извѣстно быть ся видитъ, яко во вѣки не будутъ имали ятъ у Нѣмцевъ. А мимо того и не бы было полезно нашимъ людемъ онамо ходить: або становито бы ся со своею щетою домовъ повращало, яко нѣкои уже изъ отвѣданія ся научиша.

повидимому, одинаково выгодно обѣимъ сторонамъ, но которымъ русскіе, по особымъ обстоятельствамъ, воспользоваться не могутъ; выгоду получаетъ только противная сторона. Вообще, Крижаничъ находитъ, что дипломатическія сношенія Россіи съ иностранными государствами ничего не приносятъ ей, кромѣ вреда и униженія. Иностранные послы ведутъ дѣло не по чести, а стараются насъ перехитрить и обмануть; на-оборотъ, нашу простоту, дружелюбіе, любезность они обращаютъ въ „посмѣхъ и въ похулу". Посланники и резиденты, проживающіе въ Россіи, — не что иное, какъ шпіоны: высматриваютъ все, что имъ нужно, осмѣиваютъ насъ и мутятъ народъ [1]). Русскіе послы не обладаютъ такой изворотливостью и, потому, постоянно попадаютъ въ глупое положеніе и тѣмъ еще болѣе позорятъ свое отечество. А иногда случается и такъ, что иностранное правительство изъ одного факта присылки къ нему посольства уже извлекаетъ себѣ выгоду, давая передъ нашими врагами невѣрное освѣщеніе этому факту. Въ видѣ примѣра Крижаничъ указываетъ на русское посольство въ Венецію: „Бенетчаны хитрыми своими басеньми навѣщаша, да В. Господарь къ нимъ бяше отослалъ своихъ пословъ. А они тоя пригоды уживши на свою корысть, разсѣяша гласъ, яко бы В. Господарь былъ зъ ними учинилъ завѣтъ супроть Крымцемъ. За то Крымцы великъ гнѣвъ пріяша супроть сему царству, и Турскій царь имъ заповѣда никако не мирить ся, но воевать на Русь" [2]). Коротко говоря, мысль Крижанича можно резюмировать такъ: въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Россіей западныя государства не смотрятъ на нее, какъ на равную величину, поэтому не уважаютъ ее,

[1]) Тамъ же: Держатъ у насъ своихъ всегда пребывающихъ пословъ, кои ся зовутъ Резиденты, то есть Сѣдѣльцы, а ины ся зовутъ Консулы, то есть Смотрители для ради торговства. Тѣ всѣ нѣсуть ино, неже углядники, предавцы и осмѣвачи нашихъ вещей, враги дома кормлены и мутители нашего народа. Ср. стр. 186.

[2]) I стр. 210. О вредѣ дипломатическихъ сношеній еще Разговоры стр. 502 — 507 (рукоп.).

стремятся не къ обоюдной, а только къ своей выгодѣ, и слѣдовательно, для Россіи эти сношенія не только безполезны, но и прямо вредны.

3) Иностранцы стремятся завладѣть русскимъ престоломъ. Начиная отъ Ивана Грознаго, который, „хотячь себе учинить Варяжиномъ, и Нѣмчиномъ, и Римляномъ, или коего ни будь народа чловѣкомъ, лише да бы не былъ Русиномъ, ни Словенцемъ, желяше для ради того и зятя имать инородника",— Крижаничъ весьма подробно перечисляетъ и описываетъ тѣ случаи, когда была опасность, что русскій престолъ достанется иностранцу. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ либо самая инниціатива призванія иностранцевъ принадлежала русскимъ, либо иностранцы осуществляли свои замыслы при помощи русскихъ. Крижаничъ говоритъ, что у насъ нѣтъ той благородной гордости, которая предпочитаетъ умереть, чѣмъ подчиниться иностранному государю [1]; а если это такъ, если попытки овладѣть Россіей не встрѣчали должнаго противодѣйствія, то справедливо и его замѣчаніе, что „до сихъ добъ единый Богъ есть сохранилъ Рускую землю отъ чужевладства" [2].

4) Иностранцы, въ особенности—нѣмцы, развращающимъ образомъ дѣйствуютъ на русскіе нравы. Они осмѣиваютъ простоту, безыскусственность русской жизни, смѣются надъ русской одеждой, пищей, убранствомъ жилища и проповѣдуютъ роскошь и изнѣженность [3].

5) Иностранцы, и именно нѣмцы, разрушаютъ русское самодержавіе. Въ старое время, говоритъ Крижаничъ, всѣ государи были неограниченными самодержцами. Но затѣмъ нѣмецкіе князья, властели и боляры стали „добывать распустъ и слободинъ и своевольныхъ вольностей", такъ что въ концѣ концовъ уничтожили всю королевскую власть, и ни въ чемъ своимъ королямъ не покоряются. Своими идеями

---

[1] I стр. 196.

[2] I стр. 189—192.

[3] См. I разд. 21: „Объ трехъ общихъ кугахъ, коими Нѣмцы заражаютъ народовъ", гдѣ неоднократно говорится о русскихъ.

они заразили своихъ ближайшихъ сосѣдей—французовъ и итальянцевъ, а отъ нихъ зараза перешла и къ полякамъ. А такъ какъ русскіе очень часто сталкиваются съ поляками, то поляки и распространяютъ среди нихъ хулу на самодержавіе, хвалятъ „свое безрядное и многотиранское владаніе" и этимъ наносятъ вредъ русской идеѣ неограниченнаго самодержавія [1]).

6) Въ религіозномъ отношеніи большой вредъ приносятъ нѣмцы, распространяя свое еретическое лютеранское ученіе. Но еще большій вредъ приносятъ греческіе и, вообще, восточные іерархи—тѣмъ, что „всякія святости обращаютъ въ торговные товары и терсятся намъ Христа тысуче кратъ продать, коего Іуда лише едножды продаде". Они за деньги посвящаютъ въ санъ недостойныхъ людей, за деньги даютъ разводъ, отпускаютъ грѣхи, продаютъ святое муро; скитаются по Руси, выпрашиваютъ милостыню и вмѣшиваются въ церковныя дѣла, иногда къ тому же ложно выдавая себя за епископовъ [2]).

7) Въ области торговли и промышленности иностранцы приносятъ громадный вредъ, разоряя своей дѣятельностью коренное населеніе. По выраженію Крижанича, „всяко сего царства благо и весь сея земли тукъ и сласть инородны торговцы или воры износятъ, или при насъ глядящихъ бездѣльны изъѣдаютъ". Происходитъ это оттого, что иностранцы скупаютъ на Руси предметы необходимые и полезные, и при томъ по дешевой цѣнѣ, а продаютъ почти исключительно предметы роскоши: бисеръ, камни, часы и т. п. При томъ торговлю они ведутъ не честно и всегда стараются обмануть; если же въ какомъ нибудь городѣ пріобрѣтутъ силу, то выживаютъ оттуда русскихъ купцовъ и торговлю захватываютъ въ свои руки, а едва только наступаетъ тревожное время, опасность войны, они уѣзжаютъ изъ Россіи, увозятъ товары и тѣмъ увеличиваютъ дороговизну. Иностранные

[1]) I стр. 242.
[2]) I стр. 206 и 238.

ремесленники и мастера заводятъ свои промышленныя предпріятія, но русскихъ своему ремеслу не выучиваютъ, чтобы такимъ образомъ всегда держать ихъ въ рабствѣ; если и возьмутся выучить, то обманутъ: кое-что несущественное скажутъ, а главное скроютъ: „подадутъ прегорстіе овса, а за тѣмъ обѣдномъ обуздаютъ и обсѣдутъ насъ“ [1]).

8) Наконецъ, иностранное вліяніе гибельно отражается и на строѣ русскаго войска. Крижаничъ выражаетъ убѣжденіе, что для пользы военнаго дѣла необходимо, чтобы войско состояло исключительно изъ туземцевъ, чтобы изъ нихъ же были военачальники, и чтобы командный языкъ и вся терминологія были понятны войску. А на Руси почти все командованіе сосредоточено въ рукахъ иноземныхъ полковниковъ, которые русскаго языка не знаютъ; такимъ образомъ, у русскаго воина отнята всякая надежда когда нибудь достигнуть высшихъ степеней. Иноземный строй войска тоже мало пригоденъ Россіи: „При Божіей милости и при рускомъ строю есть добыта Казань, Астрахань и Сибирь. А при нѣмецкомъ строю лехко ся могутъ згубить тыя державы“ [2]).

Въ литературѣ высказывалось мнѣніе, что въ этихъ пунктахъ обвиненія, выставленныхъ Крижаничемъ противъ иностранцевъ, онъ перешелъ въ крайность; что ему видѣлся вредъ для Руси отъ общенія съ ними въ такихъ областяхъ, гдѣ этого вреда, можетъ быть, и не было, и что онъ, вообще, преувеличилъ враждебное отношеніе иностранцевъ къ русскимъ и ихъ замыслы противъ Россіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось и на то, что въ этомъ вопросѣ Крижаничъ судилъ по опыту западнаго славянства. Онъ признаетъ превосходство нѣмцевъ передъ славянами во многомъ, допускаетъ, что они могутъ улучшить бытъ и расширить знанія у славянскихъ народовъ, но онъ знаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что сношенія съ ними приносили славянамъ въ результатѣ

---

[1]) I стр. 208—209 и 215—216. Ср. стр. 3—4, 8, 9, 23 и друг.

[2]) I стр. 85, 89, 95, 100, 184, 214; II стр. 193 и друг. См. также О Промыслѣ стр. 93 и слѣд. (по изд. Безсонова).

одно только порабощеніе. И Крижаничъ страшится, чтобы того же не случилось и съ Россіей. Онъ убѣжденъ, что, если когда нибудь Россія погибнетъ, причиной этого будутъ только инородцы [1]). А такъ какъ время написанія трудовъ Крижанича совпадаетъ съ временемъ наплыва иностранцевъ въ наши войска и особенно свободнаго допущенія ихъ въ торговлю, то опасенія его получали особыя основанія [2]). Но съ точки зрѣнія политической важно не столько то, въ какой мѣрѣ его взгляды на иностранцевъ соотвѣтствуютъ исторической правдѣ, сколько самая его убѣжденность, его строгость и неумолимость въ національномъ вопросѣ. Эта убѣжденность объясняетъ намъ вполнѣ, почему Крижаничъ придавалъ такое большое значеніе тѣмъ препятствіямъ, какія ставились въ современной ему Россіи къ общенію съ иностранцами и иностранными государствами. Онъ считаетъ чрезвычайно цѣлесообразнымъ тотъ порядокъ, по которому пріѣздъ иностранцевъ въ Россію, какъ и выѣздъ русскихъ за границу, былъ принципіально запрещенъ, такъ что для того и для другого нужно было каждый разъ особое разрѣшеніе. Крижаничъ говоритъ: „Много премного нашему народу есть корыстенъ и надобенъ сей предобрый законъ, коимъ ся забраняетъ нашимъ подданникомъ скитаніе по чужихъ земляхъ и недопущается всякимъ инородникомъ прехажать и разглядать нашихъ державъ“ [3]). Это онъ называетъ „запертіе рубежей“. Характерно и важно еще и то,

[1]) I стр. 188: Аще ся Руское царство когда разоритъ, отъ тѣхъ прекрестовъ или пиховыхъ отродковъ имаетъ ся разорить. Или заисто тѣ сами хотятъ царство обладать на остуду всему нашему роду.

[2]) Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главн. дѣятелей, изд. 4 т. II стр. 446, 454 и др.; Д. Цвѣтаевъ, Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, М. 1890, стр. 770—773. Ср. Рогановича, назв. соч. стр. 60 и слѣд.

[3]) I стр. 333. Ср. стр. 211: Вторая добрая устава есть запертіе рубежей, что ся не припущаютъ инородники слободно и просто приходить въ нашу землю. И что наши люди не бываютъ препущены скитать ся извонъ кралества, безъ общихъ причинъ. — Ср. еще II стр 150 и О Промыслѣ, стр. 71—72 (по изд. Безсонова).

что Крижаничъ считаетъ это запертіе рубежей не случайнымъ какимъ нибудь закономъ въ Россіи, который въ данное время дѣйствуетъ, но котораго можетъ и не быть, а кореннымъ, основнымъ закономъ, опредѣляющимъ собою самый строй русской государственной жизни — въ такой же мѣрѣ, какъ его опредѣляетъ самодержавіе. Вотъ почему онъ говоритъ: „Сія двѣ уставы есуть двоя ноги и два столпа сего кралества и мораютъ ся свято соблюдать". Запертіе рубежей, по его выраженію, составляетъ „сердце и душу" русскаго государства. Ему Крижаничъ придаетъ значеніе большее, чѣмъ даже православію.

4. Крижаничъ, какъ извѣстно, имѣлъ свой взглядъ на сущность гражданской свободы; онъ различалъ ложную свободу, которая граничитъ съ произволомъ, съ полной распущенностью и ведетъ за собою угнетеніе однѣхъ общественныхъ группъ другими, а затѣмъ и рабство,—и свободу истинную, которая состоитъ въ равномъ для всѣхъ подчиненіи закону. Въ Россіи онъ видѣлъ признаки такой истинной свободы. Въ Россіи, говоритъ онъ, дѣйствуетъ правило „что никому нѣсть слободно жить бездѣльному илити что никто ся не можетъ опростить отъ общихъ народныхъ служобъ, отъ двора, отъ приказовъ, отъ ратныхъ выправъ: яко въ Нѣмцехъ премноги боляры и гражаны живутъ въ празнованію и въ разкошехъ, яко же древѣ онъ Сарданапалъ, либо яко кормны вепри, никому на свѣту некорыстны" [1]). Эти слова, всего вѣроятнѣе, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что въ Россіи всѣ сословія и классы людей несутъ свое тягло, исполняютъ службу народному и государственному благу, и, поэтому, нѣтъ людей, которые бы ни на какой службѣ не числились—ни при дворѣ царя, ни въ приказахъ, ни въ войскѣ. Въ Россіи вовсе не служить, по мнѣнію Крижанича, нельзя. Русскіе не могутъ, какъ въ Западной Европѣ, „въ Нѣмцехъ", жить внѣ службы, одними только до-

[1]) I стр. 233.

ходами съ своего имущества, и это закрѣпощеніе всѣхъ сословій Крижаничъ называетъ „забавленіе въ дѣлехъ всякаго стана людей“. Это есть „добрая устава“, одна изъ „твердностей“, на которыхъ держится русскій государственный строй [1]).

---

[1]) Любопытна еще защита рабства въ Россіи, которую находимъ въ Разговорахъ, стр. 472—475: Ob rabote ili ob hlapstwu. Sciendum est, quod apud Germanos et Lehos nullus homo liber vendit seipsum alteri in servitutem, neque quisquam dominus vendit alteri servum solum hominem nisi tantum cum domo simul et cum fundo. Vel homo liber accipit agrum ad colendum et ita alligat se servituti. Apud Iudeos autem in lege antiqua et apud Romanos et Graecos, tum paganos, tum postea christianos vendebant servos alter alteri: sicut nunc fit apud nos in Russia... Germani ergo et Lehi odiosissime traducunt ac maledicunt consuetudinem nostram quasi impiam et omni humanitati ac iustitiae contrariam, quod (ut ipsi aiunt) homines vendantur pro pecunia quasi immensa. Idcirco in immensum amplificant et exaggerant servitutem, miseriam et infelicitatem subditorum Russorum et dominos Russiacos demonibus ipsis crudeliores depingunt... Observandum est idem in aliis etiam populis et pro certo tenendum etiam pro nobis: quamdiu Russia illaesam conservabit legem servitutis, tamdiu per Dei gratiam poterit suam maiestatem, libertatem et statum conservare. Si autem (quod absit) aliquando lex servitutis convellet, periculum est, ne gens Russiaca incidat in eandem confusionem rerum, dissolutionem... xenarchiam ac ignominiam omnium gentium, in quam inciderunt Lehi (рукоп.).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Критика русскаго государственнаго строя.

При изученіи русской политической литературы, можно замѣтить, что представители ея не ограничиваются однимъ только изложеніемъ русскаго государственнаго строя, однѣми только попытками дать ему опредѣленную конструкцію; у нихъ замѣчается еще стремленіе отнестись къ этому строю критически, указать его недостатки, поставить русской государственной жизни тѣ или иныя задачи. Это относится не только къ такимъ писателямъ, которые, какъ Курбскій или Котошихинъ, склонны скорѣе къ порицанію, чѣмъ къ похвалѣ, и потому охотнѣе видятъ не достоинства, а недостатки русской жизни и русской верховной власти; мы замѣчаемъ эту черту также у такихъ писателей, которые склонны вообще къ оптимизму, къ возвеличенію русскаго государства, къ оправданію установившихся въ немъ порядковъ. Для подкрѣпленія этой мысли достаточно нѣсколькихъ примѣровъ. Старецъ Филоѳей въ своихъ посланіяхъ возводитъ Русь на степень третьяго Рима и, обращаясь къ в. к. Василію Ивановичу, говоритъ: „И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь". И затѣмъ продолжаетъ уже въ учительномъ тонѣ: „Подобаетъ тебѣ, царю, сіе держати со страхомъ Божіимъ; убойся Бога, давшаго ти сія: не уповай на злато и богатство и славу: вся сія здѣ собрана и на земли здѣ останутся". Въ соотвѣтствіи съ указанной заповѣдью Филоѳей предлагаетъ великому князю

исправить зло въ русской жизни, устранить изъ нея безнравственность и произвести нѣкоторую церковную реформу [1]). Тоже видимъ у другого публициста—Ивана Пересвѣтова. Въ своей челобитной къ Ивану Грозному онъ указываетъ великое мiровое значенiе Россiи, подчеркиваетъ высоту хранимыхъ ею идеаловъ, ея могущество. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ указываетъ и на то, что хранимые ею идеалы не получаютъ достаточнаго осуществленiя, что въ Московскомъ царствѣ „вѣра христiянская добра, всѣмъ сполна, і красота церковная велика, а правды нѣтъ", а „коли правды нѣтъ, то всего нѣтъ". Его не удовлетворяетъ Турецкое царство, хотя тамъ и торжествуетъ внѣшняя правда, но не удовлетворяетъ вполнѣ и русская жизнь, которая хранитъ святость вѣры, но не руководится ею: „Чтобы к той вѣрѣ христiянской да правда турецкая, іно бы съ ними ангели бесѣдовали. А к той правдѣ турецкой да вѣра христiянская, іно бы с ними ангели же бесѣдовали" [2]).

Крижаничъ продолжаетъ эти литературныя традицiи. Онъ съ любовью относится къ русскому государственному строю, признаетъ разумность положенныхъ въ основу его началъ, отдаетъ русскому государству предпочтенiе передъ многими другими, указываетъ Россiи великiя задачи и предсказываетъ ей великую будущность; но вмѣстѣ съ этимъ онъ критикуетъ строй государственнаго быта на Руси, признаетъ необходимость усовершенствовать его и предлагаетъ цѣлый планъ соотвѣтственныхъ преобразованiй. Многое въ русскомъ строѣ и въ русскихъ законахъ ему нравится, но многое и заслуживаетъ его порицанiя. И, прежде всего, съ порицанiемъ относится Крижаничъ къ установившейся на Руси формѣ правленiя. Совершено самовладство, или неограниченное самодержавiе онъ считаетъ лучшей изъ всѣхъ формой правленiя и радуется, что въ Россiи существуетъ именно эта форма, въ ней онъ видитъ главную причину

[1]) Прав. Собес. 1863, I стр. 337—348.

[2]) Сочиненiя Пересвѣтова, изд. В. Ржиги, М. 1898, стр. 63, 78 и друг.

могущества Россіи и залогъ ея великой будущности. Но онъ находитъ, что монархія на Руси давно и незамѣтно преобразовалась въ тиранское управленіе, которое онъ называетъ различными именами: неумѣрковано владаніе, круто владаніе, людодерство, окрутно, жестоко законоставіе. Крижаничъ приводитъ мнѣнія иностранцевъ о русскомъ государственномъ бытѣ, и въ этихъ мнѣніяхъ его тревожитъ не столько то, что иностранцы порицаютъ и бранятъ Россію, сколько то, что паденіе нравовъ, замѣчаемое на Руси, какъ неизбѣжное слѣдствіе искаженія государственныхъ началъ, иностранцы склонны объяснять свойствами славянской природы. Это унижаетъ и славянъ вообще, и русскихъ въ частности. Крижаничъ говоритъ: „Для ради людодерскихъ законовъ, у всѣхъ Европскихъ есть общенъ и згоденъ гласъ: сіе преславное царство быть тиранско. И надъ то велятъ: не поточно, но наивяще быть здѣсь тиранство". „Рускій народъ есть добылъ зло оглашеніе у иныхъ народовъ, кои пишутъ: яко де Русаки есуть скотского и оселского уроженія, и яко никакова добра не учинятъ, аще не будутъ палицами и батогми пригнаны, яко ослы. Сице пишетъ Олеаръ. Али вѣдь то есть сама ложь. Або Русаки есуть едного языка и едного народа и уроженія зъ остальными Словенцы, зъ Ляхми, съ Поднѣпрянми, съ Херватми и иными, кои непотребуютъ такова оселского владанія, но луче ся строятъ иными лагоднѣими способми. А что въ садашне время многи Руского народа люди ничесо не дѣлаютъ для ради почтенія, но все отъ страха казненія: причина есть то крутое владаніе, кое имъ и самъ животъ, камо ли не почтеніе, чинитъ мерзокъ. И становита есть истина: да бы ся самъ Нѣмецкій или кій коли инъ народъ сицевымъ крутымъ владаніемъ строилъ, всякій бы таковые же нашимъ сподобные и еще горшіе наравы пріялъ" [1]. Такъ думаютъ о Россіи и русскихъ чуждые имъ по крови и вѣрѣ европейскіе люди, главнымъ образомъ—нѣмцы. Съ ихъ мнѣніемъ

[1]) Разговоры I стр. 294—295.

Крижаничъ еще можетъ, такъ или иначе, примириться, можетъ не придавать ему особаго значенія: нѣмцы не любятъ русскихъ, потому что боятся ихъ, — ихъ отзывъ, слѣдовательно, навѣянъ чувствами ненависти и зависти и, потому, едвали можетъ быть вполнѣ безпристрастнымъ. Гораздо болѣе тревожитъ его то обстоятельство, что такого рода отзывамъ охотно вѣрятъ родственные намъ славянскіе народы. „Передавали намъ отъ нѣкоторыхъ людей, которые обыкновенно приходятъ сюда изъ странъ задунайскихъ, что, находясь въ своемъ отечествѣ, они всегда желали нашему государству всего лучшаго, и неустанно молили Бога о нашемъ спасеніи, и добрую нашу славу многократно защищали противъ ненавистниковъ нашихъ; при такомъ благорасположеніи къ намъ они во многомъ ошибочно и дурно о насъ мыслили и имѣли о насъ худшее мнѣніе, чѣмъ какое они составили позже изъ фактовъ, когда сами сюда пріѣхали. Именно, полагали они, что силы нашего царства далеко меньше, чѣмъ каковы онѣ, благодаря Бога, въ дѣйствительности; что наша политическая жизнь (politia) устроена совсѣмъ иначе и гораздо хуже, чѣмъ увидѣли ее позже сами, основанную на хорошихъ и твердыхъ законахъ. Но, по словамъ ихъ, они нѣкогда были въ такомъ заблужденіи, а много другихъ остаются въ немъ и до сихъ поръ вслѣдствіе клеветъ ненавистниковъ и злослововъ. Итакъ, если уже тѣ, кто связанъ съ нами единствомъ языка и вѣры, и по самой природѣ своей нѣкоторымъ образомъ къ намъ расположены, судятъ такъ неблагопріятно и ложно о нашей славѣ,—что же будутъ думать о насъ тѣ, которые сами по себѣ уже не желаютъ ничего хорошаго нашему государству и народу? Таковые, безъ сомнѣнія, должны думать, что государство наше всѣхъ бѣднѣе и слабѣе, что политическая наша жизнь самая неразумная, и войско наше самое плохое, и что государство наше легко можетъ быть побѣждено“ [1]). Неблагопріятное мнѣніе славянскихъ народовъ о русскомъ государственномъ строѣ,

[1]) II стр. 13—15, и выше.

несмотря на нѣкоторую его преувеличенность, заслуживаетъ особаго вниманія, ибо Россіи, какъ славянскому государству, сочувствіе другихъ славянскихъ народовъ необходимо для правильнаго развитія ея политики. Но и самъ Крижаничъ, во многихъ мѣстахъ, довольно рѣшительно и рѣзко высказывается о крутомъ владаніи, установившемся на Руси. Едвали можно здѣсь видѣть что нибудь иное, кромѣ случайнаго совпаденія, но Крижаничъ, говоря о крутости русскихъ государственныхъ порядковъ, охотно сравниваетъ ихъ, подобно Пересвѣтову, съ турецкимъ управленіемъ, при чемъ это сравненіе оказывается всегда не къ выгодѣ Россіи. „Да бы въ Турскомъ и Перскомъ кралествехъ не было сыноморства и властелемъ задавлянія тамо обычного, въ остальныхъ всѣхъ тяготахъ меньша есть тамо крутость, и меньше тиранство, неже здѣсь. Кои суть въ оныхъ земляхъ были, хотятъ сію рѣчь подтвердить“ [1]. Вообще же Крижаничъ считаетъ, что тираническое управленіе успѣло уже самымъ невыгоднымъ образомъ отразиться на многихъ сторонахъ русскаго быта, русской частной и общественной жизни, что оно испортило характеръ и нравственность русскаго народа. Точно также этимъ обстоятельствомъ, а не чѣмъ либо другимъ, объясняетъ онъ различныя неудачи, постигшія Россію въ области внѣшней политики, и видитъ въ этихъ неудачахъ наказаніе, посылаемое свыше. „Зарадъ того, читаемъ у него, суть ся заплодили въ семъ людству премерзки наравы: тако да ся Русаки отъ иныхъ народовъ сцѣняютъ быть обманны, невѣрны, нещадны на краденіе и на убойство, непочтены въ бесѣдѣ, нечисты въ житію. А откудъ то изходитъ? Оттудъ, что.... люди отовсюдъ и вездѣ есуть звязаны и ничесо не могутъ слободно дѣлать, и труда рукъ и пота лицъ своихъ не могутъ слободно ужить. Но все по тайну, и молчачь, со страхомъ и съ трепетомъ и зъ обма-

[1]) I стр. 295. Въ другихъ мѣстахъ Крижаничъ хвалитъ Турокъ за ихъ справедливость (I стр. 293), нравственность (II стр. 230), умѣренность (II стр. 317), бережливость (II стр. 333), скромность (De Providentia, стр. 59—60, рукоп.).

номъ мораютъ справлять и торговать и укрываться отъ тѣхъ толикихъ оправниковъ и выдорниковъ и потворниковъ или паче катовъ" [1]). И далѣе: „Круто владаніе есть причина, да есть Русь рѣтко осажена и мало людна. Могло бы на Руси двое тулико людей жить, кулико ихъ сада живетъ, да бы было умѣркованѣе владаніе" [2]). Во всемъ этомъ Крижаничъ видитъ бичъ Божій. „Для ради праведныхъ судовъ, Богъ наравитъ Турскому народу въ его грѣхехъ. Нѣсть адда диво, аще для ради тако неправедныхъ судовъ Богъ неустайно казнитъ Рускій народъ, и не отходитъ бичъ Божій отъ нашихъ хребтовъ, або мы не престаемъ правды бить и затирать" [3]). Но особенный гнѣвъ Божій виденъ на главныхъ русскихъ тираннахъ—Иванѣ Грозномъ и Борисѣ Годуновѣ. „Како пакъ Богъ казнитъ людодерцевъ? Отвѣтъ: отнемлетъ кралество отъ нихъ или отъ дѣтей и колѣна нихова... А здѣсь на Руси много знаменита (и всему народу окаяна и тужно памятна) есть прилика царя Ивана Василіевича. Сей царь не токмо бяше лакомъ и нещаденъ людодерецъ, но тоже и лютъ крутъ безбоженъ мясарь, корволокъ и мучитель. Зарадъ того, яко Ровоаму древѣ Іеровоама, тако царю Ивану Богъ есть возбудилъ токмеца болярина Бориса Феодоровича Годунова: и препустилъ, да отъ трехъ сыновъ самъ отецъ едного убилъ, другому есть Богъ умъ отнялъ и отродіемъ го нѣсть благословилъ, а третіего есть токмецъ малого уморилъ. И тако царство есть отпало отъ рода царя Ивана, и самого того колѣна есть нестало. А за тѣмъ, покамѣста царь Борисъ Феодоровичъ нѣсть поправилъ владанія, но паче возвысилъ самотержіе и всякое людодерство и церкви да грады зидалъ зграбленнымъ выдорнымъ благомъ; зарадъ того му есть Богъ возбудилъ токмеца, не краля ни болярина, ни именита чловѣка коего, но инока едного ускока и разстригу. Сей разстрига зъ малою громадкою людей, зъ

[1]) I стр. 296.
[2]) I стр. 297.
[3]) I стр. 293—294. Ср. I стр. 298.

шестью тысучь шишевъ есть царя Бориса (не своею силою, но Божьимъ поводомъ) царства избавилъ и отъ кручины умреть приморалъ и племя его затерлъ, а за тѣмъ и самъ... злымъ концемъ згинулъ" [1]). Однако на этомъ дѣйствіе Промысла Божія не остановилось, ибо самая смута, разореніе Московскаго государства и сожженіе Москвы — все это, по мнѣнію Крижанича, наказаніе за то же людодерство. Слѣдствіе крутого управленія Крижаничъ видитъ и въ многократномъ отпаденіи Малороссіи: „Ото вся поколѣнія илити всія державы Руского народа (Меньшая и Бѣлая Русь) бяху ся повратили гъ Давидовой кучѣ, къ Рускому своему кралеству, отъ коего зъ нѣколико вѣковъ бяху отторгнены. Первле бяху еднојжды отъ себе выбили Ляховъ, а за тѣмъ шагаво и прелестно завладаны отъ нихъ, опять ихъ бяху высѣкли въ году 7167, да бѣху тѣмъ посвѣдочили, яко ся въ вѣкъ не имаху подъ Ляшскую область повратить. Тогда собравшися въ соемъ, опять изъ нова царю господарю крестъ цѣловаша. Али что ся учини? Тоже, что древѣ при Ровоаму и Израильцехъ... Мои Украинцы и новы подданники, како скоро сего владанія законъ отвѣдаша, онъ же часъ скаяша ся и опять ся къ Ляхомъ повратиша, и яко ся вещи показуютъ, ни въ вѣкъ ся вяще не предадутъ на сію страну. За что? Для ради людодерства" [2]).

Когда же возникла на Руси тираннія? Когда произошло искаженіе правильныхъ, здоровыхъ началъ государственнаго быта, когда совершено самовладство перешло въ неумѣрковано, круто владаніе, въ людодерство? По мнѣнію Крижанича, начало тиранскому управленію положилъ Иванъ Грозный, а

[1]) I стр. 282—284. Ср. II стр. 238: Johannes Basilides et Borisses Godunius suis iniquis et crudelibus extorsionibus Russiam affixerunt; et hinc consecutum fuit universale excidium.

[2]) I стр. 284—285. Тоже I стр. 296: Якоже ономедне учиниша Поднѣперски Козаки, кои, будучь едного языка и вѣры зъ нами, еднакоже волятъ быть подъ Ляхми, неже подъ симъ господствомъ, для ради крутости здѣшнего владанія. — Малороссію же, вѣроятно, имѣетъ въ виду Крижаничъ и въ другомъ мѣстѣ: II стр. 52.

ближайшимъ продолжателемъ его политики былъ Борисъ Годуновъ. У Крижанича нигдѣ не говорится о томъ, чтобы тиранское управленіе встрѣчалось въ Московскомъ государствѣ когда нибудь до этихъ государей, и на нихъ онъ указываетъ, какъ на первыхъ русскихъ тиранновъ. „Царь Иванъ и царь Борисъ по томъ истомъ путу ходиша и для ради разсыпныхъ утратъ людодерскіе законы постановиша". „Кто есть былъ Рускій Ровоамъ? Царь Иванъ Васильевичъ: въ томъ, что есть постановилъ законы прекрутые и нещадные, на обтяжченіе подданниковъ. Другій Ровоамъ есть былъ Царь Борисъ Федоровичъ, кій есть оные же законы укрѣпилъ и примножилъ" [1]). Съ тѣхъ поръ и установилась въ Россіи тираннія и продолжается вплоть до царствованія Алексѣя Михайловича. „Тѣмъ же истымъ путемъ ся ведутъ вещи въ семъ кралеству, даже отъ времена царя Ивана Василіевича, кій есть былъ зачальникъ сему крутому владанію" [2]). Крижаничъ нигдѣ и ни въ малѣйшей мѣрѣ не оправдываетъ крутого управленія въ современномъ ему Русскомъ государствѣ, но, повидимому, его мнѣніе было таково, что это управленіе объясняется своеобразнымъ ходомъ русской исторіи. Круто владаніе есть печальнѣйшее явленіе въ русской жизни; печально, что оно возникло, печально, что оно укоренилось, — но лично на Алексѣѣ Михайловичѣ въ этомъ нѣтъ никакой вины. Въ рѣчи отъ имени Алексѣя Михайловича Крижаничъ говоритъ: „кіе кралество изкони вѣка въ превеликихъ тервогахъ и возрухехъ есть было поставлено. Послѣ Владиміра Великого безпречныя межусобныя рати народъ разбіяху. За тѣмъ наддоспѣша татары, кои кралество тако столчено лехко притиснуша и многа времена притишнено держаща и мало не задавиша. Доколѣ по великой Божіей щедротѣ в. к. Иванъ Дмитріевичъ [3]) есть началъ яремъ збіять; а за тѣмъ царь Иванъ Василіевичъ совершено го есть збилъ и привелъ кралество въ сей станъ и

[1]) I стр. 287, 304. Упоминаніе о тиранніи Ивана IV см. еще II стр. 328.

[2]) I стр. 285. Ср. I стр. 291, 374 и. друг.

[3]) Здѣсь у Крижанича ошибка.

въ мощь, въ коей е сада быть видите. Алити царь Иванъ безпречными ратьми забавленъ и по нараву нѣкако нещаднѣи и крутосерденъ бяше; за то нѣсть могелъ кралеству объ всячинѣ тако промыслить, како бяше треба, нить постановить наилучего законоставія, кое бяше надобно гъ долгому вѣкованію кралества и къ общей всѣхъ кралесчановъ блажености. За царемъ Иваномъ есть наступилъ сынъ умомъ скуденъ, а за нимъ приспѣло народное разореніе, кое есть зъѣло два царя и родъ нихОвъ затерло. Отецъ нашъ есть пріялъ кралество спустошено, разорено и преслабо и настоялъ есть всякими способми тако оно строить, дабы давныя мощи опять добыло. А по Божіей милости тако есть владалъ, да кралество за него къ вящей мощи есть пришло, еже есть и въ вѣкъ первле было, и по томъ онъ милу память у васъ, а при извонскихъ народехъ благочестиваго и милосердного краля имя есть стяжалъ. За что пакъ нѣсть поправилъ нѣкоихъ законовъ, коимъ бяше треба поправы, причина есть: або въ ономъ разореномъ кралества стану нѣсть могелъ онъ единъ на все доспѣть" [1]). Смыслъ этой рѣчи, очевидно, такой. Установленіе крутого владанія объясняется личными свойствами Ивана Грознаго, но не только ими: занятый постоянно походами и, вообще, дѣлами внѣшней политики, онъ не имѣлъ свободнаго времени внимательно присмотрѣться къ внутреннимъ дѣламъ, улучшить законодательство и управленіе, въ которое татарское владычество внесло безпорядокъ; затѣмъ наступило междуцарствіе, когда государство пришло въ полное разореніе,—разореннымъ его получила новая династія и своей первой задачей поставила укрѣпить его, сначала, внѣшнимъ образомъ и эту задачу свою, въ значительной мѣрѣ, и выполнила; реформа же законодательства, самаго быта государственнаго есть уже дальнѣйшая задача государственной политики.

Однако, въ чемъ же сущность русской тиранніи, въ чемъ состояло, въ чемъ проявлялось у насъ неумѣрковано круто

---

[1]) I стр. 308—309.

владаніе и людодерство? Главное проявленіе этого владанія Крижаничъ видѣлъ въ неправильной финансовой системѣ, которая вела къ ограбленію народа, и въ результатѣ которой народъ совершенно обнищалъ. „Да бы ся на единъ купъ знесли всія казны, которыя коли есуть собраны въ семъ кралеству по тѣхъ сильныхъ и людодерскихъ способехъ (мимо праведныхъ кралевскихъ приходовъ) отъ времени уже реченого царя Василіевича, да бѣху ся, мовлю, всѣ пѣнязи (кои отъ оного времена лише тако безбожно собраны) въ единъ купъ знесли; не бѣху могли зравнять ни надмѣстить десятыя части щетъ, которыя суть ся сему кралеству учинили, для ради того окрутного способа владанія“ [1]). Въ Московскомъ государствѣ главнымъ источникомъ доходовъ были государственныя монополіи, „самотержіе“, какъ называетъ ихъ Крижаничъ, и первое мѣсто между ними занимала винная монополія, въ формѣ царевыхъ кабаковъ. Кабаки то Крижаничъ и считаетъ причиной всего зла, на нихъ онъ преимущественно и ополчается. Вслѣдствіе того, что выдѣлка и продажа вина составляетъ монополію, частныя лица могутъ его приготовлять для собственнаго потребленія лишь съ особаго каждый разъ разрѣшенія, а чтобы получить это разрѣшеніе, люди выдумываютъ различные предлоги. „Отселѣ изходятъ пировны законы и обычаи: да окромѣ Свѣтлаго Воскресенія и иныхъ годовныхъ великихъ праздниковъ воведенъ есть бѣшенъ законъ, для ради празника Святого Миколы и строить пиры и буять да пьянчевать за едну и за двѣ цѣлыя недѣли. Оттолѣ же изидоша заговѣйны пиры, оттолѣ имянины, родины и крестины, оттолѣ поминанія тако часта, коими ся души паче обтяжчаютъ, неже облегчаютъ. Пьянствомъ бо и новымъ грѣхомъ не чистится старый грѣхъ. Оттолѣ наконецъ изходятъ и сами Дворски пиры, которые великіе господари наряжаютъ либо посломъ иностранскимъ, либо своимъ домашнимъ властелемъ и дворяномъ“. Вслѣдствіе запрещенія приготовлять вино

---

[1]) I стр. 285, и выше.

дома въ большемъ количествѣ, чѣмъ можетъ быть выпито въ нѣсколько дней, люди стараются выпить вино, какъ можно, скорѣе и пьютъ его черезъ силу. Бѣдные же люди, которые не имѣютъ средствъ приготовлять дома спиртные напитки, принуждены пить ихъ только въ кабакахъ; а такъ какъ не во всякомъ мѣстѣ есть кабакъ, то они лишены возможности пить по малу, и когда доберутся до кабака, то уже напиваются допьяна. Все это способствуетъ развитію въ народѣ пьянства, а оно, въ свою очередь, ведетъ къ еще большему обнищанію народа. Къ тому же цѣловальники, не получая достаточнаго жалованья, стараются себя вознаградить инымъ путемъ — спаиваютъ и обираютъ народъ. По выраженію Крижанича, не столько продано въ кабакахъ вина, сколько ради нихъ пролито народной крови [1]). Неправильная финансовая система выразилась еще въ разнаго рода судебныхъ пошлинахъ. По мнѣнію Крижанича, правосудіе, чтобы быть доступнымъ населенію, должно быть совершенно безплатно; въ Московскомъ же государствѣ правительство пользуется судомъ для обогащенія казны и тѣмъ подрываетъ самую идею суда. „Али что мы въ суѣ рѣчи тратимъ объ поправѣ судеческія неправедности, гдѣ само царя Ивана законоставіе есть явно неправедно? Что бо неправеднѣе ся можетъ вымыслить, неже отъ суда емать въ казну не вѣмъ каковые пресуды и правыя десятины? Нигдѣ на всемъ широкомъ свѣту не идетъ кралю никакова корысть ни приходъ отъ судовъ, токмо здѣсь на Руси ся есть появилъ той безбожный людодерскій и правдогубный законъ. Для ради праведныхъ судовъ, Богъ наравитъ Турскому народу въ его грѣхехъ. Нѣсть адда диво, аще ради тако неправедныхъ судовъ Богъ неустайно казнитъ Рускій народъ, и не отходитъ бичь Божій отъ нашихъ хребтовъ, або мы не престаемъ правды бить и затирать“ [2]).

Кромѣ неправильной финансовой политики, крутость

[1]) О кабакахъ и самотержіи см. I стр. 285, 287, 297—301 и друг.
[2]) I стр. 293—294.

русскаго владанія проявляется, по мнѣнію Крижанича, еще въ недостаточной закономѣрности приказнаго управленія. Эту незакономѣрность устанавливаетъ само правительство— тѣмъ, что со всѣхъ приказныхъ людей беретъ присягу — всѣми способами заботиться о казенномъ интересѣ. Крижаничъ говоритъ: „Въ прелютыхъ тиранскихъ царя Ивана законехъ первая наиглавнѣя быть ся видитъ она устава, коею всѣ приказники, державники и оправники царю господарю присягу чинятъ и страшно ся заклинаютъ: „яко язъ имярекъ во всякой зможной приликѣ, всякимъ способомъ, кій ся можетъ на свѣту выдумать, хочу господаревой казнѣ прибыли искать и никаковаго къ умноженію годного способа не опустить". Изъ сего бо беззаконного закона и изъ сея проклятыя клятвы по нужѣ слѣдитъ сіе голѣмо несподобіе: еже подъ царскимъ именомъ оны приказники тако для ради себе, яко для ради царя, всякимъ вымысельнымъ начиномъ томятъ, трапятъ, одираютъ окаяныхъ подданниковъ и никаковаго ко спустошенію годного способа не опущаютъ" [1]). Беззаконія, которыя чинятся на основаніи этой присяги, нельзя остановить никакими наказаніями, ибо всякое преступленіе, совершаемое приказными, есть только исполненіе присяги. Ее, думаетъ Крижаничъ, слѣдовало бы измѣнить или даже совсѣмъ уничтожить: присяга на вѣрность, которую даютъ всѣ подданные, дѣлаетъ излишней еще особую служебную присягу [2]). Другая причина отсут-

---

[1]) I стр. 291. Въ De Providentia Крижаничъ высказываетъ, отчасти, похвалу русскимъ финансовымъ порядкамъ. См. стр. 67: Hic in Russia severissime sunt ordinatae res quae pertinent ad gazam regiam; et si quis peccaverit contra gazam et deprehendatur, nullo modo evadet poenam. Et de hoc quidem gaudendum gratulandumque nobis est: quia gaza regis est gaza totius gentis (по изд. Безсонова).

[2]) стр. 305: Али та преповѣдь, и каково коли казненіе, ничесо не пособитъ. Або приказники всяко свое дѣяніе покрываютъ тѣмъ обличіемъ и именомъ объ примноженію царскія казны. На тулико да совѣтнѣе бы было отъ нихъ пріемать присягу, да бѣху рекли: Не хочу державляномъ изобижать супроть правдѣ, ни пустошить царскія отчины; неже что обѣщуютъ: хочу всякою силою множить казну.

ствія закономѣрности въ управленіи есть недостаточность жалованья, назначаемаго приказнымъ людямъ, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже полное его отсутствіе. Крижаничъ очень убѣдительно и горячо доказываетъ всю губительность такихъ порядковъ. „Другій мучительскій законъ есть сіе: еже высоки думники (тою выше реченою клятвою связаны) уѣзднымъ приказникомъ никаковыхъ оброковъ не отлучаютъ или тако малые отлучаютъ, да приказники никако ними проживать не могутъ. А при томъ заповѣдаетъ имъ ся цвѣтно и драгоцѣнно платье носить. А крѣпко имъ ся проповѣдаетъ посуловъ емать. Каковъ адда промыселъ бѣднымъ людемъ остаетъ на прожитіе? Ничто ино, неже воровство. Принужены бываютъ державники и цѣловальники и всяки оправники: правду изпродавать и зъ ворми свою особину уговарятъ. Прилика. Нѣкій державникъ, на самомъ своемъ пріѣзду въ державу, всему народу общеявно есть свою милость сицевымъ начиномъ обѣщалъ: яко чезъ все своего владанія время не хотяше не единого чловѣка смертію казнить. То есть (простымъ языкомъ говорячь): воруйте, братцы, слободно, разбіяйте, крадите и мнѣ дѣлъ приносите, и все вамъ будетъ просто. И то воры оныхъ мѣстъ съ четыре годы вѣрно исполниша. Частыя вѣсти объ зарѣзованію людей и объ тадбинахъ биваху, и люди со страхомъ во своихъ избахъ сыпаху, а николи ни единъ воръ не бяше смертію казненъ. Въ томъ промыслу онъ державникъ, и ины нему сподобны проповѣдаютъ быть царское милосердіе, а въ истинѣ ся обрѣтаетъ не милосердіе, но люто мучительство. Або гдѣ тати и разбойники есуть слободны, тамо остальны люди окаяно живутъ стужены: ни въ благу, ни въ животехъ своихъ безпечальны. А тому (яко смо рекли) есть причина, что ся приказнымъ людемъ не даетъ сподобна плача. Бѣдный поддьячій мораетъ въ приказу сѣдѣть чезъ весь

Алити по правдѣ говорячь, ни една, ни другая клятовъ нѣсть потребна, ни слушна: но довольна есть клятва или присяга объ вѣрности, коею суть должны вcѣ державляны.

годъ, всіе цѣлые дни, ни единого дне не изнявши, а много кратъ сѣдитъ и цѣлыя ночи; а изъ казны му идетъ алтынъ на день, или 12 рублевъ на годъ. А велятъ му ся на празники показовать въ цвѣтномъ платьѣ, на кое единое нѣсть доста оныхъ 12 рублевъ. А въ остальномъ, чѣмъ ся имаетъ кормить и одѣвать онъ самъ, и жена, и челядь? А живутъ еднаково. А изъ чесо живутъ? Лехко ся есть домыслить. Рекши изъ продаванія правды. Нѣсть адда диво, что на Москвѣ есть тако много воровъ, и разбоевъ, и людоморства; но паче есть диво, како еще люди праведны могутъ на Москвѣ жить. Въ Царѣграду есть людей зъ двое толико, сколько ихъ есть на Москвѣ, и народы и вѣры много различные и свражные, и море есть у граду, да есть лехко и мертвеца скрыть въ водѣ, и злодѣйцу убѣжать по водѣ же. А еднако же цѣлы годы преміяютъ, да ся въ Царѣграду не услышитъ ни лавка вломлена, ни храмъ выгабленъ, ни инъ каковъ разбой. А на Москвѣ ни недѣля не минетъ безъ таковыхъ вѣстей. Откудъ то походитъ? Отъ приказническаго наравленія. А откудъ такова приказныхъ людей худоба? Отъ недостатныя плачи или оброка, коимъ ся никако не могутъ преживать"[1]). Приведенное мѣсто очень характерно по множеству мыслей, въ немъ переплетающихся. Крижаничъ возстаетъ здѣсь противъ сантиментальности въ управленіи, противъ ложнаго милосердія, которое снисходительно относится къ преступнымъ элементамъ общества, не замѣчая, что это отражается жестокостью на остальной, здоровой части населенія. Объявляя заранѣе, что они не будутъ примѣнять крайнихъ мѣръ принужденія, правители, тѣмъ самымъ, предоставляютъ полную свободу и безнаказанность злой волѣ человѣка и уничтожаютъ всякія гарантіи безопасности и законности. Правда, Крижаничъ объясняетъ свою „прилику" не однимъ только ложнымъ пониманіемъ милосердія. Само правительство толкаетъ державниковъ на такую политику. Недостаточно оплачивая

---

[1]) I стр. 291—292.

трудъ приказнаго, дѣлая для него невозможнымъ удовлетвореніе потребностей, оно требуетъ, однако, чтобы государственный интересъ онъ ставилъ при этомъ выше своего собственнаго, т. е. иными словами, требуетъ отъ него подвига. Любопытно, что и здѣсь Крижаничъ проводитъ параллель между русскими и турецкими порядками. Въ Константинополѣ населеніе гораздо болѣе разношерстно, чѣмъ въ Москвѣ, тамъ больше элементовъ, враждующихъ между собою, и легче скрыть слѣды преступленія, а между тѣмъ преступленій совершается тамъ гораздо меньше. Объясняется это исключительно тѣмъ, что тамъ судъ и правительство неподкупны и твердо стоятъ на стражѣ законности. Продолжая свое разсужденіе, Крижаничъ разсказываетъ, что и въ Турціи когда то были порядки, подобные московскимъ, но Баязитъ, „первый краль Турскій", по совѣту своего шута, „говорлива дѣтца", поднялъ жалованье судьямъ до достаточной высоты и этой простой мѣрой возстановилъ правосудіе. „Тако есть пособлено судцемъ, объясняетъ Крижаничъ, и въ купѣ правдѣ, кая ся тогда изпродаваше; а оттолѣ луче и праведнѣе ся суды судятъ у Турковъ, неже гдѣ коли индѣ на свѣту. И сіе ся видитъ быть напвяща причина, за что Богъ тако долго терпитъ и презираетъ Турского народа нечестіе и иные грѣхи и препущаетъ ихъ тако долго кралевать и Христіанскіе народы изобижать" [1]. Изъ этихъ словъ видно, что неправедные суды Крижаничъ считалъ грѣхомъ не одной только Россіи. Требованіемъ же назначить опредѣленное жалованье воеводамъ и приказнымъ онъ сильно напоминаетъ Ивана Пересвѣтова, который, подобно Крижаничу, восхвалялъ Махметъ-салтана за то, что тотъ „оброчилъ велможъ своихъ іс казны своей, кто чего достоинъ, и далъ судъ во все царство" [2].

Итакъ, крутость русскаго владанія проявлялась, по изображенію Крижанича, во-первыхъ, въ ложной финансовой

---

[1]) I стр. 293.

[2]) Сочиненія, стр. 73.

политикѣ, которая вела къ обнищанію народа, и во-вторыхъ, въ отсутствіи законности въ дѣйствіяхъ суда и правительства [1]). Какой же отсюда слѣдуетъ сдѣлать выводъ? Крижаничъ, какъ извѣстно, признавалъ два вида тиранніи: тираннію, какъ образъ правленія, и тираннію, какъ форму осуществленія государственной власти. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ тиранническіе законы и управленіе, согласное съ ними; во-второмъ — „добрые" законы и управленіе, съ ними несогласное и основанное на личномъ произволѣ правительства. Къ которому же изъ этихъ двухъ видовъ подходитъ тираннія Московскаго государства? Изъ всего, что Крижаничъ говоритъ по этому вопросу, съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что это тираннія перваго рода. Кромѣ Ивана Грознаго и Бориса Годунова, онъ никого изъ русскихъ государей не обвиняетъ ни въ жестокости, ни въ произволѣ. Говоря о крутомъ владаніи на Руси, онъ охотно замѣняетъ это выраженіе другимъ: окрутно, жестоко, неправедно законоставіе [2]). Иными словами: крутое владаніе (управленіе) на Руси совершенно соотвѣтствуетъ крутымъ законамъ. Неправильная, грабящая народъ, финансовая политика и неправедные суды—не случайное явленіе и объясняются не личными качествами русскихъ государей, а основываются на законахъ. При этомъ мысль Крижанича, по всей вѣроятности, была та, что первоначально тиранническое управленіе возникло на Руси, какъ личный произволъ того государя, который и положилъ ему начало, т. е. Ивана Грознаго. При немъ была только тираннія въ управленіи, но ея не было еще въ законахъ. А затѣмъ, вслѣдствіе появленія на пре-

---

[1]) Изслѣдователи Крижанича, обыкновенно, не отдѣляютъ одно отъ другого эти два проявленія крутого владанія, а нѣкоторые даже ограничиваются въ изложеніи одними откупами и монополіями, совершенно опуская взгляды Крижанича на закономѣрность. См. Соловьевъ, Ист. Россіи т. XIII стр. 197—199; Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, т. II стр. 442 и слѣд. (изд. 4-ое); В. Водовозовъ, Патріархъ Никонъ и Крижаничъ (Русск. Школа 1878 № 12, прил. стр. II).

[2]) См. отдѣльныя замѣчанія I стр. 293, 298, 299, 301, 305 и др.

столѣ новаго тиранна — Бориса Годунова — тиранническое управленіе отразилось уже и на законахъ: появилась тираннія, какъ образъ правленія, какъ государственное устройство [1]). Что такова, вѣроятно, мысль Крижанича, доказывается еще и другимъ соображеніемъ. Если бы русскую тираннію онъ объяснялъ себѣ произволомъ русскихъ государей, въ частности—царя Алексѣя Михайловича, ему не было бы надобности строить планъ преобразованій и предлагать реформу законодательства; достаточно было бы обратиться къ Алексѣю Михайловичу съ наставленіемъ—убавить жестокости и произвола. Но Крижаничъ нигдѣ такого обращенія не дѣлаетъ. Онъ говоритъ: „царская доброта при злыхъ законехъ некорыстна" [2])—и пишетъ свой планъ преобразованій. Это вполнѣ опредѣляетъ его пониманіе русскаго крутого владанія.

Второй крупный недочетъ русскаго государственнаго быта Крижаничъ видѣлъ въ недостаточности мѣръ противъ иностранцевъ. Въ сочиненіи De Providentia Dei онъ обвиняетъ Русское государство даже въ богохульствѣ за то, что въ него безъ всякой необходимости допускаются инородцы [3]). Правда, сушествуетъ запертіе рубежей; но эта прекрасная мѣра еще невполнѣ достаточна [4]) и къ тому же совершенно

---

[1]) Ср. I стр. 298: А на конецъ конечный, тыя причины, которыя на початку вольно и слободно быша удуманы, неочутно обратиша ся въ законъ и въ нужу и будто въ непрестуино законоставіе.

[2]) I стр. 305.

[3]) стр. 66: Si quis in suo regno (nulla gravi necessitate compulsus) permittat Haereticos vivere, habitare, templa aedificare; nonne et hoc est gravis blasfemia? Haeretici enim moderni omnes blasfemant vel Deum ipsum vel Sanctissimam Genitricem et Sanctos Dei. Qui autem permittit malum, quod commode impedire potest, et qui non tollit scelus, quod tollere tenetur, non est immunis a peccato. Atqui hic in Russia sine ulla necessitate permittuntur habitare Alienigenae et Advenae Haeretici, qui nihil ad hoc regnum pertinent neque ei ullum bonum praestant sed mille damna et opprobria (по изд. Безсонова).

[4]) I стр. 367: Алити въ той мѣрѣ еще есть многъ недостатокъ бреженія въ семъ кралеству.

парализуется другими. Въ общемъ, русскіе относятся подозрительно къ иностранцамъ и неохотно допускаютъ ихъ въ свою среду; но, съ другой стороны, въ русское подданство свободно принимается всякій иностранецъ, если только онъ выразитъ желаніе перейти въ православіе. Этимъ иностранцы и пользуются: ложно показываютъ склонность къ православію, имъ вѣрятъ, и тогда они уже безъ всякихъ препятствій достигаютъ всего, что имъ нужно [1]). Этой свободѣ иностранцевъ содѣйствуетъ еще и другое обстоятельство. Какимъ то образомъ установился на Руси порядокъ, что, разъ только иностранецъ придетъ къ намъ, его уже не отпускаютъ и заставляютъ насильно оставаться въ Россіи. Многіе не могутъ понять, какой смыслъ этой мѣры, и что она преслѣдуетъ. Крижаничъ даетъ свое объясненіе. Этимъ правительство разсчитываетъ легче добыть себѣ иностранныхъ ремесленниковъ и военныхъ людей; насильно удерживая ихъ у себя, правительство имѣетъ возможность платить имъ меньшее жалованье и больше можетъ полагаться на ихъ вѣрность. Это содѣйствуетъ также тому, что наши государственныя тайны, которыя иностранцы могли узнать, не разглашаются по всему свѣту. Крижаничъ безъ труда опровергаетъ основательность этихъ соображеній: еслибы иностранцы могли разсчитывать на свободный отъѣздъ изъ Россіи, они охотнѣе бы шли къ намъ, и тогда ихъ услуги обходились бы дешевле; человѣкъ, котораго заставляютъ служить насильно, не можетъ быть вѣрнымъ слугою, а что касается сохраненія государственныхъ тайнъ, то иностранные послы и торговцы, все равно, ихъ разглашаютъ [2]). Свободу иностранцевъ въ другихъ

[1]) I стр. 213: Здѣсь пакъ на Руси для ради отчинъ и великихъ оброковъ еретики, и прогнанцы и измѣнники ложно показуютъ желѣніе крещенія и крещаются, а еднакоже остаютъ еретики и сему царству всегда невѣрны. — Раздѣлъ, въ которомъ находимъ эту мысль, называется: „Каковые срамоты и обиды ся дѣютъ намъ Словенцемъ отъ инородниковъ“, а параграфъ носитъ заголовокъ: „Нарожанство пріемлютъ на нашу срамоту“.

[2]) I стр. 367—368.

государствахъ Крижаничъ ставитъ въ связь съ республиканской формой правленія (см. выше гл. 5); любопытно, что свободу ихъ въ Россіи онъ объясняетъ отчасти, какъ слѣдствіе крутого владанія. Для него это звучитъ, до нѣкоторой степени, парадоксомъ. Русское правительство пустило къ намъ такое множество иностранцевъ все изъ той же ложной финансовой политики — въ разсчетѣ, что отъ иностранцевъ увеличится казенная прибыль; а бояре содѣйствовали въ этомъ правительству, будучи подкуплены иностранцами. Крижаничъ говоритъ: „для ради подарковъ древни думники учиниша, да на Руси бѣша инородникомъ даны всякія слободины и вольности, коихъ сами инородники жадаху и жадать могаху. Тако для ради негодныхъ подарковъ и для ради малыя (и на обличію токмо, а не въ истинѣ будущія) казенныя прибыли и много паче убыли сотвориша все ово кралество Нѣмцемъ подбирно“ [1]. А въ другомъ мѣстѣ Крижаничъ лишеніе иностранцевъ права отъѣзда объясняетъ тиранническими нравами Ивана Грознаго, къ которому иностранцы ни за какія деньги не шли на службу, а затѣмъ примѣнявшаяся при немъ мѣра, какъ и многіе другіе его порядки, вошли въ законъ [2]. Такимъ образомъ, недостаточное береженіе отъ иностранцевъ сводится къ тому же крутому владанію.

Вотъ все, что говоритъ Крижаничъ о недостаткахъ русскаго государственнаго быта. По всѣмъ его сочиненіямъ разсыпано еще множество отдѣльныхъ замѣчаній критическаго характера, но всѣ они касаются болѣе мелкихъ вопросовъ., напр. обученія войска, торговыхъ законовъ и т. п., и,

[1]) I стр. 294.

[2]) I стр. 368: Правая адда причина сего задержаванія есть царя Ивана тиранскій наравъ и зла прилика. Онъ бо, будучь корвникъ и ражатель людей, не могаше добыть инородныхъ слугъ либо рабовъ ни за каково мыто; а въ оно время болѣ неже нынѣ Русь бяше скудна реместниковъ, и зарадъ того царь ихъ мораше силою ловить и силою задержавать. Сія вещь за тѣмъ не разсужена неочутно есть пошла въ прилику и въ законъ, и непщится кралеству быть полезна, будучь му паче верло щетна.

во всякомъ случаѣ, не затрагиваютъ самыхъ основъ государственнаго строя, какъ его понималъ Крижаничъ, т. е. не относятся къ тѣмъ „столпамъ и подпорамъ", которые, по его пониманію, этотъ строй поддерживаютъ. Но зато, въ этихъ предѣлахъ, Крижаничъ считалъ свою критику настолько серьезной, указанные имъ недочеты русскаго государственнаго быта настолько значительными, что преобразованіе этого быта—и при томъ, существенное—ему казалось необходимымъ и неизбѣжнымъ. Въ раздѣлѣ „Объ поправленію тиранства и злого владанія" онъ говоритъ: „Адда краль, кій хочетъ и послѣ своея смерти народомъ быть доброчинецъ и себѣ славу всѣхъ грядущихъ вѣковъ заслужить, онъ мораетъ не токмо самъ быть доберъ, но тоже и добро законоставіе наряжать". И далѣе: „Хочьти бы краль былъ архангелъ, еднакоже аще оправники не будутъ воздержаны добрымъ законоставіемъ..., нѣсть можно забранить, дабы ся не чинили общены и несчетны грабежи, обиды и всякое людодерство" [1]). Иными словами: одной личной добродѣтели государя недостаточно, необходимо установить добрые законы, необходимы исправленія и преобразованія. Эти преобразованія необходимы, по мнѣнію Крижанича, для того, чтобы избавить Россію отъ позорнаго имени тиранніи, которымъ она пользуется у другихъ народовъ, и чтобы она могла исполнить назначенную ей Провидѣніемъ великую миссію освобожденія славянскихъ народовъ. Но преобразованія нужны и для улучшенія внутренняго ея состоянія: чтобы каждый зналъ свои обязанности и привилегіи, а также, чтобы въ духовныхъ дѣлахъ не могли на будущее время возникать раздоры, подобные тѣмъ, которые недавно были. Крижаничъ

[1]) I стр. 301—302. Тотъ же смыслъ и въ слѣдующемъ мѣстѣ Разговоровъ: Quae sunt causae malorum? Leges et consuetudines malae ac superstitiosae solent esse in omnibus regnis (et in tuo regno aliquando erunt) praecipue causae malorum. Si igitur tamen cognosceris in tuo regno esse aliquam legem, consuetudinem aut superstitionem (sive antiquam sive recentem), quae sit causa alicuius publici mali, tolle illam legem, consuetudinem et superstitionem (рукоп. стр. 534).

имѣетъ здѣсь, очевидно, въ виду реформу Никона и порожденный ею расколъ [1]). Такимъ образомъ, отъ предполагаемыхъ преобразованій Крижаничъ ожидаетъ и успокоенія всѣхъ классовъ русскаго общества, и обновленія внѣшней политики Россіи, и укрѣпленія ея могущества. Кромѣ раскола, и другія еще обстоятельства заставляли его признать преобразованія необходимыми и даже спѣшными: его смущали бывшіе въ царствованіе Алексѣя Михайловича бунты, и онъ опасался, какъ бы они не повторились, и при томъ—въ болѣе широкихъ размѣрахъ. „Не бѣхъ радъ быть пророкомъ, говоритъ онъ, алити (аще ся свѣтъ и чловѣческое уроженіе не премѣнитъ) за крѣпко и становито держу, яко и въ семъ царству хочетъ время прить, да весь народъ повстанетъ на обаленіе тѣхъ безбожныхъ людодерскихъ царя Ивана и царя Бориса законовъ; и то не безъ стервоженія и стореніа великихъ убытковъ всего народа: якоже ся тому явны предотечи и знаки показуютъ, три тервоги нашего времени, една Песковская и двѣ Московскія, и три измѣны, Поднѣперская, Березовская и Башкирская. Много адда совѣтнѣе бы было, дабы царь господарь самъ къ тому приглядалъ и просмотрѣніе учинилъ и поправилъ бы тые людодерскіе законы“ [2]). Опасаясь народнаго возмущенія, Крижаничъ считаетъ благоразумнымъ, чтобы царь взялъ въ свои руки дѣло преобразованія, чтобы они шли сверху, а не снизу, а для этого считаетъ необходимымъ приступить къ преобразованіямъ немедленно.

---

[1]) II стр. 70: Nunc ergo nunc maxime necessarium est mature occurrere lenociniis ac pestilentiae tentatorum et facere aliquam Declarationem Legalem. 1-o, Ut liberetur regnum nostrum ab infamia tiranniae et a periculis quae ex tali tentatione et calumnia accidere possent. 2-o, Ut unusquisque homo sciat statum et officium, meritum et debitum suum, utque ita omnes fiant contenti suo statu et suis privilegiis. 3-o, Ut in rebus spiritualibus nullae sint controversiae et ut cessent illae quae pridem invaluerunt. 4-o, Ut possimus facere salutaria federa, et per gratiam Dei, ut tandem aliquando gens Sclavinica liberetur a iugo Scitico.

[2]) I стр. 287—288.

Что именно такъ онъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ, это лучше всего видно изъ того, что въ различныхъ его сочиненіяхъ встрѣчаются обращенія къ царю Алексѣю Михайловичу, въ которыхъ онъ убѣждаетъ его приняться за исправленіе русской государственной жизни. Въ одномъ изъ такихъ обращеній онъ говоритъ: „Честитый царю, ты еси яко ангелъ Божій. Али твоего величества доброта не можетъ быть користна кралеству, како долго стоитъ то неправедныя клятвы выпрашаніе и та оправниковъ твоихъ превелика область. Паче же и твои наступники всѣ, хочьти бы были архангелы, еднакоже аще будутъ держали сицевые законы, не хотятъ ся мочь облюсть отъ злогласія всего свѣта, но отъ всѣхъ европскихъ народовъ будутъ сцѣнены быть тираны. Абовѣмъ, яко есть речено, оправническія худобы никако ся не могутъ воздержать, ни забранить, гдѣ будутъ таковы законы. И нѣсть доста речь, яко нещадно казненіе будетъ задавано оправникомъ. Або при тиранскихъ законехъ всегда есть много приликъ ко грѣшенію; а гдѣ суть толикія прилики ко грѣшенію, никаково казненіе нѣсть доста на отстрашеніе людей отъ преступанія. И всякій часъ будетъ треба на ряду держать токмо палоши и вѣшала. И первле хотятъ престать каты въ мученію, неже оправники въ чиненію злостей; якоже есмо видѣли въ сіе время въ денежныхъ ворехъ. Никаковъ адда инъ способъ ся не находитъ на уладненіе кралества, неже затерть законоставіе зло, а постановить добро. Тѣмъ бо путемъ и способомъ кралество ся хочетъ укрѣпить родонаслѣдникомъ твоего величества, во вѣки; а совѣсть твоя душная оправеднить ся хочетъ предъ Богомъ и предъ всѣмъ свѣтомъ, а владаніе будетъ очищено отъ злогласія идущего зъ лакомости, и зъ людодерства, а твое величество хочетъ стяжать наивящу славу и почтеніе предъ всѣмъ свѣтомъ, и подданники туликимъ доброчинствомъ задолжены будутъ конечно вѣрны, и рады да веселы хотятъ давать дани и мимообычайные поборы“ [1]). Въ другомъ обращеніи Крижаничъ говоритъ, что Русское царство изъ всѣхъ из-

[1]) I стр. 305—306.

вѣстныхъ государствъ самое молодое и потому еще не успѣло укрѣпиться добрымъ законоставіемъ. И что Римскому царству былъ его основатель Юліушъ, то Русскому — царь Иванъ Васильевичъ, а что Римскому были Августъ, Траянъ и Константинъ, то Русскому — можетъ стать царь Алексѣй Михайловичъ, „законоставецъ, устроитель и укрѣпитель“ [1]). Въ этихъ обращеніяхъ Крижаничъ убѣждаетъ Алексѣя Михайловича, что настало время коренныхъ преобразованій въ Московскомъ государствѣ, что само Провидѣніе какъ бы возложило на него эту задачу. Крижаничъ дѣйствуетъ здѣсь на честолюбіе Алексѣя Михайловича, обѣщая ему, если онъ возьметъ на себя эту задачу, славу у потомства. Въ другихъ мѣстахъ своихъ „Разговоровъ“ онъ обѣщаетъ ему, однако, и болѣе реальныя выгоды. А именно, во-первыхъ, когда сдѣланы будутъ всѣ исправленія въ законахъ, бояре и торговые люди получатъ удовлетвореніе своихъ нуждъ и желаній; тогда они помогутъ правительству выйти изъ финансоваго затрудненія, созданнаго мѣдной монетой, и возвратиться къ серебряной валютѣ, къ „повращенію сереберныхъ пѣнязь“. Во-вторыхъ, преобразованія отразятся благопріятно на внѣшнемъ могуществѣ государства, и это дастъ возможность быстро закончить войну съ Польшей и добиться принятія царевича на польскій престолъ. И, наконецъ, въ третьихъ, „народы, кои ся сада боятъ сего владанія, яко бѣса и ада, оттолѣ хотятъ и жадать жить за твоимъ, царю честитый, тако благимъ, разумнымъ и милосерднымъ господствомъ“. Очевидно, эти „народы“ — не что иное, какъ Малороссія, которая должна окончательно присоединиться къ Москвѣ [2]).

[1]) II стр. 4. См. также стр. 1, 8, 48, 130, гдѣ Крижаничъ также возлагаетъ надежды на Алексѣя Михайловича.

[2]) I стр. 306. Такой же намекъ на Малороссію см. II стр. 48: Nimirum prohibere volumus omnes causas, quae aliquo modo sive nostros subditos, sive vicinos populos possent exacerbare et regno nostro severitatis seu tiranniae calumniam creare et homines a nostro regimine deterrere; sicut hactenus alicubi factum esse comperimus; dum aliqui ob imperite et immerito conceptam severitatis opinionem nostrum imperium subire metuebant.

Говоря коротко, въ случаѣ принятія предложеннаго имъ плана преобразованій, Крижаничъ обѣщалъ Алексѣю Михайловичу разрѣшеніе всѣхъ труднѣйшихъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики. Всѣ затрудненія должны тогда окончиться, и всѣ надежды и мечты московскаго правительства должны получить полное осуществленіе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Планъ преобразованій.

Крижаничъ не сомнѣвался въ успѣхѣ своей проповѣди. Онъ не сомнѣвался, что, если только проекты его дойдутъ до царя, они сами собою убѣдятъ его въ необходимости приняться немедленно за дѣло преобразованій. Степень увѣренности Крижанича въ этомъ вопросѣ лучше всего видна изъ того, что онъ составилъ даже для Алексѣя Михайловича рѣчь, которую тотъ долженъ былъ говорить народу или земскому собору, созванному для исправленія законовъ. Въ этой рѣчи царь обращается къ народу съ увѣреніемъ, что онъ и его предки всегда горячо заботились о благѣ народа, что были, однако, причины, которыя мѣшали до сихъ поръ правильному устроенію государства, но что теперь настало время исполнить недодѣланное прежними царями. И, затѣмъ, Крижаничъ, продолжая эту рѣчь, излагаетъ отъ имени царя весь свой планъ преобразованій [1]). Эта рѣчь не можетъ быть разсматриваема, только какъ литературный пріемъ. Крижаничъ въ своей наивности думалъ, что, разъ только Алексѣй Михайловичъ приметъ его планы, онъ и рѣчь скажетъ ту, которую Крижаничъ ему приготовилъ, и не менѣе наивно предлагалъ кое-что измѣнить, если понадобится, въ этой рѣчи [2]).

Крижаничъ писалъ свой проектъ въ Россіи; онъ хоть недолгое время побылъ и въ самой Москвѣ. Онъ видѣлъ и

---

[1]) I стр. 307 и слѣд. Ср. II стр. 29 и слѣд.

[2]) I стр. 307: А бесѣду сію, либо иную пригожѣю, можетъ царь господарь или самъ къ людемъ изговорить, или чезъ коего болярина обвѣстить, или на писму подать.

слышалъ, что всякое преобразованіе и исправленіе, всякое повшество, даже незначительное и несущественное, встрѣчало въ нѣкоторой части общества глухой ропотъ или даже открытое противодѣйствіе. Онъ зналъ, что Алексѣй Михайловичъ, какъ человѣкъ умный и осторожный, считалъ необходимымъ принимать въ разсчетъ эти общественныя настроенія; что онъ всякое задуманное имъ дѣло проводилъ медле́нно, постепенно и старался, гдѣ только могъ, дѣйствовать на людей своимъ убѣжденіемъ. Крижаничъ, поэтому, понималъ, что для успѣха дѣла мало одного сочувствія со стороны Алексѣя Михайловича; необходимо заручиться и сочувствіемъ общества, главнымъ образомъ — ревнителей старины, необходимо и ихъ убѣдить въ неизбѣжности, дозволительности и цѣлесообразности предполагаемыхъ преобразованій. Этихъ ревнителей старины Крижаничъ очень удачно называетъ „старинниками“. Ихъ онъ тоже хочетъ убѣдить, хочетъ и ихъ привлечь на свою сторону. Съ этой цѣлью онъ разсматриваетъ и старается опровергнуть тѣ возраженія, которыя, какъ ему кажется, можетъ вызвать со стороны старинниковъ дѣло преобразованія и исправленія законодательства. Самое простое, что могутъ сказать старинники, это то, что Русь до сихъ поръ стояла „безъ мудрыхъ уставъ, безъ умѣтелей и безъ иныхъ подпоръ“, значитъ и „впередъ можетъ стоять безъ нихъ же“. Но, говоритъ Крижаничъ, безъ хлѣба и безъ соли тоже люди могутъ существовать, но только плохо. Конечно, и Русь можетъ дальше стоять въ своихъ тревогахъ и напастяхъ, въ нищетѣ и въ презрѣніи у всего свѣта; но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, какъ устроить, чтобъ она пользовалась счастіемъ. Кажется, Крижаничъ нѣсколько переоцѣниваетъ силы своихъ противниковъ, потому что дальше онъ представляетъ себѣ, что ему могутъ въ видѣ возраженія привести цитату изъ Макіавелли. А именно, онъ разсматриваетъ ту мысль, что государства сохраняются тѣми же способами, какими они возникли: „А что намъ припоминаетъ она прича, кая велитъ: Коими умѣтельми ся добываютъ, оными же ся и сохраняютъ

кралества". По мнѣнію Крижанича, эту мысль нужно пони мать въ узкомъ смыслѣ; она относится только къ тѣмъ лицамъ, которыя какою нибудь хитростью захватили въ государствѣ власть: они, дѣйствительно, не должны, безъ необходимости, ничего измѣнять въ законахъ и порядкахъ государства, въ которомъ они укрѣпились [1]). Но въ этомъ изреченіи ничего не говорится, какъ долженъ укрѣплять свое государство весь народъ, чтобы достигнуть благосостоянія. Макіавелли имѣетъ въ виду тѣ государства, въ которыхъ правитель противополагаетъ свои интересы интересамъ народнымъ, но къ Россіи это не имѣетъ никакого отношенія [2]). Эти соображенія свои и возраженія старинникамъ Крижаничъ дѣлаетъ почти мимоходомъ въ той части своего труда, гдѣ излагается самый планъ преобразованій. Впослѣдствіи же онъ прибавилъ особую главу: „О суевѣріи старинниковъ, или о старинѣ и новизнѣ" [3]). Здѣсь онъ разсматриваетъ вопросъ подробнѣе и развиваетъ какъ бы цѣлую теорію законодательныхъ реформъ. Въ политикѣ и въ искусствѣ управленія, говоритъ онъ, одинъ народъ учится мудрости у другого, и то, что у одного народа было старымъ, у другого становится новымъ. Такъ, древніе римляне получили свои законы отъ аѳинянъ, венеціанцы составили свои законы по образцу римскихъ; тоже было у нѣмцевъ, поляковъ и другихъ [4]). Государства, подобно людямъ или деревьямъ, имѣютъ

[1]) Толкованіе Макіавелли, къ слову сказать, вполнѣ правильное и согласное съ текстомъ.

[2]) I стр. 380—381.

[3]) Articulus de Archaistarum superstitione, sive de antiquitate et novitate.

[4]) Разговоры, стр. 546: in ipsa politica et gubernandi arte unus populus discit sapientiam ab altero, et quid apud unum populum fuit antiquum, id apud alterum incipit esse novum. Veluti factum est, quando antiqui Romani acceperunt ab Atheniensibus leges reipublicae. Veneti autem suas leges fecerunt ex intuitu romanarum. Germani Noribergenses acceperunt leges a Venetis. Poloni acceperunt leges pro oppidis a Saxonibus, quamvis in hoc facto minime sunt laudandi, quia leges saxonicae non sunt idoneae pro Lehis (рукоп.).

свои возрасты. Поэтому, какъ у человѣка только съ возрастомъ возникаетъ необходимость прибѣгать къ лѣкарствамъ, такъ и государства, въ опредѣленную пору своей жизни испытываютъ нужду въ исправленіяхъ и преобразованіяхъ. Старинники говорятъ: всякая новизна въ законодательствѣ ведетъ за собой измѣненіе и въ нравахъ, а это уже всегда является причиной безпорядковъ въ государствѣ (turbatio) и, вообще, многихъ бѣдъ; слѣдовательно, всякая новизна есть зло. Но человѣкъ благоразумный отвѣтитъ на это такъ: новые законы вносятъ новые нравы — иногда дурные, но иногда и хорошіе; вносятъ измѣненія — въ нѣкоторыхъ случаяхъ дурныя, но въ нѣкоторыхъ и хорошія; вносятъ безпорядки и смятеніе, но иногда вносятъ и успокоеніе; бываютъ причиной большого зла, но бываютъ причиной и большого добра. Слѣдовательно, новизна не всегда бываетъ вредна, но очень часто—полезна и необходима. Всякое улучшеніе, какъ и всякая порча, въ существѣ своемъ есть измѣненіе и новизна[1]). Крижаничъ, въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, ссылается на примѣръ сибирскихъ инородцевъ. Остяки, самоѣды, калмыки не принимаютъ крещенія, не знаютъ упо-

[1]) Разговоры, стр. 547—548: Errant igitur vehementer, qui putant, nullam novam curam debere adhiberi regno: Quia sicut multi hominum in iuventute fruuntur bona valetudine et non indigent medicamentis; postquam autem maturuerunt, quo magis ad senectutem appropinquant, eo magis habent opus medicinis, ita et regna maturescendo incipiunt indigere remediis et auxiliis, quibus aliquando minus indigebant. Cum tempore enim nascuntur in regnis quaedam corruptiones, quemadmodum in corpore morbi et apostemata (рукоп.). — Тамъ же, стр. 549: Archaistae dicunt: Nova consilia inducunt novos mores et rerum mutationem et regni turbationem, et solent esse causa multorum malorum. Ergo omnis novitas est mala. Vir autem prudens ad ipsos respondebit hoc modo: Nova consilia inducunt novos mores; sed interdum malos, interdum bonos. Inducunt mutationem; sed alias malam, alias bonam. Inducunt interdum turbationem; interdum autem inducunt tranquillitatem. Solent esse causa multorum malorum; solent etiam esse causa multorum bonorum. Ergo novitas non semper est mala; sed saepe est bona et necessaria. Quidquid fit peius, mutatione seu novatione fit peius; et quod fit melius, pariter novatione fit melius (рукоп.).

требленія хлѣба и соли, не строятъ домовъ. Если бы кто нибудь имъ сказалъ: оставьте почитаніе демоновъ, признайте истиннаго Бога, примите крещеніе, введите употребленіе хлѣба и соли, стройте дома, а они на это отвѣтили бы, что хотятъ остаться со своими демонами, какъ они жили до сихъ поръ, хотятъ сохранить свою старину, ибо всякая новизна есть зло, — спрашивается: хорошо ли бы они отвѣтили? Совершенно также говорятъ старинники: жили мы до сихъ поръ хорошо со своимъ невѣжествомъ, съ церковными раздорами, безъ науки, безъ ученія—значитъ, и дальше можемъ такъ жить. Да, говоритъ Крижаничъ, если хотимъ жить, какъ живутъ остяки: безъ хлѣба, безъ соли, безъ крещенія [1]. Но все, что теперь намъ представляется старымъ, когда то было новымъ. Привычки людей постоянно измѣняются, и у русскаго народа, въ его нравахъ и обычаяхъ, много новизны, и при томъ — вредной; только новизна эта введена не законами, а самимъ народомъ, вслѣдствіе его невѣжества и разныхъ злоупотребленій. Время освятило эту новизну, и теперь она уже имѣетъ авторитетъ ста-

[1]) Разговоры, стр. 549—550: Considera exemplum. Ostiaci, Samoedi, Calmici aliique Sibirienses populi non baptizantur, non habent usum panis et salis, non fabricant domos. Istis si quis suaderet ac diceret: Dimittite cultum demonum, adorate verum Deum, suscipite sanctum baptismum, seminate frumentum, manducate panem, fabricate domos. Illi autem responderent. Hactenus viximus cum nostris demonibus, sine Deo vero, sine baptismo, sine pane et sine sale; ergo etiam post hoc vivemus sine istis. Antiquitatem conservamus, novitatem nolumus: omnis novitas est mala. Quaero nunc ex te: benene isti responderent? Quod iudicas de istorum responsione; idem iudicium fac de istis archaistis et sofiomachis, qui damnant omnem doctrinam et novitatem et meliorationem in republica. Dicunt ipsi: Hactenus bene viximus cum nostra ignorantia, cum discordia in rebus ecclesiasticis, cum nationum omnium opprobriis; sine doctrina, sine scientia, sine respectu, cum totius mundi iudicium (iudicio?), quid de nobis mundus iudicaret, aut diceret. Ergo et posthoc bene vivemus sine istis novis curis et consiliis. Respondetur. Scilicet vivemus, sicut vivunt Ostiaci, sine pane, sale et baptismo (рукоп.).

рины[1]). Изъ всего можно сдѣлать и хорошее, и дурное употребленіе. Огонь, желѣзо, вино могутъ много зла причинить людямъ; но если бы кто нибудь отсюда сдѣлалъ выводъ, что огонь, желѣзо и вино суть вредныя вещи, то онъ впалъ бы въ грубую ошибку. Точно также и новизна: она нежелательна, когда вводится что нибудь вредное, но она въ высшей степени желательна, когда вводится что нибудь полезное для цѣлаго народа. Въ особенности это относится къ законамъ, нравамъ и обычаямъ. Когда люди съ излишнимъ рвеніемъ охраняютъ старину, очень часто оказывается, что прежніе добрые нравы незамѣтно уступаютъ мѣсто новымъ, и при томъ — дурнымъ. И тогда вредная новизна пользуется уваженіемъ подъ именемъ доброй старины[2]). Крижаничъ раз-

---

[1]) Тамъ же, стр. 550: Omnia, quae nunc sunt antiqua, aliquando fuerunt nova. Veluti baptismus et ipse panis salisque usus nostris maioribus aliquando fuit novus. Mundus est in perpetuo fluxu, et per omnes aetates mutantur hominum quorumlibet consuetudines. Etiam in hoc regno multa nova sunt introducta, tum in moribus secularibus, tum in ipsa religione. Idque non per leges principum; sed per ignorantiam aut per abusum vulgi, sensim et quasi nemine advertente, et plerumque ex conversatione Germanorum aliorumque alienigenarum. Talis est nimius usus unionum in viris... et quaedam alia parum laudabilia. Et de istis nemo conquerit, nemo graviter ea fert, quia sunt antiqua, ideo putantur esse bona, cum sint pessima. Et tamen haec ipsa aliquando fuerunt nova (рукоп.).

[2]) Тамъ же, стр. 550—552: In omnibus rebus est usus et abusus. Hoc est: omni re possumus bene et male uti; solum peccatum non potest converti in bonum: verbi gratia, nunquam licet furari, etiamsi quis ideo vellet furari, ut faceret eleemosinam. Igne oppida exuruntur, ferro homines occiduntur, aquis suffocantur, vino inebriantur. Hinc posset quis dicere: ergo malus est ignis, malum ferrum, mala aqua, malum vinum. Verum talis male concluderet, quia igne, aqua, vino et ferro ad infitos vitae usus opus habemus et eis non semper ad malum, sed multo saepius ad bonum utimur. Bonus est ferri usus, si homo innocens defendit se gladio a latrone. Malus autem est ferri usus, si latro utitur gladio ad necem viatorum. Mala est novitas, si quis quid mali nititur invehere. Bona autem est novitas, quando introducitur aliquod novum emolumentum publicum, toti genti vehementer utile, honorificum, necessarium et gloriosum.... Morales autem res, scilicet leges,

сматриваетъ, какія возраженія можетъ встрѣтить новизна съ точки зрѣнія религіозной, и находитъ, что серьезныхъ возраженій и съ этой стороны опасаться не слѣдуетъ. Церковь уподобляется винограднику. Но виноградникъ требуетъ постояннаго воздѣлыванія; иначе онъ заростаетъ сорными травами и перестаетъ давать плоды. Такъ и рядомъ съ истиннымъ благочестіемъ выростаетъ незамѣтно ложное благочестіе и суевѣріе. Поэтому религія нуждается въ постоянной заботѣ со стороны пастырей, чтобы она не заглохла отъ новыхъ суевѣрій, которыя потомъ будутъ выдавать за старую вѣру. И здѣсь добрую старину можно сохранить только при помощи доброй новизны. Такъ учили и отцы церкви; они запрещали измѣнять что нибудь въ древней вѣрѣ, но допускали измѣненія въ обрядахъ, обычаяхъ и канонахъ [1]).

mores, consuetudines, per apertam novitatem aequali facilitate tam in melius, quam in peius mutantur. Quando autem homines alicubi antiquitatem nimis superstitiose conservare velle profitentur, plerumque accidit, ut unsensibiliter et inadvertenter antiqui boni mores commutentur in novos malos; et iam novitas perniciosa sub nomine sanctae antiquitatis colatur (рукоп.).

[1]) Тамъ же, стр. 552—553: Ecclesia sancta comparatur vineae et agro et horto. Vinea si non continuo colitur, vites bonae degenerant in silvestres labruscas, et nullum bonum fructum ferunt. Hortus si non purgatur assidue, apud olus bonum adnascuntur herbae noxiae et suffocant olera. Ita apud veram pietatem (ubi non est in pastoribus perpetua vigilantia et admonitio) semper adnascuntur superstitiones seu falsae pietates. Ager, qui non saepe aratur, primo completur arbustis, deinde vero alta in eo silva excrescit. Et tum iam homines, postquam ager periit, silvam ipsam vocant antiquam. Ita religio, si non excolitur per assiduam pastorum curam et doctrinam et si indefessa quadam doctrinae cultura ager iste fidei non exercet, absque dubio adnascuntur ei pessima superstitionum lolia et postea nova superstitio appellatur antiqua fides.... Res humanae nunquam in eodem statu permanent. Ut autem permaneant, opus est perpetua cura, vigilantia et motu perpetuo. Non potest conservari bona antiquitas sine bona novitate. Nota bene: semper opus est nova provisione, ut conserventur antiqui boni mores. Dicet aliquis: sancti patres vehementer praedicant et laudant antiquitatem, novitatem autem damnant et clamant, nihil esse novandum. Respondetur 1°. Nos debemus recte intelligere, quid patres

Итакъ, важно различать не старину и новизну, а добро и зло. Нѣкоторыя вещи хороши независимо отъ того, представляютъ ли онѣ старину или новизну, а нѣкоторыя — дурны — все равно, будутъ ли онѣ старыми или новыми. Гдѣ дѣйствуютъ хорошіе законы, гдѣ всѣ сословія довольны своими правами и своимъ положеніемъ, тамъ правительство должно остерегаться вводить какія нибудь новшества. Но гдѣ законы плохи, гдѣ и царь, и народъ испытываютъ постоянно чувство недовольства, тамъ не только не слѣдуетъ страшиться перемѣнъ и нововведеній, но слѣдуетъ стремиться къ нимъ. Однако слѣдуетъ стремиться и въ этомъ случаѣ не къ какой нибудь новизнѣ, но только къ новизнѣ полезной; при томъ новизну эту нужно вводить законными мѣрами, а не какими нибудь несправедливыми махинаціями, какъ это было въ Россіи при Лжедимитріяхъ [1]).

Въ этой теоріи нетрудно замѣтить нѣсколько мыслей, которыя другъ друга взаимно дополняютъ. Крижаничъ хочетъ убѣдить своихъ предполагаемыхъ противниковъ въ дозволительности измѣнять и исправлять законы, и съ этой цѣлью онъ развиваетъ ученіе о золотой срединѣ. Новизна

---

loquuntur. Debemus reminisci, quod patres dum ista dicunt, loquuntur adversus hereticos, de fidei articulis, non autem loquuntur de ritibus neque de consuetudinibus neque de canonibus ecclesiae (рукоп.).

[1]) Тамъ же, стр. 554: Concludendum ergo est, quod nihil est antiquitas, nihil novitas, sed ista sunt vanae hominum opiniones. Aliquae enim res sunt bonae, sive sint antiquae, sive novae; et aliae res sunt malae, sive sint antiquae, sive novae. Si omnis novitas esset mala, non esset scriptum: ecce iam nova facio omnia... In illo regno est metuenda et cavenda novatio, quod optimis praestantissimisque legibus est institutum et in quo quilibet ordo hominum potest esse sua sorte contentus, hoc est suo iure, suo statu, suis privilegiis. Ubi autem pessimae sunt leges et consuetudines et ubi nec rex ipse nec ullus ordo hominum sua sorte esse contentus, sed omnes vivunt afflicti perpetuo ac male contenti, ibi non formidanda, sed exoptanda est novatio. Non tamen quaelibet novatio, sed talis novatio, quae de publico consilio regulate, tranquille et iuste fiat, non per invasionem, non per iniquas machinationes; quemadmodum in hoc regno tentabant facere illi furiosi, qui adhaerebant falsis Demetriis (рукоп.).

можетъ, конечно, влечь за собой нежелательныя явленія въ государственной жизни,—но только тогда, когда ею слишкомъ злоупотребляютъ, когда въ погонѣ за новизною измѣняютъ то, что въ измѣненіяхъ не нуждается, или вводятъ преобразованія слишкомъ поспѣшно и широко. Но если соблюдать должную умѣренность, тогда исправленія законодательства приносятъ одно только благо, ибо безъ нихъ государственная жизнь застаивается, возникаютъ различнаго рода общественныя болѣзни. Эта мысль, однако, разсматриваемая сама по себѣ, оставляетъ совершенно открытымъ вопросъ объ источникѣ преобразованій. Если преобразованіе признано необходимымъ, то какъ оно должно итти? Должно ли оно заключаться въ развитіи и исправленіи только тѣхъ началъ, которыя уже заложены въ законодательствѣ даннаго народа, или оно можетъ брать матеріалъ извнѣ, изъ опыта чужихъ народовъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ ссылка на римлянъ, венеціанцевъ и др. Какъ римляне заимствовали свое законодательство отъ аѳинянъ, венеціанцы отъ римлянъ, такъ и всякій народъ можетъ брать у другихъ все то, что можетъ содѣйствовать исправленію и усовершенствованію его законодательства. Необходимо только и при этомъ соблюдать умѣренность и осторожность.

Такимъ образомъ, Крижаничъ въ своей полемикѣ съ старинниками пошелъ дальше того, что требовалось прямымъ смысломъ темы. Старинники возстаютъ противъ новизны вообще, противъ всякой новизны, откуда бы она ни шла; слѣдовательно, они отрицаютъ и ту новизну, которая прямого заимствованія въ себѣ не заключаетъ. Крижаничъ же доказываетъ возможность не новизны только, но и заимствованій. Едва ли здѣсь можно видѣть со стороны Крижанича логическій промахъ: онъ неохотно допускаетъ его въ свои разсужденія, отличающіяся, вообще, большой правильностью мышленія. Вѣрнѣе будетъ признать, что этотъ поворотъ мысли объясняется его собственнымъ планомъ преобразованій. Если, доказывая возможность новизны, онъ незамѣтно доказалъ возможность заимствованій, то это потому, что,

составляя планъ преобразованій русскаго государственнаго быта, онъ принципіально допустилъ возможность строить эти преобразованія на основѣ заимствованій. Такъ оно и есть. Въ написанной имъ рѣчи царь говоритъ народу или народнымъ представителямъ: „мы есмо пресмотрѣли и разсудили законоставіе разныхъ кралестовъ, Греческого, Французского, Хиспанскаго, Нѣмецкого, Ляского; и коя уставы добрыя и кралеству нашему годныя и надобныя мы судихомъ, тыя вамъ хочемъ щедро подаровать“ [1]). А въ одномъ изъ обращеній къ Алексѣю Михайловичу Крижаничъ говоритъ еще опредѣленнѣе: „Можешь и ты, честитый царю, сіе кралество своему отродію укрѣпить на много сотъ годовъ (аще бы свѣтъ такъ долго стоялъ) и учинить е нерушно и нешевельно, тако дабы вѣковало въ згодѣ, безъ всякія голѣмыя межусобныя тервоги. А къ тому есть полезно пресмотрѣть законныя уставы тѣхъ долговѣчныхъ градовъ и славныхъ кралестовъ; и не всего взять, но нѣколико лише мало уставъ избрать, коя ся свѣтятъ межу иными, яко драгое каменіе въ нашвахъ“. И далѣе онъ указываетъ, какія это именно уставы, которыми онъ рекомендуетъ Алексѣю Михайловичу воспользоваться. Это законы Солона, Ликурга, Тразибула, салическій законъ, венеціанскій законъ о маіоратѣ, венеціанскій же законъ объ избраніи князя, китайскій законъ о недопущеніи иностранцевъ и, наконецъ, „домашняя (т. е. русская) устава: ссылки съ просмотрѣніемъ господаревымъ, и да опальникъ будетъ въ службѣ, и что осталное“ [2]). Здѣсь Крижаничъ признаетъ возможнымъ при испра-

---

[1]) I стр. 309.

[2]) I стр. 382—383. Крижаничъ рекомендуетъ еще „на умъ взять дѣянія и рѣчи славныхъ дивосильниковъ“, т. е. героевъ, напр. Кира, Александра, Константина, Рудольфа Габсбургскаго и др., но это прямого отношенія къ данному вопросу не имѣетъ. Ср. также I стр. 436, гдѣ кромѣ „уставы салицкой“ указывается еще у Бенетчановъ „рокованіе троигубо“ и у Римлянъ „столицы запорное обираніе“. У нѣмцевъ Крижаничъ ничего не находитъ достойнаго заимствованія (тамъ-же).

вленіи русскаго законодательства основываться не только на домашнихъ уставахъ, но и брать изъ другихъ государствъ то, что содѣйствовало ихъ долговѣчности и славѣ.

Но это признаніе возможности заимствованій — чисто принципіальное. На дѣлѣ же, при составленіи своего плана преобразованій Крижаничъ не воспользовался почти ничѣмъ изъ того, что было имъ самимъ указано. Его планъ требуетъ, прежде всего, приведенія въ извѣстность и въ систему тѣхъ началъ, на которыхъ до сихъ поръ основывался государственный бытъ Россіи, а исправленія состоятъ въ подтвержденіи и въ болѣе полномъ, чѣмъ раньше, проведеніи этихъ же самыхъ началъ. Никакихъ исправленій путемъ заимствованій, сколько нибудь широкихъ, въ его планѣ не содержится. Однако же, при всемъ томъ, сдѣланныя Крижаничемъ указанія на возможные источники заимствованій имѣютъ очень важное значеніе. Крижаничъ какъ бы говоритъ: принимаясь за исправленіе нашего законодательства, не будемъ себя ничѣмъ стѣснять, воспользуемся и своимъ, и чужимъ опытомъ, возьмемъ все, что намъ подойдетъ. И вотъ, при выборкѣ матеріала для исправленія русскаго законодательства, оказалось наиболѣе подходящимъ для этой цѣли то, что содержится не въ какихъ нибудь иностранныхъ законахъ, а въ тѣхъ же самыхъ русскихъ. Такимъ образомъ, преобразованія ведутся на основѣ національныхъ началъ, но предварительное признаніе возможности заимствованій имѣетъ то громадное значеніе, что оно возвышаетъ эти начала въ глазахъ автора и всего русскаго народа. Такъ, кажется, слѣдуетъ понимать Крижанича. Въ рѣчи своей къ народу царь говоритъ: „Треба есть знать всему народу, кои суть сему кралеству основательны столпы и подпоры, и чѣмъ есть оно доселѣ обстоятельно, честно и крѣпко было. Да всѣ вѣрны парожаны и общего добра любители будутъ знали: чесо имаютъ бранить и своими персми щитить, и за что своя главы заставлять". И, далѣе, царь перечисляетъ тѣ же самые столпы и подпоры, о которыхъ Крижаничъ говорилъ раньше въ раздѣлѣ „Объ народномъ счастію нашемъ". Въ другихъ мѣстахъ

дается систематическое изложеніе „властей Величества“, т. е. правъ верховной власти, „да никто не будетъ смѣлъ льститься нашего привластія, нить разорять нашего кралества“ [1]). Очевидно, эти изложенія имѣютъ тотъ смыслъ (какъ это и объясняетъ Крижаничъ), что одною изъ причинъ неустройства русской государственной жизни было до сей поры малое знакомство населенія съ основными законами государства, и населеніе, видя постоянное, хотя и частичное, нарушеніе этихъ законовъ, стало относиться къ нимъ безъ достаточнаго уваженія, а это еще болѣе должно было содѣйствовать паденію ихъ авторитета и ихъ искаженію. Поэтому, первая задача правительства, когда оно приступитъ къ исправленію законовъ,—подтвердить и укрѣпить то, что въ этихъ законахъ должно оставаться незыблемымъ. Планъ, предложенный Крижаничемъ, вслѣдствіе этого, логически распадается на двѣ части: во-первыхъ, подтвержденіе стараго законодательства и, во-вторыхъ, развитіе и усовершенствованіе его.

Первое, что считаетъ необходимымъ подтвердить Крижаничъ, это—православіе, какъ неразрывно связанное съ русскимъ государственнымъ бытомъ. „Знайте адда, говоритъ царь въ своей рѣчи, яко первая нашего кралества и народа твердность доселѣ есть была вѣра православная, и крѣпко преповѣданіе и недопущеніе всякихъ ересей и крѣпено обдержаніе Богочестныхъ законовъ и обрядовъ: всеноченъ, литургій, часовъ, постовъ и иныхъ. Таковъ законъ и мы вѣчною заповѣдію твердимъ, становимъ и укрѣпляемъ. И равно яко намъ и ниединому нашему наступнику кралю нѣсть и не будетъ слободно проповѣдать, ни держать, ни вѣровать никаковыя ереси; тако исто хочемъ и заповѣдаемъ, да ни единому изъ нашихъ подданниковъ не будетъ вольно ереси которыя вѣровать, ни обдержать, ни въ нашую державу вoводить. И кто ся найдетъ кривъ, да будетъ по дѣлу нещадно кажненъ“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ та же мысль выра-

[1]) I стр. 313 и слѣд., 332 и слѣд.; II стр. 54—57 и друг.
[2]) I стр. 332.

жена подробнѣе. „Первый пунктъ, который касается славы Божіей, мы такъ излагаемъ. Если мы или кто либо изъ нашихъ преемниковъ опредѣленно и открыто отвергнемъ и презримъ правила святой церкви Іисуса Христа, или соборы, или святыхъ отцовъ и скажемъ, что церковь, или соборы, или единодушное согласіе святыхъ отцовъ погрѣшили, или что либо не по Божію, но обычаемъ человѣческимъ учили, учредили или содержали, или что ихъ не слѣдуетъ слушать (какъ учатъ нынѣшніе нѣмецкіе еретики); мы опредѣляемъ, что въ такомъ случаѣ намъ и такимъ нашимъ преемникамъ никто не обязанъ повиноваться, но что всѣ наши подданные свободны отъ всякой присяги и вѣрности, которою они до этого были обязаны намъ или нашимъ преемникамъ, и что они могутъ и должны того упорнаго еретика свергнуть и избрать себѣ другого царя. Если же кто нибудь изъ нашихъ подданныхъ обвинилъ бы въ заблужденіи вселенскую церковь (ecclesiam catolicam), которая всегда управляется Святымъ Духомъ, о немъ мы объявляемъ, что онъ врагъ Бога и нашей мѣрности, что онъ лишенъ всего своего добра и находится внѣ всякаго народнаго права“ [1]). Изъ приведеннаго видно, что Крижаничъ считалъ нужнымъ сдѣлать православіе обязательнымъ не только для царя, но и для всѣхъ русскихъ подданныхъ, ибо для неправославныхъ, а тѣмъ болѣе для нехристіанъ не можетъ быть обязательно признаніе непогрѣшимости церкви или соборовъ. Свѣтская власть въ лицѣ царя соединяется и съ высшею церковною властью и караетъ уголовными наказаніями отступленіе отъ православія. Особенную опасность для православія Крижаничъ при этомъ видитъ въ нѣмцахъ или, вѣрнѣе, въ протестантствѣ; по крайней мѣрѣ, о немъ одномъ онъ счелъ нужнымъ упомянуть. Противъ государя отступника отъ православія онъ находитъ возможнымъ дать народу даже право возстанія (ius rebellionis). Все это очень характерно для Крижанича — католика, въ особенности, если признать, что онъ

[1]) II стр. 71—72.

пріѣзжалъ въ Россію съ единственною цѣлью обратить ее въ католичество.

Второй и центральный пунктъ всего плана преобразованій, это — подтвержденіе самодержавія. При самодержавіи, какъ и при всякой другой формѣ правленія, возможны злоупотребленія и разнаго рода непорядки; но только при одномъ самодержавіи возможно полное осуществленіе справедливости и правосудія, perfecta iustitia [1]). Таково твердое убѣжденіе Крижанича, и потому онъ много разъ говоритъ объ укрѣпленіи въ Россіи самодержавія. Въ рѣчь царя къ народу онъ вставляетъ слѣдующія слова: „Яко равно цѣлость главы есть здравіе всего тѣла, тако цѣлость самовладства есть днище доброму стоянію всего народа. Что бо вершина рѣкѣ, что корень древу, что подвалины и днища храму, то есть самовладство народному добру стоянію. За то хотячь мы зъ Божіею милостію сей народъ и сіе кралество наше вѣчною крѣпостію утвердить и непорушно укоренить, сію первую милость и кореничное доброчинство вамъ изказуемъ: еже на вѣки укрѣпляемъ совершено самовладство въ семъ кралеству нашемъ Рускомъ при себѣ и при своихъ наступникехъ, кралехъ Рускихъ. Сія есть наша крѣпка заповѣдь и неотмѣнна устава: да самовладство сіе наше ни въ чемъ ненарушено пребываетъ. Мы оно сами крѣпимъ и во всемъ цѣло обдержавать хочемъ и отъ васъ всѣхъ, со всякою вѣрностію и силою обдержано быть заповѣдаемъ. И аще бысмо мы сами, ильти бѣху наши наступники что нибудь учинили, что бы самовладской области ненарядно или непригодно было, да оно дѣло будетъ ничесо негодно и заверженo“ [2]).

[1]) Кромѣ указанныхъ уже мѣстъ см. еще Разговоры, стр. 724: Scire debemus, quod prima et maxima causa cladium solent esse peccata hominum contra Deum, sicut exposuimus supra in toto articulo de peccatis. Secundus ordo causarum, ob quas destruuntur regna et populi, sunt peccata politica, sive errores, qui committuntur in regimine saeculari. 1-o Et istorum primus omniumque maximus error est: dissolutio monarchiae (рукоп.). — По мѣсту, которое этотъ отрывокъ занимаетъ въ рукописи, можно думать, что онъ относится къ Россіи.

[2]) II, 49—50.

Здѣсь объявляется ничтожнымъ, не имѣющимъ никакой силы и необязательнымъ для подданныхъ всякое искаженіе самодержавія, всякое распоряженіе государя, которое отмѣняло бы или ограничивало самодержавіе. Но этой одной санкціи Крижаничу кажется недостаточно. Онъ желаетъ укрѣпить самодержавіе взаимной присягой царя и народа. „Первая наша милость, и хотѣніе, и крѣпка заповѣдь и вѣчная устава вамъ ся даетъ отъ насъ: еже на вѣки укрѣпляемъ совершено самовладство при себѣ и при своихъ наступникехъ. Мы оно сами крѣпить и отъ васъ всѣхъ, со всякою вѣрностію обдержано быть заповѣдаемъ. И на то мы и наши наступники, вы же и ваши отроки имаемъ присячь“ [1]). По смыслу этихъ словъ, государь даетъ присягу только за себя, а не за своихъ преемниковъ; каждый же изъ его преемниковъ при вступленіи на престолъ даетъ самостоятельную присягу въ томъ, что не будетъ измѣнять самодержавію. Также присягаютъ и подданные. Присягою царя Крижаничъ хотѣлъ спасти самодержавіе не только отъ уклоненія его въ сторону ограниченной монархіи или республики, но также отъ искаженія, отъ превращенія его въ тиранію. „Вяще становимъ, говоритъ царь въ своей рѣчи, да нить мы сами, нить наши наступники не будемъ и не будутъ могли никакова тиранства ильти неправедныя обиды людству чинить, нить велѣть чинить. И да будутъ при вѣнчанію должны на то присячь“ [2]). Но эта присяга царя, даваемая при вѣнчаніи, равно какъ и присяга о недопущеніи въ Россію иностранцевъ, по мысли Крижанича, нисколько не должна ограничивать царскую власть [3]). Она была и остается выше закона.

[1]) I стр. 315. Ср. I стр. 332, 359 и II стр. 35 и 36.

[2]) II, стр. 59. Тоже стр. 21: Primo igitur exordium facimus a nobis ipsis ac decernimus, ut nec nos ipsi nec nostri successores nec nostri aut cuiuscunque nostrorum officiarii possint ullam tiranniam aut qualemcunque publicam iniuriam genti facere, et statuimus, ut ad hoc in auguratione omnes iurare teneantur.

[3]) Брикнеръ видитъ здѣсь ограниченіе въ томъ, что государь не имѣетъ права измѣнять что либо въ формѣ правленія (О сочи-

Вслѣдъ за приведенными словами о необязательности тѣхъ законовъ и распоряженій, которые противорѣчатъ самодержавію, Крижаничъ помѣщаетъ въ царской рѣчи слѣдующее положеніе. „Знать мораютъ наши подданники: еже краль есть Божій намѣстникъ на землѣ. За то наше кралевское величество и область нѣсть наше, но Божіе величество и область; и потомъ оно есть выше и изнято отъ всякого чловѣческого законоставія и суда и области, и коему никто изъ подданниковъ не можетъ быть ослушенъ или супротивенъ, безъ великія грѣхоты и злодѣйства“ [1]). Въ другой редакціи той же рѣчи проводится эта же мысль, что царь есть Божій намѣстникъ и потому стоитъ выше закона; и изъ этой мысли дѣлаетъ Крижаничъ любопытный выводъ, что царь не можетъ издать законъ, который бы ограничивалъ его власть: „отъ всякого чловѣческого законоставія краль есть вышій. И за то краль нѣмаетъ и не можетъ учинить законоставія вышего отъ себе: Богъ бо есть краля учинилъ вышимъ отъ чловѣческого законоставія“ [2]). Изъ этихъ словъ мысль Крижанича становится совершенно ясною. Царь не можетъ поставить какой нибудь законъ выше себя, ибо этимъ онъ нарушилъ бы волю Божію, исказилъ бы божественное опредѣленіе монархической власти. Самодержавный монархъ обладаетъ всею полнотой власти, онъ можетъ дѣлать все— кромѣ одного только: онъ не можетъ уничтожить свое самодержавіе. Поэтому все, что стѣсняетъ монарха въ этомъ направленіи, какъ въ данномъ случаѣ присяга, по существу своему есть не ограниченіе самодержавія, а его укрѣпленіе. Присяга не противорѣчитъ самодержавію.

Въ непосредственной связи съ укрѣпленіемъ самодержавія стоитъ въ планѣ Крижанича установленіе опредѣленнаго порядка наслѣдованія русскаго престола. Крижаничъ,

---

неніяхъ Юрія Крижанича, Р. Вѣстн. 1889, Іюнь стр. 16).—О присягѣ см. еще I стр. 310, 321, 334; II стр. 74 и друг.

[1]) II стр. 50.

[2]) I стр. 314.

очевидно, очень хорошо понималъ, что государственный порядокъ въ монархіи, особенно — въ самодержавной, не можетъ быть вполнѣ обезпеченъ до тѣхъ поръ, пока переходъ престола отъ одного лица къ другому опредѣляется обычаемъ, всегда не вполнѣ яснымъ и спорнымъ, или волею царствующаго государя. Поэтому онъ много разъ говоритъ о порядкѣ замѣщенія престола, и въ составленной имъ рѣчи царь, предваряя русское законодательство болѣе, чѣмъ на цѣлое столѣтіе, устанавливаетъ этотъ порядокъ вполнѣ опредѣленно. Основнымъ началомъ, отъ котораго исходитъ Крижаничъ въ составленномъ имъ проектѣ, является единство и нераздѣльность Россіи. Этотъ принципъ онъ высказываетъ много разъ и помѣщаетъ его въ проектъ основныхъ законовъ, гдѣ читаемъ: „Да ся кралество ни для каковыя причины не дѣлитъ“ [1]). А въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Исусъ Христосъ Богъ и Спаситель нашъ есть рекелъ: Всяко кралество, кое будетъ само въ себѣ раздѣлено, опустѣетъ и мораетъ разориться. Како ся разумѣетъ кралество быть раздѣлено? Двоимъ путемъ ся то пригажаетъ. Первое, аще въ коемъ народу будутъ два, или три, или множе владателевъ, яко знаете древѣ было быть обычно въ нашемъ пароду, и отъ тоя несрѣчи ничто горе не можетъ ся прилучить коему народу“ [2]). Крижаничъ имѣетъ здѣсь въ виду удѣльный порядокъ, вредъ котораго для Россіи онъ прекрасно видѣлъ, и потому неоднократно возвращается къ этой темѣ. Такъ, разсказавъ о раздѣленіи римскаго государства, Крижаничъ прибавляетъ: „Нашъ Владиміръ Великій тоже есть раздѣлилъ господство между дванадесте своихъ сыновъ. А каково добро есть изъ того пошло? Святополекъ умори блаженыхъ Бориса и Глѣба. Ярославъ разби Святополка и прогна го изъ Кіева къ Ляхомъ. Святополекъ, пришедъ зъ Болеславомъ Ляхомъ, прогна Ярослава къ Новграду. Ярославъ зъ Новоградцы прогна Святополка къ Печенѣгомъ.

[1]) I стр. 407. Тоже см. I стр. 322, 329, 331 и др.

[2]) I стр. 329.

Святополекъ, пришедъ съ Печенѣгми на Ярослава, бѣ разбіенъ и побѣжа къ Ляхомъ и тамо ся конча. Затѣмъ Местиславъ прогна Ярослава къ Новграду, и учинилося есть межу ними много проганяніе и корволитіе. Таково братоморство ся ведѣше онда на Руси. Али что наигорѣ при томъ бяше: тогда ся есть раздерла Руская земля и народъ ослабѣлъ, да есть леглѣ было Ляхомъ и Литовцемъ взять Кіевъ, Левовъ и иныя державы, а Татаромъ погромить весь народъ и держать много время въ лютой неволѣ. Престаемъ на тѣхъ двѣхъ узорехъ, пригодившихся въ Римскомъ и Рускомъ кралествехъ. А кто бы хотѣлъ искать по старинныхъ повѣстехъ, нашелъ бы премного иныхъ тѣмъ сподобныхъ узоровъ, въ семъ же Рускомъ и въ Ляшскомъ и въ иныхъ кралествехъ, изъ коихъ всѣхъ есть удобно познать и заверзть, злокобно быть кралества раздѣленіе“ [1]). Съ цѣлью предупредить возможное возвращеніе къ удѣламъ и, вообще, раздѣленіе Россіи Крижаничъ устанавливаетъ присягу, которую должно давать населеніе государю, и по смыслу которой каждый подданный обязуется признавать только одного государя и не держать сторону его возможныхъ соперниковъ [2]). Съ этою же цѣлью онъ предполагалъ потомковъ прежнихъ князей и великихъ князей лишить княжескаго званія съ тѣмъ, чтобы впредь они назывались не князья, а князевичи. Лишеніемъ званія онъ хотѣлъ снять съ нихъ особый ореолъ,

---

[1]) I стр. 403.

[2]) Вотъ текстъ этой присяги: „Язъ имярекъ тебе господаря имярека единого спознаваю, изповѣдаю и держу за краля, князя, господаря и за всякакова подъ Богомъ владателя своего и всея Рускія земли и народа, и никого иного на Руси не спознаваю, не изповѣдаю и не держу быть кралемъ, ни княземъ, ни господаремъ, ни владателемъ никаковымъ Рускія земли либо народа (ни во всемъ, ни въ части) подъ коимъ ни будь именомъ или привластіемъ, будь свѣжимъ, будь давнымъ, развѣ токмо, колико кому области отъ Божія и отъ твоея кралевыя милости будетъ дано и допущено. И кого ты, господарь краль на Руси назовешь княземъ или властелемъ, оного и язъ хочу звать и зову такоже, а не иного кого нибудь“. I стр. 330. Ср. I, 407.

чрезвычайно опасный для единства государства. Исключеніе онъ допускалъ только для тѣхъ изъ нихъ, „кои бѣху имали довольно иманія, да бѣху могли съ честію носить имя княжеское“; но при этомъ, чтобы они не гордились стариной своего рода и не выводили отсюда призрачныхъ правъ, они должны признать, что княжеское имя они получили не отъ своихъ предковъ, а отъ царствующаго государя. Можетъ быть, говоритъ царь въ своей рѣчи, кто нибудь изъ давнихъ великихъ князей или царей, нашихъ предшественниковъ, былъ изгнанъ изъ своей отчины и лишенъ власти. Потомки такого князя считаютъ себя обиженными, но мы не можемъ разбирать такія давнія дѣла; ибо если какой нибудь князь Богданъ былъ незаконно изгнанъ изъ своего княжества, то кто можетъ знать, не прогналъ ли этотъ самый Богданъ или его предки кого нибудь другого незаконно, и не захватили ли они чужой престолъ? Въ основу государственнаго порядка долженъ быть положенъ не разборъ старыхъ обидъ, а общее народное добро, которое требуетъ, чтобы государство не раздѣлялось. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ никого не лишилъ отчины, ибо онъ получилъ свою власть вслѣдствіе свободнаго избранія народа; его наслѣдники обязаны, поэтому, беречь данную имъ власть отъ всякихъ на нее посягательствъ. „Того обранія ся мы держимъ и на томъ Божіемъ и всего народа згодномъ доконченію, и на томъ праведномъ основанію мы становимъ и крѣпимъ свое привластіе и кралевскую полную мочь, и величество, и всего народа общую пользу и поспѣшеніе, и кралества неразерванную цѣлость. И для ради того, како есмо пріяли, тако жадаемъ и обдержать кралество сіе въ неразервенію, и въ цѣлости, и въ чести, всякаго стана; и за то не хочемъ въ немъ терпѣть никаковыхъ незаконныхъ князевъ, ни именитыхъ людей, коимъ чушь не бысмо мы были чести и области даровали“ [1]). Такимъ образомъ на народномъ избраніи дома Романовыхъ Крижаничъ основываетъ мысль объ уничтоженіи старинныхъ

[1]) I стр. 330 — 331.

княжескихъ родовъ, существованіе которыхъ можетъ угрожать единству Россіи [1]).

Порядокъ престолонаслѣдія, чтобы обезпечивать единство Россіи, долженъ, по мнѣнію Крижанича, основываться на началѣ первородства и предпочтенія мужского пола женскому. Крижаничъ — убѣжденный сторонникъ салическаго закона. Вся Европа страдаетъ отъ войнъ, междуусобій и чужевладства, которыя составляютъ неизбѣжное слѣдствіе того, что за женщинами признается право на престолъ. И Россія никоимъ образомъ не избѣгнетъ чужевладства, если женщины будутъ пользоваться въ ней этимъ правомъ. Поэтому, говоритъ Крижаничъ, „обозрѣвъ ся на французское законоставіе, обрѣтохомъ многія хвалы годну быть ону уставу, коего ся дочери кралевскія и всякія жены извержають и отлучають отъ привластія ко кралеству. За то же и мы сице постановляемъ, укрѣпляемъ и на вѣки неподвижно держать заповѣдаемъ: да ни единая жена, хочьти бы изъ нашего кралевского колѣна была, нѣмаетъ никаковыя власти, ни области ко кралеству плити ко кралеванію. Но да ся сестры, и дочери нашія въ сей мѣрѣ почитають, яко да бы ихъ на свѣту не было“ [2]). Изъ этого можно было бы сдѣлать выводъ, что Крижаничъ стремится къ вполнѣ послѣдовательному проведенію салическаго закона, т. е. къ совершенному устраненію отъ престола женщинъ и женскихъ поколѣній. Однако въ проектѣ основныхъ законовъ онъ формулируетъ свою мысль нѣсколько иначе: „Да кралевскія дочери нѣмають никакова привластія ко кралеству. Развѣ аще бы не стало сыновъ, но токмо дочери младыя неуданыя“ [3]). Это уже не полное устраненіе женщинъ, а лишь предпочтеніе,

---

[1]) По поводу раздѣленія государства Крижаничъ говоритъ еще о томъ, какія опасности заключаетъ въ себѣ соправительство, и въ примѣръ соправительства приводитъ „Діоклеціана и Галерія, Максиміана и Константея“. Къ Россіи это едвали имѣетъ отношеніе. См. I стр. 404.

[2]) I стр. 323. Ср. I стр. 329 и 414.

[3]) I стр. 407.

оказываемое передъ ними лицамъ мужского пола. Въ случаѣ же отсутствія сыновей престолъ переходитъ къ незамужнимъ дочерямъ. Итакъ, послѣ смерти государя престолъ переходитъ къ его старшему сыну, а остальные—получаютъ титулъ князя и помѣстье [1]). При этомъ Крижаничъ разсматриваетъ вопросъ, какъ быть, если старшій сынъ умретъ, не достигнувъ престола: переходитъ въ этомъ случаѣ престолъ къ его малолѣтнему сыну или къ слѣдующему брату? Крижаничъ приводитъ историческія справки въ пользу того и другого рѣшенія, вспоминаетъ и в. князя „Ивана Васильевича Гроздина“, который подъ вліяніемъ своей супруги Софіи назначилъ своимъ преемникомъ младшаго сына, Василія Гроздиновича, миновавъ внука, — но самъ разрѣшить вопросъ не берется. Такіе случаи, говоритъ онъ, бываютъ рѣдко, и лучше всего будетъ, если каждый разъ будутъ поручать разсмотрѣніе вопроса особой почетной коллегіи изъ 30 или 40 мужей, которые и будутъ рѣшать его тайнымъ голосованіемъ [2]). Непремѣннымъ условіемъ для занятія престола Крижаничъ ставитъ чистоту вѣры. Поэтому если старшій сынъ оказывается еретикъ, престолъ, минуя его, переходитъ къ старшему племяннику предшествующаго государя. Тоже самое,—если наслѣдникъ одержимъ природнымъ безуміемъ, слабоуміемъ, или страдаетъ совершенной глухотой или слѣпотой. Другіе физическіе и душевные недостатки, по мнѣнію Крижанича, не должны служить препятствіемъ къ занятію престола, потому что въ такомъ трудномъ вопросѣ никто не можетъ быть справедливымъ судьей [3]). Особымъ закономъ должно быть опредѣлено, что престолъ русскій ни въ

[1]) I стр. 322 и 407. Ср. I стр. 401: Аще краль за собою оставитъ множе дѣтей. сыновъ и дочерей, сумни нѣтъ, еже мужескія особы предъ женскими, а межу братми всегда старѣй предъ млажимъ держитъ предкованіе. И сія уроженная привласть нѣмаетъ ся никако нарушить, яко объ томъ ниже хочемъ изъявить, аще первле объ цѣлости кралества и объ народномъ покою разцѣненіе учинимъ.

[2]) I стр. 411—413.

[3]) I стр. 407; 410

какомъ случаѣ не можетъ занятъ инородецъ; слѣдовательно, должны быть лишены права на престолъ и сыновья царскихъ дочерей, вышедшихъ замужъ за иностранцевъ. И если бы такой иностранецъ какимъ нибудь образомъ достигъ престола, никто не долженъ ему повиноваться; присяга, данная ему, не имѣетъ нравственной обязательности — совершенно также, какъ если бы кто нибудь далъ клятву совершить убійство. Однако, добавляетъ Крижаничъ, въ числѣ инородниковъ не слѣдуетъ считать поляковъ, чеховъ, сербовъ, болгаръ и хорватовъ. Съ цѣлью сохраненія престола въ русскихъ рукахъ Крижаничъ запрещаетъ государю вступать въ бракъ съ иностранкой и выдавать за иностранцевъ своихъ дочерей [1]). Въ случаѣ малолѣтства государя правительство („сыново настояніе") и опека принадлежитъ его матери съ участіемъ особаго совѣта „разумныхъ думниковъ". При отсутствіи матери правительство лучше всего поручить высшей духовной особѣ, т. е. патріарху [2]). Наконецъ Крижаничъ предусматриваетъ случай прекращенія царскаго рода, „нестанка рода кралевского". На этотъ случай должно быть установлено 12 князей съ титуломъ „чуваревъ кралества", т. е. хранителей, оберегателей государства. Если прекратится царскій родъ, на царство долженъ быть избранъ одинъ изъ этихъ князей. Самый порядокъ избранія Крижаничъ устанавливаетъ по образцу венеціанскихъ законовъ. Послѣ смерти царя войско („все военство") идетъ къ патріарху съ просьбой назначить срокъ для избирательнаго собранія („сойма"). Когда наступитъ срокъ, избирательное собраніе собирается въ составѣ двухъ палатъ: одну составляютъ епископы, архимандриты, князья и властели, другую—бояре. Каждый изъ членовъ первой палаты подаетъ записку съ именемъ трехъ князей; патріархъ и епископы прочитываютъ вслухъ всѣ записки, и троихъ изъ князей, за которыхъ подано большее число голосовъ, объявляютъ кандидатами. Изъ

[1]) I стр. 323—324; II стр. 72—73; I стр. 407.
[2]) I стр. 401.

этихъ трехъ кандидатовъ вторая палата—бояре выбираютъ государя посредствомъ баллотировки шарами [1]). Таковъ проектъ закона о престолонаслѣдіи, составленный Крижаничемъ.

Этимъ исчерпывается первая часть преобразовательнаго плана Крижанича—подтвержденіе и укрѣпленіе тѣхъ началъ русской государственной жизни, которыя не могутъ и не должны быть измѣнены. Логическое дополненіе къ ней составляютъ тѣ мѣры, которыя онъ указываетъ для уничтоженія въ Россіи тираннническаго управленія. Прежде всего должно быть уничтожено то, что составляетъ видимый знакъ людодерства и вмѣстѣ съ тѣмъ, самое грубое и тягостное его проявленіе—кабаки, а затѣмъ и всякое другое самотержіе т. е. правительственныя монополіи и откупы соляные, рыбные, икорные, хлѣбные, кожевенные, желѣзные и другіе [2]). Но такъ какъ отъ этихъ реформъ должны будутъ уменьшиться доходы казны, то взамѣнъ этого должны быть установлены новые налоги, и все населеніе въ лицѣ своихъ представителей должно принести обѣщаніе исполнять добросовѣстно всѣ повинности, какія будутъ установлены [3]).

Гораздо сложнѣе указываемыя Крижаничемъ мѣры противъ другого проявленія крутого владанія—отсутствія закономѣрности въ управленіи, потому что и самое зло болѣе обширно и многосложно. Съ другой стороны, установленіе закономѣрности и правосудія представляется, въ глазахъ Крижанича, едва ли не самой важной обязанностью монарха. „Первая и наивящая отъ всѣхъ слободинъ, говоритъ царь въ своей рѣчи, есть Правда. Сію слободину мы хочемъ

---

[1]) I стр. 414, 438, 427.

[2]) I стр. 309: Хочемъ, мовлю, наипервле знесть корчемное и всякое иное самотержіе, кое народу претяжко быть обрѣтаемъ. Стр. 325: Знесть хочемъ всякое самотержіе: сольное, рыбное, икорное... Тако да ни единъ иноземецъ ни нарожанинъ не будетъ ни въ вѣкъ держалъ въ нашемъ кралеству никакова откупа.

[3]) I стр. 328. На четыре города: Владиміръ, Ярославль, Псковъ и Новгородъ Крижаничъ возлагаетъ особую повинность—„да куютъ нашіе пѣнязи, всякій градъ едно обличіе“: золотыя, серебряныя, подмѣсныя и мѣдныя монеты (тамъ-же).

вамъ тако дать и установить, да ни въ единомъ иномъ кралеству вяща или луча управность не будетъ ся могла обрѣсть. Особито хочемъ, да ся никаковыя общія обиды не чинятъ, и да никто не будетъ могелъ нашимъ кралевскимъ именомъ людства нихкаковой тяготѣ приганять, безъ выразного нашего кралевскаго указа. Вяще становимъ, да нить мы сами, нить наши наступники не будемъ могли никакова тиранства, ильти неправедныя обиды людству чинить, нить велѣть чинить. И да будутъ при вѣнчанію должны на то присячь" [1]). Но одной присягой царя Крижаничъ не ограничивается. Онъ проектируетъ еще очень оригинальную мѣру: пересмотръ всѣхъ дѣяній умершаго государя на земскомъ соборѣ съ цѣлью выясненія, какія изъ изданныхъ имъ законовъ и распоряженій противны народному благу. Если такіе законы окажутся, соборъ представляетъ объ этомъ новому государю и проситъ его объ отмѣнѣ ихъ [2]). Мѣра эта, кромѣ нравственнаго порицанія или одобренія умершаго царя имѣетъ, очевидно, еще тотъ смыслъ, что этимъ ставится препятствіе утвержденію въ государствѣ тиранническаго управленія. Крижаничъ хочетъ этимъ поставить всю дѣятельность правительства, въ извѣстномъ смыслѣ, подъ контроль земскаго собора. Вообще, созываніе соборовъ онъ считаетъ одною изъ главнѣйшихъ обязанностей царя—такою же, какъ изданіе законовъ, строеніе городовъ, военную защиту государства. Этимъ объясняется, вѣроятно, то, что въ своемъ планѣ преобразованій онъ говоритъ о соборахъ почти только мимоходомъ, нигдѣ не останавливается на нихъ, не подчеркиваетъ ихъ необходи-

[1]) II стр. 58—59. Тоже въ латинскомъ текстѣ II стр. 20—21; здѣсь слово „правда" переведено iustitia.

[2]) I стр. 334: 6-ая твердность да ся нарядитъ и да будетъ сія. Всякого краля вся дѣянія, то есть законныя уставы, дарованія и отнятія отчинъ или помѣстей послѣ его смерти да ся народнымъ соймомъ оглядаютъ и расцѣнятъ, и да соемъ отъ нового краля проситъ поправы онымъ уставамъ, которыя бы ся казали быть супротивны народному добру. А то да ся учинитъ первле, неже краль присяжетъ.

мости: соборы должны существовать и существуютъ,—это какъ бы само собою разумѣется [1]). Но, предоставляя собору пересмотръ всѣхъ актовъ управленія, изданныхъ за каждое отдѣльное царствованіе, Крижаничъ, несомнѣнно, значительно расширяетъ его полномочія и отводитъ ему вполнѣ опредѣленное мѣсто въ дѣлѣ установленія въ государствѣ закономѣрности. Крижаничъ проектируетъ также и нѣкоторыя реформы въ области приказнаго строя. А именно, онъ предлагаетъ отмѣнить служебную присягу приказныхъ людей, увеличить имъ жалованье, а для этого сократить количество должностей и требовать отъ нихъ не роскоши, какъ прежде, а—наоборотъ—простоты въ одеждѣ и во всемъ образѣ жизни: „Мы пакъ отъ таковыя присяги ихъ опращаемъ и въ напредокъ тоя присяги ни отъ нихъ, ни отъ иныхъ быть имающихъ приказниковъ не выпрашаемъ. А что предъ симъ нимъ же нашимъ приказникомъ есть велѣно ставиться въ цвѣтномъ драгоцѣнномъ платью въ празники, мы таково велѣніе знашаемъ. И означаемъ, яко намъ болѣ хочетъ угодить онъ, кій будетъ уживалъ мѣрного негиздавого платья и не будетъ ся строилъ бисеромъ, нить златомъ, нить свилою, нить иными иноземскими пристроими. А что доселѣ нашимъ приказникомъ изъ нашія казны есть была давана мала плача, мы хочемъ особъ убавить, а плачи прибавить. Лишнимъ приказникомъ умирающимъ не хочемъ наступниковъ давать“ [2]). Эти мѣры должны поднять положеніе приказныхъ, лучше ихъ обезпечить и тѣмъ самымъ содѣйствовать косвенно уничтоженію взяточничества и заставить ихъ строже относиться къ своимъ обязанностямъ. Въ этихъ же видахъ должны быть уничтожены всѣ пожизненныя и наслѣдственныя должности. Служба должна

[1]) Указанія на соборы см. I стр. 334, 386, 407 и друг.

[2]) I стр. 329. Ср. I стр. 321: Имениты и всякои племениты люди да не будутъ должны посольстовъ обходить своими накладми, развѣ аще бы ся кій самъ радъ понудилъ. Подарки никаковы (изъ оныхъ, кои ся даютъ кралю отъ боляръ) да не зайдутъ въ законъ и въ должность.

быть устроена такъ, чтобы царь юридически и фактически имѣлъ возможность въ любое время смѣнить всякое должностное лицо [1]).

Однако не эти мѣры составляютъ главное въ преобразовательномъ планѣ Крижанича, въ его борьбѣ съ несовершенствами приказнаго строя—съ взяточничествомъ и всякими беззаконіями. Эти мѣры, сами по себѣ, еще недостаточны, какъ недостаточно и личныхъ качествъ царя. Нужны, по его убѣжденію, коренныя реформы въ самой государственной жизни—въ смыслѣ измѣненія правового положенія, которымъ пользуются всѣ сословія, всѣ отдѣльные слои населенія. Крижаничъ называетъ это дарованіемъ слободинъ, и очень подробно и съ любовью останавливается на этой сторонѣ своего плана, доказываетъ ея необходимость, развиваетъ свою мысль во всѣхъ ея подробностяхъ и старается

—

[1]) II стр. 78—79: Rari quippe sunt homines, qui ex virtutis amore bene operentur quique publicum bonum privato praehabeant: imo vero plerique omnes privatum publico praeferunt; et tantum ex metu paenarum operantur, si quid recte operantur. Quando igitur illi, qui in potestatibus sunt constituti, non metuunt sibi a rege amotionem, sed securi sunt de sua potestate semper retinenda; tunc absque dubio licenter indulgent suis cupiditatibus; publicum bonum pro nihilo habent et religionem, iustitiam, leges ac bonos mores fede violant. Exempla clara sunt in illis locis, ubi talis officiorum arreptio viget. Nos igitur ad perpetuum robur et stabilimentum verae pietatis, iustitiae et publici gentis boni et ad perpetuum robur regalis integrae potestatis (sine qua nullae leges sufficiunt ad conservationem pietatis, iustitiae et publici boni) inviolabiliter sancimus: Ne unquam in hoc regno nostro ulla officia possint cuiquam esse advitalitia neque hereditaria. Sed ut omnia sint in potestate nostra et successorum nostrorum regum Russiae; non solum ad dandum, sed etiam ad auferendum semper quando nobis libuerit. — Выше указывается на несовмѣстимость пожизненныхъ должностей съ природой монархіи: Ubi enim rex non potest ab officio amovere illos, qui inique gubernant et indignos sese ostendunt regimine, ibi certum est regem non habere plenam potestatem, qualis necessaria est ad constituendum et conservandum commune gentis bonum, ac proinde talis princeps non integer sed dimidiatus rex sive semirex in veritate est: detracta enim ei est dimidia pars regiae potestatis.

ее защитить отъ возможныхъ возраженій. Онъ говоритъ: „Каковъ корень, таково быліе. Каково древо, такова отресть. Каково законоставіе, таковъ вещемъ поводъ въ кралеству. Мы бысмо хотѣли, да сѣмя, кое индѣ ражаетъ куколь, намъ бы родило пшеницу. Алити невозможно есть изъ куколя имать пшеницу, но куколь и въ вѣкъ плодитъ куколь, и лакомыя уставы всегда и вездѣ нарожаютъ злые наслѣдки, рекши, приказниковъ незбожная изобрѣтенія, и грабежи, и земли спустошеніе. Хочьти бы краль былъ архангелъ, еднакоже аще оправники не будутъ воздержаны добрымъ законоставіемъ (то-есть пристойными всякого стана слободинами), нѣсть можно забранить, да бы ся не чинили общены и несчетны грабежи, обиды и всякое людодерство. А что есть наимерже, владатели общеявно постаютъ товаруши воромъ: гдѣ приказники воромъ наравятъ для ради даровъ, а гражаны нѣмаютъ области сами казнить воровъ. Единъ адда отвратъ есть, по коемъ краль можетъ безскорбну учинить свою совѣсть и взтягнуть грабливость своихъ оправниковъ и изнять себе изъ товарущтва разбойниковъ: аще подаруетъ всякому стану людей пристойныя, умѣркованныя и по всякой правдѣ должныя слободины“ [1]). Изъ этого видно, что Крижаничъ смотрѣлъ на слободины, именно какъ на лучшее средство для борьбы съ незакономѣрностью; онъ полагалъ, что, если дать населенію нѣкоторыя права, оно лучше сумѣетъ оградить себя отъ беззаконныхъ дѣйствій приказныхъ людей, чѣмъ это можетъ сдѣлать правительство. Но изъ другихъ мѣстъ вытекаетъ, что слободины, по плану Крижанича, не только орудіе въ рукахъ правительства, но имѣютъ и самостоятельную цѣнность, какъ своего рода награда тѣмъ классамъ населенія, которые несутъ на себѣ тягость государственной жизни, своимъ трудомъ и, главное, своей преданностью правительству помогаютъ ему въ его работѣ. „Права, снисхожденіе, награды и привилегіи не могутъ быть сооб-

[1]) I стр. 302.

щаемы людямъ празднымъ и недостойнымъ безъ несправедливости въ отношеніи людей заслуженныхъ — во-первыхъ тѣхъ, кто проповѣдуетъ и сохраняетъ богопочтеніе, затѣмъ тѣхъ, кто своей кровью и пòтомъ содѣйствуетъ благу всего народа, кто изнуряетъ себя думами и бдѣніемъ за отечество, кто ускоряетъ приближеніе старости заботами и безпокойствомъ, кто заботливому и бодрствующему царю также заботливо помогаетъ. Имъ то и слѣдуютъ наши милости, награды, снисхожденія и привилегіи, и всякія права и выгоды, принадлежащія народу и отечеству — болѣе или менѣе, въ зависимости отъ состоянія, качества даннаго лица и заслуги... Итакъ, во имя нераздѣльной Троицы, мы, Божіею милостью, NN вамъ, нашимъ любезнымъ вѣрнымъ подданнымъ и всему народу русскому, хотимъ опредѣлить и установить различныя состоянія людей и дать каждому изъ нихъ соотвѣтственныя привилегіи, свободы, права и преимущества" [1]). Отсюда, однако, не слѣдуетъ дѣлать вывода, что эти слободины, права и привилегіи населенія необходимы по самому уже строю монархическаго государства, или что установленіе ихъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ хода русской исторіи, и безъ нихъ Русское государство существовать не можетъ. Такой мысли у Крижанича нѣтъ; скорѣе у него можно встрѣтить мысль противоположнаго характера. Напримѣръ, царь въ своей рѣчи говоритъ: „Всякій благоразумный человѣкъ и всякій, кто желаетъ достичь спасенія души, долженъ былъ бы себѣ желать жить скорѣе подъ строгимъ, чѣмъ подъ распущеннымъ правленіемъ. Ибо если наслажденія ведутъ за собой погибель души, и если въ распущенномъ правленіи больше случаевъ къ наслажденіямъ, чѣмъ въ строгомъ, то, конечно, благоразумный человѣкъ, цѣнящій вѣчную жизнь выше, чѣмъ настоящую, скорѣе пожелаетъ жить въ строгомъ правленіи, гдѣ надежнѣе и удобнѣе путь

---

[1]) II стр. 42—43. См. почти тоже стр. 64—65. I стр. 309: Хочемъ всякому стану и ряду людей дать сподобныя слободины, тако да всѣ будутъ своимъ жребіемъ и станомъ задовольны.

къ спасенію. Поэтому, если бы всѣ наши подданные были благоразумны, то ни они не желали бы себѣ, ни мы не должны были бы уступать никакихъ новыхъ свободъ, но скорѣе такъ устроить наше правленіе, чтобы оно было наиболѣе удобно всѣмъ для совершенія спасительнаго покаянія, о которомъ говоритъ Спаситель: если не покаетесь, всѣ вмѣстѣ погибнете. Слѣдовательно, всѣ христіане должны были бы радоваться строгому правленію, такъ какъ оно болѣе согласно съ закономъ Христа и ведетъ къ спасенію. Однако, такъ какъ не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но многіе имѣютъ нетвердую совѣсть и могутъ, если не явно, то скрытно, въ сердцѣ своемъ отпадать отъ вѣры и сочувствовать нечестію; и такъ какъ уже пришли тѣ времена, о которыхъ апостолъ пророчествовалъ: въ послѣдніе дни явятся люди себялюбивые и пр.,—вслѣдствіе этого мы, желая всѣмъ содѣйствовать на пути къ спасенію, хотимъ вамъ, нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, дать и уступить новыя свободы. И послѣ этого злые люди найдутъ случай совращать васъ въ свое нечестіе, но у нихъ не будетъ повода клеветать на политическій строй нашего государства и народа“ [1]). Такимъ образомъ, дарованіе слободинъ есть до нѣкоторой степени уступка духу времени и обстоятельствамъ. Русскіе все болѣе и болѣе приходятъ въ соприкосновеніе съ иностранцами, узнаютъ отъ нихъ о другихъ государствахъ, гдѣ подданные пользуются большей свободой, и слышатъ порицанія русскимъ порядкамъ. Если бы при этомъ русскіе сохранили прежній строгій взглядъ на жизнь, прежнее благочестіе, то свѣдѣнія о европейскихъ порядкахъ не могли бы ихъ смущать, и незачѣмъ было бы мѣнять строй русскаго государственнаго быта. Но этого уже нѣтъ, нѣтъ прежней религіозности, русскіе легко поддаются увлеченію свободными учрежденіями, и потому волей-неволей приходится кое-что уступить. Крижаничъ нѣсколько разъ повторяетъ ту мысль, что на Западѣ свободныя учрежденія и привилегіи явились,

[1]) II стр. 17—19.

какъ результатъ борьбы сословій съ монархической властью, при чемъ каждое сословіе думало только о себѣ, о своихъ интересахъ, а не о пользѣ цѣлаго государства [1]). Поэтому онъ считаетъ гораздо болѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ, если ужь слободины должны быть даны, дать ихъ свободно, не ожидая борьбы и предоставивъ народу высказать, чрезъ своихъ представителей, свои пожеланія. Правительство, такимъ образомъ, удержитъ это дѣло въ своихъ рукахъ и будетъ имѣть возможность дать только такія слободины, которыя не противорѣчатъ сущности монархическаго государства [2]). Крижаничъ, слѣдовательно, не скрываетъ, что

[1]) I стр. 312: In privilegiorum concessione non debemus attendere usum huius aut illius gentis. Multa enim in hac materia habentur pessime constituta apud aliquas gentes, multa vi extorta et contra rationem extorta, praesertim apud Germanos et Lechos. Privilegia in tantum debent concedi unicuique statui et personae in particulari, in quantum prosunt toti communitati. Et si aliquod privilegium non est utile communitati, nullo modo debet concedi neque concessum unquam tolerari. Illa autem privilegia praecipue obsunt perniciemque inferunt communitati, quae quocunque modo tendunt ad dissolutionem perfectae monarchiae. — Ср. II стр. 60: Въ подаванію слободъ, властей, чести и всякихъ нашихъ кралевскихъ милостей не мораемъ мы смотрѣть на законъ сего или оного народа, но на разборъ, на общую народную пользу и на народа да земли нашія каковость и наравъ. Многи бо обычаи у нѣкоихъ народовъ есуть прехудо установлены или завладаны. Разборъ пакъ велитъ, да ся слободины до тѣхъ мѣстъ посужаютъ всякому стану и чловѣку на особно до коихъ мѣстъ есуть полезны всему народу въ общено... и т. д. — Та же мысль II стр. 35, 62 и друг.

[2]) II стр. 19: Mandavimus ut ex vobis, ex singulis statibus delectae personae nobis in scripto consignarent sua gravamina et desideria. Et ex his collegimus quidquid iudicavimus in Domino fore utile omni gentis bono. — Si quas autem libertates aliorum populorum nos hic non apposuimus, scire debetis illas vel non esse laudabiles et ibi, ubi observantur, vel propter particulares regni nostri rationes apud nos non posse practicari. Honores pariter illis statibus et personis damus omnes, quos habent in aliis regnis status et personae ipsis aequales, in quantum cum iure monarchiae et regni nostri et cum publico gentis bono possunt consistere.

слободины представляютъ собою заимствованіе съ Запада, но это — заимствованіе, во-первыхъ, необходимое, а во-вторыхъ, разумное т. е. приноровленное къ особенностямъ русскаго государственнаго строя и русской жизни. Поэтому не должно давать такихъ слободинъ, которыя вслѣдствіе этихъ особенностей не могутъ у насъ привиться; но слободины, не связанныя тѣсно съ тѣмъ или другимъ государственнымъ строемъ, не носящія на себѣ отпечатка мѣстныхъ или какихъ либо національныхъ особенностей, должны быть даны непремѣнно [1]). Повидимому, вопросъ о дозволительности заимствованія въ этомъ дѣлѣ неособенно смущалъ Крижанича, и онъ ожидалъ гораздо больше возраженій не со стороны защитниковъ національныхъ началъ, а со стороны теоретиковъ неограниченной монархіи вообще. Такого рода возраженія онъ разсматриваетъ неоднократно. Мы встрѣчаемъ у него, напримѣръ, такой интересный діалогъ между консервативнымъ москвичемъ и либеральнымъ славяниномъ: „Самовладство есть наилуче владаніе. Гдѣ пакъ державляны никаковыхъ слободинъ нѣмаютъ, тамо самовладство стоитъ крѣпко. А гдѣ державляны имаютъ слободины, тамо ся самовладство разваляетъ. Адда нѣсть полезно дать слободинъ подданникомъ. — Истину говоришь, еже самовладство есть наисовершенѣе господство, и еже ся мораетъ всякимъ начиномъ сохранять. Али нѣсть истина, дабы ся самовладство для ради умѣркованыхъ слободинъ загубляло. Но сице на трое есть треба то разумѣть: гдѣ суть безмѣрныя, превеликія, неподобныя слободины, тамо ся разрѣшитъ самовладство и учинится разпуста, якоже видимъ у Ляховъ и у Нѣмцевъ, гдѣ никто никого не послушаетъ, и колико есть властелевъ, толико

[1]) II стр. 19: Quas autem et quales vobis dabimus libertates? Nempe liberalissimas. Dabimus enim vobis omnes pene illas libertates, quibus gaudent quicunque Europae populi, quantum eas nos rescire potuimus et quantum expedit saluti ac felici statui huius regni et totius populi, quemadmodum in sequentibus explicabimus. Mandavimus enim nobis referri omnium Europae populorum leges ac consuetudines. О заимствованіи слободинъ см. еще II стр. 35, 60 и друг.

тирановъ. А гдѣ пакъ нѣсть никаковыхъ слободинъ, тамо никаковымъ путемъ не можетъ стоять самовладство, но учинится людодерство. Токмо адда въ третьемъ и въ среднемъ мѣсту, то есть, гдѣ есуть мѣрныя, пристойныя и съ правдою згодныя слободины, тамо праведное самовладство стоитъ и крѣпится, и хранится“ [1]). Отсутствіе слободинъ есть признакъ тиранническаго государства, слишкомъ широкія слободины ведутъ къ анархіи, а умѣренныя слободины возможны только въ неограниченной монархіи. „Зла есть крѣпеность, зла и разпуста: средній путь наилучій“ [2]). Такимъ образомъ, слободины не только не противорѣчатъ существу неограниченной монархіи, но, на-оборотъ, тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ ея природой. Такъ утверждаетъ Крижаничъ. Однако, все-таки возможенъ вопросъ: если слободины расширяютъ публичныя права населенія, то не могутъ ли онѣ посягать на самую сущность неограниченной монархіи т. е. на ея неограниченность? Расширяя права населенія, не ограничиваетъ ли правительство дарованіемъ слободинъ свои собственныя права, составляющія неотъемлемую принадлежность неограниченной монархіи? На эти сомнѣнія Крижаничъ отвѣчаетъ своей юридической

[1]) I стр. 303. Та же мысль на стр. 313—315. Съ другой стороны, Крижаничъ предупреждаетъ, что никто не долженъ понимать слободины такъ, будто онѣ въ чемъ нибудь отмѣняютъ „недопущеніе празднующего и бездѣльного житія“. На-оборотъ: „Мы адда становимъ и заповѣдаемъ, да ни единъ князь, нить иного стана чловѣкъ не будетъ слободенъ отъ общихъ народныхъ службъ и дѣлъ, своему стану пристойныхъ: отъ двора, отъ приказовъ, отъ ратныхъ выправъ, отъ посольстовъ а подбирны люди отъ своихъ тяготъ и работъ, а духовны люди отъ своихъ молитовъ и Божіего хваленія. И никако не допущаемъ, дабы ся кто нибудь такову слободину задумалъ, дабы захотѣлъ житіе свое преводить во всевдѣльномъ бездѣлію, якоже въ нѣкоихъ народехъ боляры и богатые гражаны живутъ во вѣчномъ празнованію и въ разкошехъ, будто нѣкои древни сарданапалы или кормны вепри, и народъ объѣдаютъ, а ни въ чемъ му не пособляютъ“ (I стр. 333—334).

[2]) II стр. 102.

конструкціей слободинъ. Конструкція эта довольно любопытна. Основной вопросъ, возбуждающій сомнѣніе, состоитъ, конечно, въ томъ, насколько можно считать слободины пріобрѣтенными правами населенія, и въ какой мѣрѣ царь властенъ ихъ отмѣнить. И въ этомъ вопросѣ можно замѣтить у Крижанича какъ бы нѣкоторое колебаніе. То онъ говоритъ, что царь при вступленіи своемъ на престолъ присягаетъ народу на слободинахъ, то онъ отрицаетъ присягу и объявляетъ, что слободины существуютъ только до тѣхъ поръ, пока это угодно царю [1]). Но это противорѣчіе разъясняется. „Еще уставляемъ, говоритъ царь въ своей рѣчи, да мы и наши наступники будемъ должны (предъ кралевскимъ нашимъ вѣнчаніемъ) присягою себе обвязать, еже хочемъ вамъ, нашимъ вѣрнымъ подданникомъ, неподвижно обдержавать сія вся слободины, коя мы вамъ сада даемъ и даруемъ. Аще ли ся пакъ со временомъ проявитъ въ коемъ стану отъ васъ и вашихъ отроковъ кое ослушаніе, да бѣху ся кои люди слободинами щитили и нашихъ бѣху заповѣдей слушать и извершать не хотѣли, ино въ таковомъ учинку да мы и наши наступники не будемъ повинны вамъ держать оныхъ слободинъ, для ради коихъ бы ся учинило кое ослушаніе. Простѣе говорячь, аще оповѣдаемъ: краль есть Божій намѣстникъ и живо законоставіе. И за то единому Божіему законоставію есть подверженъ, а отъ всякого чловѣческого или кралевского законоставія краль есть вышій. Ино по томъ, не можетъ краль поставить самъ себѣ заповѣди, нить законоставія, коему бы онъ самъ, либо инъ краль долженъ былъ быть подверженъ. Богъ бо го есть учинилъ вышимъ отъ чловѣческого законоставія, и сего Божіего законоставія чловѣкъ не можетъ разорить. Сія адда слободины остаютъ всегда въ нашей и нашихъ наступни-

[1]) I стр. 320: Сія слобода и власть ся даетъ не подъ нашею, ни нашихъ наступниковъ присягою, но до нашія добрыя воли и до нашего и нашихъ наступниковъ указа.—II стр. 407: Да отчинникъ кралества наипервый присяжетъ народу на слободинахъ.

ковъ области, да я можемъ разорить, когда захочемъ, али не безъ годныхъ причинъ. Сія слободины не суть власть, нить привластіе вѣчное, но есуть наша къ вамъ милость, ласка и жалованіе. А мы пакъ клятвою завязуемъ себе и своихъ наступниковъ: не разорить сихъ слободинъ и не учинить имъ парушенія безъ слушныхъ, достатныхъ, годныхъ причинъ"[1]). Такимъ образомъ, слободины не входятъ въ составъ пріобрѣтенныхъ правъ населенія, которыхъ не могъ бы отмѣнить царь своею властью. Это только „милость и ласка" царя, которую онъ можетъ отнять въ любое время, а присяга имѣетъ одно лишь нравственное значеніе,—какъ обѣщаніе не уничтожать слободинъ безъ достаточныхъ причинъ. Разумѣется, что судьею въ вопросѣ, какія причины могутъ быть признаны для этого достаточными, является всегда одинъ только царь[2]). Нельзя сказать, что такая кон-

[1]) II, стр. 36; тоже на стр. 60—61, 314. Варіантъ этой мысли см. въ Разговорахъ, стр. 555: Consiliarius debet solicite considerare et explicare omnia, quae possunt comitari aut consequi ad consilium illud, quod ipse persuadere nititur. Et ad hoc 1-o scire debet communia politicae scientiae praecepta praecipueque ante oculos habere, omnium regiminum optimum esse perfectam monarchiam cum moderato regimine, quod nimirum sit moderatis et laude dignis legibus circumscriptum. Ita ut et rex semper obtineat omnem plenitudinem potestatis et subditi illi, qui maximo honore digni sunt, maximum honorem et privilegia obtineant. Et ut neque regis summa potestas quidquam de subditorum honore aut de iuribus detrahat; neque subditorum honor et privilegia nullo modo regis potestatem diminuant. Non debet rex optare sibi habere subditos sine honore. Quia quo melioribus et honoratioribus quis imperat, eo ipse censetur esse melior et honoratior: ita tamen, si eis imperat et non (sicut apud Germanos fit) si subditi non obediunt regi. Rex debet vitare omnem speciem tiranniae et simul tenere semper fortiter in manu... monarchiae. Subditi similiter non debent sibi optare habere regem sine honore, hoc est sine potestate (рукоп.).

[2]) Разговоры, л. 1 об.: Rex debet dare varia privilegia suis proceribus aliisque meritis ordinibus hominum. Verum non illo modo debent dari privilegia, quo data sunt apud Germanos et partem apud Lechos, ut scilicet subditi eripiant sibi dominatus et excutiant obedientiam et

струкція слободинъ была продиктована Крижаничу побужденіями націоналистическими — желаніемъ придать этому учрежденію нѣкоторый характеръ, отвѣчающій (другой вопросъ — въ какой мѣрѣ) сложившимся на Руси условіямъ государственной жизни и установившимся политическимъ понятіямъ; но, во всякомъ случаѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что, придавая своимъ слободинамъ описанный выше характеръ, онъ стремился избѣгнуть тѣхъ явленій, которыя, по его убѣжденію, возникли на Западѣ вслѣдствіе злоупотребленія сословными правами, и къ которымъ онъ относился съ нескрываемымъ отвращеніемъ. „Нѣмцы и Ляхи пріемши отъ своихъ владателевъ нѣкія милости, коя они зовутъ привилеи, то есть изнятіе изъ нѣкоихъ тяготныхъ заповѣдей, и февды да лехны зовутъ помѣстія себѣ даная, а лехенъ значитъ ссуду на время. Али они изъ милостей и изъ ссудъ учиниша своевольность и назваша слободами и вольностьми таковыми, по коихъ не слушаютъ своихъ кралевъ и тѣмъ разорили суть весь доберъ рядъ и нарядили много зло и нерядіе. По коемъ и кралевское величество у нихъ есть знижено, и они во многія общія народныя щеты есуть пришли. Зарадъ того мы хочемъ, да по милостехъ, коя вамъ хочемъ дать, нѣмаетъ ся ни въ чемъ ни наименѣ нарушить наше господство, и никто ся нѣмаетъ ослушенъ чинить коей нашей заповѣди“ [1]). На Западѣ слободины вели къ ограниченію монархической власти — и это потому, что сословія понимали ихъ, какъ свои не-

gens tota... in faedam anarchiam. Debent igitur dari privilegia per modum permissionis, non per modum iuris, ita ut in potestate regis sit semper ea tollere aut mutare, et ut illi, quibus commissa sunt privilegia, nihil iuris sibi inde arrogent, sed recognoscant omnia tanquam gratiam regis datam usque ad regis beneplacitum. Et ut privilegiati nihil magis exinde sese elevent aut superant, sed tantum, ut ceteri inferiores eos honorent debito honore (рукоп.).

[1]) I стр. 315. Ср. еще II стр. 20: Ne ullus concupiscat res indebitas, ostendemus rationes: quare nonnulla privilegia et nonnulli honores in Europa non sunt laudabiles, sed potius multum nocivi et adversi omni gentis bono ac proinde non optandi, sed potius exsecrandi.

отъемлемыя привилегіи; поэтому для огражденія власти русскаго царя ихъ слѣдуетъ разсматривать, только какъ милость и ласку. Можетъ быть, этимъ особымъ пониманіемъ слободинъ Крижаничъ, самъ того не сознавая, стремился нѣсколько смягчить самый фактъ ихъ заимствованія.

Въ чемъ же, однако, состоятъ слободины, каково ихъ содержаніе? Основу всѣхъ слободинъ составляетъ у Крижанича сословный строй съ очень рѣзкими сословными гранями. По его плану, сословія (ordines) должны соотвѣтствовать дѣленію населенія на общественные классы (status), при чемъ лица, принадлежащія къ опредѣленному классу, не могутъ переходить изъ своего сословія въ другое. Права же высшихъ сословій сообщаются только путемъ пожалованія отъ государя, при чемъ титулы, права и званія, полученныя отъ иностранныхъ государей, объявляются ничтожными [1]). Высшихъ сословій три, и Крижаничъ такъ опредѣляетъ различіе между ними: „Наипервле раздѣляемъ васъ на три ряды и наряжаемъ во васъ три честные племенитые станы. Первого стана племениты люди да ся зовутъ князи. А князь да никто зваться не можетъ, кій не бы ималъ во своей области едного утверженого града и острога, а множе градовъ князю да не будетъ вольно держать. А князевъ да будетъ отлучено число; дванадесте, видится, быть доста и не премного. Други станъ да ся зоветъ боляры, кои ся нынѣ зовутъ боляры. И тѣ двои общено да ся зовутъ имениты боляры

[1]) Ad publicum gentis bonum pertinet, ut singuli status hominum in suo ordine recte dispositi et inconfusi permaneant, et non est pulcrum neque decens, si inferiores cum superioribus aut indigni cum dignis permiscentur. Idcirco ut ordinis pulcritudo inter status conservetur, statuimus, ut nemo se ingerat neque intrudat in ullum statum, quem non potest gerere cum dignitate. Item, ut nemo gerat ullum titulum, nisi quem a nobis sive a nostris antecessoribus vel successoribus, regibus Russiae solemni institutione accepit vel accipiet. Maxime vero prohibemus, ne quisquam gerat ullam nobilitatem aut titulum, quem ab alio rege aut principe acciperet, praeter nos (II стр. 77). — Впрочемъ, различіе между терминами ordo (рядъ) и status (станъ) невполнѣ выдержано.

и властели. А третій станъ да ся зоветъ племяны, кои нынѣ (изъ турского языка) непристойно зовутъ дѣти боярски. Князей хочемъ мы поставлять чезъ подарованіе хоругви“ [1]). Такимъ образомъ, кромѣ бояръ и дѣтей боярскихъ, которыхъ Крижаничъ переименовываетъ въ племянъ, онъ вводитъ еще новое сословіе, или новый разрядъ боярскаго сословія—князей, которыхъ ставитъ выше другихъ разрядовъ. Хотя у него нѣтъ термина, который бы объединялъ всѣ три сословія, но при перечисленіи ихъ привилегій Крижаничъ очень часто говоритъ о нихъ вмѣстѣ, почти какъ объ одномъ сословіи. Иногда онъ пользуется для этого словомъ дворяне [2]). Это привилегированныя сословія въ полномъ значеніи этого слова. Имъ даетъ Крижаничъ „нарочитыя слободины“ и указываетъ при этомъ, что надѣленіе высшихъ сословій особыми правами содѣйствуетъ косвенно укрѣпленію и возвышенію власти монарха, и, наоборотъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ привилегированныхъ сословій, монархъ очень часто находится въ рукахъ у низшихъ сословій [3]). „У Французовъ и Хиспановъ властели имаютъ пристойныя, по племену идущія слободины и большины, и за то тамо никаково нечестіе ся не чинитъ кралемъ отъ общего людства, нитъ отъ военства. А у Турковъ, гдѣ нѣсть никаковыхъ племенитыхъ слободинъ, тамо крали есуть подложны простыхъ пѣшихъ стрѣльцевъ глуподерзію. Что бо захотятъ янычары, то мораетъ краль учинить. За нашего вѣка Отмана и Ибрахима царевъ задавиша и множе бояровъ предъ кралевскими очми даромъ ся молящими кральми задавиша же, и все имъ то уходитъ просто“ [4]). Нарочитыя слободины высшихъ сословій представляютъ собою, частью, почетныя права, частью же—имѣютъ болѣе

[1]) I стр. 316.

[2]) Напр. I стр. 311: Зарадъ того, мы лѣпо и сподобно быть судихомъ подаровать нарочитыя слободины и возвысить честь нашимъ вѣрнымъ слугамъ и дворяномъ.

[3]) Мысль—очень напоминающая Монтескье.

[4]) I стр. 312.

реальное значеніе. Къ послѣднимъ относятся: 1) свобода отъ всякихъ податей и личныхъ повинностей; 2) свобода отъ военной службы въ мирное время и право старослужилыхъ дворянъ посылать вмѣсто себя наемниковъ; 3) исключительное право владѣть недвижимостью; 4) право имѣть укрѣпленный замокъ, „еденъ градъ и въ немъ или при немъ свой дворный острогъ"; 5) право уголовнаго суда („область судить и казнить мечемъ") въ предѣлахъ своей недвижимости; 6) свобода отъ тѣлеснаго наказанія съ замѣною его тюремнымъ заключеніемъ (вуза), ссылкой или отставленіемъ отъ службы; за болѣе же тяжкія преступленія (ересь, измѣна, злоумышленія противъ государя и друг.) они наказываются лишеніемъ чести („да ся расплеменитятъ"), отнятіемъ имущества и смертной казнью, при чемъ эти наказанія налагаются всегда по суду, а ссылка можетъ быть назначена и безъ суда; 7) свобода отъ кабалы; 8) право учиться, кромѣ „неболярскихъ науковъ" (чисельница, звѣздочетіе, землемѣріе и врачество), еще и дворянскимъ наукамъ—языкамъ греческому, латинскому, философіи и политикѣ. Къ почетнымъ правамъ относятся слѣдующія: 1) въ обращеніяхъ къ царю они не называютъ себя холопами, а вѣрными слугами и дворянами, и при томъ не уничижительными именами (Борко, Владко), а полными съ присоединеніемъ отчества и фамиліи; 2) имъ присваивается особый титулъ — твоя милость, панъ —, употребляемый въ сношеніяхъ съ лицами другихъ сословій; 3) имъ жалуются „племенныя почестныя знаковины, либо ликописные знаки" т. е. гербы, которые они изображаютъ на своихъ щитахъ; 4) имъ дается особое отличіе въ одеждѣ: князья носятъ высокія шапки (клобуки) изъ черной лисицы или соболя, а властели—три журавлиныхъ пера; 5) князья, властели и племяны имѣютъ право въѣзжать въ Москву въ предшествіи трубачей [1]). Изъ этого перечня привилегій высшихъ сосло-

[1]) I стр. 311—312, 316—321; II стр. 66. Тоже въ рукоп., стр. 344—345.

вій видно, что, несмотря на всѣ сдѣланныя Крижаничемъ оговорки, въ планѣ организаціи этихъ сословій видно сильное вліяніе европейскихъ порядковъ и обычаевъ. Впечатлѣніе это усиливается еще тѣмъ, что Крижаничъ создаетъ для князей и властелей маіоратный порядокъ наслѣдованія: недвижимость вмѣстѣ съ титуломъ переходитъ, послѣ смерти отца, къ старшему сыну, а младшіе сыновья становятся въ ряды простыхъ бояръ [1]). Чтобы облегчить младшимъ сыновьямъ достиженіе княжескаго и властельскаго достоинства, Крижаничъ рекомендуетъ имъ не очень гордиться своимъ происхожденіемъ и заключать браки съ дочерьми богатыхъ посадскихъ людей [2]).

Такъ подробно Крижаничъ останавливается, однако, только на привилегіяхъ и организаціи высшихъ сословій. Остальныя сословія онъ оставляетъ, въ общемъ, въ томъ видѣ, какъ они сложились уже въ Россіи, и не надѣляетъ ихъ почти никакими новыми правами. Такъ о духовенствѣ Крижаничъ говоритъ: „Духовного ряда особъ, пречестного отца нашего патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, поповъ, діаконовъ, иноковъ и иночицъ и всѣхъ церковного и иноческого ряда особъ въ ниховыхъ уставахъ и правилехъ мы не тыкаемъ, но яко отъ святыхъ отцовъ есуть установлены и разряжены, да тако пребываютъ, хочемъ“. Особо упоминаетъ онъ только о свободѣ духовенства отъ всѣхъ личныхъ и денежныхъ повинностей и объ изъятіи его изъ подчиненія общимъ судамъ [3]). Крестьянамъ онъ обѣщаетъ только защиту отъ притѣсненій; о прикрѣпленіи ихъ къ землѣ не упоминаетъ ни однимъ словомъ и только указываетъ на то, что въ Россіи крестьянскому сословію живется легче, чѣмъ въ другихъ государствахъ [4]). Городскимъ

[1]) I стр. 322.

[2]) Тамъ же.

[3]) I стр. 321; II стр. 43 и 65.

[4]) I стр. 328: Милости нашія ко кметомъ и тежакомъ всегда есуть были изрядны. Вѣдомо бо есть всѣмъ, яко въ нашемъ кралеству кметомъ есть много луче промышлено, неже въ нѣкоихъ окольныхъ

сословіямъ — торговцамъ и ремесленникамъ предоставляется самимъ ходатайствовать о дарованіи имъ слободинъ. Но независимо отъ ихъ ходатайства, Крижаничъ устанавливаетъ одну чрезвычайно важную слободину, именно городское самоуправленіе. Городскіе жители выбираютъ старостъ („назоровъ"), смотрителей по торговой части („лавниковъ"), „думниковъ", собирателей податей („биричевъ") и судью. Мелкія дѣла судья разсматриваетъ единолично, болѣе крупныя — подлежатъ коллегіальному суду; подчинены городскому судьѣ всѣ мѣстные жители, кромѣ лицъ высшихъ сословій [1]). Для ремесленниковъ Крижаничъ предлагаетъ проектъ цехового устройства, который представляетъ собою уже простой сколокъ съ нѣмецкаго образца. Крижаничъ, впрочемъ, этого не скрываетъ: „Наиболѣ у Нѣмцевъ цвѣтутъ и въ совершенности стоятъ ремества. А тому есть причина, что имѣютъ нѣкія слободины и законоставія, пристояща къ совершенію реместовъ. А уставы суть сицевы". И далѣе описываетъ эти уставы съ обычнымъ раздѣленіемъ ремесленниковъ на три степени — учениковъ, товарушей и майсторовъ—и съ обычнымъ подчиненіемъ низшихъ ремесленниковъ майсторамъ и цеховымъ старостамъ. Крижаничъ убѣжденъ, что съ введеніемъ цеховъ въ Россіи ремесла и промышленность вообще должны придти въ цвѣтущее состояніе [2]). Нетрудно видѣть, въ какой мѣрѣ эти проекты оторваны отъ условій русской жизни. При всемъ желаніи создать нѣчто самобытное, особое, Крижаничъ проявилъ здѣсь значительную подражательность, и если въ какомъ нибудь отношеніи онъ заслуживаетъ упрека въ доктринерствѣ [3]), то это именно за свой проектъ сословной

державахъ, у коихъ болярски и военны люди тежаковъ безказенно изобижаютъ. А у насъ не ведется таковъ обычай.

[1]) I стр. 21, 325—326, 369.

[2]) I стр. 31—32, 326.

[3]) См. Брикнеръ. О сочиненіяхъ Юрія Крижанича. Р. Вѣстн. 1883, Іюнь стр. 23.

организаціи, хотя многое изъ его проекта и получило жизнь въ слѣдующемъ столѣтіи.

Совсѣмъ иное нужно сказать о планѣ борьбы съ иностраннымъ вліяніемъ. Русское законодательство почти ничѣмъ изъ этого плана не воспользовалось; оно, какъ было, такъ и осталось чрезвычайно терпимымъ по отношенію къ иностранцамъ. Но зато этотъ планъ не поражаетъ такъ своею отвлеченностью и придуманностью. Въ немъ многое навѣяно самой жизнью, хотя и выражено далеко не всегда въ формахъ, отвѣчающихъ практическимъ требованіямъ. Крижаничъ исходитъ здѣсь изъ широкихъ мыслей о сохраненіи національной самобытности и о необходимости оберегать отъ вліянія иностранцевъ и русскія учрежденія, и нравы, и экономическую жизнь. Устами царя Крижаничъ говоритъ: „Ничего не можетъ быть гибельнѣе для народа и государства,—какъ пренебрежительное отношеніе къ своимъ добрымъ правамъ, законамъ, учрежденіямъ и языку", перениманіе чужихъ нравовъ и языка и желаніе преобразиться въ другой народъ. Когда предводители нашего народа у болгаръ, сербовъ и кроатовъ стали относиться съ презрѣніемъ къ своимъ нравамъ и языку и называть себя деспотами, архонтами, герцогами и царями, тогда уничтожились всѣ ихъ добрые обычаи, политическая жизнь пришла въ упадокъ, и слава померкла. Вмѣстѣ съ этимъ и весь народъ въ тѣхъ мѣстахъ оказался въ подчиненіи у другихъ народовъ. Поэтому мы, желая предотвратить подобную заразу въ нашемъ государствѣ, повелѣваемъ, чтобы всѣ наши подданные удалялись отъ чужестранныхъ нравовъ, воздерживались, насколько возможно, отъ сношеній съ иностранцами, и чтобы въ служебныхъ дѣлахъ и бумагахъ наши чиновники не употребляли никакихъ иностранныхъ словъ и чуждыхъ нашему языку оборотовъ. И чтобы не оказалось, пожалуй, что мы сами этотъ законъ нарушаемъ, мы хотимъ, прежде всего, показать примѣръ повиновенія въ нашемъ дворѣ и устранить и уничтожить всякую иноземщину въ нравахъ и словахъ. Поэтому отмѣняемъ, во-первыхъ, иностранное имя це-

сарь и регаліи цесарей, какъ уже выше сказано. Не хотимъ также подражать сербамъ, которые называли себя деспотами потому, что этимъ именемъ назывались сыновья и братья греческихъ императоровъ. Они же потомъ стали называть себя герцогами—вслѣдствіе того, что такъ назвалъ ихъ германскій цесарь. То и другое было смѣшно. У большинства народовъ названія нѣкоторыхъ вещей измѣняются вмѣстѣ съ временемъ. Сербамъ и другимъ древнимъ славянамъ, какъ и нашимъ предшественникамъ — русскимъ царямъ, можно было портить языкъ и вводить иностранныя слова, а намъ еще болѣе позволительно и прилично выбрасывать иностранныя слова и возстановлять свои и такимъ образомъ исправлять языкъ" [1]). Въ этихъ словахъ выражена чрезвычайно цѣнная и важная мысль, что измѣна народа своимъ нравамъ и подражаніе чужимъ ведетъ за собой, рано или поздно, потерю политической самостоятельности, и что языкъ является лучшимъ показателемъ того, насколько народъ сохранилъ свою самобытность. Гдѣ народный языкъ пересталъ быть языкомъ государственнымъ, тамъ недалеко и до политическаго рабства; и на-оборотъ, если народъ хочетъ удержать за собой политическую независимость и господство, онъ долженъ сохранить за своимъ языкомъ государственное значеніе. Для того, чтобы обезпечить Россіи на будущее время политическую независимость, Крижаничъ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя онъ объединяетъ одной общей мыслью: „Вѣчная истина и несумѣнна есть рѣчь: кій коли народъ зъ инымъ народомъ ся мѣшаетъ, онъ не обдержитъ въ цѣлости своея силы, прецѣнбы и области". Мысль эту можно выразить еще и въ такой формѣ: Россія можетъ заимствовать отъ иностранцевъ техническія знанія и, вообще, все то, что составляетъ техническую, внѣшнюю сторону культуры, но зато во всемъ прочемъ, что такъ или иначе

---

[1]) I стр. 360—361. Въ Разговорахъ, стр. 732, Крижаничъ указываетъ, что въ подражаніе иностранцамъ мы стали говорить „Rossia pro Rus, Rosius pro Rusianin" (рукоп.).

касается народнаго быта, правовъ, вѣрованій—вообще духа народа, она должна избѣгать всякаго иностраннаго вліянія. Цѣль этой политики — сохранить въ неприкосновенности физическую и духовную природу русскаго человѣка. Поэтому Крижаничъ охотно допускаетъ въ Россію иностранныхъ врачей, переводчиковъ, художниковъ, музыкантовъ, ремесленниковъ — съ тѣмъ разсчетомъ, что они научатъ русскихъ и въ будущемъ дадутъ возможность обходиться безъ помощи иностранцевъ. Изъ соображеній религіозныхъ онъ допускаетъ восточныхъ патріарховъ, епископовъ и монаховъ, приходящихъ за милостыней. Но, рядомъ съ этимъ, составляетъ длинный списокъ иностранцевъ, съ которыми не слѣдуетъ совсѣмъ имѣть сношеній, или которыхъ можно допускать въ Россію только на опредѣленныхъ условіяхъ. Съ цѣлью уберечь русскій престолъ отъ захвата Крижаничъ запрещаетъ принимать въ Россію иностранныхъ государей, князей, владателей, полководцевъ. „Кралевичемъ, князевичемъ и всякимъ владательского племена особамъ не дать приступа въ наши рубежи“. Далѣе, иностранцамъ запрещается строить или пріобрѣтать каменные храмы. Иностранцы не могутъ получать права высшаго, дворянскаго сословія и, вообще, права гражданства, а бродячіе, „скитальны“ народы—евреи, армяне, цыгане—вовсе не допускаются въ Россію. Если кто нибудь изъ нихъ пожелаетъ принять православіе, то эта милость ему можетъ быть оказана, но она нисколько не должна измѣнять его положенія: онъ долженъ немедленно покинуть предѣлы Россіи. Не допускаются также астрологи, алхимисты, маги, плясуны, актеры, заклинатели и т. п. Закрываетъ доступъ въ Россію Крижаничъ и иностраннымъ купцамъ, разрѣшая имъ вести торгъ только въ пограничныхъ городахъ и не дольше, чѣмъ въ теченіе 2—4 недѣль. Иностранное войско можетъ быть допущено только во время войны, а въ мирное время никакого иностраннаго войска не должно быть. Наконецъ, Крижаничъ высказывается принципіально противъ постоянныхъ дипломатическихъ сношеній съ иностранными государствами и предлагаетъ принимать и отправлять посольства только

въ случахъ „великихъ годныхъ причинъ“ [1]). Всѣ эти мѣры, очевидно, имѣютъ тотъ смыслъ, что обороняютъ русскихъ людей отъ слишкомъ частаго или слишкомъ тѣснаго сближенія съ иностранцами, а черезъ нихъ—съ иностранной культурой, съ чуждыми русской жизни идеями, нравами, обычаями. Такая замкнутость, которая должна установиться въ Россіи, обезпечитъ ей, по мнѣнію Крижанича, сохраненіе политической самостоятельности и избавитъ ее отъ экономической эксплоатаціи со стороны иностранцевъ, преимущественно—нѣмцевъ. Запрещеніе принимать иностранцевъ въ русское подданство въ связи съ запрещеніемъ строить иновѣрческіе храмы должно обезпечить національную и религіозную однородность населенія. Вѣнцомъ всего проекта являются мѣры, направленныя къ тому, чтобы на русскомъ престолѣ не могъ никогда оказаться иностранецъ. Проектъ Крижанича идетъ въ стѣсненіяхъ иностранцевъ, несомнѣнно, гораздо дальше московской практики, а въ вѣроисповѣдныхъ стѣсненіяхъ онъ идетъ даже въ разрѣзъ съ нею. Къ чужой вѣрѣ русскіе всегда относились съ большой терпимостью. Хотя на домогательства Поссевина московское правительство и отвѣтило, что „въ Московскомъ государствѣ много разныхъ вѣръ, и великій государь у нихъ ни у ково воли не отъимаетъ: живутъ по своей вѣрѣ, какъ кто хощетъ, а молбищъ никакихъ еще по се время никоторые вѣры въ Московскомъ государствѣ не ставливали“,—на самомъ дѣлѣ уже съ XVI вѣка лютеране пользовались въ Москвѣ не только свободой личнаго исповѣданія, но и свободой общественнаго богослуженія [2]). Въ какой степени всѣ эти мѣры борьбы съ иностраннымъ вліяніемъ, которыя предлагалъ Крижаничъ, вызывались дѣйствительностью, — объ этомъ

[1]) Систематическое изложеніе всѣхъ мѣръ противъ иностранцевъ см. I стр. 370—372. Кромѣ того, I стр. 310, 321—326, 333, 360, 368—369, 376; II стр. 22, 37, 62, 72, 75—76.

[2]) Д. Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. М. 1886, стр. 276 и Прилож. стр. VIII. Его-же, Положеніе иновѣрія въ Россіи, 1904, стр. 9—16, 26—28.

можно спорить. Можетъ быть, современная Крижаничу русская жизнь вовсе не представляла картинъ такого засилья иностранцевъ, такого порабощенія русскаго духа, которыя вызывали бы необходимость возведенія высокихъ пограничныхъ стѣнъ, и съ этой стороны можно, пожалуй, утверждать, что страхи Крижанича слишкомъ преувеличены, и предлагаемыя имъ мѣры огражденія не соотвѣтствуютъ силѣ опасности. Но едва-ли справедливо будетъ упрекать его въ противорѣчіи. Едва-ли можно утверждать, какъ это дѣлаютъ его критики, что его просвѣтительные планы, его желаніе видѣть Россію просвѣщенною никакимъ образомъ не могутъ быть согласованы съ проектомъ, направленнымъ противъ иностраннаго вліянія. Даже допуская, что „чужебѣсіе", склонность ко всему иностранному у славянъ не составляетъ ихъ природной черты, а есть только слѣдствіе ихъ невысокаго культурнаго развитія и должно исчезнуть вмѣстѣ съ поднятіемъ національнаго самосознанія, какъ слѣдствіемъ образованности, нельзя все-таки не видѣть, что Крижаничъ могъ ожидать этого только въ весьма отдаленномъ будущемъ. Для реальнаго же политика, какимъ всегда былъ Крижаничъ, имѣютъ не меньшее значеніе интересы даннаго времени. И съ этой стороны, представляется важнымъ не возлагать всѣ надежды на самосознаніе народа и не ожидать, пока оно поднимется, а принимать дѣйствительныя мѣры къ охранѣ политической независимости и духовной самобытности народа и тѣмъ обезпечить самую возможность проявленія національнаго самосознанія. Сначала укрѣпить Россію, утвердить сложившуюся въ ней форму правленія, дать русскимъ людямъ средства отражать натиски иностранцевъ, а затѣмъ уже просвѣтить ее —этотъ планъ съ совершенной ясностью встаетъ передъ всякимъ, кто внимательно вчитывался въ сочиненія Крижанича. Никакого противорѣчія здѣсь нѣтъ. А затѣмъ, вполнѣ возможно допустить у Крижанича такое міросозерцаніе, такой взглядъ на образованность, съ точки зрѣнія которыхъ можно проводить рѣзкое различіе между техническимъ знаніемъ, съ одной стороны, и тѣми элемен-

тами образованности, которые затрагиваютъ самую сущность народнаго духа, — съ другой. Представителей техническихъ знаній — мастеровъ, художниковъ, музыкантовъ, врачей и имъ подобныхъ Крижаничъ свободно допускаетъ въ Россію и думаетъ, что они будутъ содѣйствовать поднятію уровня образованія, но онъ считаетъ опаснымъ предоставить полную свободу иностраннымъ религіямъ, иностранной торговлѣ, европейскому театру. Въ этомъ не только нѣтъ противорѣчія, но это вполнѣ послѣдовательно, если имѣть въ виду всю совокупность мѣръ, предлагаемыхъ Крижаничемъ для упроченія русской государственной жизни на національныхъ основахъ [1]).

Таковъ, въ главномъ его содержаніи, выставляемый Крижаничемъ планъ преобразованій и исправленій. Въ общемъ, онъ сводится къ возстановленію здоровыхъ началъ государственнаго быта, которыя съ теченіемъ времени, вслѣдствіе разныхъ историческихъ событій, были забыты и попраны. Крижаничъ не сомнѣвался въ томъ, что онъ правильно понялъ эти начала. Этимъ объясняется смѣлость и настойчивость, съ какими онъ предлагалъ русскому обществу свой планъ. Навязывать непремѣнно свое, предлагать то, что невполнѣ отвѣчало бы настроенію и взглядамъ этого общества, онъ не хотѣлъ. На-оборотъ, ему представлялось необходимымъ въ интересахъ дѣла, чтобы все преобразованіе, всѣ отдѣльныя мѣропріятія, направленныя къ нему, прошли въ жизнь при участіи самого общества, съ его согласія и одобренія и при тѣсномъ единеніи между обществомъ и царемъ. Весь свой преобразовательный планъ Крижаничъ излагаетъ въ формѣ рѣчи царя къ народу. Царь созываетъ народъ или народныхъ представителей на соборъ, объясняетъ собору причины, породившія различныя нестроенія въ государственномъ бытѣ, и выражаетъ свое твердое желаніе исправить эти нестроенія [2]). Царь высказываетъ собору, что основанія

[1]) См. возраженія Крижаничу у Д. Цвѣтаева (Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, М. 1890 стр. 775).

[2]) I стр. 308—309.

предполагаемыхъ преобразованій должны быть установлены съ общаго согласія и по общему убѣжденію: „треба есть, да общимъ совѣтомъ разтрясемъ и предумаемъ основаніе общаго добра, илити опыя вещи, коя гъ Божіей славѣ и ко всего народа утверженію, долгому вѣкованію и почтенію пристоятъ“ [1]). „Народнымъ соймомъ“ подтверждается и упрочивается самодержавіе; „общимъ соизволеніемъ“ намѣчаются новые источники государственныхъ доходовъ, которые должны замѣнить собою отмѣненныя монополіи [2]). Такимъ образомъ, участіе народа занимаетъ въ планѣ Крижанича не случайное мѣсто. Оно необходимо по самому существу этого плана и составляетъ его естественное завершеніе.

---

[1]) I стр. 309; II стр. 19.

[2]) I стр. 310 и 359.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Общее направленіе русской политики. Главнѣйшіе вопросы внутренней политики.

Установивъ свою точку зрѣнія на государственный бытъ Россіи, указавъ его свѣтлыя и темныя стороны и намѣтивъ планъ его преобразованій, Крижаничъ стремится опредѣлить и общее направленіе русской политики—внутренней и внѣшней. Уже одно географическое положеніе Россіи, какъ и другихъ славянскихъ народовъ, между востокомъ и западомъ дѣлаетъ необходимымъ внимательное отношеніе къ этому вопросу. „Наше славянское племя, говоритъ Крижаничъ, лежитъ между двумя могущественнѣйшими народами, между скиѳами и нѣмцами, изъ которыхъ каждый разѣваетъ пасть на нашу гибель. Скиѳы берутъ надъ нами верхъ воинскою быстротою и ловкостью, а нѣмцы—мудростью и искусствами. Что-же мы имѣемъ или можемъ имѣть особеннаго передъ другими народами? Мы имѣемъ великое сокровище, если бы мы только знали о немъ и пользовались имъ. Осторожность и бодрствованіе, это — наше сокровище, которымъ мы можемъ взять верхъ надъ всѣми народами Европы“ [1]). Итакъ, по мнѣнію Крижанича, необходима величайшая осторожность въ направленіи всей русской государственной жизни—необходима, прежде всего, для того, чтобы охранить цѣлость и политическую независимость Россіи отъ посягательства съ востока и запада. Но еще большую, чѣмъ для политической самостоятельности Россіи, Крижаничъ видитъ

---

[1]) Разговоры II стр. 172 — 173.

опасность для ея самостоятельности культурной, и также съ двухъ сторонъ — съ тою только разницей, что представителями востока, носителями его культуры являются уже не скиѳы, а греки. Греки и нѣмцы, по взгляду Крижанича, — исконные, заклятые враги Россіи, которые всякими обманами, хитростями мучатъ, безпокоятъ ее, стараются привлечь ее на свою сторону. Они подсовываютъ намъ свои взгляды, свои идеи, свои нравы — не для нашего блага, а для своего собственнаго. И какъ ни противоположны другъ другу во многихъ отношеніяхъ греки и нѣмцы, какъ ни противоположны самые идеалы, во имя которыхъ они борются, но въ одномъ они сходятся,—въ энергіи, съ которой они ведутъ свой натискъ, такъ что можно подумать, что они находятся другъ съ другомъ въ тайномъ заговорѣ [1]). Кого же слѣдуетъ Россіи слушать, за кѣмъ идти, чьими идеалами вдохновляться? Идти ли за нѣмцами, представителями европейской культуры, европейской образованности, или за греками, отъ которыхъ Русь получила свѣтъ христіанскаго ученія и, вмѣстѣ съ нимъ, начатки своего просвѣщенія? Стоять ли на точкѣ этого просвѣщенія, по существу своему и по происхожденію—византійскаго, или повернуть русскую жизнь на путь просвѣщенія европейскаго? Этому вопросу, котораго Крижаничъ касается во многихъ мѣстахъ всѣхъ своихъ сочиненій, онъ посвящаетъ особую главу подъ названіемъ „De contrariis tentationibus Russiae“. Въ этой главѣ, а также вездѣ, гдѣ только онъ затрагиваетъ этотъ вопросъ, Крижаничъ высказываетъ глубокое убѣжденіе, что Россія не должна идти ни за нѣмцами, ни за греками, что ея путь совершенно особый, лишенный уклоненій и въ ту, и въ другую сторону, и что указать, опредѣлить этотъ путь намъ можетъ только нашъ собственный разумъ.

[1]) II, стр. 174: Duo populi sunt, qui Russiam contrariis imposturis tentant, distrahunt, ac discerpunt: Germani et Graeci. Hi enim duo populi, quamvis in plerisque rebus inter se sint contrarii, in hoc tamen tentandi proposito egregie concordant: adeo ut in nostram perniciem conjurasse videantur.

Доказываетъ Крижаничъ свою мысль подробнымъ разсмотрѣніемъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ расходятся нѣмцы и греки или, говоря иначе, расходится европейская и византійская культура.

„Нѣмцы, говоритъ Крижаничъ, убѣждаютъ насъ ко всему новому. Они хотятъ отъ насъ, чтобы, презрѣвъ всѣ похвальныя древнія учрежденія и нравы, мы сообразовались съ ихъ извращенными нравами и законами. А греки рѣшительно осуждаютъ всякую новизну; кричатъ и повторяютъ, что все новое есть зло. И между тѣмъ они навязываютъ намъ все-таки нѣкоторыя свои новизны подъ именемъ старины. Разумъ же убѣждаетъ, что ничего нельзя назвать злымъ или добрымъ по причинѣ одной только новизны; но всякое добро, и всякое зло сначала бываетъ новымъ. Нѣтъ теперь ничего стараго, что когда нибудь не было бы новымъ. Не легко, но съ большимъ разсужденіемъ слѣдуетъ принимать всякую новизну, ибо есть опасность ошибиться. Но не слѣдуетъ и отвергать хорошія вещи по причинѣ одной только ихъ новизны — вслѣдствіе той же опасности ошибиться. Вездѣ нужна большая обдуманность, — какъ въ томъ, чтобы принять, такъ и въ томъ, чтобы отвергнуть новое намѣреніе“ [1]). „Греки научили насъ нѣкогда православной вѣрѣ (fidem ortodoxam); нѣмцы проповѣдуютъ намъ нечестивыя и гибельныя для душъ ереси. А разумъ убѣждаетъ, чтобы мы за это оказывали грекамъ большую благодарность, а нѣмцевъ избѣгали и ненавидѣли, какъ драконовъ и демоновъ“ [2]). „Нѣмцы стараются насъ увлечь въ

[1]) II стр. 174—175.

[2]) II стр. 175. Крижаничъ указываетъ слѣдующій вредъ отъ нѣмцевъ въ области религіозной: они свободно толкуютъ писаніе (II, 177), порочатъ правую вѣру (II, 153—154), отвергаютъ соборы; отъ грековъ: они упразднили проповѣдь (II, 177), преувеличиваютъ значеніе обрядовъ (II, 214), отвергаютъ соборы (II, 215). Ср. слѣд. слова Крижанича: Impii Machiavellistae vehementer laudant et approbant consilium Mahometi et suadent principibus, dicentes: Qui vult esse potens et gloriosus, is debet (si potest) condere novam fidem sive novam sectam. Patres autem sancti et doctores christiani docent: si quis princeps

свою школу. Они навязываютъ намъ, подъ именемъ наукъ, демонскія фокусничества, астрологію, алхимію, магію. Греки осуждаютъ всякое знаніе, всякую науку и предлагаютъ намъ невѣжество. А разумъ убѣждаетъ, чтобы демонскихъ фокусничествъ мы избѣгали точно также, какъ самого демона, и признали, что невѣжество не можетъ произвести ничего хорошаго; чтобы къ философскимъ наукамъ мы относились не такъ стремительно и свободно, какъ относятся къ нимъ нѣмцы, но чтобы изучали ихъ съ той умѣренностью, съ какою ихъ изучали и преподавали святые отцы. Ибо святые отцы умѣренно излагали и восхваляли философскія науки, и потому никто не можетъ отвергнуть философію, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не отвергнуть и св. отцовъ. Но какъ всякое почти добро, если будетъ излишне, обращается во зло, такъ и философія, если будетъ общимъ достояніемъ цѣлаго народа, приноситъ съ собой много вопросовъ и волненій и многихъ отвлекаетъ отъ труда къ праздности, какъ мы это видимъ у нѣмцевъ" [1]). „Нѣмцы совѣтуютъ намъ предаваться всякой плотской распущенности и относиться съ презрѣніемъ къ монашеской жизни, къ постамъ, ночнымъ молитвамъ и всякому умерщвленію плоти. Греки не только совѣтуютъ, чтобы мы соблюдали истинное и по-

christianus vult esse potens, gloriosus et Deo carus, is debet non novam sectam condere, sed antiquam fidem nova et illustri sua industria confirmare. Sic fecit Constantinus et quidam alii pii reges Christianorum. Sciendum est de Germanis, quod ipsi consentiunt cum Mahometanis et cum Graecis in hoc solo, quod damnant concilia: Germani enim et antiqua concilia blasfemant et novi concilii iudicio se non submittunt (Разговоры, рукоп., стр. 514). Здѣсь Крижаничъ рѣшительно высказывается за консерватизмъ въ дѣлахъ вѣры. Съ другой стороны, Крижаничъ не одобряетъ полное отсутствіе прогресса у Магометанъ, qui non patiuntur filosofiam, non tipografiam, non concilia, non disputationes (тамъ же, рукоп., стр. 510).

[1]) II, стр. 176. Объ отрицательномъ отношеніи грековъ къ философіи ср. еще II, стр. 215: Iniuria 3-a. Prohibent nobis, ne discamus ullas bonas filosoficas disciplinas, sed maneamus in tenebrosa et perniciosa ignorantia. — Объ алхиміи и астрологіи нѣмцевъ см. еще II, стр. 250.

хвальное христіанское умерщвленіе плоти (Christianorum mortificationes), но сверхъ того еще вводятъ какія то фарисейскія суевѣрія и суетное благочестіе. Тѣлеснымъ омовеніемъ они хотятъ смыть грязь духа, а духовнымъ омовеніемъ (молитвами священниковъ)—хотятъ смыть нечистоту тѣлесную. А разумъ совѣтуетъ, чтобы мы ни въ какомъ случаѣ не допускали плотской распущенности и не отвергали дѣлъ покаянія и умерщвленія плоти, новые же, подозрительные и неизвѣстные ни соборамъ, ни св. отцамъ виды благочестія тщательно изслѣдовали. Въ политическихъ дѣлахъ греки указываютъ намъ и совѣтуютъ во всемъ поступать по примѣру турецкой Порты. Будучи сами неучеными и неопытными, греки въ этомъ дѣлѣ ничего не могутъ намъ сказать другого, какъ только то, что они видятъ въ турецкой Портѣ. Нѣмцы же порицаютъ всѣ учрежденія, нравы и законы турокъ. И только по той причинѣ, что это— турецкое, они объявляютъ его варварскимъ, нечеловѣчнымъ, скотскимъ. А разумъ убѣждаетъ, что у турецкаго народа есть нѣкоторыя учрежденія очень хорошія и достойныя подражанія, — но, однако, не всѣ" [1]). Нѣмцы распространяютъ роскошь. „Треба есть знать объ Нѣмцехъ; еже они есуть всю Европу заражали избыткованіемъ, пребуйностію и всякими тѣлесными выгодами, мяхкотами и распустами... У Нѣмцевъ незаобычныя и безмѣрныя разкоши паче суть ся умножили, неже суть были умножены въ коемъ нибудь иномъ народу изкони вѣковъ. Становито да бѣху сада отъ смерти встали Сардапапалъ, и Соломонъ, и древни оны Сибаряны (коихъ остудныя разкоши есуть всему свѣту въ приповѣсть пошли), зачудили бѣхуся и изповѣдали бы, еже ниховыя ярпости и остыды есуть были нижи и меньши отъ нѣмецкихъ прокшей, и они въ тѣлесныхъ выгодахъ далеко преодолѣны отъ Нѣмцевъ. Нѣмцы непщятъ: яко да бы все едно было, христіанинъ и разкошникъ. И аще кто не пловетъ и не тонетъ въ мяхкотахъ, въ похотехъ и во всякой мясной

[1]) II стр. 178—179.

выгодѣ, оного не почитають быть христіаниномъ, но барбариномъ, лѣсякомъ, дивымъ звѣремъ“ [1]). Въ этомъ отношеніи съ нѣмцами сходятся и греки, которые тоже склонны къ роскошной жизни. Но намъ слѣдуетъ помнить, что и по личнымъ своимъ качествамъ, и по бѣдности природы, которая насъ окружаетъ, мы не можемъ соперничать съ другими народами во внѣшнемъ благоустройствѣ жизни, и если мы смѣемся надъ самоѣдами, остяками и другими дикарями, когда они стараются подражать намъ, то такое же впечатлѣніе производимъ мы сами, когда хотимъ подражать нѣмцамъ и грекамъ въ своей наружности, въ платьѣ и, вообще, въ своихъ нравахъ [2]). Русскіе занимаютъ середину между т. н. культурными народами и народами дикими, и этой середины они и должны держаться. Но кромѣ этого одного пункта, гдѣ нѣмцы и греки сходятся, въ остальномъ они рѣзко другъ съ другомъ расходятся, и при томъ это различіе ихъ чисто принципіальное, такъ какъ вытекаетъ изъ различія міросозерцанія. Нѣмцы совѣтуютъ намъ приспособляться къ міру, во всемъ подражать ему (ut accomodemus nos mundo), въ особенности, принимать нравы самихъ

[1]) II стр. 152. Ср. 154, 331 и друг.

[2]) Разговоры, стр. 715: Nobis autem singulariter sciendum est, quod sicut nos acumine ingenii et pulcritudine faciei et perfectione linguae nullo modo possimus adaequare aliquas gentes: ita est terra nostra plurimarum rerum (quae ad opes et delicias pertinent) penuriam patitur et nullo modo ad eas sufficit aut eas . . . non gignit. Debemus igitur cognoscere tarditatem ingenii et linguae nostrae et paupertatem terrae nostrae et contenti esse illa gratia et illo medioeri ordine, quem nobis Deus dedit inter ceteras gentes mundi. Sicut quippe aliae gentes, quae nos in variis superant, sunt et aliae, quae a nobis superantur in nonnullis. Certe si nos videremus Mangarienses, Samoiedos, Ostiacos velle imitari nostros mores . . . . miraremur et rideremus eos aut misereremur insaniae eorum. Sic autem plane nobiscum fit, dum volumus Graecorum et Germanorum delicias in victu et amictu et in superbis titulis ac pompis et in variis vanitatibus imitari, quae res pleraeque nobis impossibiles sunt. Sericum apud nos non nascit neque uniones et tamen omnes . . . scribae et peditum uxores volunt incedere in serico et in unionibus etc. (рукоп.).

нѣмцевъ и другихъ европейскихъ народовъ, которымъ и нѣмцы стремятся подражать. Они утверждаютъ, что все наше скверно и исполнено недостатковъ, а все, что у нихъ, хорошо или, по крайней мѣрѣ, лучше, чѣмъ наше. Къ этому мнѣнію, говоритъ Крижаничъ, нѣмцы успѣли склонить и многихъ изъ нашихъ людей, такъ что они теперь себя вмѣстѣ съ своимъ народомъ считаютъ самыми жалкими изъ смертныхъ. Греки же, напротивъ, убѣждаютъ насъ ни въ чемъ не приноровляться къ міру, такъ какъ міръ весь во злѣ лежитъ, но оставаться при всѣхъ нашихъ древнихъ учрежденіяхъ, которыя мы отъ грековъ же и получили. А если есть у насъ что нибудь, что мы не отъ нихъ получили, то это они предлагаютъ измѣнить [1]). По мнѣнію Крижанича, опасно желать во всемъ приспособляться къ міру, ибо онъ, дѣйствительно, весь во злѣ лежитъ, а во-вторыхъ, онъ слишкомъ разнообразенъ. Но опасно также и легкомысленно было бы во всемъ идти за одними греками или за однимъ какимъ нибудь другимъ народомъ, не изслѣдовавъ прежде ихъ нравовъ и законовъ. Безразсудно думать, что мы благоразуміемъ, политикой, чистотой ученія, святостью жизни или другими добродѣтелями превосходимъ или можемъ превзойти другіе народы. Надобно прислушиваться къ тому, что о насъ говорятъ сосѣди, но ихъ мнѣніе нужно принимать съ разборомъ. Надо приспособляться къ міру, потому

[1]) Разг., стр. 730: Germani nobis suadent, ut accomodemus nos mundo in omnibus maximeque ad mores ipsis Germanis usitatos et ad caeteros gentes Europeas, ad quos ipsi Germani sese accomodare student. Nostra enim omnia vitiosa et mala, sua vero omnia bona, aut nostris meliora esse praedicant. Et in hanc opinionem multos nostratium Germani induxerunt. Adeo ut aliqui nostrates existiment semet ipsos cum tota sua gente omnium mortalium esse miserrimos. Graeci vero (quia iam pridem induxerunt nos in suos mores) praedicant nobis: Ut in nullo se accomodemus mundo: quoniam mundus totus in maligno positus est; sed ut potius permaneamus constantes in omnibus antiquis consuetudinibus, quas ab ipsis scilicet Graecis accepimus. Siquid autem est apud nos, quod non ab ipsis accepimus, illud quidem praedicant esse mutandum (рукоп.).

что онъ къ намъ приспособляться не будетъ; но надо при этомъ брать отъ него только то, что не противорѣчитъ внутреннимъ основамъ („тайнымъ твердностямъ“) нашего государства и можетъ быть полезно народу нашему. Въ чемъ же слѣдуетъ, и въ чемъ не слѣдуетъ подражать? Не слѣдуетъ перенимать отъ другихъ народовъ одежду, пляски, увеселенія, роскошь, кулачные бои, поединки, военныя игры, комедіи и тому подобную суету; на-оборотъ, нужно подражать другимъ въ благоразуміи, твердости характера, положительности, трезвости, соблюденіи приличій, а въ особенности, нужно брать съ другихъ народовъ примѣръ любви ко всему родному и искорененія въ себѣ подражательности, болѣзненной и смѣшной склонности ко всему иностранному. Въ этомъ смыслѣ, главнымъ образомъ, и нужно понимать заповѣдь приспособленія себя къ міру [1]). Можно понимать

[1]) Разг., стр. 730—732: Perniciosum in omnibus velle se accomodare mundo. Tum quia mundus totus in malitia positus est, tum quia varius est. Periculosum et temerarium est in omnibus velle se adhaerere solis Graecis aut uni cuique genti: nisi antea omnes illius mores ac leges bene examenaverimus. Stultissimum enim est existimare, quod nos postremi gentium prudentia, politica, puritate doctrinae, sanctitate vitae ceterisque virtutibus omnes gentes superemus aut superare possemus. Rex quidam ad filium suum conscripserat in libro praecepta vitae et varia documenta regnandi. Inter alia scripsit hoc documentum: O sine, ne budi ti to dosta, cza ti sam uzrisz i otwisi ob swoem kralestvu: nit to cza twoyi poddaniki (laskaiuč se ili boiec se) sebi požidaiut; nego izžiday nastoino, cza i porubežni narodi ob tebi i ob twoiem narodu goworet. Nikto bo nemožet pocztenia i dobrye slawi sam sebi sotworit, nit siloiu wziat: nego wsa nasza slawa i prezinba stroyit w liudskoy oblasti. Liudi goworet ob nas, ne kako bismo mi hotili, nego kako oni hotet. Kto nehaiet, cza ob nyem lyudi goworet, i ni w niczto nepoczitaiet obiego zgodnogo inih narodow razcinyenia, on neznaiet, cza iest pocztenie i precinba. Ako ti hoczesz imat weliku precinbu na switu, i da te narodi wisoko poczitaiut, prisposoblyay se ko switu: abo swit neprisposobit se k tebi. A se primi z razborom: ne wo wsakih zakoneh ili obiczaieh, no liho w pobocznih: tainim naszego kralyestwa twerdnostem i podporam nesuprotiwnih i naszemu narodu w poleznih wečeh prilagay se ko switu. Sic ille rem distinxit: non tamen satis explicavit, quibus in rebus debemus nos accomodare nos mundo aut

ее еще и иначе. Нужно разсмотрѣть, что особенно хорошаго у того народа, которому мы желаемъ подражать, чѣмъ онъ выдается, какими добродѣтелями славится, и это стараться у него перенять. Напримѣръ, у итальянцевъ, у испанцевъ, у турокъ замѣчается удивительная трезвость населенія, — мы, на-оборотъ, склонны къ самому безобразному пьянству; венгерцы, итальянцы, задунайскіе славяне отличаются честностью и скромностью въ разговорѣ, у насъ этихъ качествъ нѣтъ. Такимъ образомъ, мы будемъ брать отъ каждаго народа то, что у него есть лучшаго, и сами будемъ постепенно становиться лучше. Но и при этомъ также подражательность не должна распространяться ни на религію, ни на государственное устройство: то и другое должно оставаться неизмѣннымъ [1]).

mundi iudicia de nobis audire et in quibus non. Itaque res explicatione indiget. Ego vero, o sodales, non suadeo vobis aemulari vestimenta, saltationes, lusus, luxum, pugillatum, monomachias, ludos militares, comedias et alias vanitates alienigenarum: sed opto, ut nostri homines aemularent prudentiam et constantiam aliorum populorum. Item sobrietatem, honestatem loquendi et gravitatem... Circumspicite mihi vos universum orbem et omnes gentes, sicut hodie existunt; perlegite etiam omnes annales gentium, ut cognoscatis, quid in praeteritibus temporibus ab exordio hominum actum sit inter gentes et regna mundi. Deinde examinate singillatim omnes causas sive modus xenomaniae, per quos heri dicebamus perditam esse reputationem nostrae gentis. Et praemitto vobis, quod nullam gentem reperietis, quae vel in decima parte tantum peccasset in istis plurimis xenomaniae et opprobriorum modis, sicut peccavit nostra natio (рукоп.). Та же мысль на стр. 599 рукоп.

[1]) Разгов., стр. 733—734: plerique gentes ostendunt de se prudentiam, gravitatem et constantiam magnam; nos vero ostendimus disprudentiam, levitatem et inconstantiam, toti orbi ridiculum. Et nos ergo debemus ceteras gentes imitari in prudentia, constantia et gravitate earum et eradicare a nobis omnem ... xenomaniam et xenomimiam, si volumus recuperare amissam reputationem. Et hoc est quod dicebam, accomodemus nos mundo. Alterum caput accomodationis est, ut respiciamus varios populos et consideremus in quo aliqua popularis communisque virtus elucet, quam nos debemus aemulari. Exempli causa: in Italis, Hispanis et Turcis elucet mira sobrietas; in nobis contra faedissima ebriositas. Apud Ungaros, Italos et transdanubianos Sclavinos apparet

Отсюда видно, что путь, который указывалъ Крижаничъ современной ему русской государственной и общественной жизни, можетъ быть опредѣленъ, какъ среднiй путь, и притомъ въ нѣсколькихъ отношенiяхъ. Во-первыхъ, Крижаничъ стремится занять положенiе между крайними ревнителями старины и безусловными сторонниками нововведенiй. Первые исходили изъ представленiя объ особомъ мiровомъ призванiи Руси, какъ наслѣдницы Византiи и единственной охранительницы чистаго, ничѣмъ неповрежденнаго православiя, а отсюда дѣлали выводъ, что имъ нечему учиться не только у нѣмцевъ, но и у грековъ, что Русь должна во всемъ остаться такою, какъ она есть. Вторые, на-оборотъ, во всемъ поклонялись иностранцамъ, осуждали не только пороки тогдашняго русскаго общества, но и такiя черты нравовъ и общественнаго строя, которыя ничего дурного въ себѣ не заключали, а объяснялись лишь особымъ ходомъ нацiональнаго развитiя; такимъ людямъ все иностранное казалось лучше, чѣмъ свое. Крижаничъ тѣмъ и другимъ не сочувствуетъ въ одинаковой мѣрѣ. Ему противно всякое выраженiе нацiональнаго самомнѣнiя; онъ съ пре-

magna in loquendo modestia et honestas; apud nos autem turpissima scurrilitas, et quod faedissimum est, in sacerdotibus, publice in conviviis. — Далѣе К. указываетъ, въ чемъ не слѣдуетъ подражать. — Primo: in omnibus illis rebus, quae ad pietatem (sive ad Dei cultum et ad animarum nostrarum salutem) pertinent, nulla modo debemus imitari mundum; neque intueri, quid varii populi faciant aut sentiant. Mundus enim totus in maligno positus est, ut ait... (точки Крижанича). Audire autem debemus in istis rebus sanctos patres, sacra consilia et legitimos pastores ecclesiae. Secundo: in illis rebus, quae pertinent ad firmamenta sive ad secreta sustentacula regni generisque nostri, et quae perinde nobis magis notae sunt et esse debent, quam alienigenis; non debemus nos aemulari consuetudines alienigenarum neque audire consilia ipsorum... Tertio: cogitandum est generatim de omnibus erroribus politicis, ut ab iis nobis caveamus. Quemadmodum enim in doctrina spirituali sunt quaedam hereses spirituales, per quas amittitur salus animarum: ita sunt in mundo aliae hereses politicae, sive errores hominum, per quos amittitur honor, reputatio et potentia regnorum (рукоп.).

зрѣніемъ отзывается о тѣхъ русскихъ людяхъ, которые убѣждены, что русскій народъ умнѣе, святѣе, счастливѣе всякаго другого народа, которые ничему и ни у кого не хотятъ учиться, которые и самые пороки русскаго общества стремятся возвести въ идеалъ и возстаютъ принципіально противъ какихъ бы то ни было преобразованій [1]). Въ этомъ отношеніи Крижаничъ рѣзко расходится съ противниками Никона и его реформъ, которые стояли именно на почвѣ такого національнаго самомнѣнія [2]). Но, признавая возможность преобразованій и заимствованій, Крижаничъ въ то же время рекомендуетъ и крайнюю осторожность во всякой преобразовательной дѣятельности. Всякому заимствованію должно предшествовать спокойное, безпристрастное изслѣдованіе своихъ достоинствъ и недостатковъ, а также достоинствъ и недостатковъ, замѣчаемыхъ у другихъ народовъ; заимствованіе ни въ коемъ случаѣ не должно переходить въ слѣпое подражаніе, въ поклоненіе чужому только потому, что оно чужое. Затѣмъ, Крижаничъ предостерегаетъ противъ увлеченія однимъ какимъ нибудь народомъ, которое легко переходитъ въ манію, и предлагаетъ присматриваться ко всѣмъ народамъ, съ которыми только приходится сталкиваться, и отъ каждаго брать то, что у него есть хорошаго; при этомъ условіи заимствованіе не будетъ имѣть характера односторонности. Наконецъ, есть такія стороны русской жизни, въ которыхъ Крижаничъ не допускаетъ уже никакихъ заимствованій, которыя должны оставаться неизмѣнными въ томъ видѣ, какъ онѣ сложились, или должны развиваться извнутри, вполнѣ самобытно. Такой охраны національной самобытности

[1]) Разгов., стр. 730: Ex nostratibus autem sunt quidam nimium fabulis et praesumptione decepti: adeo ut putent, Russiacam gentem hodie non solum Germanis, sed et ipsismet Graecis et reliquis gentibus prudentia, et sanctitate, et felicitate praestare. Ideoque contemnunt omnia etiam Graecos et putant sibi fas esse novas leges et novas mores condere (рукоп.).

[2]) См. Н. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, т. I. Серг. Посадъ, 1909, стр. 27.

онъ требуетъ для внѣшняго облика русскаго человѣка, для простоты нравовъ — Крижаничъ ратуетъ противъ иноземной одежды, игръ, танцевъ, театральныхъ зрѣлищъ, поединковъ и т. п.; въ особенности же выступаетъ онъ противъ всякихъ заимствованій во всемъ, что касается религіи и государственнаго устройства—этихъ „твердостей", на которыхъ зиждется весь строй русской жизни. Въ этомъ отношеніи Крижаничъ не одобрилъ бы такого, въ общемъ, умѣреннаго западника, какимъ былъ, напримѣръ, Арт. Матвѣевъ: онъ не простилъ бы ему его увлеченія европейскимъ театромъ [1]). Еще менѣе одобрилъ бы онъ такихъ преобразователей, какимъ выступилъ нѣсколько позже князь В. В. Голицынъ, думавшій о вѣротерпимости, о свободномъ въѣздѣ иностранцевъ въ Россію и т. д. [2]).—Затѣмъ, путь, намѣчаемый Крижаничемъ, можетъ быть названъ среднимъ еще и по другой причинѣ. Признавая возможность и даже необходимость заимствованій и полезныхъ вліяній, Крижаничъ высказываетъ при этомъ убѣжденіе, что Россія не должна поддаваться вполнѣ ни греческому, ни нѣмецкому (вообще, западно-европейскому) вліянію, но должна, по возможности, стараться сочетать оба эти вліянія. При этомъ онъ не осуждаетъ вполнѣ ни греческой, ни нѣмецкой культуры, признаетъ за греками большія заслуги по отношенію къ Россіи, и допускаетъ, что отъ общенія съ Западомъ Россія много можетъ выиграть, но онъ настаиваетъ на томъ, что и греческая и европейская культура сильно страдаютъ односторонностью. Особенно, эта односторонность проявляется въ сферѣ религіи, науки и политики. И потому Крижаничъ предлагаетъ Россіи слѣдовать, въ этомъ отношеніи, указаніямъ собственнаго разума т. е., иначе,—заимствуя то или иное отъ грековъ и отъ нѣмцевъ, не впадать въ такую же односторонность, въ какую впали они, стараться примирять,

[1]) См. Костомаровъ. Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ, II, стр. 150—152.

[2]) См. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, часть III, М. 1908, стр. 457—463.

сглаживать замѣчаемыя у нихъ противорѣчія. Крижаничъ не выставляетъ вполнѣ точной формулы, которая давала бы возможность примирять эти противорѣчія во всѣхъ вопросахъ государственной политики, и потому опредѣлить направленіе предлагаемаго имъ средняго пути во всѣхъ его частяхъ представляется довольно труднымъ. Можно только сказать, что немного нашлось бы людей въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, которыхъ этотъ путь бы удовлетворилъ. Нападая одновременно на грековъ и на нѣмцевъ, Крижаничъ, съ чисто формальной стороны, сильно приближался къ тѣмъ слоямъ русскаго общества, изъ которыхъ вышли противники Никоновскихъ реформъ, ибо эти слои такъ же, если не еще враждебнѣе, относились и къ грекамъ, и къ нѣмцамъ [1]). Это сходство (хотя и чисто формальное) тѣмъ любопытнѣе, что въ „Обличеніи Соловецкой челобитной" Крижаничъ вполнѣ опредѣленно сталъ на сторону Никона, а съ его противниками не сошелся ни въ одномъ пунктѣ. Но одной этой формальной только стороной сходство между ними и ограничивается, по существу же вопроса они рѣзко между собою расходятся, ибо противники Никона изъ враждебнаго отношенія къ грекамъ и нѣмцамъ дѣлаютъ выводъ о невозможности и недозволительности какихъ бы то ни было заимствованій, между тѣмъ Крижаничъ изъ тѣхъ же самыхъ отношеній дѣлаетъ выводъ прямо противоположный: онъ утверждаетъ, что нужно слушать и грековъ, и нѣмцевъ, но только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Не удовлетворилъ бы Крижаничъ и поклонниковъ западно-европейской цивилизаціи, ибо между ними не мало было людей,

[1]) Каптеревъ, назв. соч. стр. 63, 432 и слѣд. Бережковъ (назв. соч. стр. 65) замѣчаетъ, что взглядъ Крижанича на грековъ — взглядъ „весьма односторонній, несправедливый", объясняется его католическимъ образомъ мыслей, и что этотъ взглядъ изъ русскихъ никто не раздѣлялъ. Вліяніе католичества здѣсь, конечно, несомнѣнно, но въ какой мѣрѣ взглядъ Крижанича былъ одинокимъ, объ этомъ еще можно спорить. Ср. мнѣніе П. Милюкова (Очерки по ист. русской культуры ч. III, вып. 1, стр. 115).

увлекавшихся такими продуктами нѣмецкой культуры, какъ алхимія, астрологія, театральныя зрѣлища, которые Крижаничъ считалъ или ложными по существу или вредными, не подходящими для русскаго общества. Ближе всего подходилъ Крижаничъ къ такимъ людямъ, какими были Ординъ-Нащокинъ, Ртищевъ и самъ царь Алексѣй Михайловичъ, которые крѣпко держались сложившихся вѣками устоевъ русской жизни, относились съ уваженіемъ къ грекамъ, но не отказывались и отъ умѣреннаго подражанія западно-европейскимъ народамъ, отъ перениманія у нихъ того, что могло быть безъ труда пересажено на русскую почву [1]). Въ извѣстной мѣрѣ близокъ къ Крижаничу былъ и несчастный настоятель Заиконоспасскаго монастыря Сильвестръ Медвѣдевъ, впослѣдствіи—усердный собиратель его трудовъ [2]). Но и съ этими людьми Крижаничъ во многомъ бы не сошелся, какъ въ отношеніи принциповъ, на которыхъ могла бы быть построена его формула, такъ и въ отношеніи частныхъ выводовъ изъ этихъ принциповъ. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду и того, что въ опредѣленіи средняго пути между греками и нѣмцами — больше, чѣмъ гдѣ нибудь,—могло сказаться и вѣроисповѣданіе Крижанича; и мы не знаемъ, не представлялось ли ему иногда, что середина между нѣмцами-лютеранами и греками-православными лежитъ въ католичествѣ, хотя мы и не могли бы сказать, какъ при такомъ пониманіи середины должны быть рѣшены всѣ отдѣльные вопросы практической политики.

Но если Крижаничъ не далъ намъ общей формулы для опредѣленія направленія государственной политики [3]) въ

[1]) Каптеревъ, назв. соч. стр. 35; Костомаровъ, назв. соч. стр. 137—138; И. Козловскій, Ѳ. М. Ртищевъ, Кіевъ 1906, стр. 77—93, 120—121, 150—151.

[2]) См. А. Прозоровскій. Сильвестръ Медвѣдевъ, М. 1896, особенно стр. 194—197.

[3]) Вотъ еще одна попытка дать эту формулу. Разговоры, стр. 535: Ita nos miseri nescimus servare mediam viam; sed in utramque partem procul a veritate aberramus. Tu, o fili, noli auscultare hosce neque illam partem: utraque enim est vitiosa, sed tene viam mediam. Noli approbare

обновленной его преобразованіями Россіи, то эта формула, или, по крайней мѣрѣ, ея сущность легко можетъ быть усвоена изъ разсмотрѣнія того, какъ Крижаничъ разрѣшаетъ отдѣльныя задачи политики—и при томъ, самыя трудныя — которыя вскорѣ послѣ него, а отчасти и въ его время пришлось разрѣшать правительственной власти.

Первое мѣсто между всѣми вопросами внутренней политики, которыя разсматриваетъ Крижаничъ, слѣдуетъ—по его значенію — отвести вопросу о постановкѣ на Руси учебнаго дѣла. Въ соотвѣтствіи съ своимъ общимъ взглядомъ, что начало развитія наукъ у всѣхъ народовъ совпадаетъ съ разцвѣтомъ ихъ политическаго могущества (см. выше стр. 71), Крижаничъ высказываетъ убѣжденіе, что для русскихъ настала пора серьезнаго ученія, которое одно только можетъ вывести Россію изъ состоянія дикости, въ которомъ она еще находится: „намъ есть треба учиться, яко подъ честитымъ Благочестиваго Царя и Великого Господаря Алексѣя Михайловича владѣніемъ мочь хочемъ древнія дивячины плѣсень отерть, умѣтелей ся научить, похвалнѣи общенія начинъ пріять и блаженѣего стана дочекать“. Однако наука встрѣчаетъ на Руси сильное препятствіе со стороны тѣхъ, кто распространяетъ мысль, будто наука во всѣхъ ея видахъ — „богословіе, философія и языковъ ученіе“ — есть ересь или, по меньшей мѣрѣ, причина ересей. Крижаничъ съ этимъ мнѣніемъ хочетъ бороться. Священное Писаніе не только не отрицаетъ науки, но, на-оборотъ, относится съ похвалою ко всякой мудрости; ереси рождаются не только среди ученыхъ, но и среди неученыхъ людей. Примѣромъ можетъ служить Магометъ, который „не бяше мудеръ и никако-

simpliciter omnem antiquitatem neque omnem novitatem, sed proba id, quod est bonum. Et quidquid de novo facere volueris, noli ideo facere, quia hi aut illi homines ita faciunt, sed ideo, quia bonum est. Idris. O pater, sed quomodo cognoscam, quid sit bonum? Arsan. Hoc modo cognosces, o fili: solicite considera, an res illa, de qua consultas, egregie pertineat ad finem tuum, hoc est ad gloriam Dei et ad communem bonum gentis nostrae Satiricae. Secundo, an sit contraria aliis bonis institutis, aut arcanis firmamentis regni et gentis nostrae Satiricae (рукоп.).

выхъ мудрыхъ бесѣдъ, либо мудрыхъ обмановъ не удума, но крайнюю глупость пописа въ своихъ книгахъ. Ино вѣдь онъ есть могелъ зачать и наплодить ересь найширую па свѣтѣ". Да и на Руси, прибавляетъ Крижаничъ, не отъ глупыхъ ли, неученыхъ мужиковъ пошли ереси и церковные раздоры? Ибо только глупостью можно объяснить, какъ аллилуія или замѣна слова „срачица" словомъ „саванъ" могли породить расколъ. Ереси и суевѣрія возникаютъ скорѣе отъ невѣжества, а образованіе способствуетъ ихъ искорененію, и только ложная ученость, ложная мудрость могутъ ихъ породить. Св. отцы были, дѣйствительно, мудрые люди, и отъ нихъ не пошло никакой ереси, между тѣмъ какъ Арій только считалъ себя мудрымъ, на самомъ же дѣлѣ былъ невѣжда, и потому создалъ еретическое ученіе. Наконецъ, если даже допустить, что отъ науки бываетъ иногда вредъ, то это еще недостаточное основаніе къ отрицанію науки. Огонь, вода, желѣзо бываютъ причиной смерти людей, но изъ-за этого никто не отказывается отъ ихъ употребленія — очевидно потому, что польза, отъ нихъ получаемая, неизмѣримо выше того вреда, который они случайно могутъ причинить. Тоже самое и съ наукой: она необходима людямъ, безъ нея нельзя жить; значитъ, нужно мириться и съ тѣмъ, что нѣкоторые дѣлаютъ изъ нея неправильное употребленіе [1]).

Однако положеніе, какое занимаетъ наука на западѣ Европы, и, вообще, вся система европейскаго образованія Крижанича не удовлетворяетъ, и онъ даетъ обстоятельную, подробную и, по своему характеру, суровую критику этой системы. Въ западныхъ государствахъ, говоритъ онъ, существуютъ общественныя школы, основанныя государями, въ которыхъ учатъ доктора и магистры, состоящіе на жалованьи. Первое мѣсто, по своему достоинству, занимаетъ докторъ богословія, а за нимъ идетъ докторъ правъ. У нѣмцевъ, поясняетъ Крижаничъ, такъ много законовъ, что для изученія ихъ учреждены особыя школы, но это не помогаетъ дѣлу, ибо боль-

[1]) I стр. 110—112.

шое количество законовъ вноситъ большую путаницу, и справедливости трудно добиться. Третье мѣсто занимаетъ докторъ медицины, затѣмъ докторъ философіи и магистры: математики, реторики и грамматики [1]). Вообще, въ Европѣ существуетъ только три докторскія степени: священники и монашествующіе пріобрѣтаютъ степень доктора богословія, свѣтскіе люди—доктора правъ или медицины. А въ Германіи существуетъ еще степень доктора философіи, которой нѣтъ ни у какого другого народа; это и понятно, потому что эта степень ни къ чему не нужна. За знаніе философіи никому не дается никакого жалованья и никакой должности, между тѣмъ какъ докторская степень во всѣхъ другихъ наукахъ имѣетъ такое практическое значеніе: докторамъ богословія даются епископства и другіе церковные бенефиціи, доктора правъ и доктора медицины получаютъ отъ королей жалованье [2]). Высказавъ такой чисто утилитарный

[1]) Разгов., стр. 476: Pro istis doctrinis extant a regibus institutae scholae publicae et doctores seu magistri stipendiati, qui eas docent. Et in honore reputantur ac sedent hoc ordine: 1) doctor theologiae, 2) doctor iurisprudentiae sive legum. Habent enim Germani tam multas leges, ut propterea ad eas intelligendas schola peculiaris sit instituta. Per illam multitudinen legum magna fit confusio, et iustitia opprimitur, ut alibi dicemus. 3) sequitur doctor medicinae. 4) doctor filosofiae nempe ethicae, fisicae et dialecticae. 5) magister matematicae: scilicet astronomiae et geometriae. 6) magister retoricae. 7) magister grammaticae, qui et poëticam docet (рукоп.).

[2]) Разгов., стр. 476: Triplices creantur doctores per Europam. Ex sacerdotibus et monchis creantur doctores theologiae. Ex secularibus creantur doctores iurisprudentiae et doctores medicinae. Germani creant etiam doctores sive magistros filosofiae; sed aliae nationes non creant doctores in filosofia: quia talis doctoratus ad nihilum est utilis. Nemini enim datur ullum stipendium aut officium pro intelligentiae filosofiae: sicut pro doctoratu theologiae *) dantur episcopatus et alia ecclesiastica beneficia: doctoribus autem iuris et doctoribus medicinae dantur a regibus stipendia. Doctores, qui in academiis alios docent, vocantur 4 facultatum doctores: scilicet, theologicae, iuridicae, medicae et filosoficae facultatis (рукоп.). О ненужности ученыхъ степеней см. еще II стр. 279.

*) У Крижанича — filosofiae. Очевидная описка.

взглядъ на науку, Крижаничъ послѣдовательно приходитъ къ отрицанію всякихъ вообще ученыхъ званій и степеней. Докторская степень въ наукахъ (artes), говоритъ онъ, есть чистая суета. Оттого, что кто нибудь получаетъ докторскую степень, онъ не становится ученѣе, а ему только дается имя, котораго у него прежде не было, и его ученость получаетъ признаніе въ глазахъ общества. Но монахамъ и духовнымъ лицамъ меньше всего пристало домогаться подобной суеты, которую приноситъ съ собой степень доктора богословія. Степень доктора правъ точно также ненужна, какъ ненужна и вся юридическая наука. И Крижаничъ снова повторяетъ свои возраженія. Въ юридической школѣ только тамъ ощущается надобность, гдѣ много законовъ. Чѣмъ больше законовъ, тѣмъ большую они заключаютъ въ себѣ опасность, и тѣмъ слабѣе осуществляется справедливость, что̀ признаютъ нѣкоторые благоразумные люди и въ Германіи. Для судьи достаточно нѣсколькихъ, коротко изложенныхъ, указаній, т. наз. regulae iuris, и трактатъ о справедливости на подобіе того, что имѣется въ этикѣ и богословіи. Все то, что юристы къ этому прибавляютъ, — все это безпорядочно, спутано, переплетено, безсодержательно и служитъ не къ выясненію, а къ извращенію справедливости. Такою же пустой, ненужной представляется Крижаничу и поэтика. Въ особенности находитъ онъ ее ненужною для славянскихъ народовъ, ибо изъ всѣхъ существующихъ языковъ славянскіе, кажется ему, менѣе всего способны къ поэзіи и сочиненію стиховъ. Безполезна и реторика—по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ она обыкновенно преподается, и только въ самомъ краткомъ очеркѣ она можетъ быть допущена въ школу [1]).

[1]) Разгов., стр. 482—483: Doctoratus artium est mera vanitas. Quando aliquis fit doctor, non accrescit ei quidquam de doctrina, sed tantum datur ei unum nomen, quod prius non habebat et testimonium publicum doctrinae. Et ex hoc consequens mundanus factus et vana gloria. Monachis et sacerdotis (qui abrenunciarunt pompis seculis) minime decet appetere aut suscipere istam vanitatem sive doctoratum theologiae. Doctoratus in iure etiam non est necessarius, sicut et ipsa

Не одобряя европейской науки, Крижаничъ не одобряетъ также и господствующую въ Европѣ постановку учебнаго дѣла. Онъ находитъ тамъ въ этомъ отношеніи большія злоупотребленія. Въ Италіи, во многихъ мѣстахъ—особенно, въ Падуѣ, говоритъ онъ, учащіеся въ академіи пользуются чрезвычайно большой свободой, и имъ даны всевозможныя привилегіи; такъ, напримѣръ, полиція не имѣетъ права ихъ арестовать, это можетъ сдѣлать одинъ только ректоръ. А такъ какъ учащіеся принадлежатъ къ благородному званію, молоды и обезпечены, то они изъ этой свободы дѣлаютъ очень дурное употребленіе. Очень скоро они становятся наглыми, буянами, и ночью вся эта молодежь бродитъ по городу съ оружіемъ, производитъ безпорядки и совершаетъ даже убійства изъ одной только распущенности [1]). А въ Германіи не только даются ученикамъ подобнаго рода при-

tota doctrina et schola iuridica est vana et inutilis. Multitudo enim legum (super quam versatur ista schola) est perniciosa: quia per eam non administratur, sed destruitur iustitia, sicut ex ipsismet Germanis omnes viri graves et ab affectu liberi conqueruntur ac profitentur. Sufficit iudicibus breviter ac simpliciter descriptas habere quaedam admonitiones, quas vocant regulas iuris, et tractatum de iustitia illo modo, quo in bona ethica et in teologia (absque vanis ambagibus) simpliciter tradi solet. Quidquid amplius iurisconsulti addunt, id totum est irregulare, confusum, perplexum, vanum et non ad dilucidandam, sed ad evertendam iustitiam natum. Poetica ars est mera vanitas. Nobis praesertim Sclavinis ipsa non est appetenda neque tentanda: quia est nobis impossibilis. Inter omnes enim linguas nulla est minus apta ad componendos versus qualescunque, quam nostra sclavinica. — Retorica si recte breviterque tradatur, digna est cognitione; vana autem est, si tractat de eo, quomodo quis possit inanes sermones amplificare et plurimum garrire (рукоп.).

[1]) Разгов., стр. 477: Circa artes vero liberales et circa doctorales facultates enormes fiunt abusus per Europam. In Italia enim in quibusdam locis, praesertim Paduae, scholares, qui in Academia student istis scientiis, habent nimias libertates et privilegia: nimirum, ut non possint capi a lictoribus publici officii, sed tantum a rectore academico. Igitur illi scholares, cum sint nobiles, iuvenes et divites, consequenter fiunt ex tali libertate et insolentes. Continuo . . . nocte vagant armati per urbem et perpetrant plurima homicidia ex sola insolentia (рукоп.).

вилегіи, но всѣ, кто только хочетъ, принимаются въ школу, а такъ какъ у многихъ изъ нихъ нѣтъ средствъ, то они содержатся на общественный счетъ или просто живутъ подаяніемъ. Тамъ, говоритъ Крижаничъ, во всѣхъ городахъ, гдѣ есть школы, существуютъ особые дома для учениковъ, называемые бурсами или семинаріями; эти дома принимаютъ всѣхъ бѣдныхъ и даже сыновей нищихъ. Поэтому сыновья крестьянъ и нищихъ въ громадномъ количествѣ устремляются къ занятіямъ словесными науками, надѣясь добиться степени доктора правъ или доктора медицины, а вмѣстѣ съ ними—почета и денегъ. И вотъ, въ какомъ нибудь городѣ, гдѣ учащихся, казалось бы, должно быть не болѣе сорока человѣкъ, ихъ насчитываются сотни и даже тысячи. Но когда всѣ эти люди окончатъ ученіе и осмотрятся кругомъ, они очень скоро увидятъ, что изъ своего юношескаго возраста они сдѣлали дурное употребленіе. Ибо не всѣ могутъ быть докторами, да и изъ докторовъ не всѣмъ удается получить должность. И тогда они оказываются въ ужасномъ положеніи. Ремесла они никакого не знаютъ; возвратиться къ земледѣлію имъ и стыдно, и непріятно, потому что они уже привыкли къ легкому труду и къ научнымъ занятіямъ. Многіе впадаютъ въ отчаяніе и не знаютъ, что имъ предпринять, гдѣ найти средства существованія. Одни — не по доброй волѣ, а изъ отчаянія — становятся священниками или идутъ въ монахи. Другіе поступаютъ въ военную службу, и изъ нихъ образуется самая нечестивая, своевольная и разбойническая часть войска. Третьи уходятъ куда нибудь въ другое мѣсто и становятся просто отчаянными и дурными людьми. Такіе люди выдумываютъ новыя ереси или своей болтовней распространяютъ придуманныя другими. Въ судѣ они своими каверзами и ложнымъ толкованіемъ законовъ ставятъ въ затруднительное положеніе судей, заводятъ безконечныя тяжбы, высасываютъ изъ людей всѣ средства, какія только у нихъ есть, и смѣются надъ правосудіемъ. Если они имѣютъ вліяніе на политику, они придумываютъ и предлагаютъ государямъ разные нечестивые и діавольскіе

планы и совершаютъ тысячи злодѣяній и преступленій. Почему они все это дѣлаютъ? Потому что они бѣдны, не имѣютъ опредѣленнаго дѣла, а между тѣмъ ихъ научили наукамъ и болтовнѣ; поэтому они вертятся во всѣ стороны, чтобы какъ нибудь наполнить свой пустой желудокъ. А если бы наукамъ училось не такое множество людей, но лишь столько, сколько нужно государству для замѣщенія общественныхъ должностей, а остальные учились бы земледѣлію и ремесламъ, тогда бы не было такъ много бѣдныхъ, праздныхъ и отчаянныхъ людей. Всѣ занимались бы тогда своей службой, были бы вполнѣ обезпечены и, слѣдовательно, не имѣли бы ни надобности, ни времени сочинять ереси или заниматься крючкотворствомъ и тому подобными дѣлами [1]).

[1]) Разгов., стр. 477—479: Apud Germanos vero non solum dantur scholaribus ista grassandi privilegia, et omnes volentes admittuntur ad scholas; sed etiam omnes quicunque volunt discere et non habent panem, ut manducent, sustentantur publicis sumptibus aut eleemusinis. Ubique in urbibus, ubi sunt scholae, sunt etiam domus quaedam pauperum scholarium, quae appellantur bursae et seminaria. Ibi admittuntur ad hospitandum omnes pauperum et mendicorum filii et sustentant se eleemusinis, quamdiu frequentant scholas. Hinc fit, quod innumeri rusticorum et mendicorum filii confluunt ad istas otiosas literarias artes, quia sperant per eas se futuros esse doctores iuris et medicinae et acquisituros magnos honores et stipendia. Idcirco in una aliqua urbe semper videntur aliquot centeni et milleni frequentare scholas, ubi sufficerent 40. Isti ergo quando absolvunt sua studia et sese circumspiciunt, animadvertunt se mala impedisse suam iuvenilem aetatem. Nam non omnes possunt fieri doctores medicinae aut iuris, et si fiunt, non possunt omnes habere stipendia apud reges. Artem mechanicam nullam dedicerunt. Ad agriculturam vero redire eos et pudet et taedet; eo quod sint in otio et in literarum studiis enutriti. Idcirco desperati haerent et nesciunt, quo modo... (неразборчиво) panem ad manducandum. Alii non ex bona voluntate, sed ex desperatione fiunt sacerdotes aut monachi. Alii addicunt se militiae illi impiae, licentiosae et latrocinali, qualis est omnis militia apud Germanos. Alii alio dilabuntur et fiunt desperati ac pessimi homines. Hereses novas aut ipsi excogitant aut alibi inventas sua garrulitate domi propagant. In iudiciis calumniose et perfide interpretant leges; turbant iudices, lites faciunt aeternas, exsugunt hominum substantias et faciunt desperari iustitiam. In rebus politicis

Изъ этого видно, что Крижаничъ въ европейской системѣ образованія видѣлъ слѣдующіе недостатки: 1) неправильно понятая и слишкомъ широкая академическая свобода дѣйствуетъ на учащихся развращающимъ образомъ; 2) свободный доступъ людей низшихъ и недостаточныхъ классовъ въ учебныя заведенія, гдѣ преподаются гуманитарныя науки, создаетъ перепроизводство образованныхъ или, вѣрнѣе, полуобразованныхъ людей, а это гибельно отражается на общественныхъ нравахъ. По мнѣнію Крижанича, слѣдовательно, учащіеся не должны пользоваться никакими привилегіями и внѣ школы должны подчиняться общимъ законамъ и общей полиціи; гуманитарныя школы должны существовать только для надобностей государства, поэтому число учащихся въ нихъ должно быть ограничено, и доступъ въ нихъ долженъ быть открытъ только (или преимущественно) дѣтямъ состоятельныхъ родителей; дѣти менѣе состоятельныхъ родителей должны учиться ремеслу или земледѣлію [1]). Съ точки зрѣнія этихъ своихъ выводовъ Крижаничъ и разсматриваетъ во-

excogitant ac principibus suggerunt impia et diabolica consilia et alia mille latrocinia et scelera perpetrant. Et quare ista faciunt? Quia sunt pauperes et otiosi et literis ac garulitate instructi: ideo vertunt se in omnes figuras, ut possint inanem et pigrum suum ventrem implere. Quod si autem non tam multi studerent doctrinas, sed tantum quot sunt reipublicae ad publica officia necessarii (ceteri autem studerent agriculturam et mechanicam) tunc nulli homines liberati essent pauperes, otiosi et desperati, sed omnes occuparentur in publicis patriae officiis: haberent et honestas occupationes et commoda inter sustentationem: et ita non haberent necessitatem neque tempus ad meditandas hereses, legum calumnias et alia scelera (рукоп.).

[1]) О томъ, что необходимо соблюдать умѣренность въ дѣлѣ образованія, Крижаничъ говоритъ еще въ другомъ мѣстѣ: Rarissimi non sunt, qui animadvertunt, sicut in omnibus pene rebus, ita et in artibus atque scientiis posse et solere esse nocivum excessum. Nimiae enim artes manuales inducunt nimium luxum et mollitiam. Nimiae scientiae inducunt nimiam superbiam, insolentiam, inobedientiam, discordias, impietatem, hereses, schismata etc. In omnibus ergo rebus, potissimumque in artibus nihil est tutius mediocritate (Разгов., рукоп. стр. 714). — Здѣсь любопытна мысль, что при неумѣренности приносятъ вредъ не только науки, но и техническія, ремесленныя знанія.

просъ о системѣ образованія въ Россіи. По своему обыкновенію, онъ развиваетъ свои взгляды діалектически, синтезируя противоположные тезисы.

Одинъ нѣмецъ сказалъ: до тѣхъ поръ, пока русскіе не заведутъ у себя школъ и не воспримутъ иностранной науки, они останутся жалкими и слѣпыми, не зная добра и зла. На это одинъ ревнитель русскаго народа отвѣтилъ: именно до тѣхъ поръ, пока русскіе не будутъ имѣть школъ, они и будутъ счастливы, какъ былъ Адамъ въ раю до грѣхопаденія, не зная добра и зла; ибо когда, вслѣдствіе грѣхопаденія, открылись его глаза, и онъ узналъ добро и зло, тогда то онъ и сталъ несчастнымъ, былъ изгнанъ изъ рая и позналъ потъ, и трудъ, и всѣ остальныя тягости міра сего. Какая польза вамъ, господа нѣмцы, отъ того, что вы обладаете всякими науками? Каждая деревенская женщина у васъ читаетъ св. Писаніе и ведетъ диспуты со священниками о заповѣдяхъ Божіихъ; но у васъ нѣтъ ни одного монастыря, ни одного монаха во всемъ народѣ, ни одного признака какого нибудь добраго дѣла или покаянія. Такъ, познавъ добро и зло, вы изгнаны изъ рая Господня. Благочестивѣе было бы не знать подобнаго рода тонкостей и остаться при томъ ученіи, которое предлагаетъ намъ св. Церковь. Эти слова ревнителя, говоритъ Крижаничъ, я привожу не потому, что бы я считалъ для насъ всякую науку безполезной или вредной. Я хочу только сказать, что чрезмѣрное развитіе науки опасно, умѣренное же ученіе полезно и необходимо. Тоже самое и со всѣми другими прекрасными вещами: если ими пользоваться сверхъ мѣры, они становятся и дурными, и вредными. Такъ, вино въ маломъ количествѣ полезно для здоровья и возбуждаетъ умственную дѣятельность, при неумѣренномъ же употребленіи оно разстраиваетъ здоровье; огонь, въ умѣренномъ количествѣ разложенный въ печкѣ, согрѣваетъ домъ, въ неумѣренномъ — производитъ пожаръ. Если у благоразумнаго человѣка есть оружіе, онъ употребляетъ его только противъ враговъ отечества; человѣкъ съ преступными наклонностями или сумасшедшій, если добу-

детъ себѣ мечъ, можетъ ранить своего отца или брата. Точно также, если въ государствѣ имѣютъ право носить оружіе только воины и люди благороднаго званія, а горожане, крестьяне и всѣ остальные оружія не носятъ, то можетъ быть прекрасный порядокъ и повиновеніе. Если же гдѣ нибудь носятъ оружіе и воины, и горожане, и крестьяне, то тамъ будутъ постоянно возникать безпорядки, тамъ не можетъ быть и рѣчи о справедливости. Въ постановкѣ ученія тоже самое. Если школу посѣщаютъ и наукой занимаются всѣ безъ различія, то это, по необходимости, должно внести безпорядокъ и порчу и въ церковныя дѣла, и въ политику. Мы должны всегда помнить, что греки, нѣмцы и другіе народы, которые стоятъ выше насъ въ отношеніи образованности, превосходятъ насъ также нечестіемъ, распутствомъ и всякими злыми дѣлами. Поэтому, заимствуя отъ нихъ какое нибудь добро, мы должны остерегаться, чтобы вмѣстѣ съ нимъ не получить и зла. Нашъ умъ неспособенъ къ такимъ тонкостямъ, какими они занимаются; поэтому мы и не должны давать доступъ въ школу всѣмъ безъ различія, ибо это можетъ повлечь за собою большое поврежденіе въ нравахъ и въ политическомъ строѣ. Мы, напротивъ, должны сохранить нашъ народъ счастливымъ въ простотѣ, какъ былъ счастливъ въ раю Адамъ, прежде чѣмъ онъ позналъ добро и зло. Соломона не спасла его мудрость, а св. мученицу Екатерину и тѣхъ, кого она обратила, она спасла. Ибо мудрость— изъ разряда тѣхъ вещей, которыя могутъ быть причиной большого добра и большого зла и въ тоже время всѣмъ необходимы, какъ оружіе, вода, огонь и т. п. Мудрость можетъ быть сообщена не всѣмъ, а только нѣкоторымъ, чтобы въ томъ случаѣ, если кто нибудь изъ нихъ начнетъ безумствовать, прочіе могли его сдержать. Вообще говоря, въ мудрости, какъ и во всѣхъ прочихъ вещахъ, надобно сохранять равновѣсіе и держаться середины. Ее не слѣдуетъ вполнѣ отвергать, но не слѣдуетъ и всѣмъ открывать къ ней доступъ [1]).

[1]) Germanus quidam dicebat: Quamdiu Russi non habebunt scholas et doctrinas peregrinas, tamdiu semper erunt miseri et caeci nescientes

Мысль Крижанича вполнѣ ясна: европейская образованность полезна и необходима для Россіи, но не слѣдуетъ ею очень увлекаться. Онъ предостерегаетъ противъ двоякаго увлеченія европейской наукой: не слѣдуетъ давать ей слишкомъ широкое распространеніе, не слѣдуетъ допускать къ ней всѣ классы общества, потому что для широкихъ круговъ она заключаетъ въ себѣ много опаснаго; но не слѣдуетъ также очень углубляться въ различныя тонкости науки, потому что славянскій умъ не созданъ для нихъ. Такимъ образомъ, въ основѣ отрицательнаго отношенія Крижанича къ европейской наукѣ лежитъ недовѣріе, во-первыхъ, къ этой наукѣ и, во-вторыхъ, къ духовнымъ силамъ славянскаго племени. Наука, безспорно, есть величайшее благо;

bonum et malum. Respondit quidam zelator gentis ac dixit: Immo vero quamdiu Russi non habebunt scholas, erunt felices ac beati, sicut fuit Adam in paradiso ante peccatum, nesciens bonum et malum. Quamprimum autem aperti sunt per peccatum oculi eius, ut sciret bonum et malum, protinus factus est miser et eiectus ex paradiso ad sudorem et laborem et ad omnes reliquas mundi miserias. Quid vobis prodest, o Germani, quod habeatis omnem scientiam? Una quaeque rusticana mulier apud vos legit sacras literas et disputat cum sacerdotibus de praeceptis Dei. Et interea omnes vos nec unum habetis monasterium, nec unicum monachum in tota gente, nec unicum coe (?) in toto anno, et ne unicum signum alicuius boni operis aut paenitentiae. Ita scientes bonum et malum eiecti estis ex paradiso... Dei. Sanctius erat ignorare tantas subtilitates et manere apud doctrinam sanctae matris ecclesiae. Ita ille. Ego autem hoc non ideo affero quasi putem omnem doctrinam inutilem aut nocivam esse nobis. Sed dicere volo, quod nimia multiplicatio doctrinae sit perniciosa; moderata autem doctrina est utilis et necessaria. Sicut et omnes aliae res optimae, si supra modum multiplicentur, fiunt malae et pessimae. Vinum moderate sumptum prodest sanitati et acuit intellectum, immoderate sumptum destruit sanitatem et intellectum. Ignis moderatus, positus in fornace, calefacit domum; immoderatus comburit domum. Homo prudens, si habet arma in manu, non utitur eis nisi contra hostes patriae; homo furiosus, si corripit gladium, laedit illo patrem et fratrem suum. Item si in aliquo regno soli nobiles et milites regis gerunt arma, caeteri autem mechanici, oppidani et rusticani homines non gerunt arma, tunc optime servatur obedientia et pulcher est ordo in illo regno. Si autem alicubi et milites

однако широкимъ кругамъ общества она ничего существеннаго дать не можетъ, но зато можетъ уничтожить святую простоту нравовъ, простое, безыскусственное счастье, которымъ живутъ русскіе люди, и котораго давно уже лишились европейскіе народы. Во имя этой то простоты и этого счастья и слѣдуетъ, по мнѣнію Крижанича, ограничить распространеніе образованія въ Россіи. Что же касается высказаннаго имъ недовѣрія къ духовнымъ силамъ славянскаго племени, то оно находится въ связи съ общимъ его взглядомъ на славянъ—взглядомъ, излишне скромнымъ и даже пессимистическимъ и, потому, стоящимъ въ противорѣчіи съ его мечтами о свѣтломъ будущемъ славянъ. Можетъ быть, этотъ же пессимистическій взглядъ заставлялъ Крижанича опасаться и того, что, какъ только Россія станетъ рѣшительно на путь европейскаго просвѣщенія,—всѣ слои русскаго об-

et oppidani rusticanique homines (ad quos non pertinent arma) omnes promiscue arma gestant, tunc ibi magna est confusio et non potest esse ullus bonus ordo nec iustitia. Eodem modo si omnes homines promiscue frequentant scholas et tractant scientias, necessario magna exinde sequit confusio et corruptio in ecclesiasticis et in politicis rebus. Debemus notare, quod Graeci, Germani et ceteri populi... superant nos multum non solum scientia, sed etiam impietate, lascivia et omni malitia Idcirco dum ab eis accipimus aliquod bonum (sive spirituale, sive corporale), debemus sedulo cavere, ne simul etiam aliqua mala accipiamus. Nostra ingenia non sunt capacia tantarum subtilitatum: ideo non debemus scholas promiscue pro omnibus admittere, quia exinde sequeret magna morum et politiae corruptio. Sed debemus potius conservare gentem felicem in simplicitate, sicut Adam erat felix in paradiso antequam sciret bonum et malum. Salomonem sapientia non salvavit; sanctam autem virginem et martirem Catarinam sapientia (cum Dei gratia) salvavit sicut et filios, quos illa convertit ad fidem et martirum. Sapientia enim est ex illis rebus, quae sunt aptae magna mala et magna bona facere, et sunt hominibus necessariae, sicut sunt arma, ignis, aqua etc. Sapientia debet committi non omnibus, sed paucis, quorum si aliquid incipiunt insanire, possunt ab reliquis sociis et a toto populo reprimi. At si totus populus per sapientiam inciperet delirare, nemo possit eum corrigere. In summa, sicut in omnibus rebus, ita et in usu sapientiae debet servari aequilibrium et medium. Sapientia nec est penitus reprobanda, nec omnibus permittenda (Разговоры, рукоп стр. 479—481)

щества подчинятся обаянію просвѣщенія и легкомысленно забудутъ свои стародавніе нравы, обычаи, занятія. Если въ Россіи будетъ разрѣшено всѣмъ заниматься словесными науками, то всѣ тотчасъ же, думаетъ онъ, бросятъ свои земледѣльческія орудія и церковныя книги, и никто уже не захочетъ учиться псалтыри и молитвамъ. Поэтому, по проекту Крижанича, къ занятію науками должны быть допущены лишь немногіе, а именно только сыновья лицъ, принадлежащихъ къ высшей аристократіи, и придворныхъ чиновъ, а низшее дворянство можетъ быть допущено только въ видѣ исключенія, когда ощущается недостатокъ въ образованныхъ людяхъ для занятія государственныхъ должностей. Но и изъ этихъ привилегированныхъ лицъ Крижаничъ считаетъ нужнымъ установить строгій выборъ путемъ производства строгаго экзамена при вступленіи въ учебное заведеніе. Всякій, желающій поступить въ школу, долженъ показать знаніе славянской псалтыри, церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній. Придавая такой характеръ вступительному экзамену, Крижаничъ какъ бы хочетъ подчеркнуть ту мысль, что европейское образованіе дозволительно только тому, кто усвоилъ уже вполнѣ основы древней русской, по существу своему, религіозно-церковной образованности [1]).

Самый планъ школьнаго обученія Крижаничъ строитъ такимъ образомъ. До поступленія въ школу дѣти усвоиваютъ чтеніе и письмо на родномъ языкѣ, начальную ариѳметику и музыку, а затѣмъ чтеніе и пѣніе псалтыри и церковныхъ молитвословій. Въ школѣ они изучаютъ латинскій и греческій языки—

[1]) Si in Russia omnibus libere permitterentur istae artes otiosae literariae, omnes ad illas certatim confluent relictis aratris et molleis, et relictis quoque libris ecclesiasticis, et nemo vellet discere psalterium neque alias preces divinas. Idcirco pauci debent ad eas admitti: hoc est magnatum et curalium nobilium seu camerariorum filii et ex infima nobilitate non nisi paucissimi, quot videbuntur necessarii ad servitia curiae. Et isti omnes, priusquam admittantur ad scholas, debent examinari et se probare, quod optime calleant recitare sclavinicum psalterium et reliquas preces et cantiones ecclesiasticas. Et hoc ponatur eis pro examine et conditione et pro signo bonae memoriae. Alioque non admittantur ad litteras peregrinas (Разгов., рукоп. стр. 479).

„для ради разумѣнія народныхъ повѣстей“,—философію и политику. Эти науки должны подготовить ихъ къ прохожденію государственной службы—приказной и посольской. Параллельно съ этимъ идетъ физическое воспитаніе: въ свободное отъ научныхъ занятій время учащіеся упражняются въ стрѣльбѣ, бѣгѣ въ запуски и въ прыганіи. По окончаніи этой первоначальной школы всѣ переходятъ въ военную школу, гдѣ подъ руководствомъ учителей обучаются военному строю и, вообще, всему, что нужно знать будущему военачальнику; свободное отъ занятій время и здѣсь посвящается физическимъ упражненіямъ: верховой ѣздѣ, метанію копья, стрѣльбѣ въ цѣль и т. п. Такимъ образомъ, Крижаничъ не отдѣляетъ военнаго образованія отъ гражданскаго; каждый долженъ пройти то и другое, долженъ быть готовъ и къ гражданской, и къ военной службѣ. Продолжительности учебнаго курса Крижаничъ не опредѣляетъ. Онъ только говоритъ, что курсъ не долженъ быть очень растянутъ; должны быть приняты, по возможности, простые и ясные методы преподаванія, всѣ темные и спорные вопросы должны быть откинуты, наука должна излагаться въ простыхъ формулахъ, безъ лишняго многословія. Въ особенности это относится къ преподаванію философіи, которая въ краткомъ очеркѣ, составляетъ необходимый элементъ образованія, и отъ которой Крижаничъ ожидаетъ большой пользы для русскихъ: она должна намъ помочь установить правильный и трезвый взглядъ на цѣнность европейскаго образованія и не увлекаться ложными нѣмецкими науками—магіей, астрологіей, алхиміей и т. п. Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, педагогическій планъ Крижанича. Что касается низшаго дворянства и посадскихъ людей, то для нихъ онъ предназначаетъ систему реальнаго образованія, въ составъ котораго должны входить: ариѳметика, астрономія, геометрія и медицина [1]). Каково должно

[1]) Разгов., стр. 469—470: Dicet quis: quid expedit pro nostra iuventute? Respondetur: 1) opus est, ut nostri nobiles discant legere et scribere linguam propriam. 2) Psalterium et reliquas preces ecclesia-

быть взаимное отношеніе этихъ наукъ, обязательны ли онѣ для всѣхъ, или каждый учащійся выбираетъ изъ нихъ ту,

---

sticas russiace recitare et cantare. 3) Discant linguam latinam non promiscue quicunque plebeii, sed soli magnatum et primi ordinis curialium filii: ad hoc ut possint intelligere historias populorum et sermonem legatorum. Non tamen discant poëticam neque verbosam retoricam neque verbosam et inanem sofisticam filosofiam. 4) Dum autem discant linguam latinam, discant simul, alternis temporibus, sagittare et cursu pedestri ac saltu certare. 5) Post haec mittantur ad scholam militarem. Ibi sint magistri, qui doceant ipsos exercitia turcorum et alia, quae ad... (неразборчиво) armorum, ad ducendum exercitum et ad gerendum bellum pertinent. 6) Pro exercitio autem et pro recreatione certent iuvenes cursu equestri et hastis missilibus et sagittis ad metam ex equo et pedestriter et quis ulterius iaciat sagittam et quis globum ferreum (рукоп.). — Тамъ же, стр. 483: Postremo advertendum est, quod plerique, qui aliquid de doctrinis intelligunt, fingunt ac narrant hominibus... (нераз6.) eas mirabilia misteria continere et nimium abstrusas difficilesque esse, cum tamen non sint pleraeque istae doctrinae mirabiles neque difficiles, sed possint earum fundamenta et misteria parva labore ac tempore acquiri, si recte doceantur. Suppositis tamen fundamentis grammaticae, arithmeticae et musicae, quae in pueritia disci debent. At magistri, qui eas docent (ut obtineant reputationem) de industria multiplicant verba, obscurant res multiloquio et protrahunt tempus in longum. Si nos volumus doctrinas istas habere, debemus eas in brevem et claram metodum contrahere et ita cito facileque addiscentur (рукопись). — Тамъ же, стр. 484: Filosofia nobis proderit ad hoc: ut non haereamus attoniti neque miremur Germanorum vanitates, et ut non sinamus non decipi ab ipsis, sed ut possimus recte de rebus iudicare et scire, quid sit naturaliter possibileque et quid impossibile in vanis, falsis et demoniacis ipsorum artibus: in magia, astrologia, alchimia et similibus (рукоп.). — Разгов. I, стр. 320—321: Княжески и властельски сыны всѣ, а болярски и посадски не всѣ, но съ колико кралеству доста и треба быть ся видитъ, и съ колико число будетъ отлучено отъ приказниковъ, да имаютъ допущеніе учиться языка греческого и латинского для ради разумѣнія народныхъ повѣстей, и философіи, и политики. А трудовныхъ, неболярскихъ науковъ то есть чисельницы, звѣздочетія, землемѣрія и врачества да ся учатъ посадски и убожѣи болярски сыны, съ колико ихъ будетъ кралеству треба. — Тамъ же, II, стр. 176: Non debet filosofia tradi toto populo, sed tantum ordini nobilium et aliquibus ex plebe ad hoc destinatis, quantum necesse est ad servitia principis. Alioquin profanatur et vilescit res dignissima, et margaritae proiiciuntur ante porcos.

къ которой чувствуетъ больше склонности, — этого Крижаничъ не объясняетъ [1]).

Не меньше вниманія удѣляетъ Крижаничъ вопросамъ экономической политики. Исходя изъ той мысли, что сила государства опредѣляется не пространствомъ его территоріи, а количествомъ населенія, Крижаничъ обращаетъ вниманіе на малочисленность и рѣдкость населенія Россіи [2]). Причины этого неблагопріятнаго явленія онъ видитъ, отчасти, въ обстоятельствахъ, независящихъ отъ воли человѣка (повальныя болѣзни, войны), отчасти, въ политическомъ строѣ, который излишне стѣсняетъ свободу и самодѣятельность населенія, но едва-ли не главной причиной указаннаго явленія онъ считаетъ неправильную финансовую и экономическую политику. Въ ряду мѣръ, указываемыхъ Крижаничемъ для увеличенія плотности населенія, мы встрѣчаемъ и такія, напримѣръ, какъ покровительство бракамъ [3]); но несомнѣнно, не въ нихъ, по его мнѣнію, заключается настоящее лѣкарство отъ этой болѣзни, а въ здоровой и обдуманной политикѣ, которая могла бы обезпечить населенію удовлетвореніе его

[1]) Крижаничъ указываетъ еще, что нужно остерегаться ложныхъ наукъ, предлагаемыхъ нѣмцами. См. Разгов., стр. 481: Sciendum est insuper, aliquas artes sive doctrinas esse improbas et cavendas. Tales sunt: 1) Ludicrae artes sive exercitia, scilicet saltatio, pugilatus etc. de quibus diximus supra in heresi 6, fol. 465. 2) Spectacula ludicra: comediae, funambulatio etc.: ibidem. 3) Artes demoniacae: astrologia, alchimia, magia. Istis non artibus, sed impostoribus (?) demonum seducuntur multi viri divites, principes et reges ipsi. De ipsis loquemur seorsum. Istae omnes ludicrae et demoniacae artes non debent admitti, quia vel habent in se certum peccatum, vel sunt proxima occasio ad peccandum. 4) Sunt artes quaedam ... sofisticae, inanes et fallaces, quae appellantur secreta. Excogitat quispiam aliquid circa artificium igniarium sive circa pulveres turmentarios et fingit illud ab aliis ignorari et esse secretum et commendat quasi valde utile. Ut ita magnum praemium aut stipendium assequatur. Talia quamvis essent vera, tamen, plerumque sunt inutilia (рукоп.). — Ср. объ этомъ также II, стр. 254, 255—257, 280 и друг.

[2]) II, стр. 86.

[3]) II, стр. 95—96, 97—99.

насущныхъ потребностей. Вотъ почему вопросы русской экономической политики пріобрѣтаютъ, въ глазахъ Крижанича, столь большое значеніе.

Первой задачей правительства въ этомъ отношеніи должно быть, по его мнѣнію, развитіе производительныхъ силъ Россіи. Какъ во всѣхъ государствахъ, такъ и на Руси основаніе народнаго благосостоянія составляетъ земледѣліе. По выраженію Крижанича, земледѣлецъ „кормитъ и богатитъ и себе, и реместника, и торговца, и болярина, и краля". Но по недостатку предпріимчивости, отсутствію необходимыхъ для того знаній и другимъ причинамъ земледѣліе у насъ развито недостаточно [1]). Правительству необходимо принять мѣры къ его развитію. Для этого оно должно назначить особыхъ чиновниковъ, „углядниковъ", на обязанности которыхъ лежало бы изслѣдовать почву, опредѣлять ея плодородіе и указывать населенію наиболѣе выгодные, въ каждой мѣстности, способы эксплоатаціи земли. Эти же углядники должны отыскать наиболѣе подходящія мѣста для постройки мельницъ, крупяныхъ заводовъ и т. п. Далѣе, правительство должно спабжать населеніе земледѣльческими орудіями по дешевымъ цѣнамъ и даже отпускать ихъ въ кредитъ [2]), должно взять на себя заботу о сельскомъ строительствѣ и, черезъ особыхъ чиновниковъ — „градильниковъ", содѣйствовать распространенію въ селахъ огнестойкихъ построекъ. Наконецъ, необходимо, по мнѣнію Крижанича, поощрять возникновеніе и развитіе новыхъ отраслей сельскаго хозяйства, какъ-то: пчеловодства, шелководства, табаководства, виноградарства, винодѣлія и друг. [3]). Изъ другихъ отраслей добывающей промышленности Крижаничъ особенно останавливается на горномъ дѣлѣ. Оно также находится на Руси въ сильномъ упадкѣ. Для развитія его Крижаничъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: 1) назначить преміи за открытіе мѣ-

[1]) I стр. 41—42.
[2]) I стр. 44, 46, 47, 50.
[3]) I стр. 46, 48, 49, 52—56.

стонахожденія рудъ, 2) поручить свѣдущимъ людямъ обслѣдованіе почвы, 3) укрѣпить за собственникомъ земли право на нѣдреныя богатства — съ тѣмъ, что эксплоатація ихъ принадлежитъ ему въ теченіе 20 или 30 лѣтъ, послѣ чего они переходятъ въ казну [1]).

Въ отношеніи къ обрабатывающей промышленности Крижаничъ выступаетъ убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ протекціонистомъ. Правительство, по его мнѣнію, должно поставить себѣ опредѣленную задачу: добиться экономической независимости Россіи, чтобы не было надобности покупать за-границей такіе товары, которые могутъ быть съ успѣхомъ производимы внутри страны. Для этого онъ считаетъ нужнымъ поощрять ввозъ сырыхъ матеріаловъ, какъ то: желѣза, мѣди, олова, пряжи и т. п.; на-оборотъ, вывозъ сырья долженъ быть строго запрещенъ. Въ цѣляхъ увеличенія производительности народнаго труда правительство должно взять на себя борьбу съ праздностью, установляя за нищенство и тунеядство суровое наказаніе до ссылки въ Сибирь включительно. Но одними карательными мѣрами правительство не должно ограничиваться. Крижаничъ предлагаетъ установить, что всякій холопъ, который докажетъ знаніе какого нибудь ремесла, получаетъ свободу, а чтобы облегчить населенію изученіе ремеслъ и прикладныхъ искусствъ, правительство должно, во-первыхъ, выписать изъ другихъ странъ образцы различныхъ производствъ (оружіе, утварь, ткани и т. п.) и познакомить съ ними населеніе, и во-вторыхъ, пригласить иностранныхъ мастеровъ и разселить ихъ по городамъ для обученія жителей разнымъ мастерствамъ. Правительство должно также поощрять домашнюю, кустарную промышленность и содѣйствовать развитію новыхъ отраслей промышленности: производства бумаги, льняныхъ и шерстяныхъ тканей, издѣлій изъ кожи, металла и друг. При этомъ черезъ всѣ разсужденія Крижанича о русской обрабатывающей промышленности красной

[1]) I стр. 59—63.

нитью проходитъ мысль о вмѣшательствѣ правительства во всѣ стороны промышленной дѣятельности населенія, о необходимости не только экономическаго, но и чисто техническаго контроля надъ промышленностью [1]). Но, съ другой стороны, правительству должно придти на помощь и само общество; оно тоже должно содѣйствовать развитію отечественной промышленности, и для этого у него есть простое средство: отказаться отъ употребленія заграничныхъ издѣлій [2]).

Еще большаго вмѣшательства государства требуетъ Крижаничъ для торговой дѣятельности. Географическое положеніе Россіи неблагопріятно для развитія ея торговли: „Отъ сѣвера насъ пашетъ Студеное море и пустыя земли. Отъ востока и полудня окружаютъ дивіи народы, съ коими никаково торгованіе быть не можетъ. Отъ запада, въ Литвѣ и въ Бѣлой Руси ничто ся не родитъ оныхъ вещей, коихъ мы потребуемъ, развѣ единая мѣдь у Свѣдовъ. Торгованіе азовское и черноморское, кое бы сей землѣ наикорыстнѣе было, то держатъ обсѣдено Крымцы. Торгованіе астраханское запачаютъ Ногайцы. Торгованіе съ Бухарми въ Сибири засѣдаютъ Калмыки“ [3]). Эти неблагопріятныя внѣшнія условія въ связи съ отсутствіемъ предпріимчивости были причиной того, что торговля русская получила исключительно пассивный характеръ: русскій купецъ неохотно выѣзжаетъ за предѣлы своего государства и ждетъ, когда пріѣдутъ иностранные купцы. Поэтому иностранцы всегда являются хозяевами положенія; они прекрасно знаютъ условія рынка и пользуются этимъ знаніемъ, обезцѣниваютъ наши товары и навязываютъ намъ по высокимъ цѣнамъ ненужныя и малоцѣнныя вещи. Чтобы упорядочить это дѣло, Крижаничъ предлагаетъ очень смѣлый проектъ, имѣющій, впро-

---

[1]) I стр. 32—40. См. по этому вопросу книгу В. Вунча: Крижаничева политика, Београдъ, 1895, особенно стр. 23 и слѣд.

[2]) I стр. 140 и 241.

[3]) I стр. 7—8.

чемъ, нѣкоторые корни въ характерѣ русской торговли XVII вѣка [1]). Вся внѣшняя торговля должна быть взята на государево имя, такъ чтобы частныя лица не могли ни ввозить, ни вывозить товары помимо казны. При свободной, безконтрольной торговлѣ нерѣдко случается, говоритъ Крижаничъ, что купцы вывозятъ такіе товары, на которые есть спросъ и на внутреннихъ рынкахъ и, на-оборотъ, привозятъ такіе товары, въ которыхъ нѣтъ дѣйствительной потребности, или продажа которыхъ по какимъ нибудь причинамъ совсѣмъ нежелательна. Если же вся внѣшняя торговля будетъ сосредоточена въ рукахъ казны, то дѣло сейчасъ же упорядочится. Правительство будетъ отпускать только тѣ товары, которые оказываются въ излишкѣ, и иностраннымъ купцамъ нечего будетъ дѣлать въ Россіи. Кромѣ того, Крижаничъ надѣется, что это поможетъ развитію транзитной торговли, въ которой Россія явится посредницей между европейскими государствами и Азіей. Россія должна искать для своихъ произведеній новые рынки сбыта, преимущественно на Востокѣ; будущее принадлежитъ ея торговлѣ съ Бухарой, Китаемъ, Персіей и Индіей. Для этого должны быть устроены новыя ярмарки на Дону и на Иртышѣ [2]). Что касается внутренней торговли, то здѣсь, по мнѣнію Крижанича, должны быть приняты рѣшительныя мѣры противъ иностранной конкурренціи: иностранцамъ должна быть торговля запрещена совсѣмъ. Но чтобы отъ этого не пострадали интересы потребителей, правительство должно энергично бороться противъ всякихъ попытокъ монополизировать какую нибудь отрасль торговли и запрещать спекуляцію—въ особенности, когда объектомъ ея становятся предметы пер-

[1]) См. Костомаровъ, Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1862, стр. 162; А. Семеновъ, Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности, Спб. 1859 ч. 1 стр. 19.

[2]) I, стр. 9—18; II, стр. 65. Ср. Historia de Sibiria, стр. 136 и слѣд. (въ изданіи Титова).

вой необходимости [1]). А для развитія и упорядоченія внутренней торговли Крижаничъ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣропріятій: установленіе безопасности на путяхъ сообщенія, учрежденіе правильныхъ почтовыхъ сношеній, установленіе единства торговыхъ мѣръ и вѣсовъ, основаніе торговыхъ палатъ для посредничества между купцами, развитіе дешеваго и даже дарового кредита, учрежденіе частныхъ купеческихъ банковъ, упорядоченіе монетной системы [2]). Такимъ образомъ, въ области экономической политики Крижаничъ стоитъ на стражѣ русскихъ, національныхъ интересовъ, стремясь придать національный характеръ всей русской промышленности и торговлѣ. Но однимъ этимъ онъ не ограничивается. Онъ требуетъ отъ правительства, въ этомъ отношеніи, широкой и разносторонней дѣятельности—не въ смыслѣ полицейскаго контроля и стѣсненія, а въ смыслѣ содѣйствія населенію въ развитіи его хозяйственныхъ способностей. Если сравнить мѣры, предлагаемыя Крижаничемъ для развитія русской торговли и промышленности, съ тѣми идеями, которыми руководилось въ экономической политикѣ современное ему московское правительство, то можно замѣтить ме-

[1]) I стр. 22: Житны прекупцы и хлѣбны дражители да будутъ казнены безъ всякого пощадѣнія. Стр. 23: Самотержство никаково отнюдь нѣмаетъ ся допустить.

[2]) I стр. 19, 21, 21, 22, 23, 25, 27—29, 326—327; II стр. 43. О кредитѣ Крижаничъ выражается такъ: Августъ царь раздаваше въ заемъ пѣнязи своимъ подданникомъ безъ всякого роста и лихоемства, на добро убезпеченіе, рекши, на запись домовъ каменныхъ, на общины, на заклады, на поруки. И тѣмъ есть взтягнулъ многіе лихоемскіе грабежи и торговство дивно успособилъ и размножилъ. Тоже бы ся могло вяще удобно чинить въ семъ царству, зъ великою хвалою царя господаря (стр. 25). О банкахъ: Въ нѣкоихъ великихъ градехъ держатъ торговцы наряжено межу собою товарищство или дружину. И торговные свои пѣнязи держатъ всѣ въ едномъ мѣсту скупно; и оно мѣсто ся зоветъ бурса илити мошна. Аще кій бояринъ или инъ чловѣкъ принесетъ къ нимъ своихъ пѣнязь много или мало, они примутъ тые пѣнязи въ общую мошню и даютъ му корысть отъ нихъ: отъ ста рублевъ еденъ рубель или полтора или два на годъ, а сами торгуютъ тѣми пѣнязи до срока. И т. д. (стр. 27).

жду ними большое согласіе. Московское правительство также поощряло отысканіе рудъ, лѣкарственныхъ растеній, заботилось о шелководствѣ, винодѣліи, строило соловарни, алебастровые заводы, разсылало по мѣстамъ земледѣльческія орудія, устанавливало образцы торговыхъ мѣръ, боролось съ преобладаніемъ иностраной торговли [1]). Только Крижаничъ хотѣлъ поставить эту политику гораздо шире, чтобы добиться дѣйствительной экономической самостоятельности Россіи.

Такими же идеями, приблизительно, руководится Крижаничъ и при обсужденіи мѣропріятій правительства по организаціи вооруженныхъ силъ Россіи. Собираясь въ Россію, составляя планъ дѣйствій въ далекой и чужой тогда ему Московіи, онъ предполагалъ рекомендовать московскому царю реформу войска на европейскій образецъ (см. выше гл. I). Но поживъ въ Россіи, приглядѣвшись къ ней ближе, онъ нашелъ нужнымъ отказаться отъ своего плана. Въ сочиненіяхъ, писанныхъ въ Россіи, Крижаничъ не только не предлагаетъ заимствовать европейскій военный строй, но выступаетъ еще съ весьма рѣшительной, а мѣстами и ядовитой критикой этого строя и указываетъ на непригодность его для Россіи. Ничего не можетъ быть смѣшнѣе, говоритъ Крижаничъ, человѣка въ русской одеждѣ съ привѣшенною сбоку нѣмецкой шпагой. На нашей памяти, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, поляки задумали преобразовать свое войско па нѣмецкій ладъ, — и что же изъ этого вышло? Они стали самыми слабыми, невоинственными людьми. И, чего прежде никогда не бывало, поляки были побѣждены нѣмцами. Та же опасность угрожаетъ и Россіи. Поэтому настало уже время освободиться, въ этомъ отношеніи, отъ нѣ-

[1]) Отысканіе рудъ см. напр. А. И. IV №№ 7, 173, 207, 221, 239: V № 72; Собр. Г. Г. и Д. IV №№ 19, 49, 50; лѣкарств. растеній А. И. IV № 257, V № 61; шелководство А. И. IV № 132; винодѣліе А. И. IV № 138; постройка соловаренъ и проч. Собр. Г. Г. и Д. IV № 49; разсылка земл. орудій А. Э. IV № 138; образцы торг. мѣръ А. Э. IV № 240; огранич. иностр. торговли А. Э. IV №№ 13, 139, 214, 218.

мецкаго вліянія. Мы переняли отъ нѣмцевъ пѣхотный строй въ той мѣрѣ, какъ онъ намъ подходитъ, а нѣмецкому конному строю намъ и совсѣмъ не слѣдуетъ учиться: въ гораздо большей степени намъ подходитъ гусарскій строй, а еще болѣе — козацкій. Что же касается нѣмецкой военной науки, то это — вещь совершенно безполезная. Нѣмцы просто обманываютъ людей, когда говорятъ, что въ ней скрыты какія то тайны; никакихъ тайнъ тамъ нѣтъ, а одна только забава и хвастовство. Во всякомъ случаѣ, для успѣха въ войнѣ эта наука не только не нужна, но даже и вредна. Въ этомъ мы могли сами убѣдиться при усмиреніи башкирцевъ, когда мы потерпѣли нѣсколько неудачъ изъ-за этой именно нѣмецкой науки [1]). Русскій солдатъ, даже по отзывамъ враговъ Россіи, отличается драгоцѣнными качествами: онъ терпѣливъ, настойчивъ и храбръ; при умѣніи, съ нимъ можно дѣлать чудеса. Военная реформа должна только создать благопріятныя условія для развитія и проявленія этихъ качествъ. На первое мѣсто, въ этомъ отношеніи, Крижаничъ ставитъ назначеніе достаточно высокаго и, главное, опредѣленнаго жалованія войску; „храбро сердце воякомъ, говоритъ онъ, чинитъ мыто, слава, честь и слобода или слободно уживаніе мыта. А въ мыто ся даютъ пѣнязи“. Для возбужденія въ войскѣ соревнованія необходимо установить какія нибудь внѣшнія отличія, особыя награды за военные по-

---

[1]) Разгов. стр. 481: Talis est etiam nova, a Germanis conficta ars exercendorum militum et disponendarum legionum. Haec enim ars (excepta una et altera praeceptione) tota est vana penitusque inutilis: ad ludum solummodo et ad ostentationem servit; ad seriam victoriam nihil prodere potest. Germani fingunt in hac sua arte latere abscondita misteria; et nulla latent in ea nisi ludi. Per exemplum hoc tempore Russiacae genti ingens dedecus intulerunt et ingentia praemia intulerunt. Per eam magna detrimenta ... sunt nostrae militiae, praesertim quod ego ipse oculis spectavi Toboliis in Sibiria, in bello Bascirico. Si non adfuissent Germani doctores, primo statim tempore acillime per Dei gratiam fuissent cesi Basciri. In eodem numero est architectura militaris (рукоп.).

двиги. Нужно измѣнить и внѣшній обликъ русскаго солдата: остричь бороду, кафтанъ сдѣлать болѣе удобнымъ. Нужно, чтобы войско хорошо понимало своихъ вождей и подчинялось имъ; для этого необходимо всѣ военные термины и командныя слова перевести на русскій языкъ и военачальниковъ назначать исключительно изъ русскихъ людей. Что касается способа вооруженія, то Крижаничъ считалъ, что русскіе, по своимъ военнымъ способностямъ, занимаютъ средину между европейцами и скиѳами, и потому нѣмецкое вооруженіе къ нимъ не совсѣмъ подходитъ. Какъ отмѣчено было выше, онъ высказывался противъ устройства конницы на нѣмецкій образецъ, т. е. противъ устройства рейтарскихъ и драгунскихъ полковъ, находя, что первые, вслѣдствіе тяжелаго вооруженія, не обладаютъ той быстротой, какая нужна въ войнахъ съ татарами, а вторые ничѣмъ не отличаются отъ пѣхотныхъ полковъ. По мнѣнію Крижанича, въ основу организаціи военнаго строя должны быть положены два начала: усовершенствованіе русскаго строя и заимствованіе строя иностраннаго, но заимствованіе широкое, т. е. не отъ однихъ только нѣмцевъ, но отъ всѣхъ народовъ, съ которыми только намъ приходится сталкиваться — въ томъ числѣ отъ калмыковъ, самоѣдовъ и друг. Конница должна раздѣляться на гусаръ, козаковъ и конныхъ стрѣльцовъ. Въ составъ пѣхоты должны входить стрѣльцы, гайдуки и копейники. При этомъ Крижаничъ высказывается противъ вооруженія бердышами и рекомендуетъ войска, предназначенныя для дѣйствія въ Сибири, снабдить щитами. Онъ выражаетъ сожалѣніе, что огнестрѣльное оружіе вытѣснило старинный лукъ, которымъ „возрасло и расширило ся Руское Господарство". Слѣдовало бы, по его мнѣнію, вернуться къ этому испытанному оружію. Для подготовки арміи должны быть открыты военныя стрѣлковыя училища. Наконецъ, должно быть широко поставлено изготовленіе предметовъ вооруженія и снаряженія войска. Такимъ образомъ, въ отношеніи устройства и реорганизаціи арміи Крижаничъ во многомъ выступаетъ противъ такихъ мѣръ, которыя въ его время уже при-

нимало русское правительство [1]), въ частности—возстаетъ онъ противъ излишняго, рабскаго подражанія нѣмцамъ. Но, выступая противъ подражанія нѣмцамъ, онъ вовсе не высказывается противъ всякихъ заимствованій; напротивъ, онъ даже рекомендуетъ ихъ, однако лишь въ той мѣрѣ, въ какой это дѣйствительно необходимо, и въ какой это не противорѣчитъ старымъ русскимъ началамъ, доказавшимъ на практикѣ свою жизнеспособность [2]).

Обсуждая систему внутренней политики, которую предлагалъ Крижаничъ русскому правительству, необходимо обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Крижаничъ очень много говоритъ о преобразованіи быта и нравовъ русскаго народа. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о реформѣ одежды. Одежда, которую носили въ Россіи въ XVII вѣкѣ, Крижаничу не нравилась: она неудобна, недостаточно прочна, отчасти даже несовсѣмъ прилична, а главное, слишкомъ дорога, слишкомъ роскошна. „Что у насъ еденъ бояринъ, говоритъ Крижаничъ, по нужѣ на свой строй морастъ тратить, тѣмъ бѣху ся въ реченыхъ народехъ (у испанцевъ и нѣмцевъ) три князи устроили“. Надо, чтобъ платье было легкое, удобное, прочное,—чтобы оно соотвѣтствовало нашему климату. У разныхъ народовъ можно найти образцы платья, отвѣчающіе тѣмъ или другимъ изъ этихъ требованій [3]). Но Крижаничъ и здѣсь предостерегаетъ отъ рабскаго подражанія какому нибудь одному народу; онъ совѣтуетъ, напротивъ, отъ каждаго народа взять тѣ изъ принятыхъ у него одеждъ, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ условіямъ русской жизни. Сочувственно говоритъ онъ и о бритьѣ или,

---

[1]) Во время Крижанича войска иноземнаго строя составляли приблизительно половину всего русскаго войска. См. Е. Сташевскій, Смѣта военныхъ силъ Московскаго государства въ 1663 году, Кіевъ 1910 стр. 18.

[2]) I стр. 74, 76, 85, 89, 91, 94—103, 375; II стр. 162, 167—168; О Промыслѣ стр. 87, 101 (по изд. Безсонова).

[3]) Ср. указъ 1675 г. о неношеніи платья и нестриженіи волосъ по иноземскому образцу. Карповичъ, Собр. узаконеній, т. I стр. 988.

вѣрнѣе, укороченіи бороды. Въ куреніи табака онъ не видитъ ничего безнравственнаго; въ умѣренномъ количествѣ онъ считаетъ его и безвреднымъ. Поэтому запрещеніе курить табакъ онъ объясняетъ исключительно финансовыми соображеніями и находитъ, что уже настало время отмѣнить это запрещеніе [1]). Однако, обсуждая всѣ подобные вопросы, говоря о необходимости реформъ въ бытѣ, во внѣшней обстановкѣ русскаго народа, Крижаничъ далекъ отъ мысли, чтобы эти реформы были проведены правительствомъ чрезъ посредство законодательства, чтобы онѣ были тираннически навязаны русскому обществу. Относительно реформы платья онъ даже это прямо высказываетъ; указавъ, что въ Венеціи закономъ установлена одежда для каждаго сословія, онъ говоритъ: „намъ нѣсть требы пратежныхъ уставъ“ [2]). Значитъ, въ отношеніи быта и нравовъ онъ предполагалъ дѣйствовать не на правительство, а прямо на самое общество. Реформа быта стоитъ для него внѣ задачъ государственной политики; на него правительство можетъ дѣйствовать только косвенными путями,—главнымъ образомъ, путемъ просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи Крижаничъ сходится съ знаменитымъ публицистомъ слѣдующаго столѣтія кн. М. Щербатовымъ, который преклонялся во многомъ передъ реформами Петра В., но осуждалъ въ нихъ именно то, что онѣ слишкомъ грубо затрогивали нравы и привычки народа [3]). И если разсмотрѣніе всѣхъ отдѣльныхъ вопросовъ внутренней политики, о которыхъ только говоритъ Крижаничъ, приводитъ

---

[1]) Ср. De Providentia, стр. 159: Hoc autem loco videtur mihi necessario notanda quorumdam magna indiscretio et farisaica hypocrisis, qui culicem colant, camelum autem deglutiunt. Hoc est, qui piis principibus molesti sunt, ut usum tabaci paenis persequantur; in blasfemiis vero, in magiis, in latrociniis et in aliis atrocissimis criminibus (in quibus necessaria est severitas) isti homines requirunt in principibus clementiam, sive potius remissionem et dissolutionem iustitiae (рукоп.).

[2]) I стр. 138—139.

[3]) Сочиненія князя М. М. Щербатова, т. II (Спб. 1898), стр. 150—168 См. Вальденберга, Щербатовъ о Петрѣ В., Спб. 1903.

къ убѣжденію, что онъ всюду старался проводить свой средній путь, то этотъ путь долженъ быть признанъ среднимъ не только между стариной и новизной, между сохраненіемъ самобытности и заимствованіемъ, но также между крайностями государственной опеки и невмѣшательства.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Внѣшняя политика Россіи.

Взгляды Крижанича на внѣшнюю политику находятся въ тѣсной связи съ его общими философскими воззрѣніями. И здѣсь видна его глубокая вѣра въ Провидѣніе, видно его убѣжденіе, что дѣлами людей, помимо ихъ сознанія, управляетъ высшая, божественная воля, которая стремленіями и желаніями человѣчества пользуется для достиженія своихъ, невѣдомыхъ для насъ цѣлей. Изъ этого убѣжденія вытекаетъ необходимость быть скромнымъ, умѣреннымъ въ дѣлахъ внѣшней политики, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и осторожнымъ. Въ несчастіи, говоритъ Крижаничъ, мы должны размышлять о томъ, какъ непостоянны и перемѣнчивы дѣла человѣческія, ибо ничего нѣтъ непостояннѣе, какъ неожиданное и большое счастіе. Поэтому, если врагъ нашъ гордится своимъ счастіемъ и преступаетъ мѣру, тогда намъ вполнѣ слѣдуетъ надѣяться, ибо гордость, большею частью, бываетъ наказана Богомъ. На-оборотъ, при счастливомъ стеченіи дѣлъ не слѣдуетъ быть слишкомъ самонадѣяннымъ. Не слѣдуетъ относиться съ презрѣніемъ даже къ самому слабому врагу своему, не слѣдуетъ ни къ кому обращаться съ угрозами, потому что не отъ насъ зависитъ исполненіе этихъ угрозъ. Единственная угроза, которую допускаетъ Крижаничъ, это угроза правосудіемъ Божіимъ. Но и это возможно только тогда, когда государь стоитъ за правое дѣло, ибо на основѣ лжи и насилія такая угроза есть чистое

богохульство [1]). Между тѣмъ у всякаго государя всегда бываетъ достаточно совѣтчиковъ, которые думаютъ только о расширеніи государственной территоріи и для этого не останавливаются передъ завоевательными планами. Крижаничъ къ такого рода планамъ относится отрицательно и припоминаетъ относящійся сюда евангельскій текстъ: „кая польза есть чловѣку, аще весь свѣтъ добудетъ, а душу свою згубитъ?“ Зачѣмъ присвоивать себѣ чужое, если придется его возвращать, или, въ противномъ случаѣ, изъ за него придется губить свою душу? Вообще же, говоритъ онъ, завоевательныя войны должны быть отвергнуты во всѣхъ тѣхъ случахъ, когда онѣ требуетъ большихъ расходовъ, или когда возбуждаютъ противъ государства новыхъ враговъ, или когда для заселенія вновь присоединенныхъ земель приходится выводить населеніе изъ коренныхъ провинцій [2]). Но главнымъ принципомъ международной политики Крижаничъ выставляетъ не осторожность и благоразуміе, а честность и прямодушіе. Чего бы ни требовала отъ государственнаго человѣка польза государства, сохраненіе даннаго слова для него обязательно при всѣхъ обстоятельствахъ. „Аще намъ есть кое кралество въ давныхъ временехъ учинило обиду, а потомъ того учиненъ миръ и присягою укрѣпленъ: нѣсть слободно присяги и завѣтовъ кершить для помещенія старыхъ обидъ. На договорехъ на обличіе можемъ испоганять старыя обиды; али въ самомъ дѣлу нѣсть намъ то доста, да бысмо могли рушить и рать навесть. Ино хочьти бы мирное завѣщаніе и обидно намъ было, треба есть терпѣть, и нѣмаемъ присяги кершить и имена Господнего срамить“ [3]). Эти принципы обязательны не только въ отношеніяхъ къ т. наз. культурнымъ государствамъ и христіанскимъ народамъ, но и въ отношеніи народовъ дикихъ и языческихъ. Идти войной на язычниковъ только потому, что они языч-

---

[1]) II стр. 81, 83, 113.

[2]) II стр. 84—85, 107—108.

[3]) II стр. 109.

ники, Крижаничъ считаетъ совершенно недопустимымъ, хотя бы при этомъ была поставлена высокая цѣль распространенія христіанства: „або Христосъ нѣсть заповѣдалъ своего евангелія мечемъ, по терпленіемъ ширить“ [1]).

Исходя изъ этихъ общихъ соображеній, Крижаничъ не можетъ отнестись одобрительно къ тѣмъ политическимъ пріемамъ, которыхъ держатся западно-европейскія государства, ибо главнѣйшей цѣлью ихъ политики являются земельныя пріобрѣтенія и, вообще, завоеванія. Особенно грубо этотъ принципъ проявляется въ ихъ отношеніяхъ къ государствамъ некультурнымъ, которыя они разсматриваютъ просто, какъ средство для достиженія своихъ цѣлей, и за которыми они не считаютъ нужнымъ признавать какія бы то ни было права. Крижаничъ такъ, между прочимъ, рисуетъ эти отношенія: „Когда суть были обрѣтены Индѣйскія страны, всѣ оны народы бяху поганы, а Хиспански воиводы просто завладоваху, что коли могаху обсилить, чаючь то по доброй правдѣ быть учинено“. И хотя духовныя власти возставали противъ такого отношенія къ невѣрнымъ, но „судили суть адда Хиспаны, еже таковы народы, опрочь обличія чловѣчіего, ничесо чловѣческа въ себѣ нѣмаютъ, и за то не въ людей, но въ звѣрей мѣсто почтены быть имаютъ; и еже зъ ними есть треба поступать, яко съ дивьими звѣрми, и силою ихъ приганять на обдержаніе закона и житія чловѣчіего“ [2]).

Не такова, очевидно, должна быть русская внѣшняя политика по взгляду Крижанича. Россія должна быть чужда воинственности, чужда всякихъ завоевательныхъ плановъ. Главное вниманіе русской верховной власти должно быть обращено па внутреннія дѣла, а не на внѣшнія; во внутреннемъ благоустройствѣ, а не въ завоеваніяхъ должна она

[1]) II стр. 110. Ср. De Providentia, стр. 153: Caveat rex, ne putet sibi licere armis infestare infideles populos ex ea solum causa quia infideles sunt. Christus enim suum Regnum non armis, sed pietate et patientia iussit propagari (рукоп.).

[2]) II стр. 110.

видѣть источникъ своего богатства и своей силы [1]). Поэтому основными принципами русской внѣшней политики должны быть: миролюбіе, невмѣшательство, осторожность. „Бѣда наша жестока есть и сіе, говоритъ Крижаничъ, что насъ ины народы... на своя стороны влекутъ, во своя распри вплѣтаютъ и въ насъ межу собою незгоду сѣютъ. А мы по своей лудости даемъ ся заводить и за иныхъ воюемъ и чужія рати чинимъ своими, а межу собою ся ненавидимъ и враждуемъ на смерть, и братъ брата прогоняетъ безъ всякія потребы и причины“ [2]). Слѣдовательно, если уже приходится вести войну, то на нее нельзя смотрѣть, какъ на выгодное приключеніе, или какъ на источникъ земельныхъ пріобрѣтеній, но она должна вытекать изъ дѣйствительныхъ жизненныхъ потребностей государства, должна быть дѣйствительно необходима; и при всемъ томъ для нея долженъ быть и справедливый поводъ. Кромѣ того, Крижаничъ предостерегаетъ русское правительство отъ борьбы со многими врагами одновременно,—отъ войны на два фронта. „Вяще треба есть бречь, говоритъ онъ, да николи не заведемъ рати зъ двѣми или со множими врагми въ другъ и въ разныхъ странахъ. И да не засылаемъ посадъ на разна мѣста въ едно время; но наполнивши первле едно мѣсто и добро укрѣпивши, потомъ того ведется посады заводить на другомъ мѣсту. Або кто прешироко распростираетъ руки, ничесо не стиснетъ“ [3]).

---

[1]) II стр. 116—117: Кій краль хочетъ быть славенъ и въ послѣдующихъ вѣкехъ памятенъ, и кій желитъ свое кралество разширить, онъ мораетъ первле своя дѣла что наилуче устроитъ и постановить, неже ся чужихъ пріемать. Една скорбь: мораетъ постановить оныя вещи, коя къ вѣрѣ и гъ богочестію пристоятъ. Вторая скорбь: мораетъ учинить, да го весь народъ паче неже отца возлюбитъ, яко суть чинили Александеръ, Юліушъ, Костантинъ и ины преславны крали. А таковыя любови краль ни по чемъ иномъ не можетъ добыть, неже аще праведно и что наилуче законоставіе нарядитъ.

[2]) I стр. 179. Ср. Разговоры стр. 485 (рукоп.).

[3]) II стр. 122.

Эти свои взгляды и требованія Крижаничъ считаетъ обязательными не только въ отношеніяхъ Россіи къ культурнымъ государствамъ Европы, но и въ отношеніяхъ къ некультурнымъ инородцамъ. „Околъ сего кралества есуть Сыроѣдцы, Самоѣдцы, Остяки, Калмыки и ины народы, съ нѣкоихъ нѣкои хлѣба и соли не уживаютъ, нѣкои безъ кучь живутъ, али людей не ѣдутъ и балваномъ ихъ не закаляютъ. Тѣхъ таковыхъ (аще насъ они первле не изобидятъ и причины намъ не дадутъ) правда и разборъ кажетъ, еще не годится ихъ намъ на смерть убіять. Годитъ ли ся ихъ пакъ инако подъ область подбіять и силить дань давать, язъ объ томъ не хочу ничесо изречь; най судятъ ины, коимъ суть дѣла оныхъ народовъ болѣ знана. Лихо на прилику припоминаю Римлянъ древнихъ, объ коихъ въ повѣстехъ чтемъ, како суть на чудо, и паче отъ всѣхъ народовъ, военныхъ праведъ охранливы были. Ни въ вѣкъ ни съ кѣмъ завѣта и мирного доканчанія нѣсуть прекершили: никого нѣсуть безъ причины, нить безъ явного объвѣщенія войною наяхали. Ино вѣдь всегда суть и причинъ и военъ доста и надъ потребу имали; и далъ имъ е Богъ многіе народы подъ область подбить. А язъ быхъ рекелъ, еже имъ е Богъ счастіе за то давалъ, что нѣсуть никого криво и безпричинно наѣзджали. Тоже ся можетъ разумѣть и объ семъ кралеству. Всегда имаемъ и имали будемъ доста праведныхъ причинъ къ войнамъ. А грѣшить въ томъ намъ нѣсть требы, нить завѣтовъ кершить, нить покойныхъ народовъ наѣзджать, либо гъ дани силить, нить безъ причины военъ заводить. Аще хочемъ имать Божіе благословеніе, треба есть правду охранять“ [1]. Однако Крижаничъ допускаетъ возможность военныхъ столкновеній съ восточными, главнымъ образомъ, сибирскими инородцами, и именно съ калмыками. Такъ какъ въ его время московское правительство какъ-разъ вело борьбу съ калмыками, остяками и башкирцами и стремилось ихъ привести къ покорности, то

[1]) II стр. 111.

любопытно отмѣтить, какими соображеніями Крижаничъ оправдываетъ эту политику. Россія пріобрѣла Сибирь силою оружія и потому имѣетъ на нее высшее право; Сибирь принадлежала татарамъ, отъ которыхъ Русь много терпѣла, и потому царь имѣлъ полное основаніе и полное право отнять у нихъ Сибирь. Но Сибирь, говоритъ Крижаничъ, нуждается въ соли, а мѣсторожденія ея находятся въ калмыцкихъ владѣніяхъ; она не можетъ также обойтись безъ торговыхъ сношеній съ Бухарой. Поэтому Россія можетъ потребовать отъ калмыковъ, во-первыхъ, разрѣшенія поставить на соленыхъ озерахъ городки для устройства правильной добычи и храненія соли и, во-вторыхъ, потребовать свободы торговли съ Бухарой. Если калмыки откажутся заключить договоръ на этихъ условіяхъ, то Россія можетъ добыть себѣ эти права силою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подчинить ихъ себѣ. Эти мысли Крижаничъ излагаетъ въ формѣ рѣчи царскаго посланца къ калмыкамъ и заканчиваетъ эту рѣчь такими словами: „Причину имаетъ господарь праведну. Соль бо есть Богъ сотворилъ людемъ на уживаніе. А вы ея и сами не уживаете и другимъ не продаете и Божіего дара уживать и способно добывать не допущаете. Торговство тоже есть народомъ потребно, а вы сіе препачаете и тѣмъ народскую правду и общеніе разаряете. За то народы, которымъ ся отъ васъ таковыя преказы и обиды чинятъ могутъ праведно на васъ повстать. А до того вы нить градовъ нить селъ не градите и рубежевъ означеныхъ нѣмаете, но на сподобу дивіего звѣрія живете. За то вы никаковыя земли своею влащиною либо отчиною не чините. И за ту причу на сей степи вольно есть царю господарю для ради своея потребы поставить острогъ: для ради поспѣшенія торговству зъ Бухарми и зъ вами самими“ [1]). Отсюда можно заключить, что Крижаничъ невполнѣ одобрялъ политику московскаго правительства въ отношеніи средне-азіатскихъ инородцевъ. Его требованія къ нимъ носятъ ха-

---

[1]) II стр. 112—113.

рактеръ экономическій, между тѣмъ какъ московское правительство въ переговорахъ съ калмыками становилось совсѣмъ на другую точку: оно требовало, чтобы калмыки шли войной на крымскаго хана. Что же касается калмыковъ сибирскихъ и, вообще, сибирскихъ инородцевъ, то необходимость привести ихъ къ покорности вызывалась тѣмъ, что они постоянно безпокоили русскія владѣнія; здѣсь, слѣдовательно, имѣлась для борьбы съ ними столь же жизненная причина, какъ и тѣ, которыя указывалъ Крижаничъ [1]). Отрицательно относился Крижаничъ и къ тѣмъ воинственнымъ мечтамъ, которыя распространились на Москвѣ послѣ 1654 года, т. е. послѣ посольства въ Китай Ѳедора Байкова. „Отъ иныхъ людей есемъ слышалъ, еже де царь господарь хочетъ рать повесть на Китай. А особито повѣдаютъ, еже посланецъ Байковъ въ Китаю есть нашелъ нѣкоего Нѣмчина чародѣйца, и яко да бы онъ чародѣецъ былъ пророковалъ, еже царь господарь имаетъ обладать Китай. Сице бѣсъ проклятый чезъ своего раба сѣетъ соблазны, подущаетъ и обращаетъ людей на суія, несподобныя и незможныя вещи, дабы ихъ отвернулъ отъ сподобныхъ, зможныхъ и потребныхъ дѣлъ. Хотѣлъ бы онъ проклятый врагъ, дабы народъ Рускій глупо пошелъ Китая добывать, а Руское кралество да бѣху обладали Татары и Нѣмцы. Люди, кои тако дурныя и посмѣшныя и щетныя рѣчи сѣютъ, становито нѣмали бѣху быть препущены безъ кажненія“ [2]). Эти слова Крижа-

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи т. XII стр. 290—316.

[2]) II стр. 121—122. Изъ дальнѣйшаго видно, что Крижаничъ не допускаетъ даже мысли, чтобы Россія завладѣла Китаемъ, ибо въ такомъ случаѣ она стала бы равна по своей силѣ Риму, а это не согласовалось бы съ пророчествами въ книгахъ пророка Даніила и Ездры. — Въ другомъ мѣстѣ Крижаничъ авторами этихъ проектовъ выставляетъ нѣмецкихъ полковниковъ: Non possum satis indignari de eo, quod hisce proximis 5 annis (et praesertim his postremis duobus annis) audire debui: quod nimirum nonnulli ex Germanis istis ignivomis et ferrum mandentibus tribunis et quidam ex domesticis quoque in praetoria dignitate constitutis viris ausi sunt vanissime iactare: se velle regi Cataiensi bellum inferre et regnum illud nostro serenissimo impe-

нича очень знаменательны. Онъ стоитъ за мирныя отношенія съ нашими восточными сосѣдями, и онъ увѣренъ, что всякая война на дальнемъ востокѣ грозитъ Россіи большой опасностью; она развяжетъ руки исконнымъ врагамъ ея (татарамъ и нѣмцамъ), которые не преминутъ воспользоваться ея труднымъ положеніемъ и насядутъ на нее. Ему кажется, что Россія достаточно уже пріобрѣла въ Сибири, и всякое новое пріобрѣтеніе на азіатскомъ материкѣ принесетъ Россіи скорѣе вредъ, чѣмъ пользу: Крижаничъ имѣетъ въ виду, что съ расширеніемъ азіатскихъ нашихъ владѣній цѣны на мѣха и сибирскія богатства должны будутъ сильно упасть. Не о новыхъ завоеваніяхъ нужно думать, а о томъ, чтобы лучше использовать прежнія пріобрѣтенія и, какъ можно, шире поставить эксплоатацію заключенныхъ въ нихъ богатствъ [1]). Такимъ образомъ, предлагаемая Крижаничемъ политика въ отношеніи дикихъ инородцевъ и восточныхъ нашихъ сосѣдей можетъ быть сведена къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) слѣдуетъ поддерживать съ ними, по возможности, мирныя отношенія и уважать ихъ права; 2) если жизненныя потребности Россіи и, особенно, сопредѣльныхъ съ инородцами областей приведутъ къ столкновенію съ ними, то слѣдуетъ твердо и открыто выставить свои требованія и, въ случаѣ отказа, добиться ихъ исполненія вооруженной силой; 3) война не должна имѣть цѣлью

---

ratori subditum facere. Et de hac re non solum ad populum multa vanissima iactaverunt, sed etiam ad serenissimum imperatorem easdem vanitates praescribere, ni fallor, non erubuerunt. Ego vero, ex quo vivo in hac mortali vita, existimo me nihil unquam stultius, nihil insulsius insaniusque audivisse. (О Промыслѣ, изд. Безсонова, стр. 112.)

[1]) II стр. 122: Доста и премного уже въ Сибири быть расширено твое, пречеститый царю, господство. Опущаю разныя причины и сію едину припоминаю: корзенная казна, кая изъ Сибири приходитъ, тако ся есть умножила, да ей ся есть цѣна знизила. И чѣмъ вящій приходъ лисицъ да соболевъ изъ Сибири прибываетъ, тѣмъ тѣ товары и дешевли постаютъ. Моимъ зданіемъ совѣтнѣе бы было въ Сибири съ Калмыками, зъ Давурми и зъ иными сусѣдми миръ держать, а съ торговыхъ да зъ рудныхъ промысловъ новыя прибыли искать.

истребленіе инородцевъ, а только ихъ подчиненіе и установленіе мирнаго съ ними сожительства.

Однако, подобно московскому правительству, Крижаничъ видитъ центръ русской внѣшней политики не въ отношеніяхъ къ восточнымъ народамъ, а въ малороссійскомъ вопросѣ. Съ этимъ вопросомъ связаны были всѣ главнѣйшіе вопросы внѣшней политики не только царствованія Алексѣя Михайловича, но и послѣдующей русской исторіи: польскій, шведскій и восточный. Этимъ вопросамъ и удѣляетъ Крижаничъ главное свое вниманіе. Крижаничъ пріѣхалъ въ Россію въ 1659 году, какъ-разъ въ ту пору, когда часть козаковъ съ гетманомъ Выговскимъ во главѣ измѣнила Москвѣ, и Украйна жестоко страдала отъ междуусобія. Въ „Описаніи пути отъ Львова до Москвы“ онъ мрачными красками рисуетъ картину бѣдствій, переживаемыхъ Украйной: опустошеній, разстройства хозяйственной жизни, паденія цѣнъ на рынкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣждаетъ козаковъ возвратиться подъ власть царя. Главную причину измѣны онъ видитъ въ предубѣжденіи, которое сложилось въ народѣ, что жить подъ властью Россіи трудно, что московское правительство рано или поздно отниметъ у козаковъ всѣ ихъ вольности и станетъ ихъ всячески притѣснять[1]). Это предубѣжденіе или, какъ онъ его называетъ, ересь (авторами которой онъ считалъ самихъ поляковъ[2]) Крижаничъ и самъ

[1]) Jeres sija iest szto w' glawu sebj wzacli i scjniaiut za istinu sczіruiu: Jako žiti pod sjm preslawnim Carstwom Ruskjm iest žiti w' naigorszey newoli, sužanstwj i rabotj; gorsze nad Turskoe tiranstwo, gorsze nad Faraonowu službu i Egipetsku rabotu. Ko semu dijawolskomu uwireniu dopomagaiut njm zjlo i nichowi wlasnie duchowni liudie i Greczeski mitropoliti, iako to mi ne ot iednogo usliszachom (Собр. соч., вып. I, стр. 7). — Wina sego strasznogo licha i seiey nenadomjstney szkodi nist ina, neželi szto wi... zboiali se ieste, szto bi wam Prawedni gospodar waszjch starjch słobod ili wolnostey neporuszil i nepotarl, chotia ko tomu nijedinogo znamena ni podobosti neimjli ieste (тамъ же, стр. 9). Объ отпаденіи Малороссіи см. еще II, 48, 52, 102.

[2]) Объ этомъ выше. Ср. „Сербское письмо“. (С. Бѣлокуровъ, назв. соч. стр. 90).

отчасти раздѣляетъ [1]), но подчиненіе Малороссіи Польшѣ онъ считаетъ для козачества крупной и прямо недопустимой политической ошибкой, которая грозитъ ей неисчислимыми бѣдствіями. Поляки наведутъ въ Украйну своихъ нѣмцевъ и жолнеровъ, которые будутъ грабить и мучить населеніе и, въ лучшемъ случаѣ, будутъ жить на его счетъ; польская шляхта будетъ отыскивать свои маетности, и все, что козачество добыло войною, отъ него отойдетъ; польское правительство мало-по-малу переведетъ всѣхъ козаковъ въ крестьянство (w chłopstwo), и отъ привилегій козачества ничего не останется. Но самое главное, на что обращаетъ вниманіе Крижаничъ, это —то, что Польша слабѣе Россіи. Поэтому, если козаки подчинятся Польшѣ, имъ придется постоянно жить въ страхѣ и въ ожиданіи войны со стороны Россіи, а подчинившись Москвѣ, они могутъ уже не бояться Польши [2]). Польское владычество не прекратитъ кровопролитія: „Турки и Ляхи будутъ въ покоѣ сидѣть, да пировать", а козакамъ придется то воевать другъ съ другомъ, то итти войною „на Москву, на царство наше Руское православное, съ нами единородное и единовѣрное, и проливать кровь невинную". Между Польшей и Москвой долго еще не будетъ прочнаго мира, и если козаки присягнутъ Польскому королю, имъ много разъ придется нарушать присягу. И еще важное соображеніе: польскій престолъ постоянно находится въ рукахъ инородцевъ—то нѣмца, то шведа, то француза, то венгерца, а стоять подъ королемъ изъ чужого народа, говоритъ

[1]) I стр. 284—285: Ото вся поколѣнія илити всія державы Руского народа (Меньшая и Бѣлая Русь) бяху ся повратили гъ Давидовой кучѣ, къ Рускому своему кралеству, отъ коего зъ нѣколико вѣковъ бяху отторгнены... Алити мои Украинцы и новы подданники, какъ скоро сего владанія законъ отвѣдаша, онъ же часъ скаяша ся и опять къ Ляхомъ повратиша, и яко ся вещи показуютъ, ни въ вѣкъ ся вяще не предадутъ на сію страну. За что? Для ради людодерства.

[2]) Stoiaczi mi za Carskim Weliczestwom, netreba nam se mnogo boiati napasti ot Liachow, iako ot malosilnich. A stoiaczi za Korolom, nikoli neprebudemo bez Moskowskey dokuki. (Собр. соч., вып. I, стр. 12.)

Крижаничъ, есть дѣло, которое противно Божію приказанію [1]). Такимъ образомъ, съ какой стороны ни посмотрѣть на вопросъ—съ экономической, военной, національной, религіозной,—все говоритъ за то, что Малороссія должна подчиниться Россіи.

Однако отсюда еще не слѣдуетъ дѣлать вывода, что, присоединивъ къ себѣ Малороссію, московское правительство можетъ въ ней свободно распоряжаться. Крижаничъ смотритъ на Малороссію, какъ на исконную собственность Россіи, и присоединеніе ея къ Москвѣ есть, на его взглядъ, только возвращеніе того, что ей принадлежитъ по праву [2]). Но для того, чтобы удержать за собой Малороссію, чтобы закрѣпить ее навсегда за коренной Россіей, необходима обдуманная и строго послѣдовательная политика. Прежде всего, надо выяснить отношеніе правительства къ козацкимъ вольностямъ. Нѣсколько позже, въ своихъ „Разговорахъ“ Крижаничъ подвергъ строгой критикѣ мѣропріятія правительства послѣ 1659 года и нашелъ ихъ недостаточно разумными. „Нѣкои люди тогда вѣрно совѣтоваху и говоряху: Дабы ся онымъ новымъ подданникомъ никакова тягота не налагала, но дабы ся за велику казну и приходъ сцѣняло, чтобы царь господарьималъ оно превеликое войско всегда на свою заповѣдь готово, коимъ бы еденъ бокъ сего царства яко зидомъ ограженъ былъ, и коимъ бы ся могли и крымски разбойники до конца выпищить. Алити для ради старыхъ царя Ивана и царя Бориса законовъ, инако ся есть думѣ полю-

---

[1]) Mi stoiaczi za Liachami, budemo ziti wo wicznom bezzakoniu i w' prestuplieniu bozego prikazania. Bo treba nam budet žiti pod Koroliom czužogo naroda czolowikom: pod Nimcom, Szwedom, Litwinom, Francuzom, Wengrinom ili pod inszim; a nijakim sposobom nemožno, szto bi tam koroliowal ani Liach, ani inszi naszego Slowenskogo naroda colowik (тамъ же, стр. 13).

[2]) Boristhenitae sive Minoris Russiae incolae, qui sunt primarium maximeque proprium Russiaci regni patrimonium quique idcirco serenissimis nostris regibus maxime fideles esse deberent, maxime sunt ab eis animo alienati (О Промыслѣ, изд. Безсонова, стр. 10).

било, и прокляты кабаки тудже быша постановлены... Думники адда оны, кои навѣщують на самотержіе, на кабаки, на мерзкіе добытки и на всякое давленіе бѣдныхъ подданниковъ, нѣсуть изъ числа оныхъ вѣрныхъ и разумныхъ думниковъ Ровоамовыхъ, правого блага и правыя славы своему кралю жадающихъ, но есуть изъ оныхъ младенцевъ глуподерзыхъ, кои ся обзираху токмо на предочную корысть, а про грядущее время ничесо не усматряху, нить разцѣняху, что бы было сподобно и почтено. Непщаху себе кралю велику казну притяжать, а они му принесоша велико убожество и неизповѣдну щету" [1]). Такая политика, по мнѣнію Крижанича, страдаетъ близорукостью. Пріобрѣтя новую провинцію, правительство стремится, какъ можно, больше и скорѣе выжать изъ нея и для этого прибѣгаетъ къ привычнымъ и излюбленнымъ способамъ: вводитъ государственную монополію и всякіе налоги. Но населеніе, привыкшее къ независимости, не можетъ перенести такихъ, слишкомъ суровыхъ проявленій власти и отлагается. Правильнѣе, по мнѣнію Крижанича, не смотрѣть совсѣмъ на новыхъ подданныхъ, какъ на удобный объектъ финансоваго обложенія, не искать въ нихъ источника казенной прибыли. Настоящая польза присоединенія Малороссіи, какъ и всякой окраины, заключается не въ этомъ, а въ томъ, что оно сообщаетъ нашимъ границамъ бо̀льшую безопасность. Поэтому Крижаничъ, въ полномъ согласіи съ современной ему русской окраинной политикой [2]), выставляетъ, какъ первый пунктъ сочиненной

---

[1]) I стр. 284—285. Несовсѣмъ вѣрна, поэтому, мысль А. Брикнера, что, ознакомившись со всѣми частностями малороссійскаго дѣла въ ту критическую пору, когда борьба за Малороссію между Польшей и Россіей была въ полномъ разгарѣ, Крижаничъ оказался завзятымъ сторонникомъ московской политики (см. его ст. „Юрій Крижаничъ", Р. Вѣстн. 1887, № 7, стр. 13).

[2]) См. жалованныя грамоты войску запорожскому (1654 г.) Собр. Гос. Гр. и Дог. т. III стр. 512, 513; г. Кіеву тамъ же стр. 529, А. И. IV №№ 84, 145; г. Вильнѣ Собр. Гос. Гр. и Дог. т. IV стр. 30; г. Каневу тамъ же стр. 164, 165; г. Могилеву А. И. IV № 88.

имъ рѣчи московскаго боярина къ козачеству, сохраненіе въ цѣлости всѣхъ прежнихъ вольностей, какими пользовалась Украйна [1]). Царь обѣщаетъ также дать ей и новыя вольности, если только козаки будутъ просить ихъ „достойно и слушно“; какія это могли бы быть вольности, Крижаничъ не объясняетъ. Второй важной мѣрой онъ считаетъ учрежденіе въ Москвѣ особаго малороссійскаго приказа, содержаніе котораго онъ относитъ на счетъ малороссійскаго населенія. Въ устройство этого приказа онъ вноситъ представительное начало: приказные люди должны быть выборные отъ самихъ жителей Украйны. Кажется, Крижаничъ видѣлъ въ этомъ ловкій политическій ходъ: козаки почтутъ себѣ за честь имѣть своихъ представителей въ Москвѣ, а на дѣлѣ эти представители будутъ не кѣмъ инымъ, какъ заложниками (poruki), которые будутъ въ отвѣтѣ за всякую попытку къ измѣнѣ [2]). Какъ ни остроумна эта мысль сама по себѣ, но такого рода двойную игру врядъ ли можно признать удачной, да она и не вяжется съ прямодушіемъ и честностью всей политики Крижанича. На этомъ и кончаются всѣ льготы козачеству. Пожизненное гетманство Крижаничъ предлагаетъ уничтожить, такъ какъ въ немъ главная причина измѣны: пожизненный гетманъ, естественно, смотритъ на

[1]) Slawni Car i Weliki gospodar nasz, Boži pomazanec, obiczuiet wam w' cjłosti obderžati i sochraniti wse waszie prežnie slobodi (Собр. соч., вып. I, стр. 9). Въ другомъ мѣстѣ Крижаничъ говоритъ даже о присягѣ царя: Negodno tedj misliti, szto bi taki Bogoczestiwi gospodar mil swoiu prisiagu złomiti. Ali pacze szto nam prisiagnet, to pewno i zderžit, da ni troszki neomilit (тамъ же, стр. 14).

[2]) Se pak darowanie, kotoroe bi im se moglo ucziniti, nad nichowo zaproszenie, iest sicewo: Szto bi im Carskoe Weliczestwo okromiszni prikaz na Moskwi ustanowilo, i szto bi w' onom prikazj predni prikazni liudie ne ot inud, no ot samjch Czirkas postawliani biwali. Se dilo bi i sami Czirkasi sebj za czest pocztali; i oni, kotori bi w' prikazi žili, bili bi poruki, iliti w' mjsto porukow za wjrnost injch, doma ziwuczich; i radi naklada i razchoda prikaznogo, skłonneiszi budut gorodi Czirkaski na otdawanie pristoince danini Carskomu Weliczestwu (тамъ же, стр. 9). Впрочемъ, смыслъ послѣдней фразы не совсѣмъ ясенъ.

себя, какъ на маленькаго царя, и, рано или поздно, у него является соблазнительная мысль поспорить о власти съ московскимъ царемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, Крижаничъ объясняетъ себѣ измѣну Выговскаго. Взамѣнъ этого устанавливается назначеніе гетмана властью царя, и при томъ на опредѣленный срокъ, всего лучше—на три года. Это уничтожитъ соперничество между лучшими людьми въ козачествѣ, считающими себя кандидатами на гетманство, и дастъ возможность всѣмъ имъ по очереди исполнять эту высокую и почетную должность [1]). Крижаничъ подчеркиваетъ еще ту мысль, что избраніе гетмана всегда вносило смуту и раздоръ въ среду козаковъ; рада никогда не бывала вполнѣ единодушна, а потому и избранный гетманъ не могъ пользоваться общимъ довѣріемъ и имѣть авторитетъ во всемъ козачествѣ [2]). Его бывшіе соперники становились его врагами и поддерживали смуту. Въ пользу такого порядка замѣщенія должности гетмана можно было бы привести еще и то, что назначенный гетманъ, будучи обязанъ своимъ возвышеніемъ исключительно волѣ центральной власти, будетъ, естественно, держать ея сторону; но этого соображенія

---

[1]) Carskoe Weliczestwo uznalo iest, szto sego preminuwszego smetenia priwod i wina iest bila, doživotnost hetmanstwa. Bo kolj hetmanstwo nebi bilo doživotno, nikolize Wichowski nebi se bil poczael s' Carskjm Weliczestwom o Carstwo boriti. Radi togo, szto bi i ot selj w' napred nenaszol se ktonibud, kotoromu bi se zachotjlo carowati, i on bi radi togo poczael narod gromiti, zemliu pustosziti i christianstwo zkoreniati, kako Wichowski czinil iest, radi togo reku hetmani uže nebudut doživotni, no troieljtni. Sice i wam služiwjm liudem (kotori tokmo wolnost, wolnost kriczite) umnožit se wolnost: bo ne iednomu (iako ninie) dostanet se hetmanska czest, ali i množeiszim ot was (тамъ же, стр. 10).

[2]) Smotrite ko semu, kako i wsegda pred sjmi czasi neskladni ieste bili i w' swojch sowjtjch (iliti radach) meždu soboiu kloli i ubijali se, i nine neskladni ieste, i iedni iz was Chmelnickogo, drugi Bezpalogo choczete hetmana; i radi togo opaet gotowi biste bili pobiti se.... Iwana pak Bezpalogo C: W: imenuiet i postawliaiet hetmanom ne (na?) sie tri godi (тамъ же, стр. 11).

мы у Крижанича не находимъ. Зато находимъ у него другую мысль, чрезвычайно важную, а именно, что гетмана московское правительство должно назначать изъ среды самого козачества, а никакъ не изъ московскихъ людей. Что Крижаничъ такъ смотрѣлъ на дѣло, видно изъ того, что ближайшимъ кандидатомъ на гетманство онъ считалъ Безпалаго, а послѣ него — Юрія Хмельницкаго. Понятно, что это, несмотря на измѣненіе порядка замѣщенія должности гетмана, сохраняло за ней, до извѣстной степени, характеръ органа самоуправленія [1]). Предлагая въ гетманы Безпалаго, Крижаничъ очень хорошо понималъ, что это не всѣмъ слоямъ козачества придется по праву, но онъ считалъ нужнымъ, чтобы и въ этомъ вопросѣ правительство поступило вполнѣ искренне и прямо заявило, что оно не можетъ одинаково относиться и къ измѣнникамъ, и къ тѣмъ, кто до конца остался ему вѣренъ и поддержалъ его въ трудную минуту. Назначеніе Безпалаго и должно быть понято, какъ награда вѣрнымъ Москвѣ козакамъ [2]). Званіе же пожизненнаго или, правильнѣе, вѣчнаго (doživotni) гетмана принимаетъ на себя самъ царь, который къ своему титулу прибавляетъ новыя званія: Поднѣпровскій, Волынскій и Подольскій. Къ нему, какъ исконная его отчина, отходятъ Черниговъ и Кіевъ, куда онъ и назначаетъ своихъ воеводъ. Подъ его непосредственное управленіе (pod prostim Carskim wladaniem) становятся также всѣ тѣ города и села, которые впослѣдствіи возникнутъ или будутъ возстановлены послѣ разоренія. Все

[1]) Вообще, Крижаничъ предполагалъ, что въ Украйнѣ совсѣмъ не будетъ ни воеводъ, ни приказныхъ людей, присланныхъ изъ Москвы (тамъ же, стр. 14).

[2]) Negodit se dati perwszee blagodati i perwszego mjsta wam, kotori sogrjszili ieste, pred onjmi, kotori nesogrjszili, i o kotorjch Carskoe Weliczestwo može reczi, iako gospod nasz Jsus Christos rekal iest swojm uczenikom: Wi ieste, iže prebili ieste so mnoiu w' napastech moijch (тамъ же, стр. 11). — Съ цѣлью умиротворенія правобережной Украйны Крижаничъ, однако, предлагаетъ назначить туда полковника съ независимой отъ гетмана властью (тамъ же).

это считается пріобрѣтеннымъ по праву войны (Carskim meczem) и не составляетъ предмета договорныхъ отношеній; царь можетъ дать такимъ городамъ права, какія ему будетъ угодно, и можетъ раздать ихъ своимъ боярамъ [1]).

Таковы условія, на которыхъ, по мнѣнію Крижанича, должна быть окончательно присоединена Малороссія. Свое разсужденіе онъ заканчиваетъ очень интереснымъ философско-историческимъ соображеніемъ. Всякое царство, говоритъ онъ, имѣетъ свою счастливую звѣзду, т. е. каждому царству назначено отъ Бога время, когда оно достигаетъ наивысшей силы и славы. Въ это время оно имѣетъ царемъ своимъ человѣка, одареннаго отъ Бога наибольшимъ счастіемъ и крѣпостью, которому нельзя противиться. Много примѣровъ тому можно видѣть въ христіанскихъ и въ иныхъ государствахъ. Такими счастливыми и неодолимыми царями были Киръ, Александръ Великій, Соломонъ, Константинъ; такимъ былъ у нѣмцевъ Карлъ I, у Испанцевъ—Карлъ V. Ясно, что царь Алексѣй Михайловичъ есть самый счастливый и самый сильный государь изъ всѣхъ, которые когда либо царствовали въ русскомъ народѣ, ибо онъ, по Божіей волѣ, такъ расширилъ и прославилъ свое государство, какъ никто изъ его предшественниковъ. Если принять при этомъ во вниманіе, что онъ отличается особымъ благочестіемъ и еще достаточно молодъ и успѣетъ еще сильнѣе прославить себя, то нужно будетъ сказать, что Россія какъ-разъ находится подъ своей счастливой звѣздой. А потому, кто будетъ противиться русскому царю, будетъ противиться самому Богу [2]). Это соображеніе, продиктованное Крижаничу его глубокой вѣрой въ Промыслъ Божій, вѣрой въ то, что возвышеніе и паденіе государствъ опредѣляется не случайными обстоятельствами, а высшимъ порядкомъ,—показываетъ намъ, что онъ правильно оцѣнивалъ современное ему положеніе Россіи.

[1]) Тамъ же стр. 10—11.

[2]) Usmotrenie o Carskom Weliczestwu (тамъ же стр. 14 и 15).— Такъ какъ сочиненіе это предназначалось Крижаничемъ не для Москвы, то едва-ли можно объяснять приведенное мѣсто лестью.

Онъ видѣлъ, что, несмотря на пережитую недавно смуту, Россія нисколько не стала слабѣе, но на-оборотъ—только еще приходитъ въ разцвѣтъ своего могущества, и приближается къ поворотному пункту въ своей исторіи,—къ переходу изъ Московскаго Государства въ Россійскую Имперію. Поэтому то онъ и могъ вполнѣ искренне и убѣжденно уговаривать козаковъ оставить навсегда Польшу и присоединиться къ Москвѣ: онъ вѣрилъ, что будущее принадлежитъ ей.

Разсужденія Крижанича о малороссійскомъ вопросѣ имѣютъ значеніе не только для оцѣнки его взглядовъ на внѣшнюю политику Россіи; они показываютъ намъ, кромѣ того,—особенно если сблизить ихъ съ тѣмъ, что у него говорится о восточныхъ инородцахъ,—какъ онъ смотрѣлъ на отношеніе центра къ инородческимъ или недавно пріобрѣтеннымъ окраинамъ. Собственно окраиннаго вопроса въ томъ смыслѣ, какъ его стала понимать потомъ государственная наука, Россія во время Крижанича еще не знала. Но уже и въ эту пору московскому правительству приходилось задумываться надъ организаціей управленія на окраинахъ и испытывать иногда тягость обладанія ими. Усмиренія башкирцевъ, калмыковъ, остяковъ и сложныя отношенія къ Малороссіи достаточно это показываютъ. Продолжительная жизнь въ Сибири дала Крижаничу въ этомъ отношеніи богатый опытъ. Если обобщить все то, что Крижаничъ говоритъ по двумъ названнымъ вопросамъ, то его взгляды на окраинную политику выразятся въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) За вновь пріобрѣтенными окраинами должны быть сохранены привычныя для нихъ права и привилегіи. Покоренному народу должны быть сохранены жизнь, собственность и привычныя условія жизни. Въ крайнемъ случаѣ, часть жителей можетъ быть переселена во внутреннія провинціи [1]).

2) Главное значеніе окраинъ правительство должно видѣть въ томъ, что онѣ оберегаютъ границы государства.

[1]) Кромѣ ранѣе указаннаго см. еще II стр. 130.

3) На завоеванныхъ окраинахъ правительство является полнымъ хозяиномъ и можетъ распоряжаться тамъ такъ же свободно, какъ и въ коренныхъ провинціяхъ. Но оно не должно смотрѣть на нихъ, какъ на источникъ казенной прибыли, не должно отягощать ихъ излишними поборами.

4) Вся вообще окраинная политика должна отличаться искренностью и прямодушіемъ.

5) Правительство должно поддерживать и поощрять на окраинахъ людей порядка, преданныхъ своему новому отечеству.

6) Мѣстныя выборныя власти должны быть уничтожены и замѣнены людьми, назначенными отъ центральнаго правительства. Самоуправленіе на окраинахъ возможно лишь въ томъ смыслѣ, что замѣщаться должности будутъ исключительно мѣстными людьми.

7) Центральная власть должна внимательно присматриваться къ нуждамъ окраинъ. Весьма полезно для этой цѣли учрежденіе особаго органа центральнаго управленія, вѣдающаго окраинныя дѣла [1]).

Борьба за Малороссію привела Москву послѣдовательно къ войнѣ съ Польшей и съ Швеціей; естественно, что и Крижанича подробное разсмотрѣніе малороссійскаго вопроса должно было привести къ анализу отношенія Россіи къ этимъ двумъ государствамъ. Крижаничъ находитъ, что Польша для насъ болѣе опасный врагъ, чѣмъ Швеція. Швеція менѣе населенная страна, чѣмъ Польша, и больше удалена отъ Россіи; она больше нуждается въ продуктахъ русской промышленности, особенно—въ хлѣбѣ. Шведы искуснѣе поляковъ въ осадѣ крѣпостей, но зато поляки лучше ихъ сражаются въ открытомъ полѣ, а у насъ крѣпости лучше оборудованы, чѣмъ въ какой либо другой странѣ. Наконецъ, поляки до сихъ поръ имѣли подъ рукой союзниковъ въ лицѣ

[1]) Крижаничъ всѣхъ этихъ положеній и въ такомъ видѣ, конечно нигдѣ не выставляетъ. Они могутъ быть ему приписаны, только какъ общіе выводы изъ частныхъ его сужденій.

татаръ и козаковъ, а у шведовъ никакихъ союзниковъ нѣтъ [1]). Отсюда Крижаничъ дѣлаетъ выводъ, что намъ выгоднѣе дружить съ Польшей, чѣмъ со Швеціей. На вѣрность поляковъ, говоритъ онъ, никто никогда еще не жаловался, а шведы прекрасно показали свою вѣрность при Клушинѣ, когда во время самаго сраженія они перешли къ нашему непріятелю. Но если бы шведы и хотѣли оказать намъ помощь, то имъ это было бы трудно вслѣдствіе ихъ малочисленности. Шведы обѣщаютъ обучить насъ нѣмецкому военному строю, но этимъ они только приносятъ намъ вредъ, такъ какъ намъ больше подходитъ польскій строй. Въ случаѣ дружбы со Швеціей мы обезпечиваемъ безопасность лишь незначительной части нашихъ границъ, а при дружбѣ съ поляками, на-оборотъ, наши границы обезпечены на очень большомъ протяженіи. Шведы, вообще, враждебно настроены противъ русскихъ, поляки же, напротивъ, родственны намъ по своему языку и нравамъ, и потому, еслибы мы находились въ дружбѣ съ ними, можно было бы надѣяться, что когда нибудь польскій престолъ перейдетъ къ русскому государю. Эта дружба полезна также и самой Польшѣ, такъ какъ только въ союзѣ съ Россіей она можетъ избавиться отъ всѣхъ переживаемыхъ ею бѣдствій, особенно—отъ инородческаго засилія [2]). Поэтому Россія должна всѣми мѣрами стремиться къ вѣчному союзу съ Польшей. Такой союзъ, основанный на обоюдной выгодѣ, долженъ отличаться особой прочностью [3]). Отсюда видно, что Крижаничъ проповѣдовалъ идею, сторонникомъ которой изъ русскихъ былъ въ его время Орд инъ-Нащокинъ. Тотъ тоже стоялъ за союзъ съ Польшей и такъ же, какъ Крижаничъ, обвинялъ шведовъ въ вѣроломствѣ и въ непріязненныхъ чувствахъ къ Россіи. Нѣ-

[1]) I стр. 196; II стр. 82 и 118.

[2]) II стр. 197—198. Ср. также I стр. 90, II стр. 82, 116, 173.

[3]) I стр. 66: Ничто сему царству не можетъ быть полезнѣе неже крѣпокъ вѣчный завѣтъ учинить зъ Ляхми. Аще бо Ракусцы или Свѣды обладаютъ Литву или Ляшскую землю, ончасъ ихъ чемо имать враговъ, изъ пріятелей званыхъ. Ср. II стр. 194.

которая разница между ними — только въ исходныхъ точкахъ ихъ дипломатическихъ плановъ.Ординъ-Нащокинъ считалъ шведовъ исконнымъ и опаснымъ врагомъ Россіи и потому предлагалъ союзъ съ Польшей, а Крижаничъ предлагалъ этотъ союзъ потому, что Поляковъ считалъ сильнымъ врагомъ и этимъ путемъ думалъ сдѣлать ихъ менѣе опасными [1]. Но гораздо важнѣе обратить вниманіе не на различіе между ними, а на сходство. Именно, оба они въ мысли о союзѣ съ Польшей видѣли надежду скорѣйшаго и наиболѣе удовлетворительнаго, съ точки зрѣнія Россіи, разрѣшенія восточнаго вопроса. Это, по ихъ мнѣнію, придаетъ союзу съ Польшей особо важное значеніе. Крижаничъ говоритъ: „Ляхи суть были многократъ отъ папъ, отъ Нѣмецкихъ царевъ, отъ Бенетчановъ, отъ Вугровъ и даже отъ Персовъ прошены, да бѣху супроть Туркомъ завѣтъ съ тѣми народми учинили, али Ляхи николи и никаковымъ начиномъ нѣсуть ся дали напутить на таковъ совѣтъ и николи нѣсуть хотѣли оружія на Турковъ подвигать, но всегда суть зъ ними миръ и добро проразумѣніе держали. Владиславъ Ягайловичъ Литвинъ, Ляшскій и Вугерскій краль, бяше завелъ войну супроть Туркомъ; тогда пакъ Ляхи нѣсуть хотѣли зъ нимъ воевать, но онъ зъ едиными Вугры есть пошелъ на выправу. А за тѣмъ Ляхи отъ царя Османа подъ Хотимомъ нахаяны и потомъ того отъ Каракаша баши; все то есуть претерпѣли и терпятъ. Ономедне Владиславъ Жигимонтовичъ есть былъ завелъ войну супроть Прекопцемъ, али Ляхи суть го примарали оставить подвигъ. А что вяще, Ляхи безпречными Прекопскими наѣздми изобижены, уже предъ давными временми есуть докончали и въ законоставіе свое вписали: Прекопцевъ знесть или до конца затерть. А по всемъ томъ тоя своея ухвалы нѣсуть николи ни зачали въ дѣло заводить. Аще адда Ляхи когда учнутъ на Турковъ или на Прекопцевъ съ правды повстаять, здается быть знамя, еже ся тогда добро хочетъ поспѣшить наше дѣло“ [2]. Такимъ образомъ,

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи т. XI стр. 225—227.

[2]) II стр. 132.

несмотря на увѣщанія многихъ правительствъ и несмотря на то, что сами много терпѣли отъ набѣговъ крымцевъ, поляки до сихъ поръ не могли рѣшиться на открытую и рѣшительную войну ни съ крымцами, ни съ турками. Но теперь, по мнѣнію Крижанича, настало время, чтобы Россія взяла на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ и склонила Польшу къ наступательному союзу. Россія должна сказать Полякамъ: „О Ляхи браты, мы едни на другихъ изводимъ Прекопцевъ, ободвои на свою властную погибель. Ободвоихъ насъ они безпречно наѣзджаютъ, разбіяютъ, жгутъ, пустошатъ, въ плѣнъ безъ числа отважаютъ, а оберхъ всего того тяжкими податки насъ товарятъ. Уже имаютъ зъ насъ Татары все чесо коли суть искали. Вяще ничесо не желятъ. Не ищутъ бо въ нашихъ державахъ сами пребывать, но изъ нашего пота и корви жить; и сіе уже тако имаютъ, да болѣ имать не могутъ. Аще смо мужи, треба есть скинуть изъ себе сей яремъ и срамоту. Вы сами во своемъ законоставію имаете уставу учинить съ Прекопцы докончальную рать: ино за что того извершить нехаете?“ [1]). Только заключивъ союзъ съ Польшей, Россія можетъ приступить къ разрѣшенію восточнаго вопроса [2]). Самый же вопросъ этотъ представлялся Крижаничу въ слѣдующемъ видѣ.

Россіи нужно расти и расширяться. Но въ какомъ направленіи? На взглядъ Крижанича, не къ сѣверу, не къ востоку и не къ западу, а только къ югу. Вотъ его соображенія.

1) Въ отношеніи сѣверныхъ, западныхъ и восточныхъ народовъ, т. е. въ отношеніи поляковъ, нѣмцевъ, китайцевъ и др. у Россіи невсегда есть справедливый поводъ для войны, а въ отношеніи южныхъ народовъ т. е., главнымъ образомъ, татаръ (крымскихъ, ногайскихъ и другихъ) такой поводъ всегда есть, потому что они постоянно насъ тревожатъ.

2) У нѣмцевъ, поляковъ и литовцевъ много прекрасныхъ крѣпостей и отличное вооруженіе, у татаръ же крѣпостей

[1]) II стр. 129.

[2]) См. еще II стр. 138.

мало, а вооруженіе плохое, а потому побѣда надъ ними нетрудна.

3) Сѣверныя страны отличаются холоднымъ климатомъ, почва тамъ болотистая, неплодородная; нѣкоторыя изъ нихъ, кромѣ того, настолько удалены отъ коренной Россіи, что для того, чтобы удержать ихъ за собою, потребуется больше расходовъ, чѣмъ можно получить съ нихъ дохода. Между тѣмъ Крымъ и ногайскія страны отличаются богатствомъ природы.

4) Сѣверные народы ненавидятъ Россію и, будучи покорены, станутъ всячески стремиться вернуть себѣ независимость; и въ борьбѣ съ ними никто намъ не поможетъ. А въ Крыму много христіанъ, которые только ждутъ прихода русскихъ; и въ добываніи Крыма намъ помогутъ днѣпровскіе и донскіе козаки и поляки.

5) Россія много разъ уже вела войну съ поляками и литовцами и никогда не могла окончить ее съ честью для себя. Значитъ, такова воля Божія. А надъ татарами Господь всегда давалъ намъ побѣду: мы добыли Казань, Астрахань и Сибирь. Значитъ, можемъ и впредь надѣяться здѣсь на Божію помощь.

6) Если мы захотимъ, то можемъ со всѣми сѣверными народами имѣть миръ, и потому воевать съ ними нѣтъ основанія [1]).

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, Крижаничъ полагаетъ, что Россія должна, насколько это отъ нея зависитъ, поддерживать мирныя отношенія со всѣми народами, а воевать съ одними татарами. Не на сѣверъ и не на западъ должны быть направлены политическіе планы Россіи, а на югъ. Къ сожалѣнію, русская политика невсегда это сознаетъ, невсегда отдаетъ себѣ отчетъ, кто истинный врагъ Россіи, и кто долженъ быть ея другомъ: „тамо ищемъ рати, гдѣ имаемъ становитъ миръ, и спящихъ песъ возбужаемъ. А гдѣ бысмо морали непокойному врагу храбро оружіемъ опрѣться, тамо

[1]) II стр. 117—118.

ся волимъ дарми откуповать и безпречна разбойства и опущенія терпѣть и земли пашія малие все благо безбожному врагу отдавать, а свой народъ на гладъ и на отчаяніе пригнаять" [1]). Но настало время измѣнить русскую политику и направить все свое вниманіе и всѣ свои силы на исконнаго врага. Съ крымскими ханами у насъ не можетъ быть никакого союза и никакихъ договорныхъ отношеній. Несмотря на постоянные и щедрые подарки, они безпрестанно тревожатъ насъ своими набѣгами и грабежами; они уничтожили совсѣмъ торговлю Россіи съ греками: они и другимъ народамъ причинили много зла: полякамъ, венграмъ, шведамъ и другимъ [2]). Преподобный Петръ митрополитъ [3]) запретилъ воевать съ татарами, но велѣлъ откупаться отъ нихъ подарками; но такое подчиненіе позорно, и настало уже время, когда Господь откроетъ „умныя очи" нѣкоему христіанскому государю, чтобы онъ совершилъ свой судъ надъ ними и сбросилъ татарское иго. Теперь уже не слѣдуетъ бояться татаръ: мы и прежде ихъ побѣждали, а теперь насталъ конецъ ихъ владычеству. Уже почти пять вѣковъ господствуютъ они надъ народами, а у себя дома пользуются полнымъ спокойствіемъ: въ этомъ виденъ особый Божій Промыслъ, пославшій бичъ на христіанскіе народы, и нужно думать, что, если какой государь пойдетъ на нихъ рѣшительной войной, онъ только предугадаетъ „Божій разлогъ" и одолѣетъ ихъ [4]). Поэтому Крижаничъ смѣло обращается съ воззваніемъ къ Алексѣю Михайловичу: „Милостивый царю, настой ты всякими способми миръ вѣчный охранять со сѣверными, западными и возточными народми, то есть, зъ Ляхми, зъ Литовцы, со Свѣдми, зъ Бухарми, съ Китайцы, зъ Даурми, зъ Багдойми, съ Калмыкми и зъ осталными и своего воинства околъ нихъ никакого не забавляй; но всія своя силы обрати на добываніе Прекопскія державы. И сія

[1]) Тамъ же стр. 119
[2]) I стр. 374; II стр. 83, 126—127.
[3]) Первоначально у Кр. было Алексѣй, но потомъ измѣнено.
[4]) II стр. 123, 82, 125, 126, 131, 132—133.

дума да будетъ отайна, и никому изъ самихъ думниковъ, развѣ наивѣрнѣему, знана. И аще бы Богъ тебѣ господарю не далъ сего дѣла совершить, сыномъ своимъ пречеститымъ сіе остави въ заповѣдехъ на извершеніе“ [1]). Крижаничъ разсматриваетъ подробно тѣ пріемы, при помощи которыхъ татары до сей поры одолѣвали европейскіе народы, и пользуется этимъ для составленія своего плана войны съ ними. Война должна быть непремѣнно наступательная, а никакъ не оборонительная, потому что татары умѣютъ только нападать, а обороняться совсѣмъ не умѣютъ; нужно избѣгать сраженій въ открытомъ полѣ и нападать на нихъ въ тѣсныхъ мѣстахъ,—у рѣки, въ лѣсу и т. п.; нужно для войны съ ними приспособить и вооруженіе [2]). А когда мы побѣдимъ крымцевъ, съ ними не слѣдуетъ поступать такъ, какъ принято поступать со всякимъ другимъ врагомъ. Они захватили чужую христіанскую землю, они гнали Христову вѣру, поэтому съ ними нужно поступить, какъ со врагами Христа, какъ „учинилъ Хиспанскій краль Мавромъ и Жидомъ, коихъ есть прогналъ изъ Хиспанскія земли“. И татаръ нужно изгнать совсѣмъ изъ Европы, а земли ихъ заселить разными народами; только — прибавляетъ вѣрный себѣ Крижаничъ — „Нѣмцемъ ни въ каковомъ мѣсту не дать стана: або Нѣмцы учинили бѣху ся господари приморскимъ градомъ и пристанomъ“ [3]). Сюда же, въ Крымъ онъ предлагаетъ перенести и царскую столицу [4]).

Но Крижаничъ не скрываетъ отъ себя, что война съ Крымомъ — дѣло очень трудное. Поэтому онъ настаиваетъ на томъ, что приступать къ ней слѣдуетъ не прежде, какъ будутъ закончены всѣ внутреннія реформы,—когда Россія будетъ сильна внутри, когда населеніе будетъ пользоваться полнымъ благосостояніемъ, когда и чужіе народы будутъ

[1]) II стр. 120.
[2]) II стр. 128—129.
[3]) II стр. 130—131.
[4]) II стр. 119.

почитать за счастіе—вступить въ число ея сыновъ [1]. Только въ полномъ обладаніи своимъ могуществомъ и только въ союзѣ съ Польшей Россія можетъ рѣшиться на такое большое дѣло. Главная опасность, которая кроется въ Крымской войнѣ, это — столкновеніе съ Турціей; ибо она непремѣнно вступится за крымскаго хана, отчасти какъ за своего вассала, отчасти чтобы помѣшать Россіи укрѣпиться на Крымскомъ полуостровѣ. „Прекопцы, говоритъ Крижаничъ, имаютъ завѣтъ съ Турки, и не можемъ ихъ мы задрѣть да бѣху имъ Турки на помочь не пришли“ [2]). Но и эта опасность его не останавливаетъ: если турки пойдутъ сухимъ путемъ, имъ не миновать Украйны, а тамъ встрѣтятъ ихъ поляки; если же они пойдутъ въ обходъ, по восточному берегу Чернаго моря, то противъ нихъ выступятъ черкесы и даже персы. Лучшимъ же союзникомъ нашимъ явятся русскіе морозы, къ которымъ не привыкло ни турецкое войско, ни турецкія лошади [3]). Крижаничъ не сомнѣвается въ побѣдѣ надъ турками и даже въ завоеваніи Царьграда [4]). Война съ Турціей для него есть обязанность, лежащая на христіанскихъ народахъ: „Праведна причина войны христіаномъ есть супроть онымъ мухаметовцемъ, кое суть завладали христіанскими державами и разорили святыя церкви и проганяютъ имя Христово. Христіаны адда могутъ праведно воевать супроть враговъ своего Бога и краля всѣхъ кралевъ Христа“ [5]). Россія должна стать на защиту христіанства и христіанскихъ народовъ, и освободить

---

[1]) II стр. 130: Ничесо же не зачинать зъ ними, первле неже би царь господарь новымъ законоставіемъ народовъ себѣ пріохотилъ, ильти пріязнивыхъ и доброхотныхъ учинилъ. О пречеститый царю, да бы ты сіе нового законоставія оклицаніе учинилъ, рады и веселы бѣхуся поддали разны народы твоему кроткому и щедрому владанію, яко суть ся древѣ поддавали Александру.—Ср. стр. 139—140.

[2]) II стр. 131.

[3]) Тамъ-же.

[4]) I стр. 358.

[5]) II стр. 108. Также стр. 133: Мы идемъ на Прекопцевъ, битье и отмещать имъ обиды, коя они чинятъ святымъ церквамъ и имени Исуса Христа Бога и откупителя нашего.

ихъ отъ турецкаго ига. О побѣдѣ православной Россіи надъ полумѣсяцемъ и о паденіи Константинополя говорятъ и всѣ пророчества. „Язъ есемъ читалъ, говоритъ Крижаничъ въ нѣкоихъ книжицахъ, надписаныхъ сице Zawada Kola Polyskogo, а имя писателево есть замолчано. Тамо пишетъ, еже Турецкій царь Сулиманъ во своей духовной есть написалъ и своимъ дѣтемъ и всѣмъ Туркомъ наказалъ: да бѣху ся опасали отъ сѣверныхъ народовъ, отъ Русаковъ и отъ Ляховъ, и да бѣху николи зъ ними задоровъ не чинили и рати не заводили, або де туркомъ отъ оного народа имаетъ прить разореніе. Друго объ туркехъ предобвѣщеніе есть у турковъ верло славно. Повѣдаютъ Турки, яко да бы Махометъ былъ предобвѣстилъ, еже де его Махометово кралество имаетъ стоять тысуче годовъ; ино той де срокъ уже есть преминулъ, дабы ся имало было скончить наше кралество, али Богъ для христіанскихъ грѣховъ продолжаетъ намъ срока. Они же велятъ, еже имаютъ быть згромлены и разорены отъ нѣкоего народа, али не повѣдаютъ простымъ людемъ, нить христіаномъ, отъ коего. Токмо для ради утѣхи и на укрѣпленіе своея окаяныя ереси въ простыхъ людехъ рѣчь ся носитъ, яко да бѣху отъ Татаръ Турки имали быть згромлены. Али письменны ниховы люди инако говорятъ. А Греки во своихъ книгахъ написано имаютъ и повѣдаютъ сицево пророчество. Когда де есуть Турки Цариградъ завзяли, прекапали суть старые царскіе гробы и на гробномъ камену царя Константина, на изподнемъ лицу нашли суть изрыта нѣкая слова невыразумно писана и токмо на половину изъявляюща рѣчи, а Геннадій патріархъ есть она слова изтолмачилъ. Межь осталными рѣчми есть написано сице: „А русый народъ хочетъ прить и Измаила (то есть Турковъ) всего разорить“. Сей народъ русый, то есть имаючь русые власы, общено толмачатъ и разумѣютъ всѣ быть Русаковъ, Ляховъ и всѣхъ Словенцевъ. Ины бо Европски народы имаютъ или совершено черные или совершено румяные, жолтые, бѣлые власы. А зъ насъ Словенцевъ никто нѣмаетъ совершено черныхъ, румяныхъ либо жолтыхъ власовъ, но

всѣ имаемъ русые власы". Приведя, затѣмъ, извѣстіе о томъ, какъ въ Испаніи исполнилось подобное же пророчество объ изгнаніи мавровъ, Крижаничъ продолжаетъ: „Сподобно есть истинѣ, еже и сія выше намененая предугадка по Божіемъ допущенію есть учинена, на то дабы ся Туркомъ предобвѣстило нихово кажненіе, кое суть заслужили, трапячь и изобижаючь многіе народы. И сіе есть годно памяти: Турскі крали есуть много воевали зъ Грекми, съ Персми, зъ Египчанми, зъ Вугры, зъ Нѣмцы и зъ иными народми. Али не вяще неже два крали есуть отъ чужихъ народовъ згинули. Баязитъ, при Темиру Татарину ухваченъ, самъ ся есть уморилъ. А Мурата есть Сербинъ князь Милошъ Кобиличь ножемъ проболъ. Оберхъ того Сулимана Херватъ князь Микула Зринскій есть присилилъ вяще отъ яда и отъ сердитости, неже отъ немочи умрѣть. А Османа суть негови властны стрѣльцы задавили, за то, что ихъ есть былъ извелъ супротъ Ляхомъ. Сице тримъ турскимъ кралемъ смерть есть пришла отъ словенского народа". Далѣе Крижаничъ приводитъ пророчества о томъ, что послѣднимъ турецкимъ султаномъ будетъ царствовавшій въ его время Магометъ IV [1]). Мы знаемъ, что Крижаничъ не вѣрилъ этимъ пророчествамъ и считалъ ихъ пустыми баснями, не имѣющими никакого историческаго значенія [2]). Этимъ самымъ онъ, конечно, подрывалъ въ сильной степени значеніе своей политической программы. Ибо, съ одной стороны, онъ стоялъ за разрѣшеніе восточнаго вопроса, и притомъ—вооруженной силой, и требовалъ, чтобы Россія взяла на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ, а съ другой стороны, отрицая пророчества, онъ лишалъ этотъ вопросъ его идеологической стороны, безъ которой война за освобожденіе Царьграда теряла для Россіи всю свою обаятельность. Но Крижаничъ находитъ выходъ изъ этого положенія: „Язъ турскимъ баснемъ вѣры не даемъ. Али

[1]) II стр. 133—135. Ср. челобитную 1676 года (Бѣлокуровъ, назв. соч. стр. 178).

[2]) Выше, глава VI.

вѣдь и сіе, и оно греческое пророчество пѣсть некорыстно. Во время бо выправы повалныя полезно бы было нашему воинству такова пророчества обвѣщать, али зъ разборомъ" [1]). Онъ не вѣритъ пророчествамъ, но считаетъ ихъ полезными для дѣла. Распространеніе ихъ въ войскѣ, особенно во время похода, подниметъ духъ его и будетъ содѣйствовать успѣху всего предпріятія.

Таковъ планъ разрѣшенія восточнаго вопроса, предлагаемый Крижаничемъ. Существенными чертами его являются: окончаніе внутреннихъ преобразованій, союзъ съ Польшей и послѣдовательное нападеніе на Крымъ и Турцію. Въ литературѣ, посвященной Крижаничу, этотъ планъ очень часто разсматривается, какъ мысль, по существу, католическая [2]). Но едва-ли это вполнѣ вѣрно. Надобно различать проекты европейской коалиціи противъ турокъ и проектъ союза между двумя только государствами: Россіей и Польшей. Проекты перваго рода можно съ большимъ правомъ назвать католическими, потому что въ осуществленіи ихъ должны были принять участіе всѣ католическіе государи Европы; при этомъ предполагалось обыкновенно верховное руководительство такой коалиціей вручить папѣ. Русскимъ государямъ много разъ предлагали вступить въ такую коалицію, но они всякій разъ неизмѣнно отвѣчали отказомъ [3]). Иногда участниками въ союзѣ противъ Турціи предполагали пригласить и татаръ [4]). Такого рода планъ европейской коалиціи съ участіемъ Россіи развивалъ Крижаничъ въ своей запискѣ 1641 года. Тамъ онъ говорилъ о помощи именно „западныхъ государей" (principi occidentali), тамъ предлагалъ себя въ послы къ „католическимъ государямъ" (principi

[1]) II стр. 121.

[2]) См. напр. Бережкова: Планъ завоеванія Крыма. Спб. 1891, стр. 66.

[3]) С. Жигаревъ. Русская политика въ восточномъ вопросѣ, т. I, Спб. 1896 стр. 67, 77, 79 и друг.—Ѳ. Успенскій. Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ, 1887, стр. 33, 43, 45.

[4]) П. Пирлингъ. Россія и Востокъ, Спб. 1892, стр. 102 и слѣд.

cattolici) и откровенно соединялъ съ этимъ мысль о заключеніи уніи [1]). Но въ послѣдующихъ трудахъ Крижанича этотъ планъ является уже въ другомъ видѣ. Правда, онъ и потомъ продолжаетъ утверждать, что для успѣха своей внѣшней политики и, въ частности, для успѣшнаго разрѣшенія восточнаго вопроса Россія должна прекратить церковный раздоръ и раздѣленіе [2]). Но, во-первыхъ, прекращеніе церковнаго раздора онъ считалъ необходимымъ не только для успѣха въ войнѣ съ турками, но и для устройства внутреннихъ дѣлъ, а во-вторыхъ — здѣсь уже нѣтъ рѣчи о союзѣ западныхъ, или католическихъ государей, здѣсь Крижаничъ говоритъ о союзѣ съ одной только Польшей. Такой союзъ предлагалъ еще Іоаннъ Грозный въ 1558 году Сигизмунду-Августу, такой союзъ предлагали въ 1646 г. королю Владиславу послы царя Алексѣя Михайловича, условіе о совмѣстныхъ съ Польшей дѣйствіяхъ противъ татаръ и турокъ включено было и въ Андрусовскій мирный договоръ [3]). Какъ сказано уже, сторонникомъ наступательнаго союза съ Польшей противъ турокъ былъ и Ординъ-Нащокинъ. Едва-ли

[1]) См. Бѣлокуровъ, назв. соч., Прилож. стр. 106.

[2]) См. Толк. истор. пророч.: И преизвистно была бы юже Литва и Польска за великими государми русскими, аще не бы церковны раздоръ начил. И не было бы многих ни древньих ни свижих војен, ни корволитя сего, въ ньемже јест тулико сот тисящь невинних душ от меча погинуло и въ бусурманску работу отведено... И въ ратних и въ торговних дѣлех не терпил бы от Нимцев и от Кримцев туликих нестерпиих срамот и убытков, како ниие терпит. (Собр. соч. вып. II стр. 54—55). Ср. II стр. 140: Tria enim sunt impedimenta, quae hactenus impediverunt et retinuerunt Sclavinicum hoc regnum, ne faceret progressus ad gloriam: 1) maledictum et a Deo destructum nomen et maledicta insignia Romana; 2) fissura ecclesiae et, quae exinde provenit, intestina gentis discordia; 3) xeneugenia, xenarchia, xenominia et omnis alia fedissima multiplexque nostra xenomania. — Но можетъ быть, что здѣсь Крижаничъ имѣетъ въ виду и расколъ, порожденный реформами Никона.

[3]) См. Бережковъ, назв. соч. стр. 22; Соловьевъ, Ист. Россіи, т. X стр. 135, XI стр. 254-255; Сборн. Имп. Р. Ист. Общ. т. 59, стр. 539; Е. Карповичъ, Собр. узак. Русск. госуд., стр. 653.

планъ, сторонниками и даже иниціаторами котораго было столько русскихъ людей, можно назвать католическимъ [1]). Нельзя упрекать Крижанича и въ томъ, что онъ навязывалъ Россіи чуждые ей политическіе планы. Справедливо, что послѣдующая исторія доказала, что не только война съ Турціей, но и „занятіе Крымскаго полуострова было дѣломъ весьма сложнымъ и труднымъ" [2])—можетъ быть, болѣе труднымъ, чѣмъ предполагалъ Крижаничъ. Справедливо также, что союзъ православной Россіи съ католической Польшей исторически оказался невозможенъ. Но послѣдующая русская исторія, начиная съ крымскихъ походовъ кн. В. В. Голицына и азовскихъ походовъ Петра Великаго и кончая русско-турецкой войной 1877—1878 гг. еще сильнѣе доказала, что Россія, дѣйствительно, имѣетъ тяготѣніе къ югу, и что защита христіанскихъ народовъ отъ турецкаго ига составляетъ одну изъ ея историческихъ задачъ. Наконецъ—и на это слѣдуетъ обратить особое вниманіе—планъ, предложенный Крижаничемъ, принципіально отличается отъ т. н. католическихъ проектовъ по своему взгляду на самое содержаніе восточнаго вопроса. А именно: составители различныхъ проектовъ европейской коалиціи конечной цѣлью своею ставили изгнаніе турокъ изъ Европы, для Крижанича же вопросъ заключается не въ этомъ, а въ дальнѣйшемъ устройствѣ страны, населенной различными народностями, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои особенныя симпатіи и антипатіи [3]). Иначе говоря, для составителей католическихъ проектовъ восточный вопросъ стоитъ совершенно особнякомъ

[1]) Скорѣе можно обвинять въ этомъ Бориса Годунова, который въ письмѣ къ Елизаветѣ Англійской предлагалъ ей войти въ союзъ всѣхъ европейскихъ государей противъ Турціи. См. Жигаревъ, назв. соч. стр. 80.

[2]) Брикнеръ, Юрій Крижаничъ въ восточномъ вопросѣ. Др. и Нов. Россія 1876, № 12, стр. 389.

[3]) На это различіе указалъ еще П. Ровинскій въ статьѣ „Россія и Славяне Балканскаго полуострова", Др. и Нов. Россія 1878, № 2, стр. 147.

и въ самомъ себѣ заключаетъ свой смыслъ, для Крижанича же онъ имѣетъ смыслъ только по связи его съ славянскимъ вопросомъ т. е. съ вопросомъ о дальнѣйшей судьбѣ славянскихъ народовъ. Поэтому и окончательную оцѣнку его плановъ разрѣшенія восточнаго вопроса можно сдѣлать, только познакомившись съ его взглядами на судьбу славянства [1]).

Крижаничъ такъ изображаетъ исторію славянскаго племени. „Когда бяше пришла полность времена и зрѣлость грѣховъ, дабы ся было Римское царство разорило, возбудилъ е Богъ разныхъ народовъ, Готовъ, Вандаловъ, Херуловъ, Логобардовъ, Вугровъ и насъ Словенцевъ, и учинилъ е, да суть всѣ напали, яко кобылицы, на Римское господство. Въ оно адда время (за царевъ Маврикія, Фоки и Юстиніана) есуть наши предники изъ Руси зашли за Дунай и обладали Болгарскую, Сербскую и Херватскую землю. Не по своей крѣпости, но по Божіемъ посланію; на помещеніе римлянскихъ и грецкихъ прегрѣхъ есуть оными странами завладѣли. Али никакова добра ряда нѣсуть держали, и згоды межу собою нѣсуть имали, и за то въ скору суть добывеное господство згубили и инымъ народомъ подъ область упали. Другій дѣлъ Словенского народа есть пребывалъ околъ Нѣмецкого моря, въ Поморію, и въ Ляской, въ Слезской, въ Ческой и въ Муравской земляхъ. Али и тѣ для великого своего незгодія и для общенія и сватанія зъ Нѣмцы есуть упали въ Нѣмецкую область и въ срамотну работу и понѣмчили суть ся, тако да сада нѣсуть нить Словенцы, нить Нѣмцы. И потомъ отогнали суть насъ Нѣмцы изъ Поморскихъ, Прусскихъ и Ливонскихъ градовъ и отъ всего оного сада Нѣмецкого, а древѣ Словенского моря. Потомъ того грѣхми нашими причиняющими есмо были презнаменито скажнены повальнымъ дивіего народа погромомъ. Татары

[1]) Взгляды Крижанича на восточный вопросъ разсматриваютъ еще: Leger, Le Monde slave P. 1873 стр. 308 sqq.; Брикнеръ въ ст. въ Журн. М. Н. Пр. за 1891 г. Ѳ. Успенскій (назв. соч. стр. 58) указываетъ, что такъ именно понимали восточный вопросъ въ Россіи уже въ XVI столѣтіи.

чушь суть Рускую и Ляскую землю люто опустили и погромили и долго изобижали и еще по нѣкулику изобижають. И тѣмъ есть народъ круто утраплень и на тѣсно пригнанъ былъ. Потомъ того пришло е время, да бѣху и татарски грѣхи зъ нѣкулико кажнены, и охолость нихова по нѣкоемъ дѣлу дабы утомлена была, да бѣху Руского и Ляского народа въ конецъ не изкоренили; и тогда е далъ Богъ срѣчу кн. Димитрію Ивановичу Донскому и послѣе царю Ивану Василіевичу, да суть выбили Татаръ изъ Руси, Казани, Астрахани и Сибири. Ино сице по Божіей милости опять есмо разширены. Али въ оно же исто время, въ кое смо ся къ востоку потягнули, отъ запада смо ся скерчили; або суть насъ Нѣмцы прогнали (не силою, но облудами) отъ всего брега Варяцкого моря и отъ много згодныхъ и потребныхъ пристановъ. А народъ, кій е за Дунай зашелъ, уже е свой языкъ згубилъ; и владателевъ Словенского народа нигдѣ вяще нѣсть, неже овдѣ на Руси" [1]). Отсюда видно, что исторія славянъ есть исторія постепеннаго подчиненія ихъ чужимъ народамъ. Вначалѣ, при первомъ появленіи своемъ на аренѣ исторіи славяне были сильны и наводили страхъ на всѣ народы. Но мало по малу они утратили и свою силу, и свою политическую самостоятельность. Что было причиной этого? По мнѣнію Крижанича, два обстоятельства: во-первыхъ, отсутствіе согласія и порядка среди славянскихъ племенъ и, во-вторыхъ, склонность славянъ ко всему иностранному. Взаимной враждой, господствующей между славянами, и чужебѣсіемъ ихъ воспользовались нѣмцы и турки, чтобы подчинить ихъ своему господству Турецкое иго, на взглядъ Крижанича, менѣе тягостно и менѣе позорно, чѣмъ нѣмецкое: турки побѣдили славянъ оружіемъ, а нѣмцы хитростью; турки держатъ въ рабствѣ одно тѣло, а нѣмцы и душу [2]). Въ подчиненіи у нѣмцевъ славяне потеряли свои старинныя земли, свои государства, самымъ жалкимъ образомъ прислу-

---

[1]) II стр. 114—115. Ср I стр. 179.
[2]) Напр. I стр. 196.

живаютъ другимъ народамъ, языкъ свой забыли, а многіе до такой степени забыли и свою свободу, что уже не замѣчаютъ своего унизительнаго рабства [1]). Одинъ только русскій народъ сохранилъ и языкъ свой, и силу, и политическую независимость: „А днеска единъ Рускій удѣлъ, говоритъ Крижаничъ, по Божіей милости, живетъ подъ тобою Царемъ и Господаремъ своего языка, а остальны всѣ Словенцы есуть подвержены чужимъ народомъ" [2]). На русскій то народъ или, вѣрнѣе, на русскаго царя и возлагаетъ Крижаничъ всѣ надежды Славянства. Съ такими словами обращается онъ къ Алексѣю Михайловичу: „На тебе единого, о пречеститый царю, есть спало смотрѣніе всего народа Словенского. Ты, яко отецъ, изволи носить скорбь и чинить промыселъ на разсыпаныхъ дѣтей, да ихъ соберешь. Носи скорбь на манеяыхъ и чужими лестми облуженыхъ, да имъ разумъ привернешь, яко е евангельскій онъ отецъ учини згубленому сыну. Многи бо изъ нихъ тако суть чародѣйскимъ нѣкоимъ напоемъ (будто Киркинымъ стоканомъ) збѣшены и въ скотское уроженіе претворены, да и нужь своихъ прелютыхъ не чуютъ, коя терпятъ отъ инородниковъ, и остыды окаяныя не познаваютъ, но радуютъ ся въ ней и сами ея ищутъ, то есть еже инородныхъ господаревъ и кралевъ сами на ся запрашаютъ. Ты, реку, единъ, о царю, сада намъ еси отъ Бога данъ, да и Задунайцемъ, и Ляхомъ, и Чехомъ пособишь, да учнутъ познавать утиски и остуды своя и объ освѣтлѣнію народа промышлять и Нѣмецкій яремъ изъ вратовъ змѣтать" [3]). Чего же ожидаетъ Крижаничъ отъ царя Алексѣя Михайловича—военной и политической помощи или

---

[1]) О Промыслѣ, стр. 86—87: Omnes enim alienis gentibus misere serviunt et linguam nativam perdiderunt, alienas autem non dedicerunt atque ita nihil pene loqui sciunt et a ceteris gentibus idcirco ad instar brutorum pecorum censentur et in nullo pretio habentur. Antiquitus autem formidabiles erant Graecis nostri maiores et multa eis negotia fecerunt. . . (По изд. Безсонова). Ср. II, стр. 2, 186, 290.

[2]) II, стр. 2; ср. стр. 5 и 9.

[3]) II стр. 115.

одного только содѣйствія культурному подъему? И какую роль среди славянскихъ народовъ предназначаетъ Крижаничъ Россіи? Онъ самъ это прекрасно объясняетъ. „Задунайски Словенцы (Болгары, Сербы и Херваты) уже давно, говоритъ онъ, есуть згубили не лихо кралество, но и силу всю, и языкъ, и весь разумъ; тако да уже и не разумѣютъ, что есть честь или прецѣнба, и не думаютъ объ ней, и сами отъ себе никако ся могутъ помочь, но извонска сила имъ есть потребна, да бѣху могли опять на ноги повстать и въ число народовъ ся поставить. Ты, царю, аще имъ не можешь въ садашне тѣсно время къ совершеной поправѣ пособить, нить кралества оного къ первому бытію привесть и устроить, можешь кончѣе языкъ словенскій въ книгахъ изправить и освѣтлять и пригодными разумными книги онымъ людемъ умные очи открыть, да учнуть, яко смо рекли, честь познавать и объ своемъ возстаненію думать“. Отсюда видно, что по обстоятельствамъ времени Крижаничъ считалъ неудобнымъ требовать отъ Россіи для названныхъ славянскихъ народностей политической и военной помощи [1]). По его мнѣнію, она можетъ только содѣйствовать ихъ культурному подъему, а Крижаничъ надѣется, что этотъ подъемъ возбудитъ въ нихъ національное сознаніе, подъ вліяніемъ котораго они, быть можетъ, сами поднимутся, чтобы вернуть себѣ политическую независимость. Иное дѣло — Польша. Поляки сохранили свое государственное бытіе, но престолъ польскій сталъ предметомъ искательства со стороны другихъ народовъ, и помощь Россіи имъ нужна, чтобы освободиться отъ чужевладства [2]). Наконецъ, Крижаничъ говоритъ о за-

[1]) См. по этому вопросу назв. статью Брикнера въ Др. и Нов. Россіи.

[2]) Объ этомъ см. выше. Кромѣ того, II стр. 116: хочьти ся Ляхи хвастаютъ облудною кралества сѣнію и распустными своими слободами, ничто не менѣ міру есть знано, еже Ляхи никако изъ своихъ нужъ и срамотъ сами себѣ пособить не могутъ, но извонскій посилокъ имъ есть потребенъ, да ся на ноги поставятъ и къ предней чести да придутъ. Сей посилокъ, поправу и народное освѣтляніе ты, царю, (зъ Божіею милостію) можешь лехко Ляхомъ учинить токмо аще зъ ними едно крѣпко завѣщаніе учинишь.

падныхъ славянахъ: „А объ Поморской, Слезкой, Ческой и Муравской земляхъ и объ приморскихъ градехъ, объ Хамбургу, Любеку, Гданску, Ригѣ и объ иныхъ тамошнихъ, кои суть нѣгда давно Словенски были, намъ ся кажетъ суе и даромно дѣло быть мыслить объ добыванію оныхъ державъ. Замѣтить есть годно, еже верло рѣтко ся удаетъ, дабы ся кій народъ опять повернулъ къ онымъ державамъ, коя е когда сгубилъ, а навластито, аще суть сильному непріятелю въ руки упали. Адда и намъ Словенцемъ есть совѣтно заверчь прочь думы объ Варяского моря державахъ и пристанехъ. А супроть тому сіе время здается быть прилично, да ся (зъ Божіею помощію) ширимъ къ Черному морю и къ его брегомъ и пристаномъ много корыстнѣимъ и потребнѣимъ отъ Варяскихъ. Уже бо Крымски Татары вяще отъ 400 годовъ въ великомъ счастію пребываютъ, а всѣхъ народовъ кругомъ неустайно изобижаютъ. За то ся кажутъ зрѣла быть нихова злодѣйства, и пришло быть время, да ся понизитъ тулика охолость и разбойство“ [1]). Въ отношеніи этихъ славянъ Крижаничъ считаетъ несбыточной мечтой думать о возвращеніи когда то принадлежавшихъ имъ земель. Ихъ земли, въ томъ числѣ—и берега Балтійскаго моря для нихъ потеряны навсегда. Взамѣнъ этого Крижаничъ предлагаетъ имъ направляться къ берегамъ Чернаго моря и занять земли, принадлежащія крымцамъ. Здѣсь, слѣдовательно, славянскій вопросъ тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается съ восточнымъ вопросомъ, ибо завоевавъ Крымъ и, можетъ быть, отвоевавъ кое-что у Турціи, Россія оставитъ пріобрѣтенныя ею земли не въ своемъ исключительномъ обладаніи, но дастъ ихъ и своимъ братьямъ-славянамъ, которыхъ судьба и исторія обдѣлили [2]). Это пожертвованіе добытой своею кровью

---

[1]) II стр. 115—116.

[2]) Ср. II стр. 131: А обладавши землю, аще хочемъ совершено и обстойно обдолѣніе имать, треба бы единымъ Русомъ, Ляхомъ и Словенцемъ всѣмъ дать слободу жить въ градехъ приморскихъ и твердыхъ.

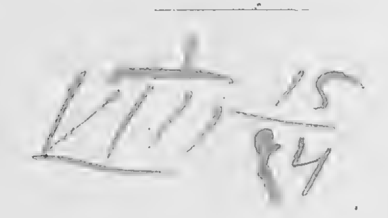
земли будетъ совпадать и съ ея собственными высшими интересами.

Такъ понимаетъ Крижаничъ славянскій вопросъ. Онъ понимаетъ его, какъ вопросъ о возстановленіи культурной и политической самобытности славянъ, а разрѣшеніе его онъ видитъ въ тѣсномъ общеніи всѣхъ славянскихъ народностей подъ верховной гегемоніей Россіи. Россія должна взять на себя содѣйствіе, сначала, культурному и національному подъему славянъ, а затѣмъ, и возстановленію ихъ государственнаго бытія. На себя лично Крижаничъ беретъ возбужденіе въ Славянствѣ и, особенно, въ Россіи національнаго самосознанія. И нужно сказать, что, хотя сознаніе единства съ другими славянами было въ русской литературѣ и до Крижанича [1]), но только у него оно достигаетъ своей полной ясности и силы. И это оттого, что для него славянское единство и возрожденіе Славянства составляетъ основную идею всего его міросозерцанія, всей его философской и политической системы. Исходной точкой этой системы является глубокая вѣра въ Промыслъ Божій, который все устрояетъ ко благу и даже ошибками и грѣхами людей пользуется, чтобы дать торжество высшей справедливости. Намѣстникомъ Божіимъ на землѣ является монархъ. Поэтому монархія есть лучшая изъ всѣхъ форма государственнаго устройства: при ней проявленія злой воли человѣка меньше всего имѣютъ силу, въ ней получаетъ свое осуществленіе и истинная гражданская свобода. Наилучшее выраженіе монархіи видимъ въ Россіи. Но идея монархіи затемнена въ ней многими несовершенствами и недостатками. Когда, по волѣ русскаго царя, эти несовершенства и недостатки будутъ исправлены, и, главнымъ образомъ, когда Россія побѣдитъ въ себѣ свойственную ей, подобно всѣмъ славянскимъ народамъ, склонность къ чужому, къ иноземному, когда окрѣпнетъ въ ней истинное національное сознаніе, тогда окрѣпнетъ и она

---

[1]) См. А. Пыпинъ. Обзоръ русскихъ изученій славянства, В. Евр. 1889 Апр.—Май.

сама. Тогда, заключивъ союзъ съ единственнымъ, кромѣ нея, славянскимъ государствомъ, Россія двинется на борьбу съ исламомъ и, побѣдивъ его, освободитъ и устроитъ своихъ славянскихъ братьевъ [1]). Въ этомъ назначеніе Россіи, въ этомъ же и смыслъ всего міросозерцанія Крижанича.

[1]) Съ этимъ моментомъ Крижаничъ, повидимому, связывалъ свои мечты о соединеніи Церквей, а слѣдовательно и о религіозномъ единствѣ славянскихъ народовъ. См. Толков. ист. пророч., стр. 182, 184. (Собр. соч. вып. II стр. 51—52).

Того-же автора:

1. Законъ и право въ философіи Гоббеса. Спб. 1900, ц. 2 р.

2. Щербатовъ о Петрѣ Великомъ. Спб. 1903, ц. 50 к.

3. О преподаваніи законовѣдѣнія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1905 (распродано).

4. Законовѣдѣніе. Руководство для среднихъ уч. заведеній. Изд. 2-ое, Спб. 1911, ц. 1 р.

5. Краткій учебникъ торговаго права. Изд. 5-ое Спб. [illegible] 75 к.

Цѣна 2 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина,**
Спб. Екатерининская ул., 4.